Нижегородский Музей · 27

человек · культура · общество

2014

Нижегородский Музей · 27
человек культура общество

Лауреат премии
Нижнего Новгорода
2013 года

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

2014

Учредители:

Региональная общественная организация «Нижегородский центр поддержки и развития музеев»
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижегородское отделение Академии гуманитарных наук Российской Федерации

Издатель:

Региональная общественная организация «Нижегородский центр поддержки и развития музеев»

Редакционная коллегия:

Главный редактор Т.И. Ковалева
Заместитель главного редактора Л.И. Помыткина
Ответственный секретарь П.А. Семенов
Редактор Л.Г. Чандырина
Л.И. Шиян

Редакционный совет:

Л.В. Ведерникова — зам. директора музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Е.В. Воронова — зав. выставочно-информационным отделом Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
Н.В. Колесникова — директор музея ОАО «ГАЗ»
А.А. Кузнецов — проректор по учебной и воспитательной работе ННГУ им. Н.И. Лобачевского
И.Н. Кузнецова — зам. директора Нижегородского государственного художественного музея
Т.А. Рыжова — директор музея А.М. Горького
З.М. Саралиева — зав. кафедрой социологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского, д.и.н., профессор
В.Б. Хорев — советник ректора ННГУ им. Н.И. Лобачевского
С.П. Чуянов — шеф-редактор художественного вещания ННТВ

Макет:

Е.Н. Емельянова

Верстка:

П.А. Семенов

Корректор:

Е.В. Орехова

Адрес редакции:

603005, Нижний Новгород, Верхневолжская набережная, 5
Телефоны: (831) 419-67-55 (факс), 419-32-37
E-mail: nrl2008@mail.ru

Журнал «Нижегородский музей» можно найти на сайтах ННГУ им. Н.И. Лобачевского
в разделе «Издательская деятельность»: http://www.unn.ru/e-library/museum.html
и Нижегородского музейного центра: http://www.museumcenter.ru/

На 1-й странице обложки —
В. Чепрасова. Штоф «Музыку играю». Майолика. Гжель. 2009 год
На 4-й странице обложки —
Здание бывшей Городской думы, в котором в 1916 году начал свою деятельность
Нижегородский городской университет. Фото П.А. Семенова. 2014 год

«Эти разные, разные музеи» подготовила Л.И. Шиян (по материалам периодических изданий)

Подписано к печати: 10.06.14, формат 84x108/16, бумага офсетная, тираж 900 экз., заказ № 1059

Отпечатано: Типография ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 603000, Нижний Новгород,
ул. Б. Покровская, 37

© Нижегородский музей, 2014

Тамара Ивановна Ковалева — к.и.н., директор музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председатель правления Региональной общественной организации «Нижегородский центр поддержки и развития музеев», почетный работник высшей школы, награждена золотым знаком Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ).

Очередной номер журнала «Нижегородский музей» представляет широкий спектр тем. Объясняется это не «всеядностью» музейных собирателей, изучающих самые разнообразные факты и артефакты, но главным образом активной позицией Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в отношении к сохранению и популяризации нижегородского богатейшего научного культурного и технического наследия. Все публикуемые материалы являются оригинальными, т. е. созданы авторами для нашего журнала или подготовлены к печати сотрудниками университетского музея: дневники, письма, мемуары людей, оставивших заметный след в нижегородской истории, науке и культуре. Публикация объемных материалов, переходящих из номера в номер, отличает журнал от других современных изданий и позволяет читателям значительно пополнить свой интеллектуальный багаж и главное — расширить свои представления об Отечестве и его людях, их трудах и подвигах.

Издание журнала «Нижегородский музей» является свидетельством реализации университетом своей миссии, включающей активное участие в развитии региональной культуры и ее интеграционных процессах.

В 2016 году будет отмечаться 100-летие первого нижегородского университета. В 1916 году, в условиях исторически напряженного военного времени, в нашем городе шла созидательная работа по формированию системы высших учебных заведений. Не только городская власть, но и широкая демократическая общественность Нижнего Новгорода приняли на себя заботы о создании своего университета.

В этом номере нашего журнала мы открываем рубрику «Навстречу 100-летию ННГУ», в которой будут публиковаться новые материалы из фондов университетского музея, государственных и личных архивов, воспоминания участников событий, биографические материалы ученых и организаторов науки и университетского образования.

Приглашаем читателей к совместной работе по наполнению истории первого нижегородского университета новыми фактами, биографиями, документами, фотографиями, книгами и статьями.

Т.И. Ковалева

ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

6 ДНЕВНИК И ВОСПОМИНАНИЯ А.Я. САДОВСКОГО
В.В. Митрофанов

10 ИЗ ДНЕВНИКА
А.Я. Садовский

22 «ДЕТИ ЖЕМЧУЖИНЫ». О ПОТОМКАХ А.Д. УЛЫБЫШЕВА.
В.Ю. Белоногова

35 «МАСТЕРСТВО ПЕЧАТНОЙ КНИГИ»

36 НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (воспоминания)
А.А. Вадимов-Маркеллов

58 МИР МОЕГО ДЕТСТВА (от 2 до 5 лет)
В.Д. Смирнова

69 ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЕ: ЧАСОВНИ НА ВАРВАРСКОЙ И ИЛЬИНСКОЙ УЛИЦАХ НИЖНЕГО НОВГОРОДА
А.И. Давыдов

72 КОЧЕМАСОВЫ «ИЗ-ПОД ГАГИНО 2—90»
В.Н. Баландин

79 ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ
Р.П. Грибковская

86 ДИСТАНЦИИ ПУТИ НИКОЛАЯ ТЫРКОВА
В.Н. Прончатов

95 ОБОРОННЫЕ РАЗРАБОТКИ ГОРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
Д.В. Любимов

111 ИЗ ДНЕВНИКА
А.А. Клеванная

114 ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ НА ФРОНТЕ
В.С. Малинин

116 «ЗЕРКАЛО СЦЕНЫ»

ЮБИЛЕИ. ЮБИЛЯРЫ

НАВСТРЕЧУ 100-ЛЕТИЮ ННГУ

118 СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕВАКИН (1916–2001)
Ю.Ю. Куликов

132 С.А. ЖЕВАКИН О ВОЙНЕ

136 ЧЕЛОВЕК, КАКИХ МАЛО НА ЗЕМЛЕ
Н.И. Жевакина

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

141 АРКАДИЙ ФЕДОРОВИЧ НИКОЛАЕВ (1914–1987)

146 КОМПЛЕКСНАЯ АРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ОТРЯД НАЗЕМНОГО ТРАНСПОРТА. ДНЕВНИК № 1
А.Ф. Николаев

168 ЭТИ РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ МУЗЕИ...

МУЗЕИ. СОБИРАТЕЛИ. КОЛЛЕКЦИИ

БОЛЬШОЕ БОЛДИНО

171 МОЙ ДРУГ ЮДИФЬ ИЗРАИЛЕВНА ЛЕВИНА
Н.О. Рябина

184 ПОДВИЖНИК. ТРУЖЕНИК. РОМАНТИК (Из записок музейщика)
Т.Н. Кезина

ГОРОДЕЦ

199 ПЕРВЫЙ НА МУЗЕЙНОМ КВАРТАЛЕ
А.Н. Еранцев, З.С. Коновалова

204 СЛАВНЫЙ РОД КУПЦОВ ОБЛАЕВЫХ
А.Н. Еранцев, Л.А. Климова

210 «ПО ДОМУ ГРАФИНИ НЕСПЕШНО ПРОЙДУСЬ...»
Заметки о жизни коллектива провинциального музея
Т.В. Фролова, Н.Г. Калягина, М.Н. Еранцев

218 ДВЕ ДОСТОЙНО ПРОЖИТЫЕ ЖИЗНИ
Ю.М. Коссой

221 ФЕСТИВАЛЬ «НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ В XXI ВЕКЕ»

222 НЕЗНАКОМАЯ ГЖЕЛЬ
Н.Ф. Федотов

227 ГРАВЮРЫ МИДОВА

234 Т.П. ГУСЕВА И ЕЕ ВРЕМЯ
Л.И. Помыткина

246 О МУЗЕЯХ В НЕМУЗЕЙНЫХ ИЗДАНИЯХ

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

248 ГОРДОСТЬ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
Л.И. Шиян

250 ЭРИК ГУСТАВ ЭРСТРЁМ. ДЛЯ МЕНЯ И МОИХ ДРУЗЕЙ: продолжение следует
Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецов

256 ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ (1914–1918)
И.Г. Горностаева

МАСТЕРА ПРЕИСКУСНЫЕ

261 ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА КАТАМАШВИЛИ

262 «ПОЧУВСТВУЙТЕ РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА!»

ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

К 100-летию начала Первой мировой войны

1914–1918

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

1941–1945

Дневник и воспоминания А.Я. Садовского

•

Из дневника А.Я. Садовского

•

«Дети Жемчужины». О потомках А.Д. Улыбышева

•••

«Мастера печатной книги»

•••

На фронтах Гражданской войны (воспоминания)

•

Мир моего детства (от 2 до 5 лет)

•

Чудом уцелевшие: часовни на Варварской и Ильинской улицах Нижнего Новгорода

•

Кочемасовы «из-под Гагино 2–90»

•

Первая мировая война: заметки на полях сражений

•

Дистанции пути Николая Тыркова

•

Оборонные разработки Горьковского государственного университета в годы Великой Отечественной войны

•

Из дневника А.А. Клеванной

•

Памятный день на войне

•••

«Зеркало сцены»

А.Я. Садовский с собакой Рыжиком. 1904 год

ДНЕВНИК И ВОСПОМИНАНИЯ А.Я. САДОВСКОГО*

...Пока еще есть память, начну с ближайшего времени — со времени избрания меня Председателем нашей Нижегородской ученой архивной комиссии.

А.Я. Садовский. Дневник

* *Публикация В.В. Митрофанова*

Виктор Владимирович Митрофанов — д.и.н., доцент, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» филиала ФБОУ ВПО «ЮУрГУ» (НИУ) в г. Нижневартовске, профессор кафедры «Гуманитарных и социально-экономических дисциплин» филиала ФБОУ ВПО «Омский технический университет» в г. Нижневартовске.

Важным достижением современной нижегородской историографии являются исследования по истории научно-исторических обществ, прежде всего Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), создание портретной галереи ее представителей, которых справедливо назвали «блестящей плеядой деятелей нижегородского краеведения» [1]. Можно говорить о сформировавшемся научном направлении в историографии региона, основу которого заложили известные историки, основоположники исторической науки в Нижнем Новгороде (Горьком) В.Т. Илларионов [2, с. 282] и С.И. Архангельский [3, 4], эта традиция была подхвачена В.П. Макарихиным, Ю.Г. Галаем, продолжается Ф.А. Селезневым, А.А. Кузнецовым и другими исследователями, учениками и последователями первых, уже ушедших из жизни.

При этом отметим, что многие исследования о краеведах приурочены к юбилейным событиям, например 100- и 120-летию архивной комиссии [5—7]; 165-летию А.С. Гациского, которого по праву называют «летописцем Нижегородского Поволжья» [8]; 155-летию А.А. Савельева, по оценке Ф.А. Селезнева, «профессионально организовавшего» работу архивной комиссии, имеющего «немалые заслуги перед нижегородским краеведением» [9, с. 173]; 140-летию А.И. Звездина (правитель дел комиссии в 1895—1903 годах), краеведа, «заложившего основу дальнейшего изучения нижегородской пушкинианы» [10, с. 194]; 100-летию со дня кончины В.И. Снежневского (правитель дел комиссии в 1888—1895 годах) — человека, которого Ю.Г. Галай отнес к людям «изумительным своим подвижничеством и любовью к архивному делу» [11, с. 229]. Еще об одном, по сути, последнем многолетнем правителе дел комиссии в 1911—1917 годах С.М. Парийском напишет И.В. Берельковский и назовет его «истинным патриотом края» [12, с. 199]. Эта характеристика перекликается с данной С.М. Парийскому еще В.Т. Илларионовым, когда он начинал путь в большую науку и писал о нем как об «истом нижегородце», чье имя с полным правом должно быть отнесено к «людям Нижегородского Поволжья» [13].

Опубликована статья, рассказывающая о профессиональной деятельности А.М. Меморского [14], где представлен портрет «успешного нижегородского адвоката и общественного деятеля». К сожалению, нет подобной работы о А.М. Меморском как активном краеведе, которому А.А. Савельев 22 октября 1907 года передал председательские функции и который рассматривался как его главный преемник [15, с. 29].

Появились статьи об активных членах НГУАК А.К. Кабанове [16] — самобытном исследователе местной истории, Н.И. Драницыне [17] — организаторе библиотечного дела в Нижнем Новгороде, Н.Н. Иорданском [18] — деятеле просвещения.

Следовательно, приведенный перечень работ, кстати, не исчерпывающий всех публикаций, свидетельствует об огромном научном интересе к опыту вековой давности в организации краеведения, архивного, библиотечного дела, археологии, пропаганде любви к родному краю через просветительскую деятельность, археологические раскопки, бескорыстное служение малой родине. «Сознательная работа на будущее — вот что отличает провинциальных интеллигентов того времени» [5, с. 4—5], — писал В.П. Макарихин, и как современно звучит эта замечательная мысль.

Значительное количество публикаций посвящено нижегородскому краеведу А.Я. Садовскому, в оценке С.Ф. Платонова — одному «из самых серьезных, почтенных и симпатичных работников Поволжья» [19, с. 140]. Первые работы о нем стали появляться сразу же после его кончины* [20—21], затем опубликованы газетные статьи [22—23], потом несколько небольших информационного характера работ [24—26], при этом заметим, что имя А.Я. Садовского, как бы между прочим, упоминается в работах, посвященных другим членам НГУАК, а оценки даются самые скромные. Например, И.В. Берельковский Н.Н. Иорданского называет «известным деятелем НГУАК», С.М. Парийского — «талантливым историком», а А.Я. Садовского — просто «историком-краеведом» [1, с. 194, 195, 199], хотя это звание также почетно. В известной монографии В.П. Макарихина о третьем председателе НГУАК упомянуто лишь дважды, и то лишь в перечне имен публикаторов работ [27, с. 87]. И в другой работе признанного знатока истории НГУАК о председательстве А.Я. Садовского читаем: «В бытность председателем комиссии А.Я. Садовского извещение об избрании почетным членом было направлено в Баден-Баден известному писателю П.Д. Боборыкину» [6, с. 169]. При этом следует согласиться с выводом В.П. Макарихина: «Деятельность многих сотрудников ГУАК требует специального исследования. Это перспективное направление работы для новых поколений краеведов» [5, с. 4]. Во многом этот завет воплощается в жизнь, о чем свидетельствуют вышеупомянутые работы, и это в полной мере относится к А.Я. Садовскому.

На сегодняшний день исследователями, кто глубоко, профессионально, критически, доказательно, без оглядки на устоявшиеся точки зрения переосмысливает историю НГУАК и деятельность ее сотрудников-активистов, являются Б.М. Пудалов, А.А. Кузнецов.

«Большое значение для характеристики комиссий вообще имеет многоплановое исследование Б.М. Пудалова [7], хотя и небольшого объема» [28, с. 281]. Касаясь монографии Ю.В. Филатовой [29], Б.М. Пудалов справедливо отмечает, что исследовательница «развивает взгляды В.П. Макарихина», она «добросовестно проследила развитие взаимоотношений Нижегородской ГУАК и исторической науки», но «вывод о качественных изменениях так и не сделала», остались незамеченными «принципиальные различия во взаимоотношениях НГУАК со столичными историками» в бытность руководителями комиссии А.С. Гациского и А.Я. Садовского. Если первые два председателя комиссии А.С. Гациский и А.А. Савельев «основной упор делали на собирание исторического наследия, то А.Я. Садовский... настаивал на всестороннем изучении собранного предшественниками». Исходя из этого, Б.М. Пудалов называет «особенности сотрудничества со столичными учеными в последний период деятельности комиссии: успешная реализация серьезных исследовательских проектов, издание документальных источников на высоком археографическом уровне, начало профессиональной подготовки историков-архивистов». Следует поддержать аргументированный вывод исследователя о так называемых двух периодах в истории комиссии: «1) 1887 — нач. 1900-х гг. — “эпоха А.С. Гациского“, период собирания и научно-популярной беллетристики; 2) нач. 1900-х — 1918 г. — “эпоха А.Я. Садовского”, период изучения и научных публикаций». К заслугам А.Я. Садовского Б.М. Пудалов относит и молчаливый отказ от «бездумного следования» принципу хранения документов, согласно которому «оставляли на хранение порядка 5—10%» [7, с. 333, 335].

По всей видимости, настало время пересмотреть с использованием новых архивных материалов, в том числе и эпистолярного наследия ее деятелей, кстати, активно вовлекающегося в научный оборот, и историю самой НГУАК — одной из самых авторитетных и плодотворных комиссий России.

Важное значение для характеристики самого А.Я. Садовского и его деятельности имеют материалы проведенной II Нижегородской архивоведческой конференции [30]. Примечательно, что в аннотации к сборнику он величается «выдающимся историком-краеведом», и это, на наш взгляд, справедливо. Среди большого числа докладов прямое отношение к А.Я. Садовскому имеет выступление Е.А. Логачевой, где автор подчеркивает его «выдающуюся роль» «в издательской деятельности, побуждает нас к исследованию его публикаций, хранящихся в Центральном архиве Нижегородской области» [31, с. 97, 99]. Б.М. Пудалов дает характеристику «отцу-основателю» государственной архивной службы края, повторяет свою мысль, что после того как А.Я. Садовский возглавил архивную комиссию, ее деятельность «заметно активизировалась и вступила в новую стадию: от собирания источников и беллетристических очерков эпохи А.С. Гаци-

* В последнем сборнике помещены доклады С.М. Парийского «А.Я. Садовский» (биографический обзор); С.И. Архангельского «А.Я. Садовский как историк Нижегородского края»; В.Т. Илларионова «А.Я. Садовский как работник областной науки»; С.С. Станкова «А.Я. Садовский и изучение производительных сил»; И.А. Милотворского «Личные воспоминания об А.Я. Садовском».

ского комиссия перешла к планомерному изучению и публикации исторического наследия Нижегородского края» [30, с. 4]. В примечаниях автор поместил подробную опись архивных материалов А.Я. Садовского, хранящихся в архивах Нижнего Новгорода. Перекликается с упомянутыми примечаниями доклад В.Н. Плотникова, подчеркнувшего, что, «несмотря на неполноту документального состава личного фонда Садовского, многие дела представляют интерес для ученых, историков и биографов». При этом в докладе констатируется, что «значительная часть документов никогда ранее не выдавалась ни сотрудникам архива, ни исследователям в читальный зал и тем более не публиковалась» [32, с. 99—100].

Следовательно, упомянутые выше публикации, касающиеся личности и деятельности А.Я. Садовского, без привлечения архивных материалов не позволяют оценить в полной мере масштабы его деятельности, прежде всего на посту председателя архивной комиссии. А.А. Кузнецов в примечаниях к своему интересному докладу перечислил основные свершения НГУАК под его руководством, в частности «проведена работа по празднованию 300-летия Нижегородского ополчения и дома Романовых, а также 100-летия Отечественной войны 1812 года. При участии А.Я. Садовского в 1911 году в Нижнем Новгороде было организовано отделение Московского археологического института» [33, с. 120—121].

Ю.Г. Галай подчеркивал, что «при непременном участии председателя НГУАК А.Я. Садовского» работал Выставочный комитет по организации исторической выставки «Нижегородская старина», с отделом, посвященным царствующему дому Романовых. Он же был ответственным за организацию археологического отдела, и посетители, «которые несколько знакомы с археологией, прямо приходили в восторг от прекрасно подобранного материала...», сам проводил экскурсии. К сожалению, это «одно из многогранных и перспективных направлений в деятельности архивной комиссии» [34, с. 30—34] оказалось единственным.

По всей видимости, нижегородским исследователям не известны и материалы, фрагмент которых предлагается к публикации. Это часть его «Дневника», точнее записи, довольно обширные, за 25, 26, 27, 28 января 1910 года, касающиеся положения дел НГУАК в первые месяцы его председательства.

Обнаруженные материалы объемны, составляют почти 400 листов рукописного текста. В настоящее время составляется их археографическое описание.

Жанр рукописи близок к дневниковым записям, на что указывают конкретные даты, при этом тексты иногда довольно обширны и занимают до 10 страниц и более, другие кратки и умещаются в нескольких предложениях или на одном-двух листах.

Как свидетельствует А.Я. Садовский, писать дневник он начал «около двадцати лет назад», т.е. в 1891 году, рукопись «провалялась» много лет. При этом замечает, что «память, конечно, еще слабее, и возможно, что-нибудь я перепутаю» [35, л. 32 об.]. Регулярные записи начинаются 5 февраля** 1910 года, которые логически продолжают найденные им некоторые старые материалы. Интересно, что следующая запись датируется 25 января, и здесь автор вновь повторяет мысль о своем желании написать дневник. В тексте читаем: «25 января 1910 года. Давно я собирался писать, сперва дневник, а потом воспоминания, да так и не собрался, впрочем, много лет назад что-то начал, где теперь это начало, не знаю, вероятно, где-нибудь в бумагах» [35, л. 43].

Первая запись содержит интересные сведения биографического и семейного характера, но большая часть посвящена учебе автора в гимназии. Достаточно места отведено характеристике преподавателей, описанию помещения гимназии, одежды гимназистов, их взаимоотношениям и другим малоизвестным фактам жизни Нижнего Новгорода. Особенно ценным является материал о жизни НГУАК с 1909 года. Много пишет автор о семейных проблемах, трудностях в жизни своих детей.

Содержащиеся в них сведения, конечно, с элементом субъективизма, помогут по-новому взглянуть на деятельность самой комиссии, по образному выражению А.А. Кузнецова, «с другой, непарадной, стороны», на состояние документооборота при А.А. Савельеве, увидеть первоочередные дела ее нового председателя. Большую ценность представляют характеристики отдельных ее деятелей, упомянутых выше, представленные факты взаимодействия нового председателя с губернатором — непременным попечителем комиссии. Очень, кстати, интересная тема, кроме официальной части, неизвестная.

Примечателен факт, что отдельные характеристики членов комиссии, данные им в своем дневнике, в некоторой степени перекликаются с сатирическими строчками «Памфлета», недавно опубликованного. Хотя А.А. Кузнецов заметил, что оценка деятелей НГУАК в «Памфлете» «является субъективной и не подтверждается результатами современных исследований», но введение в научный оборот еще одного источника личного происхождения, возможно, позволит пересмотреть эту точку зрения.

Обнаруженный архивный документ без преувеличения является ценнейшим приобретением. Предполагается публикация всего «Дневника» и части «Воспоминаний», о которых писал А.Я. Садовский, в полном объеме.

** Месяц здесь указан неверно, нужно: января, так как последующая запись датируется 25 января, тем более что эта запись находится на одном листе с предыдущей записью, к тому же на л. 55 дневника есть дата 5 февраля, она следует за текстом от 4 февраля.

Сокращения раскрыты в квадратных скобках, зачеркнутые А.Я. Садовским слова выделены в круглых скобках и отмечены звездочкой. Текст публикуется по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей источника.

Выражаю сердечную благодарность сотруднику Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина А.А. Медведевой за помощь в предоставлении справочной информации для примечаний.

В.В. Митрофанов

Список литературы

1. Берельковский И.В. С.М. Парийский и советское краеведение // Записки краеведов / сост Л.И. Шиян, О.А. Рябов. – Н. Новгород, 2004. С. 194–202.

2. Илларионов В. Памяти А.Я. Садовского // Нижегородская коммуна. 1926. № 282.

3. Архангельский С.И. А.С. Гацискій // Школа и жизнь. 1928. № 10. С. 40–42.

4. Архангельский С.И. Садовский как историк Нижегородского края 1850–1926 // Памяти А.Я. Садовского. – Н. Новгород, 1928. С. 20–30.

5. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии и развитие исторической мысли российской провинции на рубеже XIX–XX веков // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1991. С. 3–7.

6. Макарихин В.П. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (к 100-летию создания) // Записки краеведов. – Горький, 1988. С. 161–170.

7. Пудалов Б.М. К 120-летию губернских ученых архивных комиссий // Мининские чтения: материалы научн. конф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). – Н. Новгород, 2005. С. 331–340.

8. «Летописец Нижегородского Поволжья»: К 165-летию А.С. Гациского: краеведч. библиогр. пособие / сост. Т.В. Кучерова, О.В. Григорьева. – Ценральная городская библиотека. Н. Новгород, 2003. 16 с.

9. Селезнев Ф.А. Председатель НГУАК А.А. Савельев // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. – Н. Новгород, 2004. С. 173–184.

10. Галай Ю.Г. Краеведческая и просветительская деятельность А.И. Звездина // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. – Н. Новгород, 2004. С. 185–194.

11. Галай Ю.Г. Архивист по призванию. В.И. Снежневский // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. – Н. Новгород, 2008. С. 229–238.

12. Берельковский И.В. Исследователь памятников нижегородских древностей С.М. Парийский // Общее и особенное в региональной культуре Нижегородского края. – Н. Новгород, 1997. С. 133–135.

13. Илларионов В.Т. С.М. Парийский // Нижегородское краеведение. – Н. Новгород, 1931. № 1–2. С. 45–46.

14. Гостева Т.Н. Присяжный поверенный Александр Михайлович Меморский // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. – Н. Новгород, 2010. С. 256–266.

15. Журнал LXXV заседания НГУАК 22 октября 1908 года // Журналы и доклады заседаний LXXX–LCIII с 1 октября 1906 по 22 октября 1908. Отчеты за 1905–1908 гг. – Н. Новгород, 1909. С. 29.

16. Кузнецов А.А. Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова / А.А. Кузнецов, А.В. Мельников // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. – Н. Новгород, 2006. С. 160–164.

17. Митрофанов В.В. Библиотека, которую «и организовал, и создал»: дело всей жизни Н.И. Драницына // Библиотековедение. 2013. № 2. С. 71–78.

18. Митрофанов В.В. «Глубокое Вам спасибо...»: некоторые факты просветительской и организаторской деятельности С.Ф. Платонова в Нижнем Новгороде в начале XX века // Клио. 2012. № 6 (66). С. 21–25.

19. «О Нижнем храню самые теплые воспоминания: Письма академика С.Ф. Платонова В.Т. Илларионову / публ. подг. А.А. Кулаков // Исторический архив. 1999. № 6. С. 138–144.

20. А.Я. Садовский (некролог) // Производительные силы Нижегородской губернии. Вып. 4. – Н. Новгород, 1927. С. 7–8.

21. Памяти А.Я. Садовского: сб. – Н. Новгород, 1928.

22. Илларионов В. «Старейшина нижегородских краеведов» // Горьковская правда. 1971. 4 августа.

23. Зеленцов В. Знаток родного края // Горьковская правда. 1975. 25 октября.

24. Бабкина О.А. А.Я. Садовский (К 140-летию со дня рождения) // В помощь работе библиотек с литературой о родном крае в 1990 г. – Горький. 1989. С. 49–51.

25. Куприянова Н.И. А.Я. Садовский // Нижегородский край: факты, события, люди. – Н. Новгород. 1997. С. 313.

26. Гусев М.Ю. Нижегородский краевед и общественный деятель А.Я. Садовский // Информационный бюллетень комитета по делам архивов администрации Нижегородской области. 2001. № 3. С. 28–29.

27. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. – Н. Новгород, 1991. С. 87.

28. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в. – Челябинск, 2011. С. 281.

29. Филатова Ю.В. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия и историческая наука. – Н. Новгород, 2000.

30. Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. – Н. Новгород, 2006. 216 с.

31. Логачева Е.А. Публикации А.Я. Садовского и подготовительные материалы к ним в Центральном архиве Нижегородской области: проблемы поиска // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции... С. 97–99.

32. Плотников В.Н. Обзор документов личного фонда А.Я. Садовского // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции... С. 99–100.

33. Кузнецов А.А. «Памфлет»: история текста из фонда Н.И. Приваловой // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции... С. 120–121.

34. Галай Ю.Г. Выставка НГУАК «Из родной старины» // Нижегородская старина. 2004. № 8. С. 30–34.

35. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 464. Оп. 4. Д. 31.

ИЗ ДНЕВНИКА

А.Я. Садовский

25 января 1910 г.

Давно я собирался писать, сперва дневник, а потом воспоминания, да так и не собрался, впрочем, много лет назад что-то начал, где теперь это начало, не знаю, вероятно, где-нибудь в бумагах[1]. Если найду, может быть, продолжу, пока же, пока еще есть память, начну с ближайшего времени — со времени избрания меня председателем[2] нашей Нижегородской ученой архивной комиссии[3].

Случилось это 12 апреля 1909 года. Многие члены комиссии и бывший ее председатель А.А. Савельев[4], отказавшийся от председательствования вследствие выбора в члены Государственной думы, давно уговаривали меня баллотироваться на эту должность, но я всегда и вполне искренно отказывался от этой чести, так как, во-первых, не считал себя достойным занять эту должность, а во-вторых, из-за своего стеснительного и застенчивого характера боясь, что я не справлюсь с председательством. Здесь надо говорить речи, особенно на предстоящих в 1911 году юбилейных празднествах[5], встречать высоких гостей, а я во всем этом совершенный профан и всегда конфужусь на мало-мальски больших собраниях. Утвердившись в этой мысли, я на все предложения отвечал отказом. Претендентом на должность был товарищ председателя А.М. Меморский[6], бывший городской голова, которому очень хотелось занять это место и которому я тоже категорически повторил свой отказ. Большинству, видимо, не хотелось избирать Меморского, человека двуличного, хитрого и добивавшегося должности из-за возможности получить что-либо и порисоваться в юбилейные торжества. С этою твердою мыслью я пришел на собрание, довольно многолюдное, под председательством почетного попечителя комиссии, нижегородского губернатора М.Н. Шрамченко[7]. Когда дело дошло до выборов, то все члены, кроме нескольких, стали упрашивать меня принять должность. Много раз я отказывался, пробовал даже уходить, но просьбы были так настойчивы, да и должность для меня была все-таки очень привлекательна, что в конце концов я согласился и был избран весьма значительным числом голосов, каким, теперь уже не помню. Хотелось мне на должность товарища председателя нашего члена, много лет находившегося в комиссии, Андрея Ивановича Звездина[8], который и получил большинство записок, но менее половины всех записок, следующим за ним шел Меморский. Когда хотели Звездина признать товарищем, члены Чешихин и другие, из более левых по политическим убеждениям, предложили баллотировку шарами или новую — записками. К сожалению, А[ндрей] И[ванович] отказался, и выбаллотировали Меморского, правда, очень плохо. Но все-таки выбрали, зачем только — не понимаю: Меморский после избрания тотчас же уехал в Петербург, а потом и вовсе переселился туда, вот уже скоро год, и он был только раз на заседаниях комиссии. Правителем дел был избран Н.Н. Иорданский[9], инспектор народного училища Нижегородского уезда, временно исполнявший должность правителя в, так сказать, междуцарствие — после ухода Савельева и до выбора меня, при исправлении должности председателя Меморским.

Принятие должности ограничилось принятием денежной книги и денег от Н.Н. Иорданского, с Меморским мы только обменялись визитами, не заставши друг друга, и он скоро уехал в Петербург.

Признаться сказать, я думал, что все найду в комиссии в образцовом порядке. У нас председатели были, что называется, светила, да и правители тоже. Умерший Снежневский[10] считался необыкновенным человеком, выдающимся по своим способностям, которого настолько ценили, что в память его издали особый сборник[11]. Н.Н. Иорданский тоже считался очень дельным, передовым человеком, без которого не обходится ни одно нижегородское просветительское общество. Все они по своим убеждениям были кадеты, Иорданский даже немного пострадал, его из инспекторов над школами в Нижнем перевели на должность инспектора в уезд[12].

Итак, считаясь с вполне установившимися репутациями чрезвычайно способных, чрезвычайно деловых, образованных, передовых людей, я рассчитывал найти в нашей архивной комиссии образцовый порядок и полную исправность. Но что я нашел, расскажу в следующий раз.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 3—44.

26 января 1910 г.

Кроме того, в архивной комиссии занимался письмоводством некто П.Ф. Летицкий[13]. Летицкий служил в Крестьянском банке, занимая там довольно поря-

дочную должность, в архивной же комиссии он должен быть два раза в неделю, в воскресенье от 12 часов до 3–4 и в среду от 7 часов вечера до 10, иногда 11, а также на заседаниях общего собрания членов, заседания эти бывали вечером довольно редко, иногда 4 раза, иногда 5 раз в год, впрочем, в последние годы бывали и почаще. Обязательства Летицкого заключались в переписке журналов общих заседаний, записи поступавших книг в каталоги, писаний благодарностей [за] высланные книги и т. п. Получал он за это 10 руб. в месяц, а правитель дел 24 руб. А прежде все 34 рубля получал правитель, который и должен был вести всю переписку, но так как правители Снежневский и потом Иорданский были люди занятые своими должностями, за которые получали главное жалованье, то они предпочли получать вместо 34 руб. в месяц 24 руб., и 10 рублей отдавать Летицкому. Каков был Летицкий прежде, не знаю, но я застал его занимающим, кроме банковской должности, еще должность регента в каком-то хоре, поэтому при заседаниях вечерних под праздники он вместо арх[ивной] ком[иссии] отправлялся куда-нибудь петь, в воскресенья тоже приходил поздно. Дело, конечно, страдало.

Познакомившись с библиотекою, увидел, что масса книг не записана в хронологический каталог, по большинству книг не отослали уведомлений о получении, благодарности, даже уведомления об избрании в члены задерживались на несколько месяцев, а проверить, кому что отослано, не было возможности, так как исходящей книги не было заведено, была только разносная, в которой выставлялись №№ летучки как придется. Изданиям архивной комиссии – сборникам довольно ценным, по 2 и по 3 руб. книга, а также и брошюрам никакого учета не велось. Все это кое-как, с грехом пополам, где по памяти, где по разносной, пришлось устанавливать, завели особые для этого книги. Надо еще прибавить, что, кроме шкафов, у которых большинство замков были испорчены, а ключи от всех клались в незапертый стол, книги валялись везде: и на окнах, и в углах, и на выступах шкафов, во всех трех комнатах, отведенных городскою думою в доме думы, но главным образом библиотека помещалась в третьей маленькой комнатке, где стояли стол Летицкого и где занимались и Летицкий, и Иорданский, а две большие светлые комнаты оставались пустыми, лишь в одной собиралась комиссия, и стоял стол. Все помещения запирались обыкновенным дверным внутренним замком, ключ от которого находился у сторожа городской думы, в ведении которого состояли три наши комнаты, обыкновенно он вешался около водопроводного крана и, кто знал, мог его всегда взять и войти в помещение, а там, конечно, мог делать, что хочет, ибо и ключи от шкафов, как я выше заметил, были к услугам каждого. Поэтому прежде всего я распорядился перенести все книги в 3-ю маленькую комнату и приделал к ней американский замок, от которого ключи находились у меня, у Иорданского и у

А.Я. Садовский с гостями на даче в Щербинках. 1910 год

Летицкого, но у Летицкого ключ потом был отобран и остались только у меня и Иорданского, в большой комнате остались два запертых больших шкафа и на полу кипа газет за прежние годы в бумажных обложках, а в другой большой комнате только развешанные по стенам и сложенные на окнах портьеры и переместившиеся стол и шкафы письмоводителя. Этим я успокоился за целость библиотеки. Н.Н. Иорданский заранее нанял какого-то студента, который проверял книги и нашел много пропавших, пропали эти книги, безусловно, в правительство Снежневского, который, как можно судить по конкретным записям, знал о пропаже, но молчал, между прочим, как раз одно дело «Дело об игумене Митрофане» нашлось на балчуке (Балчуг. – *Ред.*), его купил какой-то член, кажется Н.И. Драницын[14], и принес в комиссию. Чтобы упорядочить это дело, я нашел за нужное обо всем доложить общему собранию, которое по моему предложению избрало особый библиотечный комитет. К счастью, к этому времени, когда был избран комитет (через несколько месяцев), у нас были выбаллотированы в члены несколько новых деятельных членов. Комитет принялся за дела, выработал инструкцию,

которая окончательно утверждена 20 января 1910 г., и занялся составлением нового каталога по карточной системе, составлением его мы занимаемся и теперь, около 8—10 членов довольно часто приходят, описывают книги и, по-видимому, дело наладилось. Только надобно заметить, что книг оказывается огромное количество, и когда мы опишем, бог знает. Дела архивной комиссии, присланные ей из разных учреждений, хранятся преимущественно в кремлевских башнях. Очень давно город дал нам две башни: Тайницкую и Белую[15] — в них устроили полки вроде открытых шкафов и разложили дела. Помещения в смысле безопасности и отчасти удобства и сохранности от влияния атмосферных [осадков] прекрасные, сухи, некоторые очень светлые, так что летом можно в них с удобством заниматься.

Конечно, я захотел посмотреть и дела в башнях. Пошел я в башню Тайницкую сперва с Летицким, так как Н.Н. Иорданский бывал редко, он в это время был занят экзаменами в своих школах, да, кажется, он ни разу не бывал за свое годовое исправление должности правителя в башнях, насколько я убедился, он думал, что в них все в порядке и нечего за ними смотреть, вообще он человек доверчивый и часто поэтому обманывался в людях, и им злоупотребляют, т.е. его доверием. Пришел я к Тайницкой башне, стали подбирать ключ, не нашли, ключ от верхнего этажа потеряли, оказалось, его потеряли четыре года назад и все это время башня была заперта. Замки были обыкновенные, плохие, которые очень легко сломать. Несколько лет, не знаю, кажется, года 3—4 назад, замки в башнях были поломаны, в башню забрались воры, сторожа каких-то смежных учреждений, и воровали систематически дела, украли множество дел, пропажа, как и всегда у нас, обнаружилась случайно, дела нашлись в какой-то лавке, в которой продавались с веса. Удалось найти несколько возов дел, разрозненных, разбитых, конечно, это только часть всех (потерям*) украденных. Как-то умненько, совершенно, об этом было доложено, доклад принят к сведению — и только! Помня это, я прежде всего распорядился купить внутренние и наружные замки и нанял столяра приделать их к дверям, сломавши перед этим замок верхнего этажа Тайницкой башни. Нельзя представить того негодования, которое охватило меня при входе в это помещение. Все окна оказались с выбитыми стеклами, часть окон, которые пониже, чтобы не проникало много снега и дождя, были заложены, но чем... (так в документе. — *В. М.*) делами и книгами, конечно, эти дела и книги за долгое время, не менее 4 лет, пришли в ветошь. В верхние же окна, которые нельзя было заложить делами, свободно летали голуби, которые выводились здесь, жили, конечно, годами. На всех делах и на полках лежал слой голубиного помета, примерно в вершок толщиною, валялись кое-где и мертвые голуби. Немедленно же взял я столяра, устроил новые рамы с проволочными сетками и нанял 3 сторожей вычистить эти авгиевы конюшни, целый день работали сторожа, завязавши себе нос и рот платками, так как от едкой пыли нельзя было дышать. Стоила мне эта очистка что-то около 4 руб.; помета вымели куля 2. Вместе со мной был все это время член комиссии Н.И. Драницын, который рассказывал, что и раньше, несколько лет назад, было то же самое, что это повторение прежнего, только тогда помета было будто бы больше. В остальных двух этажах Тайницкой башни, хотя тоже были выбиты стекла, но голубей было значительно меньше, и помет встречался только кое-где, кучками, на делах же. Может быть, потому, что окна здесь невысоко и были заложены делами и книгами, тоже испортившимися. В третьем этаже от верха сложены кипы украденных и, похоже, найденных дел, тут голубей было еще меньше. Пробовал я было спуститься в четвертый этаж, но было страшно, лестница каменная осыпалась, к тому же у меня болели ноги, туда спускался Драницын и говорил, что весь этаж залит водою, это и не мудрено, так как некоторые окна от стороны кремля засыпаны землею снаружи и подпочвенная вода по этим окнам вливалась весной в помещение башни. Надо будет со временем, когда будет полегче и посвободнее, устроить что-нибудь, чтобы вода более не проникала. Тут еще интересный эпизод, характеризующий Летицкого, а отчасти и надзор за ними со стороны Иорданского. Я нанял столяра, чтобы он сделал новые рамы ко всем окнам во всех трех этажах и чтобы пригонка рам была в присутствии Летицкого, и, надеясь, что так и будет, сам не посмотрел. Оказалось, что столяр, со слов Летицкого, устроил только рамы в верхнем этаже, и когда летом я пошел посмотреть устройство, то два этажа были по-прежнему предоставлены дождям и голубям, а в верхнем не убраны ни стружки, ни старые рамы. Тут я заставил своего человека Ивана, понимающего плотничное и столярные дела, пристроить сетки и исправить рамы, что он и сделал. Опять было велено Летицкому смотреть за Иваном, но Летицкий и тут ушел, (и вновь*) доверившись во всем Ивану, а чтобы я думал, что он был все время, он велел Ивану ключ передать не мне, а швейцару городской думы от имени его, Летицкого. Но я проверил все и обнаружил обман.

Затем осмотрел Белую башню. В ней было лучше, да и то, вероятно, потому, что в ней хранятся дела ярмарочной конторы[16] за особую плату и потому в нее ходят чиновники конторы в присутствии Летицкого. Иорданский и Летицкий во времена междуцарствия устраивали рамы и решетки, но не столько решетки, сколько деревянные щиты к окнам, а стекла тоже во многих местах были разбиты. Щиты неплотно прижаты были к рамам, и в башню проникали снег и дождь, а отчасти, но немного, и голуби. Некоторые окна тоже были заложены от снега и дождя старыми делами и книгами, которые тоже истлели, но меньше, а между тем эти книги были в большинстве указы Анны Иоановны и Екатерины наместническому правлению[17].

Пелагея Платоновна и Николай Николаевич Иорданские. 1898 года

Здесь я нанял столяра, который сделал проволочные сетки, которые мы вставили в гнезда летних рам, и зимние все исправили, я купил ¼ ящика стекла, и мой Иван вставил в них стекла. Так что теперь и Белая башня в хорошем виде.

Докладывать обо всем этом публично в заседании я не решился, так как это был бы не только всероссийский, но, пожалуй, европейский скандал, хотя кое-кому об этом рассказал. А потом на одном из заседаний доложил, что дела в башнях не в порядке, нет ярлыков и т.п., и просил избрать для осмотра башен и приведения дел в порядок особую комиссию, которая и была избрана, а затем просил эту комиссию слить с библиотечным комитетом, и это предложение было принято, и, следовательно, библиотечному комитету придется летом поработать в башнях. Я этому очень рад, так как библ[иотечный] комитет проявляет энергию и, вероятно, сделает что-нибудь хорошее. Чем дальше шло дело, тем больше запускал его Летицкий, да так и должно было быть, так как я, во-первых, стал назначать заседания чаще, например на 1910 г. назначено 14 заседаний, стали больше работать комиссии и стала необыкновенно увеличиваться библиотека, частью пожертвованиями членов, а частью высылкою изданий разных учреждений, в которые я стал посылать просьбы о высылке. Н.Н. Иорданский, сперва было защищавший Летицкого, сам увидал, что с ним нам не справиться, и добровольно согласился на его увольнение. Когда мы его уволили, то в его квартире оказалось множество запакованных неотправленных книг, и притом без адресов, так что мы не знаем даже, кому они посланы, да, кажется, в этом и не разберешься, неотправленными оказались и много брошюр. Взяли, по рекомендации Н[иколая] Н[иколаевича], некоего Ноговицына[18], писца городской управы, пока очень старательного, хотя совершенно необразованного, т.е. неначитанного, вероятно, весь его умственный багаж — грошовые красненькие книжонки, впрочем, бог его знает, может быть, я ошибаюсь, думается, что кадет Иорданский не возьмет правого или безразличного, а непременно «сознательного», кстати, и Летицкий был «сознательный». Расстались мы с Летицким в конце ноября или начале декабря 1909 года.

Странный человек Ник[олай] Ник[олай] Иорданский. Безусловно, он человек порядочный, дельный, но только столько везде нахватал дел, что хорошенько нигде не успевает, и дело страдает. Знаю я, что свою главную должность инспектора народных училищ Нижегородского уезда он исправляет плохо, ездит мало, наблюдает спустя рукава, по своей доброте, должно быть врожденной, и, может быть, бесхарактерности спускает подчиненным то, что никоим образом нельзя спустить. Большая, должно быть, у него семья, и заставляет она его брать разные платы побочной должности, которые, подобно нашей, исправляются тоже плохо, при этом он забывчив и у меня с ним было много неприятностей. Так, напр[имер], я получил от Витебской комиссии[19] уведомление об избрании меня членом и о высылке им наших трудов, я передал бумагу ему, просил написать. Проходит месяц, другой, бумаги к подписи нет. Спрашиваю, где. Оказывается, забыл, уверяет, что ничего от меня не получал, потом месяца через три, если не более, настал другой случай. (Некоторая*) Некая Хвощинская передала мне для архивной комиссии толстую рукопись Ипол. Завалишина[20], будто бы декабриста, я ее переслал ему. Рукопись пропала, опять уверяет, что не получал, хорошо еще, что у меня сохранилась расписка в получении, это заставило его приняться за розыски, и опять, но месяца через три, рукопись нашлась, были и другие подобные случаи. Так что в конце концов я завел особую книжку, в которую записываю все те бумаги и книги, которые передаю ему, и он в ней расписывается. Забывает он исполнять и постановления комиссии. Когда я вступил в председательство, я стал просматривать прежние журналы и нашел множество нередко пустячных постановлений, не исполненных даже по два года, выписал я их все в особую книжку и стал постоянно об них напоминать. Слава

богу, понемногу все привел в порядок и недоимок за нами нет. Еще что мне в нем не нравится. Н[иколай] Н[иколаевич] пострадавший кадет, передовой и прогрессивный деятель, каким и сам он себя считает, и другие «передовые» деятели, поэтому он никак не может отрешиться от партийности и вносит эту проклятую дурацкую партийность и в наше дело. Необыкновенное стремление поместить в «Сборнике» или «Действиях» какую-нибудь фразу, какой-нибудь укол правительству или правым, а особенно попам, кажется, что это он считает за дело, за главное дело, все это его тешит, он, вероятно, думает, что делает государственное дело. Есть еще его сочувственники, и тоже пострадавший кадет В.Е. Чешихин[21], наш сочлен, занимающийся литературой. Этот в этом отношении еще чище, человек он много пишущий в разных кадетских журнальчиках и газетках, напр[имер], и в «Нижегородском листке»[22], что называется, человек насвистанный, но тоже мелочный, хватающий верхушки, для которого красное словцо чуть ли не все. Конечно, оба сошлись и в редакционной комиссии делили все дела при равнодушии других, бросивших ходить в эту комиссию, может быть, даже из-за них, так как они старались делать по-своему. В.Е. Чешихин в архивной комиссии преследует личные цели: он выискивает материалы для своих литературных трудов, которыми живет, пользуется нашею библиотекою, рукописями с благосклонного содействия Иорданского, я даже побаиваюсь, как бы он им не злоупотребил; вообще, ожидаю от него всяких сюрпризов. Первое мое столкновение было таково. В «Сборник» они хотели поместить дневник одного попа 60-х годов. Поп был запойный пьяница, описывал свои запои, обращение к Богу о прекращении запоев и свои сомнения в бытии и всемогуществе Бога по поводу непрекращающихся запоев. Вот и все. Ни старины, ни описания людей, даже местности, нет, только описание своих чувств после запоя. Поместить дневник в «Сборник» хотелось, очевидно, только для того, чтобы раздразнить духовенство, чтобы сделать извлечения из него в повременной передовой печати. Я воспротивился и, основываясь на том, что я редактор и ответственен за статью, заявил, что я ни за что не помещу статью в «Сборнике». Второе — решили печатать некоторые автобиографии вместо старых деяний, автобиографии, которых много, пристегнули и новые. Получили автобиографию Вахтерова[23], в этой автобиографии отведено много места ректору семинарии Годневу[24], нашему члену, еще живому, тогда учителю семинарии, которого Вахтеров втаптывал положительно в грязь. Конечно, я соглашаюсь поместить автобиографию Вахтерова только в том случае, если место о Годневе будет исключено. Мне заявляют, что это нельзя, что Вахтеров ставит условие, чтобы все было напечатано без исключений или же ничего. Говорю, тогда лучше не печатать. После этого Н[иколай] Н[иколаевич] послал Вахтерову письмо обо всем, и Вахтеров любезно согласился на исключение, да, по-видимому, он и не ставил никаких условий и выдумали их Н[иколай] Н[иколаевич] и Чешихин. Третий случай — печатание писем[25] Чаадаева[26], среди писем отыскался листок, вероятность дневника, в котором Чаадаев глумится над мощами, чудотворцами и канонами и т.п. Самое обыкновенное глумление, для меня весьма противное. И вот эти мои сочлены настаивают на помещении в «Сборнике» и этой глупости. Доказываю им, что это не существенно, что это один пшик, что этим мы раздразним духовенство, из которого у нас много членов, что из-за этого на нас будут вешать собак и т.д. Будто бы соглашаются, а потом в мое отсутствие собирают комиссию (редакционную) и постановляют напечатать. Я протестую, решаюсь вынести этот вопрос на решение общего собрания, хорошо понимаю, что тут они прогадают, и листок не печатается. Очень все это неприятно, боюсь, не подвели бы опять чего в этом направлении и потому на последнем заседании предлагаю увеличить состав редакц[ионной] комиссии, что и проходит, и попадают несколько новых членов, хотя прогрессивных, но не фокусников, чему я очень рад. Но в этой области, думаю, будет еще немало попыток потешить себя помещением в трудах комиссии разных сенсационных штучек. Как это все нарушает гармонию, как хорошо, если б этого не было, если бы все работающие были одушевлены одним духом, имели бы одно деловое и только деловое направление! Вот этого я не могу простить Н[иколаю] Н[иколаевичу], хотя уверен, что если бы он не был под влиянием партии, он был бы прекрасным прав[ителем] делами, несмотря на недостатки. А как все-таки эти кадеты ведут свою линию вытравить из народа патриотизм. Тот же Н[иколай] Н[иколаевич], возвратившись из поездки по уезду со смотра училищ, привез в комиссию в библиотеку в отдел Смутного времени несколько книжек, отобранных им из ученических библиотек народных училищ, будто бы за ветхостью. И какие же это книжки: повести исторические о Кузьме Минине и князе Пожарском, об Иване Сусанине и т.п., притом все книжки неиспорченные, в хороших переплетах, книжки в нескольких экземплярах. Что это как не подлая кадетская политика! Боже, как противно, как гадко и низко!

Нельзя обойти молчанием и еще один, довольно смешной, случай. Как-то зимою, на институтском вечере, подходит ко мне инспектор гимназии С.В. Пусков[27] и передает, что в 1905 году был выбаллотирован в члены комиссии его дядя П.Д. Вознесенский, отставной генерал, но что этот Вознесенский никогда не получал повесток на заседания и не мог на них поэтому бывать, что сам С.В. видел повестки, посылаемые Вознесенскому, но в них его называли не Петром Дмитриевичем, а Павлом Дмитриевичем, и адрес его показывали неверно. Конечно, я обещал Пускову разобрать дело, и если окажется, что Вознесенский выбран, то восстановить его в правах. Прихожу домой, смотрю в наши журналы и вижу, что действительно,

22 октября 1905 года, т.е. в самые дни свободы, избран в члены по предложению А.А. Савельева, тогда председателя комиссии, и С.В. Пускова П.Д. Вознесенский, который и фигурировал в списках членов, но с нарочно измененным адресом и именем. Через год при печатании нового списка членов Вознесенский был почему-то исключен. Так как у нас такие же шутки бывали, но, конечно, по ошибке, напр[имер], князя Звенигородского[28] избрали тоже в 1900-х годах, не включали несколько лет и т.п., то я, перетолковавши с Иорданским и предположивши вместе с ним, чтобы эта ошибка, подобная ошибке с князем Звенигородским [не повторилась], предложил Вознесенскому прийти на следующее собрание. Вознесенский пришел в обыкновенном генеральском мундире, сидел, его даже выбрали в члены библиотечного комитета. Но каково же было наше удивление, когда на заседание библиотечного комитета Вознесенский явился в синем жандармском мундире. Тогда все стало ясно. Очевидно, не справившись хорошенько, Савельев, по просьбе Пускова, предложил в члены Вознесенского и, как нарочно, в дни свободы, когда Савельев играл выдающуюся роль в либеральном лагере, Вознесенского выбрали, когда узнали, что он жандарм, то и устроили описанный выше фортель. Если бы они предупредили меня или Иорданского, то мы, конечно, постарались бы как-нибудь не восстановлять Вознесенского, так как действительно нехорошо, когда в члены попадает жандарм.

Я хотя и считаю себя по политическим убеждениям правым, но жандарма сотоварищем иметь нигде не желаю. Бог с ними, лучше от них подальше! Впрочем, наш Вознесенский как будто бы ничего. Оказывается, он нижегородец, сын семеновского исправника, окончил гимназию в 1858 году, значит, ему за 70 лет, уже 7 лет в отставке, служил в Киеве и Сибири, говорит вообще мало, лицо у него не противное, напротив, простое и довольно симпатичное. Сразу он стал заниматься, составлять каталог, т.е. выносить книги на карточки, ходит каждый день и делает дело. Но все-таки лучше, чтоб если бы его не было! Все-таки как-то неприятно. Кстати, об этой работе. Начали мы ее недели две, ежедневно по утрам во все дни хожу я, Драницын, Вознесенский и описываем, изредка появляется Иорданский или еще кто-нибудь. По воскресеньям же приходит довольно много народу, не ходит только Вознесенский. Очень усиленно занимается Драницын и описал много книг, я много меньше его, а Вознесенский меньше моего, остальные 5—6 человек, конечно, еще меньше, но дело подвигается, и есть все-таки надежда, что мы его доделаем, а доделавши, примемся за дела в башнях. А нужно скорее все сделать. В будущем году будет юбилейный съезд, съедутся ученые, захотят посмотреть — и если будет плохо, то будет срам! А срама надо избежать!

РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 44—52 об.

27 января 1910 г.[29]

Пожертвования в архивную комиссию льются рекою. Я давно говорил в комиссии, много лет назад, об обращении к земствам, городам, дворянству, а осуществить пришлось только тогда, когда сделался председателем. Хотя дали не все земства и города, но все-таки наш обычный бюджет — 800 рублей на комиссию и 500 руб. на юбилейный сборник[30] — значительно увеличился. Мы получили единовременно от Ардатовского, Семеновского, Макарьевского, Нижегородского земств 675 р. И ежегодно от Нижегородского, Макарьевского и Балахнинского 100 р., от 3 уездных городов получили 30 р., от мещанского общества 76 р. И от дворянства 500 р., всего 1381 руб., т. е. вдвое. Есть надежда, что и в будущем году тоже получим что-нибудь вроде этого. Пожертвования книгами тоже стали много больше прежнего, и притом хорошими, целыми книгами. Дай бог, чтобы это продолжалось, боюсь, однако, только как бы бестактность наших сочленов левого направления не выкинула какую-нибудь штучку во вред нашему обществу. А это очень и очень возможно.

Другая сторона моей деятельности — это то, что в декабре 1909 г. на Дворянском собрании меня выбрали членом по хозяйственной части в Александровский институт[31]. Тоже отказывался, тоже не хотел идти, но, с одной стороны, упрашивания, а с другой — уверения Д.П. Шепелева[32], что эта должность дает возможность получения стипендии детям, заставляет согласиться на баллотировку. Выбран хорошо, черных шаров только два. Пока идет утверждение, исполняю должность. Как будто бы ничего. Особенно дурного нет, хотя некоторые закупки эконома подозрительны, вероятно, есть мелкое мошенничество, в таком большом и сложном деле трудно избежать мелкого мошенничества. Кое-что наметим к уничтожению и к перемене. Посмотрим, что выйдет.

Личные мои дела и моего семейства за этот период жизни неважные. Хотя я и получаю довольно хорошую пенсию — с эмеритурной[33] около 3200 р[ублей] в год[34]. Но денег все не хватает. Дом купил невыгодно, ухлопал много на ремонт. Обошелся он до 13 тыс[яч], а квартира только одна, правда поместительная, но не видная, потолки низкие, комнаты маленькие, места мало. Подсчитывал все расходы и % на капитал, выходит, что квартира обходится около 900—1000 руб[лей] в год, это для меня много, правда, у нас живут тоже постоянно кто-нибудь из семейства детей, так что квартира оказывается даже мала, напр[имер], сейчас живет Наташа[35] с мужем[36], дочкою и другою новорожденною[37], с нянькой, затем живет жена Бори[38] с ребенком, матерью и нянькой, стоит содержание их дорого, а что поделаешь? Самого меня загнали в кабинет, поставили ширмы, за ширмами кровать, и ладно, жена живет в Мушкиной[39] комнате, а в нашей спальне помещались Саша[40] и Яша[41]. Саша уехал уже в университет[42], так что скоро можно будет нам переехать

На даче в Щербинках члены семьи и гости А.Я. Садовского (сидит слева). Начало XX века

в спальню, а Яшу поместить в Бориной комнате, но опять-таки скоро приедет Боря, так что в конце концов лучше оставаться как теперь. Но это все бы ничего. Очень жалко детей Наташу и Борю. Наташа вышла замуж очень несчастливо. Муж ее Алекс[сандр] Богодуров, хотя по душе и хороший человек и ее любит, но крайне недалекий, совершенно бесхарактерный, поддающийся всяким влияниям. К несчастью, он мнит себя передовым человеком, начитался и наслушался в университете всяких бредней, считает себя левым кадетом и действует, конечно, под влиянием других в этом направлении, читает он только «передовые» газеты да грошовые красные книжонки, которые совершенно вскружили его глупую голову, при этом он чрезвычайно легко воспламеняется и способен говорить или, скорее, выкрикивать вычитанные им положения из красненьких книжонок, не считаясь ни с чем и не считаясь с тем, где он говорил — в Дворянском, Земском или другом собрании. Благодаря этому он вскоре после свадьбы сидел в тюрьме и только благодаря родству и заступничеству сильных мира не был выслан из Нижнего. Попал было он после этого в члены Арзамасской земской управы, но опять-таки благодаря глупым мальчишеским выходкам перед губернатором не был утвержден в этой должности. И вот жизнь ему опять-таки устроила было агентство страховое в земстве, оставалось ему только явиться к губернатору и попросить об этом, что было сделано добрыми людьми, сочувствующими Наталье, чтобы губернатор его утвердил, но этот слабоумный дурак, явившись к губернатору, наговорил ему бог знает чего, и в результате утверждения в должности не последовало. Теперь снова за него хлопочут, причем, что удивительно, он хлопоты за него принимает как должное и даже не благодарит за них. Вполне уверен, что и теперь все окончится ничем, он опять выкинет какое-нибудь дурацкое коленце. И что удивительно, сам он со всеми своими наклонностями самодур и крепостник, а считает себя [и] его считают другие за левого кадета. Сия жизнь его заключается в сутяжничестве, судится постоянно с крестьянами, чиновниками и т. д., даже со своим братом, за собственность свою готов, кажется, удавиться; как-то у нас, увидав воровство в саду, начал кричать, что следует пороть и т. п. Конечно, бедная Наташа давно его раскусила, но по своему милому и доброму характеру находит во всем оправдание. Другая давно бы его бросила, и я бы сам даже желал, чтобы она его бросила, чем дальше, тем жизнь их будет хуже.

Боря тоже несчастлив. Со своим влюбчивым характером он прежде постоянно влюблялся в кого-нибудь, но недолго, много, много самое на год, через год новая любовь. Так, должно быть, получилось и тут. Он поехал лечиться в Ялту[43], влюбился и, видимо, попался, его не выпустили, считая его по его же очевидно словам и выходкам, за богатого человека, сумели его женить. Жена его Лида[44] обыкновенная южанка, как все южанки, неразвитая, недалекая женщина, хотя и окончила Ялтинскую гимназию. В придачу он получил тещу, теща уже еще хуже, чем жена по своему развитию, притом постоянно ноет, постоянно говорит одно и то же монотонным неприятным голосом. Средств у них мало. Переехали они в Москву, жить нечем, пришлось тратить из своего небольшого капитала,

После охоты. А.Я. Садовский за столом в центре. Начало XX века

а тут родился сын[45] и началось постоянное нытье, затем всегдашние наблюдения за Борей, за его товарищами, требования, чтобы он сидел дома, никуда не ходил и т. п. В результате они не прожили и года, как Боря приехал к нам в деревню, потихоньку сбежал из дома и в одной смене белья, и в одном костюме приехал к нам, заявив, что он к себе в Москву более не поедет, а если и поедет, то не иначе, как тогда, когда уедет теща. Пошла переписка, предложили мы Лиде с ребенком жить у нас, так как куда же ей деваться, денег у них нет и у нас нет, единственное, чем мы можем помочь — нашей квартирой и столом. Лида не ехала без матери. Боря требовал и просил, чтобы мать ни в каком случае не приезжала. Положение было крайне неприятным. Разрешилось оно все-таки тем, что приехали Лида, мать, ребенок и нянька и, кроме матери, поселились у нас, но с первых дней вышло, что мать поселилась в комнате дочери и, хотя имела квартиру, но туда ходила только обедать. По приезде жены, в декабре, Боря в начале января уехал в Москву устраивать свои литературные дела. По его письмам, все идет как будто бы хорошо.

Порадовал пока только Саша. Он окончил курс в институте и поступил на естественный факультет в Московский университет. Приехал он к нам молодцом. Боюсь только, как бы не завертели его бабы.

Об Яше и Мухе сказать ничего, беспокоит только капризный характер Мухи.

Лиза[46] живет в Сормове хорошо. Муж ее и ребенок[47] производят очень хорошее впечатление. Дай Бог, чтобы все продолжалось так, как идет теперь.

Сегодня 24 января окрестили новорожденную Наташину дочку, Настю, крестным отцом был Яша, а матерью Муха, крестил наш деревенский священник из Константинова: Богодуров после причта уехал домой в деревню.

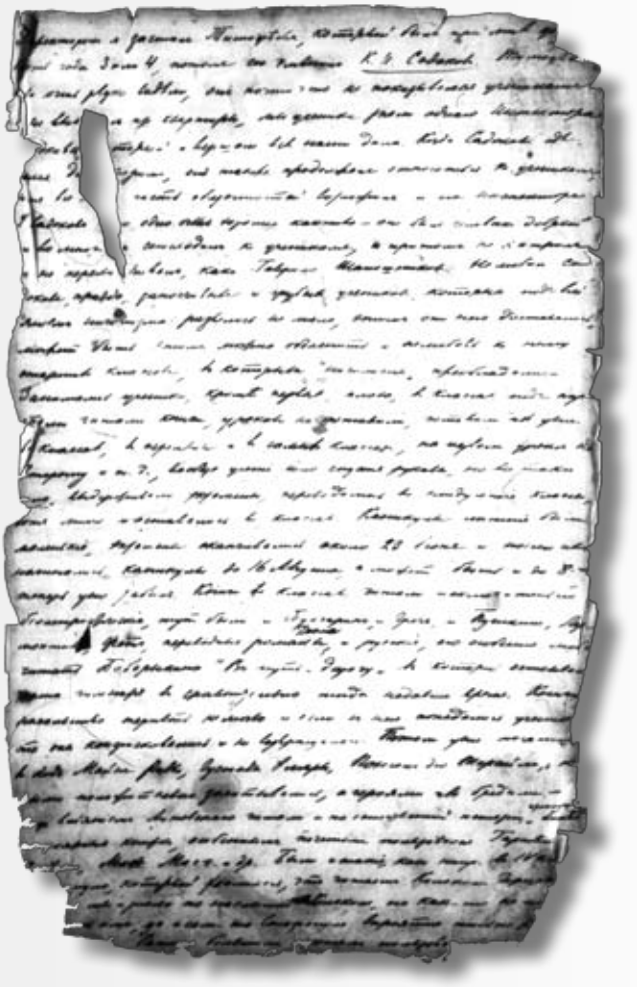
Сегодня прислали для архивной комиссии из археографической комиссии 10 книг, прекрасных, да из Удела истории уделов, все цветные хорошие книги.

Деньги все вышли, до получения пенсии еще далеко, придется где-нибудь занять.

Удивительно проводит время Александр Алавердович[48]. Встает около часа, иногда двух, читает газету «Нижегородск[ий] листок», гуляет, после обеда читает «Русские ведомости», читает, должно быть, все без исключения, ибо чтение продолжается очень долго, потом грызет подсолнечник, иногда уходит в гости. И так все дни.

28 января 1910 г.

Вчера вечером был в комиссии под председательством архиерея викария Геннадия[49] по поводу ремонта древнего собора в Макарьевском женском монастыре[50]. Интересна там старушка игуменья, собирательница средств для монастыря, интересен и викарий, совершенно молодой, говорят, ему около 35 лет, очень простой, симпатичный. Народу собралось мало, комиссия эта собирается впервые, и дело ограничилось пока избранием новых местных членов. Предложил викарию быть членом нашей архивной комиссии и получил его



Страница рукописи дневника А.Я. Садовского

согласие. В феврале надо его выбаллотировать. Вечером после комиссии, так как это была среда, надо бы было пойти в архивную, где должны бы были собраться члены для разбора библиотеки, но забыл, не пошел и очень этим потом беспокоился; когда же сегодня утром пришел туда, то оказалось, что никто не приходил, а также не было Иорданского и Ноговицына. Что это, уж не охладели ли к нашему общему делу?

Был в комиссии некто Бреев[51] — торговец картинами и книжками на Нижнем базаре. К предстоящему в 1911 г. 300-летию [Нижегородского ополчения] Минина и Пожарского он задумал издать разовые книги, картины, открытые письма с видами старого Нижнего и [портретами] его деятелей и даже устроить панораму. По его словам, он приобрел очень много старых рисунков и просит в воскресенье 31 числа прийти к нему посмотреть[52]. Обещал, хотя едва ли попаду, так как в воскресенье назначен в институте бал и в качестве члена комитета по хозчасти я должен на нем присутствовать.

Я забыл еще упомянуть о своих отношениях к непременному попечителю комиссии губернатору Шрамченко. Вскоре [после] моего выбора я назначил второе или третье заседание. Ни Меморский, ни Иорданский не предупредили меня, что заседания назначаются с согласия попечителя, я в день заседания послал ему извещение о собрании и повестку. В ответ получаю предложение на будущее время назначать дни заседаний с его согласия. Было очень неприятно, объяснился с ним, сказал, что сделал по недоразумению, и тем дело окончилось. Пообдумал и нашел, что я действительно поступил неправильно. Второй случай. Предполагаемый доклад Савина[53] о статье профессора Киевской духовной академии Завитневича[54] «Смутное время», помещенный в Трудах Киевской духовной академии[55], Иорданский по ошибке в сообщении к губернатору написал вместо статьи — брошюра. Статья была самая обыкновенная, но губ[ернатор] начинает спрашивать и требовать о присылке ему для ознакомления «брошюры» Завитневича. Иду, объясняюсь, передаю ему две книжки Трудов. Просит оставить для ознакомления недели на две, прихожу через месяц, напоминаю, говорит «не прочел». Опять жду. Вдруг бумаги: «не получил до сих пор затребованной брошюры, прошу ее представить». Пишу уже на бумаге. И до сих пор с 1 ноября статья гостит у него. Третий случай уже перед Рождеством — требует представить список лиц, служащих в комиссии. Представил, но для чего, вопрос, ведь он и так нас всех знает. Вообще я не понимаю этих, так сказать, придирок. Должен же он знать и, вероятно, знает, что я по политическим убеждениям правый, умеренно правый, хотя ни в какой партии не состою, и что у меня ничего против государства быть не может.

Сегодня в газетах прочел, что Сенат уважил мою жалобу на обложение моего дома и других 52 помещиков земским сбором и отменил эти сборы. Дело это — отзвук нашего освободительного подлого движения. Земское собрание, под влиянием освободителей, обложило сборами не приносящие дохода помещичьи дома, служащие исключительно для собственного проживания, а не для извлечения выгоды. Случилось это в пресловутом 1906 году. Я обжаловал в губернском присутствии, в котором мою просьбу не уважили, обжаловал в Сенат и только сегодня получил удовлетворение, причем Сенат отменил не только обложение моего дома, но и всех 52 помещиков, следовало бы им поблагодарить меня!

Сегодня долго искал везде начатые мною некогда воспоминания, но нигде не смог найти, куда-то задевались. Надо будет поискать еще.

РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 54—54 об.

[1] Довольно большая часть этих записей предшествует публикуемому материалу, они содержат сведения библиографического и семейного характера.

[2] Садовский Александр Яковлевич (1850–1926), с 1891 года – член НГУАК. В 1909–1918 годах ее председатель, с 1911-го – зав. Нижегородским отделением Московского археологического института, в 1919–1921 годах – уполномоченный Главного управления архивным делом по охране архивов в Нижегородской губернии. В 1921–1926 годах – председатель Нижегородской археолого-этнологической комиссии.

[3] НГУАК – добровольная историко-архивная организация, существовала в 1887–1918 годах.

[4] Савельев Александр Александрович (1848–1916), в 1892–1893 годах – товарищ председателя, в 1893–1909 годах – председатель НГУАК. С 1887 года – член губернской земской управы, в 1890–1900 годах – председатель Нижегородской уездной земской управы. В 1900–1908 годах – председатель Нижегородской губернской земской управы. Депутат I, II и III Государственной думы (от кадетов).

[5] Речь идет о 300-летии Нижегородского ополчения.

[6] Меморский Александр Михайлович (1855–1913) – юрист, городской голова Нижнего Новгорода (1897–1909), член НГУАК.

[7] Шрамченко Михаил Николаевич (1857–1918) – российский государственный деятель, действительный статский советник, губернатор Нижегородской губернии (1907–1910), непременный попечитель комиссии.

[8] Звездин Андрей Иванович (1863–1927), с 1889 года – член НГУАК, в 1895–1903 годах – правитель дел. С 1921 года – член археолого-этнологической комиссии.

[9] Иорданский Николай Николаевич (1863–1941), с 1887 по 1897 год работал в просветительном Обществе распространения начального народного образования, был одним из организаторов и преподавателей первой женской воскресной школы для взрослых в Нижнем Новгороде. С 1898 года – инспектор народных училищ в Нижегородской губернии, затем инспектор городских начальных училищ в Нижнем Новгороде. Член НГУАК, в 1908–1910 годах – правитель дел, с 1938 года – доктор педагогических наук.

[10] Снежневский Виктор Иванович (1861–1907), с 1888 по 1895 и с 1903 по 1907 год – правитель дел комиссии, член редколлегии ее сборников. С 1895 года – преподаватель в речном училище, секретарь в земских собраниях.

[11] Библиография работ В.И. Снежневского // Действия НГУАК. Т. VII. – Н. Новгород–Канавино, 1908. С. 13–16; Короленко В.Г. Памяти В.И. Снежневского // Там же. С. 17–20; Звездин А.И. Памяти В.И. Снежневского // Там же. С. 21–26.

[12] В 1911 году он был выслан из Нижнего Новгорода как «опасный общественный деятель». В 1911–1914 годах – инспектор народных училищ Рижского учебного округа.

[13] Летицкий П.Ф. – член НГУАК при руководстве А.А. Савельева и А.Я. Садовского, занимался чисто организационной работой.

[14] Драницын Николай Иванович (1870–1927), с 1899 года – член НГУАК, с 1906-го – редактор «Вечерней газеты» (Н. Новгород), с 1910-го – зав. библиотекой и историческим архивом комиссии. В 1911 году избран членом отдела архивной комиссии по изучению и охране памятников нижегородской старины. В 1917 году – директор Научной библиотеки (книгохранилища) им. А.И. Герцена. В 1924–1927 годах – зав. научным отделением Центральной губернской научно-общественной библиотеки – книгохранилища им. В.И. Ленина. Член археолого-этнологической комиссии, автор более 150 работ.

[15] В 1889 году НГУАК получила под архивные дела Белую башню Нижегородского кремля, позднее – Тайницкую и Дмитриевскую.

[16] Нижегородская ярмарочная контора существовала в 1804–1918 годах, до 1864 года Нижегородская ярмарка находилась в государственном управлении. Ее делами заведовала ярмарочная контора, в состав которой входили директор с помощником, архитектор, секретарь, казначей. Обязанности ярмарочной конторы: раздача казенных лавок в аренду торгующим, взимание платы за них и ремонт казенных построек, составление отчета о ходе торговли и торговых оборотах.

[17] Нижегородское наместническое правление учреждено 22 декабря 1779 года по Указу от 5 сентября 1779 года. Ликвидировано согласно Указу Сената от 12 декабря 1796 года «О новом разделении Государства на Губернии» – в связи с проведением новой губернской реформы и восстановлением Нижегородской губернии.

[18] Сведений обнаружить не удалось.

[19] Витебская губернская ученая архивная комиссия действовала в 1909–1918 годах. Инициаторами создания комиссии являлись Е.Р. Романов, А.П. Сапунов и В.С. Арсеньев.

[20] Завалишин Ипполит Иринархович (1808 – позднее 1883) – литератор и этнограф, брат известного декабриста Завалишина Дмитрия Иринарховича (1804–1892), автор «Описания Западной Сибири» (М., 1862).

[21] Чешихин (Ветринский) Василий Евграфович (1866–1923), с 1899 года в Нижнем Новгороде состоял на службе в земстве, редактор «Земской газеты» и «Нижегородского ежегодника», сотрудник «Нижегородского листка», член НГУАК. В 1901–1903 годах – редактор «Самарской газеты» и других периодических изданий. В 1918 году – зав. культурно-просветительным отделом Нижегородского отделения Союза потребительских обществ и Рязанского губернского кредитного кооперативного союза. С 1920 года – на работе в Главном управлении кустарной промышленности (Москва).

[22] «Нижегородский листок» – ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета, издавалась в Нижнем Новгороде с 1893 года и освещала преимущественно вопросы нижегородской и поволжской жизни. В ней принимали участие В.А. Гольцев, В.Г. Короленко, К.М. Станюкович. Редактор Г.Н. Казачков, издатель С.Н. Казачков.

[23] Вахтеров Василий Порфирьевич (1853–1924) – российский педагог, ученый, методист начальной школы, деятель народного образования. Внес значительный вклад в педагогическую теорию и практику. Опираясь на эволюционную теорию Ч. Дарвина, явился основоположником педагогической концепции, которая получила название «Эволюционная педагогика».

[24] Годнев Геннадий Васильевич (1839–1917), по окончании Московской духовной академии 11 декабря 1864 года определен Синодом в Нижегородскую духовную семинарию преподавателем Священного Писания, с 1886 года – протоиерей. В 1882-м – назначен ректором гимназии и исполнял эту должность до своей кончины 10 ноября 1917 года. С 1886 по 1905 год – редактор «Епархиальных ведомостей», приложил немало сил для ознакомления священнослужителей с памятниками родной старины.

[25] «Философические письма» – философское произведение П.Я. Чаадаева.

За публикацию первого письма в 1836 году журнал «Телескоп» закрыт. Всего было восемь философических писем.

[26] Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. Его труды были запрещены к публикации в императорской России.

[27] Пусков С.В. — инспектор нижегородской мужской гимназии, окончил Казанский университет, в 1910 году сдал испытание на звание учителя гимназии. До этого 25 лет был ее инспектором.

[28] Звенигородский Андрей Владимирович (1878—1961) — из древнего княжеского рода, поэт Серебряного века, с 1944 — член Союза писателей СССР. Поэзию Звенигородского отличала ориентация на раннее русское декадентство. Как поэт большой известностью и популярностью не пользовался. Был известен в основном в нижегородских и московских литературных кругах. Осуществил также ряд публикаций, связанных с изучением биографии М.Я. Чаадаева. После 1917 года печатался редко. Участвовал в подготовке издания Полного собрания сочинений Л. Толстого, публиковал небольшие литературоведческие статьи в периодике.

[29] В тексте встречается и другая дата этой записи — 24 января.

[30] Имеется в виду сборник «Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. В память 300-летия нижегородского подвига» // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Т. XI. — Н. Новгород: Издание Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, 1913.

[31] Александровский дворянский институт был закрытым средним общеобразовательным мужским заведением для подготовки дворянских детей к поступлению в российские университеты. Он возник на базе дворянского пансиона при всесословной губернской гимназии. Торжественное открытие его состоялось 30 августа 1844 года. Институт был назван Александровским в честь цесаревича Александра Николаевича, утвердившего проект архитектора А.А. Пахомова.

[32] Сведений обнаружить не удалось.

[33] Эмеритура (эмиритура) — в дореволюционной России: пенсия, выдаваемая из Фонда специальных взносов служащих.

[34] А.Я. Садовский в 1908 году вышел в отставку с пенсией 3100 руб.

[35] Наталья Александровна Богодурова (Садовская, 1886—1980), воспитывалась в Нижегородском институте благородных девиц. В конце 1930-х годов работала в регистратуре Горьковской поликлиники Российского общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Первоначально с мужем поселились на принадлежавшем А.А. Богодурову хуторе близ села Корина Арзамасского уезда, позже жили в Нижнем Новгороде в доме А.Я. Садовского.

[36] Богодуров Александр Алавердович (1873—1952), дворянин, арзамасский помещик. В 1894 году окончил Нижегородский дворянский институт имени Александра II, затем учился на естественном факультете Московского университета. Его мать Ольга Васильевна Баженова — правнучка Василия Ивановича Баженова (1737 или 1738—1799), архитектора, одного из основоположников классицизма в России, действительного статского советника (1796), с 1799 года вице-президента Петербургской академии художеств. Брак А.А. Богодурова и Н.А. Садовской заключен в Нижнем Новгороде 21 апреля1906 года.

[37] Речь идет о детях — Софии и Анастасии.

[38] Садовской (Садовский) Борис Александрович (1881—1952) — сын, учился в Нижегородском дворянском Александровском институте и в гимназии, затем на историко-филологическом факультете Московского университета. С начала 1900-х годов печатал стихи сначала в нижегородской, затем в московской прессе. Сотрудничал в журналах «Весы», «Русская мысль», «Северные записки», газетах «Речь», «Русская молва» и др. Основным источником его существования была пенсия. Умер Садовской в Новодевичьем монастыре, где жил с 1927 года.

[39] Садовская Мария Александровна (1893—1984).

[40] Садовский Александр Александрович (1890—1938). Поступил в августе 1901 года и при отличном поведении окончил полный восьмиклассный курс Нижегородского дворянского института имени императора Александра II в июне 1909 года. Согласно прошению на Высочайшее имя зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища юнкером на правах вольноопределяющегося I разряда рядового звания 4 октября 1915 года. Приведен к присяге 26 октября 1915 года. Произведен в унтер-офицеры 15 сентября 1916 года. Окончил ускоренный курс по I разряду. Высочайшим приказом от 1 октября 1916 года произведен в корнеты с зачислением по армейской кавалерии со старшинством с 1 октября 1915 года. Переведен в 3-й уланский Смоленский императора Александра III полк, куда прибыл и зачислен в списки 28 октября 1916 года. Офицер 2-го эскадрона. В 1917 году полк находился в Румынии. Был в отпуске в Нижнем Новгороде на 30 дней с 23 апреля 1917 года, заболел с 16 мая, возвратился в полк 26 июня 1917 года. Последний чин — поручик, должность — начальник команды связи. С 1918 по 1921 год служил в Красной армии в кавалерийских частях, командир эскадрона. Во время Гражданской войны в боях не участвовал. С начала 1920-х годов и до ареста 1 ноября 1937 года жил в квартире отца в Нижнем Новгороде на улице Тихоновской (ныне ул. Ульянова), д. 27, кв. 1. 1—2 февраля 1929 года у него производил обыск Нижегородский губернский отдел ОГПУ. В 1937 году жил в Горьком, был начальником лесоустроительного района «Лесопроекта». Арестован 1 ноября 1937 года. Обвинен в контрреволюционной и вредительской деятельности в лесоустроительных организациях. Признал себя виновным. Приговорен «тройкой» 7 января 1938 года к высшей мере наказания. Расстрелян 25 января 1938 года. (11 августа 1956 года Приокским бюро ЗАГС г. Горького было выдано свидетельство о смерти I-ОП № 014913, где говорилось о том, что он умер 25 мая 1942 года от цирроза печени). Полностью реабилитирован и приговор отменен 29 декабря 1945 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР.

[41] Садовский Иаков (Яков) Александрович (1891—1974). Поступил в августе 1902 года и при отличном поведении окончил полный восьмиклассный курс Нижегородского дворянского института имени императора Александра II в июне 1910 года. В августе 1910 года зачислен на юридический факультет Императорского Московского университета, который окончил в 1914 году. В Москве жил по адресу: Большая Никитская, дом 22, кв. 97. Согласно прошению на Высочайшее имя зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища юнкером на правах вольноопределяющегося I разряда рядового звания 31 мая 1915 года. Приведен к присяге 22 июня 1915 года. Произведен в унтер-офицеры 2 января 1916 года. Окончил ускоренный курс по I разряду. Высочайшим

приказом от 1 февраля 1916 года произведен в прапорщики 3-го уланского Смоленского императора Александра III полка, со старшинством с 1 октября 1915 года. Полк в это время находился в Пинских болотах. Корнет со старшинством с 1 июня 1915 года, поручик со старшинством с 1 марта 1917 года. Офицер 4-го эскадрона. Был в отпуске в Нижнем Новгороде на 30 дней с 18 ноября 1916 года, заболел, возвратился в полк 18—24 января 1917 года. С 15—22 апреля 1917 года — адъютант полка. В 1917 году полк действовал в Румынии. В ноябре 1917 года вместе с полком находился в Екатеринославской губернии. До января 1918 года — в армии. Награжден орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом за бой 23 августа 1916 года у деревни Езибит (приказ 6-й армии от 15 декабря 1916 года № 18 (представлялся же к ордену Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом), Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом за разведку 14—16 октября 1916 года от деревни Бейдиудт к Дунаю (приказ 6-й армии от 15 декабря 1916 года № 18). Во время Гражданской войны служил в Красной армии, командовал эскадроном, в августе-сентябре 1920 года был помощником командира полка 2-й отдельной кавбригады, с сентября по декабрь 1920 года командовал 100-м кавполком 17-й кавдивизии. Участвовал в боях на Южном фронте (октябрь—декабрь 1918), на польском фронте и в борьбе с бандами в Киевской губернии (август 1920 — февраль 1921). 16 сентября 1920 года ранен в ногу навылет под местечком Городец Гродненской губернии. С февраля по октябрь 1921 года находился в отпуске по болезни в Нижнем Новгороде, затем по август 1922 года служил в Нижнем Новгороде. В августе 1922 года уволен в запас. В начале 1920-х годов жил с отцом в Нижнем Новгороде на улице Тихоновской, 27 (ныне ул. Ульянова). До начала Великой Отечественной войны работал зоотехником по коневодству Горьковского облземотдела. Звание капитана присвоено приказом НКО № 40/з от 1938 года. Во время Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года призван Свердловским РВК г. Горького в Красную армию. Назначен начальником 52-го конского депо в г. Горьком. Уволен в запас по статье 43 а приказом № 084 по Горьковскому военному округу от 29 октября 1945 года.

[42] В августе 1909 года зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. 11 июня 1910 года подал прошение об увольнении для поступления в Лесной институт. В 1914 году окончил Лесной институт в С.-Петербурге. Уехал работать в Пермскую губернию.

[43] В мае 1904 года он заразился сифилисом. В результате неправильного лечения (передозировки лекарств) с 1908 года чувствовал себя крайне плохо, резко ухудшилось здоровье в 1912 году после поездки на Кавказ. Бориса Александровича лечил профессор Анфимов. С 1914 года начались частичные параличи конечностей. Продолжал лечиться у разных известных врачей, в том числе у знаменитого профессора Плетнева, но ничего не помогло. В конце 1916 года его поразил tabes dorsalis (спинная сухотка), и он был до конца жизни парализован.

[44] Садовская (Саранчова) Лидия Михайловна, первая жена Б.А. Садовского (брак 26 октября 1908, Москва, церковь Воскресения на Остоженке). Из дворян, окончила Ялтинскую гимназию, жила в Ялте с матерью Натальей Николаевной. В Москве жили в Молочном переулке. Расстались с Б.А. Садовским в начале 1910 года. Потом развелись. Переписка велась до 1917 года.

[45] Садовский Александр Борисович (16.07.1909, Москва — ?), родился в Москве 16 июля 1909 года. Крещен 2 августа 1909 года в Московской Спасской, что над вратами Зачатьевского девичьего монастыря, церкви. Восприемники: статский советник Александр Яковлевич Садовский и дворянка Наталья Николаевна Саранчова. После развода родителей жил с матерью в Ялте. Связи были потеряны.

[46] Скворцова (Садовская) Елизавета Александровна (21.02.1884 — 19.11.1977), оставила несколько дневников воспоминаний. Муж (венчание 26 мая 1906 года в церкви с. Ближнее Константиново) Сергей Григорьевич Скворцов. Инженер-технолог, учился в С.-Петербурге. В Нижнем Новгороде жили в домах так называемого Заводского парка на Сормовском заводе. В 1929—1933 годах находился в заключении, затем освобожден и переведен в Москву. Коллекционер. Умер во время Великой Отечественной войны в эвакуации в г. Куйбышеве.

[47] Речь идет о сыне Александре, была и дочь — Наталья.

[48] Речь идет об А.А. Богодурове.

[49] Геннадий (Туберозов) (1875—1923), епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1909—1914).

[50] Макарьевский Желтоводский женский монастырь основан в первой половине XV века преподобным Макарием Желтоводским и Унженским. Желтоводским назван по Желтому озеру, на берегу которого святой Макарий основал обитель. С 1991 года — здания монастыря переданы Нижегородской епархии. В этом же году по решению Священного синода был снова открыт Макарьевский Желтоводский женский монастырь.

[51] Бреев Василий Иванович (1863 — не ранее 1928) — фотограф, издатель, книготорговец, предприниматель, редактор, коллекционер, меценат и общественный деятель. В 1881-м переехал в Нижний Новгород, занимался мелкой торговлей. Разбогатев, в 1894 году образовал небольшую фирму по торговле книжной и писчебумажной продукцией. В честь 300-летнего юбилея Нижегородского ополчения в военном манеже Нижегородского кремля с 6 августа по 6 сентября 1911 года организовал Мининскую историческую выставку, на которой представил из своей коллекции 1770 редчайших экспонатов, за что был удостоен высочайшей благодарности императора (с вручением рубинового перстня). Издал тематические серии открыток «Нижний Новгород и окрестности», «Волга и Поволжье», в 1911 году — «В память 300-летия подвига Нижегородского ополчения 1611—1612 гг.».

[52] В 1910 году В.И. Бреев обратился с письмом в НГУАК, в котором просил разрешения на копирование исторического материала: планы, карты, рисунки, гравюры с видами Нижнего Новгорода для использования в показах «волшебного фонаря» на народной панораме (выставке) и на открытых письмах. Резолюция НГУАК: «Разрешить с последующим предоставлением экземпляров...»

[53] Савин Николай Александрович — член Нижегородской археолого-этнологической комиссии, автор монографии «Из истории Болдина», участник I Краевой конференции музейных работников и краеведов, состоявшейся в Нижнем Новгороде в 1925 году.

[54] Завитневич Владимир Зенонович (1853—1927) — русский гражданский и церковный историк, преподаватель, богослов, философ, археолог, литератор, публицист, профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории.

[55] Труды Киевской духовной академии — российский научный журнал, ежемесячник Киевской духовной академии, выходивший в 1860—1917 годах.

«ДЕТИ ЖЕМЧУЖИНЫ»

О ПОТОМКАХ А.Д. УЛЫБЫШЕВА*

А.Д. Улыбышев

В.Ю. Белоногова

Начнем с ближайших потомков — с детей, рожденных в браке. Венчание Александра Дмитриевича Улыбышева и Варвары Александровны Олсуфьевой, дочери отставного прапорщика А.М. Олсуфьева, состоялось 26 августа 1831 года в деревянном еще тогда храме Покрова в Лукине[1]. В 1832 году родился сын Николай. Потом дочери — старшая Наталья и младшая Софья.

Николай, увы, не унаследовал от отца его духовных и эстетических интересов. Отец, по-видимому, занимался им мало. По свидетельству современника М.П. Веселовского, будучи еще гимназистом, он уже был «нравственно испорчен. На вечерах своих родителей он появлялся пьяный, и всех удивляло, что отец и мать как будто этого не замечали»[2]. Во время учебы в Казанском университете Николай имел «неприятную историю» (связанную с деньгами). Отец сумел замять историю и забрал его из университета. Молодой человек был отправлен рядовым на военную службу на Кавказ, где дослужился до младшего офицерского чина, и вернулся в Нижний Новгород капитаном артиллерии. С купленным для него имением (деревня Еловка) «он не сладил»[3], как видно из писем родни. Прежние дурные привычки прогрессировали. В конце концов он умер в 27 лет в 1860 году, всего на неполных два года пережив своего отца. Женат не был и детей не имел.

Теперь о дочерях. Старшая Наталья вышла замуж за Константина Ивановича Садокова, старшего учителя латыни в Александровском дворянском институте и одновременно учителя, а потом и директора Нижегородской гимназии. О детях Садоковых известно мало. Мы можем только делать предположения, отталкиваясь от «глухих» сведений в сохранившихся письмах родственников.

В 1870 и 1881 годах Варвара Александровна Улыбышева, вдова нашего героя, сообщает М.А. Балакиреву о своих хлопотах по поводу здоровья дочери (имеется в виду Наталья Александровна) и внука Саши, которого лечили сначала в Москве, потом в Петербурге в клинике С.П. Боткина. И благодарит Милия Алексеевича за душевное участие в этих хлопотах и помощь. Речь

Валерия Юрьевна Белоногова — к.филол.н., доцент ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

* Глава из будущей книги об А.Д. Улыбышеве.

Преподаватели Нижегородской гимназии. В центре сидит К.И. Садоков, директор гимназии, зять А.Д. Улыбышева. 1867 год

в письмах идет о болезни «рассудка» Саши и опасности полного его погружения «в плохую меланхолию»[4]. В 1908 году Балакирев в одном из писем предположительно определяет возраст Саши — около шестидесяти лет. Так что годом рождения Александра Садокова надо считать приблизительно 1850 год.

Побочный сын Улыбышева И.С. Покровский, со свойственной ему прямотой, вспоминал о единственном сыне Садоковых: «Отец держал его взаперти без контроля, пока не выучит уроков, не позволяя ложиться спать. Кончив гимназию, он поступил в Медико-хирургическую академию. Спился немедленно и сошел с ума...»[5]

А были ли еще дети в этой, условно говоря, «педагогической» ветви потомства? Тот же К.И. Садоков в письме М.А. Балакиреву от 5 декабря 1891 года пишет: «Многоуважаемый Милий Алексеевич. Ваши телеграммы с поздравлениями Машеньке застали еще ее в живых. Но это были уже последние минуты ее жизни: в половине пятого утром сегодня она скончалась. В субботу после отпевания повезу ее <...> в Лукино. Вот Вам и последнее угасло лицо, носившее фамилию Улыбышева: померла Машенька от инфлюэнцы, после двухнедельной геройской борьбы с ней. Когда будете в Москве (к этому времени вся семья живет уже в Москве. — *В. Б.*), помните, что найдете во мне и Наталье Александровне людей, вполне унаследовавших сердечную привязанность к Вам Улыбышевых...»[6]

Возможно, речь тут идет о младшей дочери его и Натальи Александровны. Садоков называет последней из Улыбышевых умершую Машеньку при живом еще, судя по письмам, Саше Садокове. Почему? Увы, единственное, что можно тут предположить, — это только то, что погружение его в «плохую меланхолию» все-таки состоялось. И назвать Александра Садокова на тот момент дееспособным продолжателем рода было уже нельзя.

Младшая из дочерей Софья Улыбышева, по-видимому, в конце 1856 года вышла замуж за знаменитого впоследствии актера Императорских театров, немца по рождению, Николая Евстафьевича (Карла Густавовича) Вильде.

Доподлинно известно, что у Николая и Софьи Вильде был сын Николай, родившийся в 1865 году. Однако

Николай Евстафьевич Вильде, знаменитый русский актер, драматург, зять А.Д. Улыбышева. 1832 год

в письме Вильде к М.А. Балакиреву 1882 года речь идет «о детях»[7], значит, у Николая имелись братья или сестры, скорее всего, старшие.

О судьбе и профессиональной деятельности Николая Вильде-младшего известно немного. Начинал он, по-видимому, как певец. Во всяком случае, в одном из последних писем Николая Евстафьевича Балакиреву речь шла как раз о первых шагах певческой карьеры сына. Впоследствии имя Николая Николаевича Вильде как театрального журналиста фигурирует в околотеатральной печати конца столетия. О потомстве Николая Вильде-младшего, продолжившего артистическую семейную традицию, нам ничего не известно.

«Она у меня незаконнорожденная...»

Все вышесказанное, увы, свидетельствует о том, что прямых потомков от законных детей Александра Дмитриевича Улыбышева, по-видимому, не осталось. Однако были у него и дети «незаконнорожденные», как тогда говорили. Появление на свет побочных детей у дворян было не таким уж редким явлением. Среди самых известных незаконнорожденных можно, например, назвать выдающихся деятелей русской культуры Н.И. Лобачевского, В.А. Жуковского, А.А. Фета.

Говорить о нравственной стороне дела тут не всегда просто. Конечно, в истории немало было примеров и элементарной барской распущенности, и барского произвола, вплоть до пресловутого феодального «права первой ночи» и тому подобного. Но даже если речь шла и о настоящем глубоком чувстве к своей избраннице из «низших» сословий, мало кто из родовитых дворян брал на себя смелость восстать против сословных предрассудков, пойти наперекор мнениям собственной родни, «общества» и добиться права на «неравный брак». Ну, разве что граф Н.П. Шереметев мог пойти на это, чтобы жениться на своей крепостной актрисе из крестьян Прасковье Жемчуговой. Чаще всего такие связи замалчивались, а рождавшиеся в результате дети, лишенные дворянских прав и привилегий, всю жизнь чувствовали себя обделенными. По принятому в те времена обычаю дворянские дети, рожденные вне церковного брака, при крещении чаще всего наследовали отчество и фамилию своих крестных. Но росли нередко при доме родного отца и назывались его воспитанниками.

Что касается Александра Дмитриевича Улыбышева, он рано утратил близость со своей женой, и у него тоже были подобные истории. Вместе с тем, как писал уже в старости один из его побочных детей И.С. Покровский, «развратным человеком» он не был: «Он всегда жил только с одной женщиной, <...> от двух крепостных девиц (в разное время. — *В. Б.)* у него было две семьи, и у каждой из них двое детей»[8]. М.П. Веселовский пишет в своих воспоминаниях о том, что жившая в семье Александра Дмитриевича Дунечка Башева, с которой в пору проживания Улыбышевых в доходном доме Добролюбовых дружил юный Николенька Добролюбов, будущий знаменитый литературный критик, на самом деле была не племянницей Варвары Александровны, как считалось, а побочной дочерью Александра Дмитриевича. «В семье Улыбышевых жила еще незаконная его дочь, по фамилии Башева, — читаем у М.П. Веселовского. — Александр Дмитриевич, представляя ее своим знакомым, как будто с особенным удовольствием отмечал это обстоятельство. “Рекомендую Вам, сударыня, мою дочь, — говорил он, обращаясь к какой-нибудь даме <...> и подводя Башеву. — Она у меня незаконнорожденная”»[9].

О ней мало что известно. Только то, что воспитывалась она вместе со старшими, «законными» дочерьми Улыбышева и что вместе с ними участвовала в домашнем музицировании и недурно пела, имея приятное меццо-сопрано. Сам Александр Дмитриевич в одном из писем М.А. Балакиреву 1856 года, рассказывая о новостях, писал: «Авдотья Степановна, сорока без хвоста, поступает или желает поступить примадонной в достославный и трижды святым Макарием проклятый Нижегородский театр»[10]. А его зять Константин Садоков в письме тому же Милию Балакиреву в 1857 году сообщает вскользь о том, что «Ав. Ст., поступивши на Нижегородскую сцену и, по этому случаю, даже уйдя на квартиру, так хлопнулась (разочаровала публику своими талантами)...»[11]. Возможно, речь здесь идет как раз об Авдотье Башевой?

Фектиста

Зато довольно заметный след оставили в истории двое сыновей Улыбышева, рожденных одной из дворовых девушек в его доме. В 1839 году появился на свет сын Александра Дмитриевича Иван, записанный при крещении как Иван Сидорович Покровский — по имени своего крестного, священника Покровского храма в селе Лукине Исидора Матвеевича Покровского. А в 1842 году — другой его сын, родной брат Ивана Федор Павлович Знаменский (его крестным стал другой человек, скорее всего, тоже священнослужитель, судя по «церковной» фамилии).

Вот именно от этих двоих и пошло здоровое и жизнеспособное потомство Улыбышевых. Род Покровских, например, насчитывает уже шесть поколений по мужской линии (самому юному представителю шестого поколения летом 2013 года исполнилось шесть лет). Эти люди носят в себе гены знаменитого музыкального критика, писателя и музыканта Александра Дмитриевича Улыбышева. О них и пойдет у нас речь.

Но сначала — о матери двух мальчиков Ивана и Федора, появившихся на свет в улыбышевском имении

Фасады зданий Музея Н.А. Добролюбова, бывшей усадьбы Добролюбовых, на Лыковой дамбе в Нижнем Новгороде. Фото 2009 года

Лукино соответственно в 1839 и 1842 годах. Как ее звали? Мы вряд ли узнали бы ее имя. Но вот поистине удивительная удача, в которую даже с трудом верится! Хорошо известно, что в 1935 году в одном частном собрании в Ленинграде был случайно обнаружен и опубликован в журнале «Звезда» фрагмент дневника А.Д. Улыбышева, об утрате которого скорбел биограф А.С. Гациский. Двадцать две чудом сохранившиеся пожелтевшие дневниковые странички, охватывающие 1843 и первые три месяца 1844 года. Среди описаний поездки в Петербург и рассуждений о погоде, об урожае, о скупости, о старости есть и записи глубоко личные. Они — о молодой женщине, возлюбленной автора, некоей Фектисте, или Фетичке, как любовно называет ее Улыбышев.

Откровенно, как пишут только для себя самого и только в дневнике, взволнованно и лирично он рассказывает об одном из счастливых июльских дней 1843 года, о котором «живая память могла бы оттаять кровь дряхлого старика на 30-м градусе ниже точки замерзания». Это был жаркий ярмарочный день 26 июля, после которого он вернулся утомленный в «прекрасный дом», который снимал тогда в Нижнем (это дом Добролюбовых). «Ночь была прекрасная, безоблачная и лунная; дул свежий ветерок. Мы пошли гулять с Фектистою и, нагулявшись до усталости, взобрались на мой чердак, то есть на верхний этаж, <...> там я устроил свой кабинет». Они любовались там видом из окна, они купались в ванне с ключевой водой, лакомились ананасом, пили шампанское... Он описывает ее восхитительное тело: «сложена, как Медицейская Венера, которой и не больше ростом». «Взглядом старого рисовальщика, воспитанного в Дрезденской галерее», живописует гладко причесанную головку, «греческий профиль с нехитрой, почти детской улыбкой»[12]...

И, заканчивая это воспоминание, которое «должно поддерживать человека среди всех горестей жизни и наполнять его душу неугасимой благодарностью», он удивляется постоянству этой своей любви — больше трех лет. А это означает, что именно Фектиста и есть мать мальчиков, родившихся один три года назад, другой один год назад.

Есть в литературном творчестве Улыбышева и еще одно упоминание об этой женщине. И тоже очень поэтичное. Из написанных Улыбышевым пьес некоторые ставились на сцене городского театра или в домашнем театре в доме автора («Выборное жертвоприношение», «Певица»). По поводу постановки и публикации других («Женихи-соперники», «Чудак», «Долг платежом красен») шли активные хлопоты. Но напечатана была только одна пьеса, да и то 30 лет спустя после смерти автора. Это драма «Раскольники» 1850 года, которую Улыбышев особенно хотел увидеть опубликованной. Потому что хотел поделиться своими представлениями о справедливой государственной власти и о волновавшей его теме раскола[13].

Стержнем пьесы является любовный конфликт. Любовный треугольник — внук старовера Филимона Абрамова Егор, его красавица жена Маша, прозванная за редкую красоту Жемчужиной, и приехавший в отцовское имение в село Отшелино молодой гусарский полковник Александр Троезерский. Чувство, возникшее между Машей и молодым барином, стало причиной трагедии. Егор убивает соперника. Однако история выходит за рамки чисто любовного конфликта, потому что происходит она на фоне острого противостояния в Отшелинской округе приверженцев официального православия и староверов, душой и идеологом которых был дед убийцы Филимон Абрамов. Он берет на себя грех внука, и тема нравственной ответственности человека за свои поступки и моральных принципов приверженцев старой веры выходит на первый план.

О том, что прообразом Жемчужины, женщины «ангельской внешности и ангельской же чистоты», была их мать, писал, вспоминая о своем детстве спустя много лет, один из побочных сыновей Улыбышева Иван Сидорович Покровский. «Половина моей жизни протекла на скотном дворе, где жили моя мать и бабушка (крестьянская сиротская семья), и из другой деревни приходил <...> старик 90 лет, мой прадедушка — раскольник, с него списан главный герой драмы "Раскольники" (Филимон Абрамов. — *В. Б.*), а под именем Маши-"жемчужины" была выведена мать»[14].

Конечно, литературный прототип — не эквивалент литературного персонажа. С таким же успехом в отце и сыне Троезерских в драме «Раскольники» можно при желании разглядеть черты самого Улыбышева. А место действия драмы Отшелино уравнять с реальным улыбышевским имением Лукино. И, тем не менее, Лукино действительно было особым для автора местом. И узнать так близко крестьян рачительный помещик Улыбышев мог именно в своем Лукине. В том числе и людей, ставших самыми близкими для него. Какой, по-видимому, и была для Улыбышева мать двух его сыновей, умершая в 23 года Жемчужина. Возможно, именно ранняя смерть молодой возлюбленной автора и окрасила образ Маши в написанной пять лет спустя драме «Раскольники» в такие грустные тона.

«На задворках»

Иван Сидорович Покровский называл Лукино «мигом в земном раю» и «самой обаятельной эпохой моей жизни», хотя детство и юность его и его брата были очень трудными. Мать умерла, когда Ивану было четыре года, а Федору — год от роду. Они жили сначала у тетки-скотницы, сестры матери, потом, когда их отдали в гимназию, — в городском доме. Отца называли Александром Дмитриевичем («так я звал его всю жизнь, так он был далек от меня», — пишет Покровский). Улыбышев содержал их (ежемесячно они получали 25 рублей на расходы), хотя почти их не замечал. В одном из писем он упоминает их вскользь — жили в Лукине летом «с гимназистами».

И все-таки глубоким почитанием отца проникнута у Ивана Сидоровича каждая строчка. «Я получил от отца огромное наследство, не получивши материальных благ, — это его нервная система <...>. Он не мог влиять на меня в смысле воспитания <...>, но это не обидно для меня, когда и его сын воспитывался "на задворках", в переносном смысле, а я в прямом. Мы жили в его доме <...>, имели убогую комнату в квартире его старухи-экономки, а обедали в людской с дворней отца, состоящей из 40 человек. И все-таки память об этом человеке для меня священна»[15].

Есть в воспоминаниях И.С. Покровского о своем детстве и юности персонаж, которого он именует «лукинский сатана». Это знакомый уже нам зять Александра Дмитриевича Константин Иванович Садоков. В пору, когда Улыбышев отдалился от своей жены, Садоков, появившись в доме, приобрел огромное влияние на Варвару Александровну. Сейчас трудно доказать, действительно ли Садоков «грабил» Улыбышевых, как пишет Покровский. Но когда он, женившись на Наталье, вошел в семью, именно он, по-видимому, в отсутствие «папеньки» распоряжался семейными деньгами. Кстати, по воспоминаниям М.П. Веселовского, семейным «прозвищем» Садокова и было «Распорядитель».

Храм Покрова (середина XIX века) в селе Лукино Богородского района Нижегородской области, бывшем имении А.Д. Улыбышева. Фото В.Ю. Белоноговой. 2008 год

В год смерти Улыбышева Иван и Федор учились в Нижегородской гимназии. По завещанию отца они должны были получать 400 рублей содержания в год и по 500 рублей единовременно каждый по окончании университетского курса. Но Садоков, главный «распорядитель» по завещанию Улыбышева, сумел перехитрить их, выплатив часть содержания сразу. И этим обеспечил им в годы учения в Казанском университете в буквальном смысле полуголодное существование. Впрочем, как пишет Иван Сидорович, «на этой почве волею судеб мы оказались и сильными сравнительно людьми». Живя впроголодь, они рано начали зарабатывать частными уроками, получая сначала по 3 рубля в месяц, потом по 4—6 рублей.

Кстати, с уроками, как и с относительно недорогим жильем, братьям помог Милий Балакирев, у которого остались в Казани знакомства со времени его собственной учебы на математическом отделении Казанского университета, и с которым Иван Покровский поддерживал в студенческие годы живую дружескую переписку. Она хранится сейчас в Пушкинском Доме в Петербурге.

«Милый Милий!» — так начинались обычно его письма Балакиреву. В них и грусть о покинутом Нижнем,

Бывший флигель господского дома Улыбышевых в Лукине, где в старости жила сестра Александра Дмитриевича Екатерина Дмитриевна Панова (Улыбышева). Фото В.Ю. Белоноговой. 2008 год

и одиночество, и воспоминания об их общих прогулках за монастырским садом на берегу Оки, на нижегородском Гребешке, и мечты о новых встречах. Они очень сблизились с Балакиревым во время последних нижегородских встреч. Несмотря на то что Балакирев был на три года старше, у них были сходные взгляды на многие предметы (кроме, разве что, музыки, которой Иван не знал), они вместе не любили Садокова и «почти боготворили» Улыбышева. Покровский советовался со старшим другом, рассказывал ему о своих учебных проблемах, болезнях, студенческих беспорядках в университете, своей первой юношеской любви, посылал ему свои стихи. И в каждом письме обязательно или приветы Улыбышевым, или вопросы об Улыбышевых. Он и ругает Нижний: «Встречаться опять с грязью, дрязгами, сплетнями, но кроме отвращения я ничего не чувствую с ними...» — и стремится туда.

В июне 1861 года братья приезжают в Лукино на первые свои вакации. Интересную зарисовку Лукина без А.Д. Улыбышева, который был душой и двигателем имения, дает Покровский в письме Балакиреву от 10 июня 1861 года: «В первый раз, милый друг, встречаю я такую пустоту в Лукине, испытываю странное ощущение, похожее на чувство безвыходного одиночества <...>. Вы не узнали бы в теперешнем Лукине прежнее, где было постоянное движение, тревога, суета, шум, где даже в предметах, по-видимому, не живущих, кипела жизнь и деятельность. Все носило отпечаток веселости, беспечности, непринужденности. Теперь совершенный контраст во всем: кругом невозмутимый покой, в выражении всех лиц видна озабоченность, сопряженная с апатией, все будто ходя спят, не говоря ничего и ни о чем. Делом вздумавши заняться — в голову ничего нейдет, хочется быть одному — уйдешь в сад, но и там пустынно, мрачно, от всего веет грустью с примесью чего-то, глушь везде...»[16]

Кстати, делом в эти каникулы братья все-таки занялись — затеяли бесплатную школу для крестьян. Но болезнь, навалившаяся на Ивана, остановила эту затею. При сильном сложении он долгое время мучился «ужасной мигренью» с сильнейшими головными болями (может быть, это результат драматических событий в детстве?) да и еще время от времени дававшим себя знать туберкулезом. Повзрослев, как рассказывает Покровский, он совершенно выздоровел.

Кроме дружеской переписки с Милием Балакиревым, была у братьев в Нижнем и еще одна радость. У них был теперь «добрый ангел», им стала вдова их отца Варвара Александровна Улыбышева, которая поддерживала и подкармливала сирот: «Мы гостили у нее в Лукине, в этом чудном Лукине во время летних вакаций. Питались после университетского голода поварскими обедами, причем на “равной ноге”...» Добрая, сохранившая следы былой красоты женщина додавала им тогда недополученной в детстве материнской ласки. Возможно, даже ссужала понемногу карманными деньгами тайком от К.И. Садокова. Садоков же отделывался иезуитскими письмами. Вроде вот этого от 22 ноября 1861 года: «Любезнейший Иван Александрович! При затруднительных обстоятельствах в настоящее время по имению Маминька не может удовлетворить Вашу просьбу. Потому я и Наталья Александровна просим прислать от нас маленькое Вам пособие, с одним желанием, чтобы Вы учились и вели себя хорошо. Преданный Вам Садоков»[17] (к письму прилагались 10 (!) рублей).

А дружба с Балакиревым, заочная и «подогреваемая» в дни редких пересечений в Нижнем, постепенно сошла на нет. Ее охлаждало разделявшее их расстояние и все более разнившиеся интересы большого музыканта и молодого врача. Кроме того, в 1870-е годы Балакирев становится очень религиозным человеком, а Покровский, по его воспоминаниям, все более и более склонялся тогда к атеизму. Одним словом, жизнь развела двух друзей, одним из которых был родной, но незаконный сын А.Д. Улыбышева, другой — не родной, но «духовный» его сын. Он любил Милия Балакирева больше, чем своих родных детей. Много лет спустя, в старости, Балакирев и Покровский возобновят переписку. Это будет связано с сентиментальной историей возвращения незаконнорожденным сыновьям Улыбышева родовой фамилии и отчества. Но об этом разговор у нас пойдет позже.

Домашний доктор семьи Ульяновых

В 1864 году братья окончили курс Императорского Казанского университета. Иван Сидорович Покровский, получив диплом врача, в течение четырех лет служил младшим лекарем в армейских стрелковых частях в Кременчуге и в уездных земских больницах.

Симбирский врач И.С. Покровский, сын А.Д. Улыбышева. 1889 год

Дом И.С. Покровского на улице Льва Толстого, 71 (бывшей Покровской) в Ульяновске (бывшем Симбирске). Фото с сайта https://maps.google.ru/maps

В 1869 году он перебрался в Симбирск и получил место ординатора в губернской больнице.

Симбирский этап его жизни хорошо изучен ульяновскими краеведами. В семидесятые годы Покровский стал известен своими левыми взглядами. Он вошел в кружок либеральной интеллигенции, который собирался в доме Малининых. Он публиковал в «Волго-Камской газете» статьи и фельетоны о неблаговидных делах «отцов города», писал эпиграммы, где высмеивал местных чиновников и толстосумов. Его стихотворные памфлеты ходили в списках. Власти, естественно, недовольные этим, отставили его от казенной службы. Покровский занялся частной практикой и стал одним из самых востребованных врачей-терапевтов в городе. При этом он бесплатно лечил учащихся народных школ и Симбирского уездного училища. С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 годов Покровский бесплатно лечил получивших ранения на войне. Обо всем этом рассказывает в своих книгах ульяновский историк Жорес Трофимов.

Именно в это время Покровский сходится с политическими ссыльными, в том числе с петербургским врачом-хирургом А.А. Кадьяном. Знакомится с семьей Ульяновых. Интересно, что это было уже второе пересечение Ульяновых с семьей Улыбышевых. Первое произошло в Нижнем Новгороде, когда учитель Илья Николаевич Ульянов с женой «дружат домами» с Садоковыми (дочерью и зятем Улыбышева) и живут с ними по соседству в учительском флигеле Нижегородской гимназии.

Теперь в Симбирске сын А.Д. Улыбышева, уважаемый человек и авторитетный врач Иван Сидорович Покровский, становится чем-то вроде домашнего доктора в доме Ульяновых. Он «пользует» младших детей: не раз лечил от детских болезней Владимира, Ольгу, Дмитрия, Марию. Он констатировал смерть Коленьки в 1874 году. А старшие Анна и Александр пользуются его богатой библиотекой. Берут почитать статьи критика-демократа Д.И. Писарева из первого, наиболее полного их издания (где еще не изъяты цензурой, как в последующих изданиях, ни совершенно революционная по духу статья Писарева о Гейне, ни «Мыслящий пролетариат» — о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»). «Это были первые из запрещенных сочинений, прочитанных нами», — писала потом старшая сестра Ленина.

Благосостояние Покровского в это время растет. Он живет в собственном доме на Покровской же улице (с 1918 года она называется улицей Льва Толстого, на доме № 71 сейчас мемориальная доска памяти «домашнего доктора семьи Ульяновых» И.С. Покровского). Он покупает небольшое поместье Новое Никулино и Анненково, где живет с женой Лидией Петровной (урожденной Миллер) и единственным сыном Федором. Кстати у Владимира Ульянова (Ленина) и Федора Покровского в детстве был один репетитор, готовивший того и другого к поступлению в гимназию. Это учитель народной школы В.А. Калашников, которого Илья Николаевич Ульянов переуступил своему «домашнему доктору» для занятий с его сыном[18].

Это не слишком близкое и не очень надолго пересечение с семьей юного Владимира Ульянова, будущего вождя Великой Октябрьской революции в России,

сыграло важную роль в судьбе Ивана Сидоровича Покровского. С одной стороны, этот факт являлся для него, наверное, своего рода «оберегом» в годы революции и Гражданской войны. С другой — в недавние перестроечные годы, время перемены идейных плюсов и минусов, это знакомство стало поводом для спекуляций, сплетен и мифов, где истинные взаимоотношения семей искажались до неузнаваемости.

Но вернемся в 1870—1880-е годы. И.С. Покровский занимается активной общественной деятельностью: он гласный городской думы, член Общества врачей, блестящий оратор, публицист, пишущий о политике и городских делах, позже будет еще и членом Земского собрания. Кроме того, он входил в Попечительский совет Симбирского коммерческого училища. Будучи уже в преклонных годах, Иван Сидорович снова вернется к публицистике и будет печатать в местной прессе свои статьи о культуре (например, большая статья «Типы европейской культуры»), о философии и... даже о музыке.

Знаменские

Они общаются с братом. Федор Павлович Знаменский тоже в Симбирске. В Казанском университете он, как и брат, учился поначалу на медицинском отделении, но потом перешел на естественно-математическое. Со временем стал блестящим математиком-теоретиком, врачом и видным земским деятелем. А еще активным поборником народного образования и попечителем народных школ. Так что с семьей директора народных училищ И.Н. Ульянова тоже был хорошо знаком. Как и его жена Александра Александровна Знаменская, о которой разговор особый.

Из всех, условно говоря, «детей Жемчужины» эта женщина — наиболее решительная и последовательная революционерка. Хотя в памяти симбирцев она осталась в большей степени в связи с благотворительной и просветительской деятельностью. О своей золовке, о ее самоотверженности и увлеченности общественными делами Покровский писал в письмах М.А. Балакиреву и Н.Ф. Финдейзену. В них дружеское чувство к Александре Александровне перемешивается с досадой по поводу ее напрасно растраченных сил. «Она родила 12 человек детей (правда, выжила только половина. — *В. Б.*) и в то же время развила сначала в деревне, а потом в Симбирске огромную общественную деятельность, — пишет Покровский. — Под моим руководством она сделалась врачом-дилетантом и до учреждения земской медицины имела огромную практику среди народа, выполняя свою миссию на службе едва ли не лучше иногда настоящих земских врачей. Основала на свои средства школу у себя в имении <...>, которая имела влияние в известных границах на изменение понятий народа». В 1891—1892 годах Александра Александровна участвовала в борьбе с голодом, охватившим Поволжье. Вместе с учительницей В.В. Кашкадамовой в январе 1893 года она открыла в Симбирске первую в России бесплатную провинциальную народную библиотеку-читальню имени И.А. Гончарова.

А вот что пишет тот же И.С. Покровский о деятельности А.А. Знаменской в Казани в годы первой русской революции: «Как редактор и издательница революционной газеты сделалась центральной фигурой самого крайнего кружка революционной молодежи. Состав всей редакции и сотрудники были арестованы, посажены в тюрьму, и затем осуждены и сосланы в разные места необъятной России. Последней была арестована Знаменская, просидела 9 месяцев в тюрьме и присуждена к ссылке на три года в Иркутскую губернию или за границу (А.А. Знаменская происходила из обрусевшей французской семьи. — *В. Б.*) тоже на три года — куда она хочет. Началась скитальческая жизнь по Европе — жила в Париже, Лондоне, Риме, Мадриде... Дома остался муж и 6 человек детей»[19]. Кстати, Федор Знаменский, по-видимому, не разделял радикальных политических убеждений жены.

Вернувшись из ссылки, мать шестерых детей продолжала активную общественно-политическую деятельность. Руководила интернатом Учительского общества, приводила в порядок созданную ею Гончаровскую библиотеку. Но издавать газету ей не позволили. По словам Покровского, на ее деятельность в Симбирске смотрели теперь как на «крамолу» и «чуму». В дальнейшем она стала сторонницей социал-демократической группы «Единство» Г.В. Плеханова, назвавшего «Апрельские тезисы» Ленина «бредом». Эта близость к идеям знаменитого «оппортуниста», считавшего пролетарскую революцию в 1917 году преждевременной, конечно, повредила ей в послеоктябрьские годы.

Александра Александровна доживала свой век скромной совслужащей в Симбирске. И все-таки в марте 1922 года симбирская партийная газета «Заря» почтила некрологом память «основательницы Гончаровской библиотеки» А.А. Знаменской, скончавшейся от сыпного тифа[20]. Ее муж Ф.А. Знаменский (кстати, он всегда именовал себя Александрович, и только в документах — по отчеству крестного, Павлович), живший, по выражению брата, барином и проживавший по 10 тысяч в год, умер еще в 1910 году. А через два месяца после смерти Александры Знаменской — 6 мая 1922 года на 83-м году скончался и ее деверь, симбирский доктор и общественный деятель Иван Сидорович Покровский, «интеллигентный чернорабочий», как он себя называл. Полностью ослепший, и в одиночестве. Впрочем, в последние годы рядом с ним, по-видимому, доживал свой век в Симбирске и другой известный в городе почтенный старец — выдающийся историк, архивист, юрист и общественный деятель Павел Любимович Мартынов, «свояк» Ивана Сидоровича, отец его снохи Евгении Павловны Покровской[21].

Евгения Павловна Покровская (Мартынова), жена штабс-капитана Ф.И. Покровского. Начало XX века

Федор Иванович Покровский, внук Улыбышева, штабс-капитан Колчаковской армии. Начало XX века

«Бег» на восток

...Такие эпохальные события, как Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война в России, никого не оставили в стороне от происходившего. Жестоко прошлись революционные катаклизмы и по семьям потомков Улыбышева.

О детях Знаменских мы знаем мало, только то, что их к 1900-м годам было шестеро и что второй их сын, по-видимому, Георгий (по-домашнему — Гога), обладал исключительными математическими способностями, об этом пишет И.С. Покровский. Из переписки М.А. Балакирева ясно, что Федор Федорович и Георгий Федорович Знаменские должны были посетить композитора в Петербурге в октябре 1906 года. Однако этой встрече помешало то, что Георгий заболел инфлюэнцей. О том, что стало с младшими Знаменскими после революции, нам ничего не известно. Возможно, они были в числе многих тысяч покинувших пылающую в огне революции Россию и оказавшихся в эмиграции.

О Покровских известно больше. Единственный сын доктора И.С. Покровского Федор Иванович, внук Улыбышева, был кадровым военным, с 1908 года — непременным членом Симбирского отделения Крестьянского поземельного банка. Имел как воинские, так и штатские награды. В 1913 году был пожалован орденом Святого Станислава II степени[22]. Жена Федора Ивановича Евгения Павловна — одна из трех дочерей очень уважаемого в Симбирске человека, потомственного дворянина, в прошлом петербуржца, авторитетного юриста и ученого-историка П.Л. Мартынова. Они имели восьмерых детей: шестерых дочерей и двух сыновей[23]. Все родились в Симбирске в дедовском доме на Покровской улице (ныне улица Льва Толстого, 71). В том самом добротном одноэтажном доме, на котором теперь памятная доска, увековечившая имя доктора И.С. Покровского.

Когда революция докатилась до Симбирска в 1918 году, штабс-капитан Федор Покровский со всей своей семьей вынужден был вместе с отступавшими частями Белой армии двинуться на восток. Старый доктор, практически совсем потерявший к тому времени зрение, не надеялся перенести это путешествие в никуда и остался дома. А для семьи его сына началась долгая и многотрудная одиссея по маршруту Симбирск — Екатеринбург — Новониколаевск (Новосибирск) — Иркутск. Впрочем, жена и дети, изможденные мучительной дорогой, осели в Новониколаевске. Путь в Иркутск и дальше в ставку «Верховного правителя» адмирала А.В. Колчака Федор Покровский продолжил один.

«Об отступлении в Гражданскую войну белых частей на ЮГ страны написаны сотни книг, множество известнейших воспоминаний. Из художественных воплощений темы достаточно упомянуть “Бег” Михаила Булгакова. Но ведь был же самый настоящий БЕГ на ВОСТОК России, в конце которого, в том же Владивостоке, в отличие от крымского Севастополя, не стояли под парами суда, увозящие белогвардейцев в эвакуацию-эмиграцию. Пусть трагическую и без-

Во дворе дома доктора И.С. Покровского в Симбирске. Его внуки – Татьяна, Наталья, Лидия, Юлия, Александр и невестка Евгения Павловна с отцом П.Л. Мартыновым (в центре). Начало XX века

Внучки симбирского доктора И.С. Покровского Татьяна, Вера, Лидия, Наталья, Евгения, Юлия. Это правнучки А.Д. Улыбышева. Начало XX века

Любимая внучка доктора И.С. Покровского Верочка Покровская (за год до смерти). 1914 год

жалостную, но все же СОХРАНЯЮЩУЮ ЖИЗНЬ белого воинства в какой-то его части. В восточном беге не было даже надежды добраться до спасительного моря, до страшно далекого и уже захлестнутого большевистским бунтом Владивостока. Оставалось либо умереть, либо добраться до китайской границы, либо раствориться в населении проезжаемых городов и весей. Тех, кто сумел спастись, убегая по этой дороге на восток, мало. Многие сгинули в пути. Как мой никогда не увиденный дед, умерший в Иркутске от тифа штабс-капитан Белой гвардии Федор Иванович Покровский».

Алексей Федорович Покровский, правнук А.Д. Улыбышева, «летописец» семьи

Праправнук Улыбышева Евгений Алексеевич Покровский (в центре) с женой Светланой Владимировной и сыном Сергеем. Фото В.Ю. Белоноговой. Киев, 2013 год

Это строки из записок нашего современника Евгения Алексеевича Покровского, доцента Киевского политехнического института, специалиста по теоретической кибернетике, информатике и моделированию нейронных структур мозга. Он — четвертое поколение Покровских. Его отец Алексей Федорович был одним из восьмерых детей штабс-капитана Федора Покровского и смутно помнил о том, как его, пятилетнего малыша, вместе со всей этой большой семьей увозили в 1918 году из Симбирска навсегда с отступавшими на восток частями Белой гвардии. Движимый этими воспоминаниями, он первый начал заниматься историей своего рода Улыбышевых-Покровских. Тщательными изысканиями в библиотеках и архивах, перепиской с известными историками, поездками по следам своих предков.

«Хорошо помню 1956 год, — вспоминает его сын Е.А. Покровский. — Этот год можно считать отправной точкой интереса отца к семейной хронике. Во всяком случае первый активный эпизод проявления такого его интереса связан у меня именно с этим годом. А было так. Мы втроем, он, мама и 15-летний я, отправились в совершенно сказочное путешествие на колесном (!) пароходе “Яков Воробьев” от Перми (тогда Молотова) по Каме и Волге до Астрахани и обратно. Оглядываясь сейчас назад на 43-летнего тогда отца — возраст моего нынешнего сына! — понимаю, какой двойной сказкой-надеждой была для него, волгаря по рождению в Симбирске, эта поездка к местам его детства! Среди нескольких стоянок на пристанях крупных городов была дневная стоянка часа на два в Ульяновске (бывшем Симбирске)...»

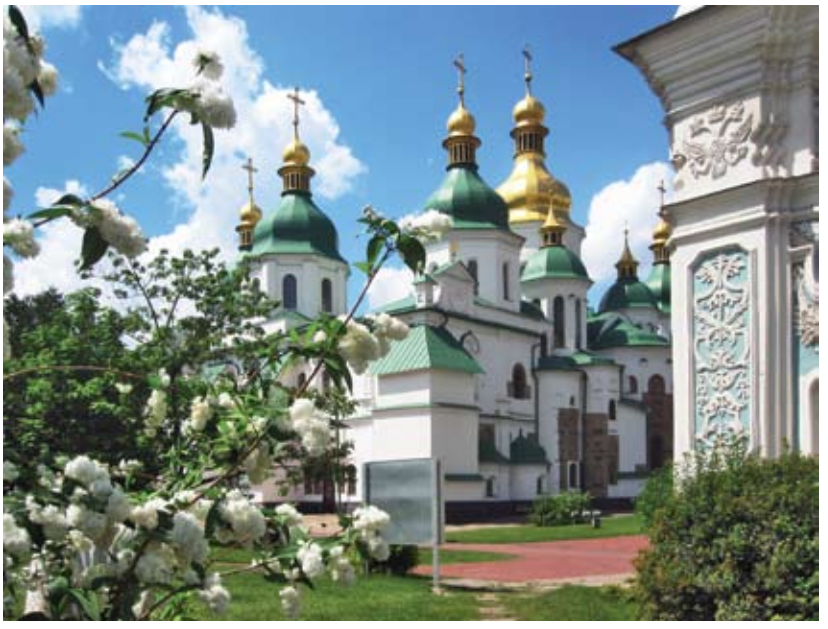
Именно благодаря Алексею Федоровичу и его сыну Евгению Алексеевичу Покровским мы листаем теперь летопись потомков музыканта и писателя пушкинской поры Александра Дмитриевича Улыбышева.

Итак, год 1919-й. Гражданская война, голод, всеобщая потерянность отступления и безнадежность. Измученная семья Федора Покровского, вернее, его жена Евгения Павловна и дети Татьяна, Лидия, Юлия, Наталья, Александр и Алексей остановились в Новониколаевске (ныне Новосибирск). Сам Федор Покровский отправился дальше в Иркутск, где в том же 1919-м умер от тифа.

Новониколаевск был родным городом Георгия Николаевича Балашова, мужа старшей дочери — Татьяны Федоровны. В доме железнодорожного инженера Балашова и остановились. Временно. Потом семья Балашовых вместе с матерью Татьяны Евгенией Павловной Покровской переехала в Томск. В Новониколаевске осталась Лидия, вышедшая замуж за сибиряка Н.Д. Смирнова. Обе старшие дочери Покровских Татьяна и Лидия умерли бездетными. А их братьев и сестер разметало по разным городам и весям.

Старший сын Александр был в середине 1920-х годов взят в семью теткой (сестрой матери) Верой Павловной Померанцевой и ее мужем и оказался позже с ними в Перми. Потом — в Обнинске. Двое сыновей Александра Федоровича и его жены Ксении Петровны — Алексей Александрович и Юрий Александрович — были связаны с геологией: по образованию своему и по работе (практической и научной). Дочь Алексея Александровича Ирина Алексеевна Покров-

Шестое поколение потомков Улыбышевых-Покровских — шестилетний киевлянин Артем Покровский. Фото В.Ю. Белоноговой. 2013 год



Софийский собор в Киеве, памятник древнерусского зодчества XI века. Фото В.Ю. Белоноговой. 2013 год

ская живет сейчас в Иркутске, заведует кафедрой русского языка в Иркутском политехническом институте. Юрий Александрович много лет возглавлял геологические партии, разведывавшие месторождения полезных ископаемых в Западной Сибири. Обосновавшись в городе Миассе, много лет преподает в Миасском геологоразведочном техникуме. В Миассе же живут и семьи его детей Юрия и Татьяны.

Третья дочь штабс-капитана Федора Покровского Наталья Федоровна вышла замуж за Пантелеймона Ивановича Копытова из Тюмени. Он был крупным специалистом по военному оборудованию и даже был командирован в 1917 году Временным правительством в Нью-Йорк для закупки вооружения. После революции обосновались в Екатеринбурге. Там живут их 86-летний сын — бывший инженер-теплотехник Донат Пантелеймонович Копытов и семья его дочери Елены Донатовны.

«Летописец» семьи и его сын

Окончив в Новосибирске техникум, в Екатеринбург (с 1924 года — Свердловск) к любимой сестре Наталье приехал Алексей Федорович, будущий исследователь истории семьи. В доме старшей сестры он нашел тепло и поддержку. В этом городе Алексей Федорович Покровский, окончив Уральский политехнический институт, стал крупным специалистом-энергетиком. Когда Наталья Федоровна в старости осталась одна, она жила в семье Алексея Федоровича и его жены Августы Николаевны, ее хорошо помнит их родившийся в 1941 году сын. Кстати, именно Наталья Федоровна помогала брату, занявшемуся архивными изысканиями по истории своего рода, «расшифровывать» почти нечитаемые записи их деда, полуслепого симбирского доктора Ивана Сидоровича Покровского.

И о младших дочерях штабс-капитана колчаковской армии Федора Покровского. Одна из них, «первая ученица и красавица» Вера умерла в Симбирске еще до революции. В пятнадцать лет. Как писал убитый горем ее дед доктор И.С. Покровский, «пала жертвой ужасной русской жизни. Ей привили оспу в гимназии недезинфицированным ланцетом от чахоточной ученицы...» Была еще одна дочь Евгения, которая, по-видимому, умерла еще раньше — в детстве.

Последняя дочь Федора Покровского Юлия, оказавшаяся вместе со всей семьей в Новосибирске, вышла со временем замуж за Н.Д. Меркурьева, московского геолога (снова одно из «фамильных» занятий потомков Покровского — геология), служащего горного министерства. И стала москвичкой. Именно у нее в гостеприимной московской квартире на Четвертой Тверской-Ямской останавливались в послевоенные годы представители разветвленного рода Покровских, приезжая в столицу из Свердловска, Перми и Миасса, из Иркутска, Волгограда и Киева.

Киевлянином стал единственный сын «летописца» рода Алексея Федоровича Покровского — Евгений Алексеевич. Окончив в 1963 году радиотехнический факультет Уральского политехнического института в родном Екатеринбурге, он распределился в Киев, женился на киевлянке Светлане Владимировне Щуровской. Окончив там аспирантуру и защитив диссертацию, всю жизнь занимается преподаванием в Киевском политехническом институте и научной работой,

связанной с теоретической кибернетикой и проблемами моделирования искусственного интеллекта. Он любит задавать своим студентам-дипломникам «заковыристые» темы для создания кибернетических моделей мозга, моделей поведения (или нарушения поведения) человека. И другие «задачки» по созданию нейроподобных моделей интеллектуального робота. Или такая вот тема — «Математика и музыка». Вы никогда не слышали, например, как звучит на пианино число «пи»?..

Взаимоотношения Евгения Алексеевича с музыкой вообще интересны. Музыкального образования он не получил. Но без музыки своей жизни не мыслит. Он постоянный посетитель киевских концертных залов, имеет прекрасное домашнее собрание дисков классической музыки. Состоит в многолетней дружеской переписке с известным музыкантом и популяризатором классической музыки из Швеции Михаилом Семеновичем Казиником.

Поколение next

«Вопросы крови — самые сложные вопросы в мире!..» Помните, Коровьев говорит об этом Маргарите у Булгакова... Действительно, «причудливо тасуется колода»... Может быть, наследственная улыбышевская музыкальность, не дождавшись нового музыканта-профессионала, отозвалась в дилетантской музыкальной увлеченности праправнука?

Впрочем, совершенно очевидна наследственность, которая «передалась» Покровским (да и Знаменским тоже) от младшего брата Александра Дмитриевича — Владимира Дмитриевича Улыбышева. Он был талантливым математиком и инженером. Может быть, поэтому среди них так много «технарей», теоретиков и практиков, — энергетиков, геологов, математиков и радиофизиков.

Сын Евгения Алексеевича Сергей Покровский тоже физик. Окончив три курса приборостроительного факультета Киевского политеха, учился в Ленинградском институте точной механики и оптики. Окончил аспирантуру. Занимался проблемами астрономического приборостроения. Защитился по теме «Звездная интерферометрия» в университете французского города Лимож. Как он сам говорит, «был единственным советским аспирантом, получавшим стипендию Министерства обороны Франции». Его отец Евгений Алексеевич представлял когда-то советскую науку в африканской Уганде в качестве эксперта ЮНЕСКО. Сын занимался наукой во Франции, потом в Даремском университете в Великобритании, потом снова во Франции — в Гренобле.

Теперь Сергей Евгеньевич живет и работает в Киеве, воспитывает с женой Наташей сына Артемку. В Париже живет его сводная сестра Катрин, дочь Сергея Покровского от первого брака. Катрин и Артем (как и Дима, сын Юрия Юрьевича Покровского в городе Миассе) — это шестое поколение Покровских. О том, кто был его предок Александр Дмитриевич Улыбышев, который жил в одно время с Пушкиным да еще и хорошо знал автора «Сказки о царе Салтане», шестилетний Артем уже знает...

На них, сегодняшних отроков Покровских, надежда родни на продление истории славной фамилии Покровских, потомков «детей Жемчужины».

[1] Филатов Н.Ф. Декабрист А.Д. Улыбышев в Нижнем Новгороде // Сибирь и декабристы. Вып. 5. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1988. С. 132.

[2] Записки М.П. Веселовского // Российская национальная библиотека. Рукописный отдел (РНБ РО). Ф. 550. F. IV. 861. Л. 272 об. — 273.

[3] РНБ РО. Ф. 816. Оп. 2. Ед. хр. 1713. Л. 15—16, 82.

[4] Там же. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1265.

[5] Там же. Ф. 816. Оп. 2. Ед. хр. 1713. Л. 19.

[6] Там же. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1184.

[7] Там же. Ед. хр. 886.

[8] Там же. Ф. 816. Оп. 2. Ед. хр. 1713. Л. 15.

[9] Записки М.П. Веселовского... Л. 273.

[10] РНБ РО. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1264.

[11] Там же. Ед. хр. 1184.

[12] Улыбышев А.Д. Записки // Звезда. 1935. № 3. С. 185—186.

[13] Улыбышев А.Д. Раскольники. Историко-бытовая драма в 5 действиях // Русский архив. 1886. № 1. С. 1—154.

[14] РНБ РО. Ф. 816. Оп. 2. Ед. хр. 1713. Л. 53.

[15] Там же. Л. 24—25.

[16] Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 162. Оп. 4. Ед. хр. 1124.

[17] Там же. Ф. 162. Оп. 3. Ед. хр. 239.

[18] Трофимов Ж.А. Ульяновы: поиски, находки, исследования. — Саратов: Приволжское книжн. изд-во (Ульяновское отд-ние), 1988. С. 144—152; Евдокимов П., Трофимов Ж. Лечащий врач Ульяновых // Волга. 1967. № 4. С. 119.

[19] РНБ РО. Ф. 816. Оп. 2. Ед. хр. 1713. Л. 77—80.

[20] Трофимов Ж. Указ. соч. С. 151.

[21] Савич М.М. Павел Любимович Мартынов. — Ульяновск, 2005. С. 35.

[22] Там же. С. 34.

[23] Все дальнейшие сведения о семье Покровских сообщены автору праправнуком А.Д. Улыбышева — Евгением Алексеевичем Покровским.

«МАСТЕРСТВО ПЕЧАТНОЙ КНИГИ»

Выставка открыта в музее книги Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина (НГОУНБ) и приурочена к 450-летию «Апостола» — первой точно датированной русской печатной книги, выпущенной Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

Собрание книг кирилловской печати НГОУНБ содержит 16 экземпляров изданий XVI века и 416 — XVII века.

В экспозиции представлены более 50 интереснейших книг кирилловского шрифта, изданных на территории России, Украины, Беларуси в различных типографиях. Среди них отпечатанные Иваном Федоровым первая русская точно датированная книга «Апостол» (Москва, 1564), «первенец» украинской печати — также «Апостол» (Львов, 1574); первая полная славянская Библия — один из выдающихся памятников мирового типографского искусства (Острог, 1581); редчайший памятник печати «Послания патриарха Иеремии» (Острог, после 1583).

Большая часть представленных изданий — книги церковного обихода. Среди изданий XVII века книги знаменитых авторов — Иоанникия Галятовского, Лазаря Барановича, Симеона Полоцкого, Димитрия Ростовского. Особое место в экспозиции занимает «Псалтирь в стихах» Симеона Полоцкого — первый поэтический перевод библейского текста и первая на Руси «преданная тиснению» книга стихов.

Есть книги и светского содержания: одна из первых книг по военному делу в России «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» датского капитана Иоганна Якоби фон Вальгаузена (1647); первый печатный толковый словарь церковнославянского языка Памвы Берынды «Лексикон славянороссий» (Киев, 1627); памятник русского права XVII века «Соборное уложение» (1649); Синопсис Иннокентия Гизеля (Киев, ок. 1699); первый печатный учебник по истории России и Украины; первое математическое сочинение «Считание удобное...» (1682).

Большая часть экспозиции представлена изданиями московских печатников и типографий XVII века: Андроника Невежи и его сына Ивана Андроникова, Анисима Радишевского, Никиты Фофанова, Василия Бурцева, Московского печатного двора.

Любителям краеведения будет интересно факсимильное воспроизведение «Нижегородского памятника» (Нижний Новгород, 1613) печати Никиты Фофанова, повествующее о событиях Смутного времени в России. Единственный дошедший до нас экземпляр хранится в Москве в Российской государственной библиотеке.

Деяния апостольска, послания соборная и святого апостола Павла послания. — Москва: печ. Иван Федоров, Петр Тимофеев Мстиславец, 1 марта 1564 г.

Дмитрий Ростовский. Книга житий святых: сентябрь—ноябрь. — Киев: Типография Печерской лавры, 1689

Выставка дает возможность насладиться художественным оформлением старопечатных книг. Только «Меч духовный» Лазаря Барановича, замечательный памятник старославянской книги, содержит в тексте 55 гравюр на меди в полстраницы каждая. Не оставят равнодушными гравюры известного московского иконописца и графика Симона Ушакова.

Каноник. — Москва: Печатный двор, печ. В.Ф. Бурцов, 15 января 1641 г.

1-й Николаевский советский полк им. Е. Пугачева. 1918 год. Фото с сайта http://www.pi-center.ru

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ВОСПОМИНАНИЯ)*

А.А. Вадимов-Маркеллов

1918 год

Нужно сказать, что раньше не было, кроме Москвы и Питера, как теперь, постоянных трупп.

Мы вдвоем с женой получили приглашение на зимний сезон 1918/19 года в Саратовский театр миниатюр Миршаля.

Гражданская война была в самом разгаре. Фронт был недалеко от Саратова.

Генерал Толстов поднял уральских казаков. Зимой военные действия приостановились, и в нашей армии занялись учебой. Приехав в Саратов, мы в профсоюзе «Сапрососценид» (Саратовский профессиональный союз сценических деятелей) встретились с представителем одной из дивизий. В разговоре он сказал, что на фронте организуется театр для Кр[асной] армии и ему нужны артисты-профессионалы — ядро будущей труппы.

«Хорошо бы мне, — сказал он, — любовника и полюбовницу к нему, да только чтоб свои люди были». Меня заинтересовал этот человек, я долго с ним говорил, меня заинтересовали большие перспективы этого дела. Работа мне показалась очень интересной, и, когда он предложил мне взять организацию дела и ведение его, я, посоветовавшись с В.Г. Мировой, согласился. Порвали контракты с театром миниатюр и согласились ехать добровольно на фронт. Ядро труппы я подобрал небольшое, но в него входили артисты, желавшие честно, самоотверженно работать, невзирая на трудности и возможные лишения и опасности.

Вот имена этих энтузиастов:

Правдин Е.Г., Плотников М.Г., Южина Т.С., Ченчи С.Н., Лилит Е.К., Мирова В.Г. и я — Вадимов А.А.

Эти семь человек — ядро труппы, и мне предложено быть режиссером и ведущим актером. Разве это не заманчиво в 23 года?

Семеро смелых садятся в теплушки и едут на фронт. Пожелаем им счастливого пути, доброго здоровья и успехов в работе.

* Публикация А.Н. Федорова. Продолжение. Начало в № 26.

Андрей Николаевич Федоров — хранитель истории РАИ, член Союза цирковых деятелей России.

Едем на фронт

Семеро смелых переправились на ледоколе в Саратове на другую сторону Волги. Сидя в каюте ледокола, я слышал, как взламывался и шумел лед. Мне казалось, что вот так же ломается наша молодая жизнь. Что нас ждет? Переехав, погрузились в вагоны. Погрузка не была особенно трудной, по одному чемодану на человека да по постельному свертку. Наш артистический багаж: костюмы, обувь, парики, пьесы и прочее — мы временно оставили в Саратове. Нужно вспомнить, как ходили поезда зимой 1918 года, во время разрухи. Останавливались в поле, выдохшийся паровоз тяжело отдувался, а иногда и совсем замолкал. Все пассажиры и поездная бригада выходили и отправлялись разбирать сарайчики, заборы или в лес пилить деревья на топливо для паровоза.

Потом, встав цепочкой, из рук в руки передавали ведра с водой — поили ненасытный паровоз. После [нашей] долгой утомительной работы паровоз начинал набирать пары и много времени спустя нехотя как бы спросонок свистел и нехотя медленно-медленно начинал двигаться. На подъемах состав делился на части и паровозик вытаскивал по частям состав на соседний разъезд.

Казачьи разъезды могли каждую минуту, налетев, перебить всех. На этот случай при остановках выделялась охрана, вооруженная винтовками и откуда-то взявшимся пулеметом.

Никого тогда это не страшило, не удивляло — это было в порядке вещей. В пути в теплушках все перезнакомились, подружились, и через пару дней весь поезд был как бы одной большой семьей.

Поезд плелся очень тихо, и наш путь — каких-нибудь двести километров мы ехали восемь дней.

В вагонах велись бесконечные разговоры. Фронтовым рассказам не было конца. С большим интересом слушали мы рассказы из новой для нас жизни, жизни фронта. Очень много интересного пришлось услышать, и я очень жалею сейчас, что я то ли по молодой неопытности, то ли по легкомыслию не записал тогда некоторые из этих рассказов. А они стоили того, чтобы их рассказать сейчас, когда почти 40 лет отделяет нас от этой интереснейшей эпохи, о которой много книг еще будет написано и которая навсегда войдет в мировую историю своими страницами, полными невиданного энтузиазма. Раздетый, разутый, голодный народ, почти безоружный, голыми руками строил сам свою жизнь заново, окруженный враждой и недоверием. Мы ехали, чтобы хоть немного помочь в этой неравной борьбе народу, строителю новой, невиданной жизни.

Сергуня говорит о Чапаеве

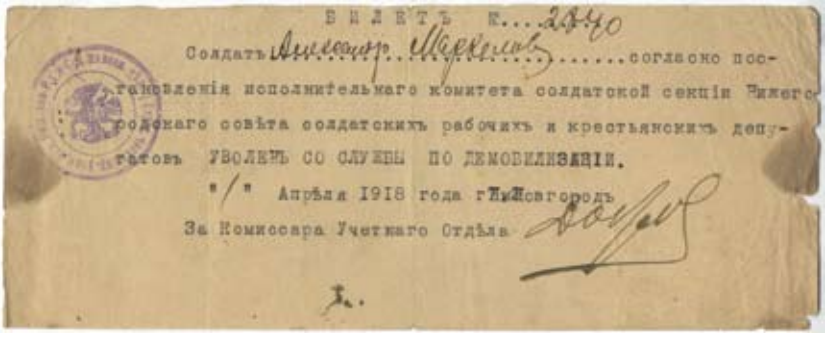
В теплушке вечерами собирались около коптилки — самодельного светильника (жестянка из-под консервов, керосин и фитилек) и начинались рассказы.

Все рассказы, разговоры и споры вертелись около одного уже тогда полулегендарного имени — Чапаева. Нам много пришлось слышать об этом овеянном славой человеке, с которым меня потом капризная судьбы столкнула и подружила. Еще в Саратове нам много о нем рассказывали и во всех рассказах его рисовали каким-то народным героем, и все говорили о нем с большой теплотой и любовью.

Рассказывали, как кулаки, мстя ему, убили его родного брата и как он, вернувшись в свои родные места со своим отрядом, отомстил за смерть своего брата. Как он поклялся быть защитником трудового народа.

В пути на меня больше всего произвели впечатление рассказы о Чапаеве его земляка, фамилии его я уже не помню, но помню лишь то, что все его звали Сергуня.

Он рассказывал: «Много врут про Чапая, а я его с детства знаю. Одногодки мы и из Балакова, оба на Волге родились. И в одном, в 10-м, году призывались. Вместе после военки плотничали, нас и на войну против германки вместе взяли. Месяца за три до февральской революции его ранили, и эвакуировался он на родину подпрапорщиком, вся грудь в наградах была. Попал он в город Николаевск, и вскорости там военкомом гарнизона его сделали. Там он и организовал отряд Красной гвардии и вместе со своим дружком Зубаре-


БИЛЕТЪ № 2840
Солдатъ Александръ Маркеллов согласно постановленія исполнительнаго комитета солдатской секціи Нижегородскаго совѣта солдатскихъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ УВОЛЕНЪ СО СЛУЖБЫ ПО ДЕМОБИЛИЗАЦІИ.
1/I Апрѣля 1918 года г. Нижегородъ
За Комиссара Учетнаго Отдѣла

Билет № 2840 солдата Александра Маркеллова об увольнении со службы от 1 апреля 1918 года

Р.С.Ф.С.Р.
Удостоверение

Удостоверение А.А. Вадимова, инструктора для поручений при Управлении дивизионного инженера 22-й стрелковой дивизии от 10 июня 1919 года

А.А. Вадимов. 1919 год

вым в феврале 18-го года белогвардейское восстание ликвидировал.

Во всем Николаевском уезде организовал Василий Иванович отряды Красной гвардии, тут и я попал к нему в его отряды. Человек он горячий, но справедливый и лжи не терпит, глаза у него огненные, сквозь сердце в саму душу глядит, и врать ему ничего нельзя, всю лжу насквозь видит.

Табаку не курит, а водки совсем не пьет. Но и без водки, когда можно, веселей всех нас бывает, а песни, песни поет, соловьем заливается и за самое сердце берет, а плясать начнет, никто его в жисть не перепляшет. Раз как-то стеганули мы казаков, я фляжку с хорошим вином, притороченную к седлу убитой казацкой лошади, достал и хлебнул малость. А он тут как тут, веселый, смешливый — хорошо мы тогда казаков трепанули. В июле того года в 12 верстах от Уральска были, и если бы не случай один у нас, давно бы наш был Уральск. Ну, да об этом после. Проходит он мимо, говорит мне: "Ты, Сергунька, к Плясункову скачи". "Слушаюсь!" — говорю. А он посмотрел на меня: "Что, Сергунька, али белоказацкого хватил малость?" — "Никак нет, — говорю. А глаза его в самую душу колют. Соврал, да вижу, что он не верит. Подаю ему флягу с остатком вина. Взял, понюхал, головой покачал: "Допей, дурак! Я, Чапаев, разрешаю. Только мне никогда не ври, насквозь вижу!" С тех пор никогда ему не врал. А с Уральском такой случай был. Вы все знаете, что в марте 18-го года уральские казаки разогнали областной Совет и генерал Толстов над казаками атаманство принял и против нас фронт открыл. А Николаевский уезд [Самарской губернии], где Чапаев красногвардейские отряды организовал, вплотную к Уральской области подходит. Ну, и выделили тогда небольшой красногвардейский отряд для борьбы с белой казарой. В апреле 18-го сформировали два отряда николаевских. Одним из них командовал Чапаев, а помощниками у него были Топорков и Плясунков. Оба эти николаевских отряда Особой армией назывались, а было там тыщи четыре бойцов, орудий десятка два да пулеметов около сотни. Начали мы и сосредоточились около станицы Озимки, вот там, куда вы сейчас едете. В мае нашу Особую армию переименовали в 4-ю армию, а отряды свели в бригаду, а командиром мы сами все единогласно Чапаева выбрали. Видишь ты! Сами назначили! Бригаду в честь Пугачева назвали Пугачевской, а полки в ней тоже именами народных героев назвали: 1-й полк — имени Емельяна Пугачева, а 2-й — имени Степана Разина. В июне Чапаев нас в наступление повел, и тогда же насмерть ранило его друга командира Разинского полка храброго Топоркова, а Пугачевским полком Плясунков командовал, так вот, говорил я, что близко к Уральску подошли. Верст за 12 были, да командующий армией, царский подполковник, в самый разгар притворился больным и боевого довольствия — снарядов вовремя не доставил. Чапаев на время боя на себя командование при-

П.С. Исаев. 1919 год. Фото с сайта http://vasily-chapaev.livejournal.com

нял, да ведь без принадлежности и вошь не убьешь, ну, и отошли мы опять к Озимкам. Тут нашу бригаду влили в 1-ю Самарскую дивизию, и в первую бригаду наши Пугачевский да Разинский полки вошли. Разинским полком после Топоркова Кутяков стал командовать. А 3-й и 4-й полки Николаевскими называются, а командуют ими Михалев и Таулин.

В августе прошлого года белочехи Николаевск у нас захватили, а мы его от чехов освободили. Чехи наших насмерть убивали, раненых не жалели, ну, и мы пленных не брали. А сейчас Чапаева назначили командиром бригады и назвали ее 2-я Николаевская дивизия. Вот в нее вы и едете.

Василий Иванович распоряжение сделал, чтобы настоящий театр для бойцов в Озимках организовать. А я вот за литературой ездил. Вишь, целый угол литературой загрузил. Зимой-то делать будет нечего. Казара не полезет. Метель да сугробы, им на лошадях не развернуться, и свободы сугробы не дают».

Здесь же, в теплушке, нам Сергуня рассказал и про других соратников Чапаева, и больше всего про «маленького, ловкого, вертлявого чапаевского телохранителя», как он назвал, вернее, про адьютанта Петю Исаева, которого я, по рассказам Сергуни, как и Чапаева, очень верно себе представил. Узнал я, что больше всего Чапаев лошадей любит и что есть у него дивная тройка, на которой ветер обогнать можно, и вот этого человека мы должны увидеть, у него и вместе с ним работать будем. Уж скорее бы! А поезд, как назло, ползет медленно.

«Я – Исаев, Петей меня зовите!»

Вот, наконец, и станция Озимки. Выгружаемся. Сергуня толкает меня в бок: «Смотри – чапаевские лошади стоят, сам Чапай, наверное, здесь».

К нам тут же подходит молодой красивый парень в лихо заломленной кубанке. «Здравствуйте! Вы артисты? Я вас сразу по штатскому наряду узнал. Я – Исаев. Петей меня зовите. А вас как?»

«Ну, раз так, – ответил я, – зовите и меня просто Шура, а это вот мои товарищи, моя жена Вера, это Стася, Тамара, Лиля, Митрофан и Женя».

Все быстро перезнакомились, и мы говорим как старые друзья. Спрашиваю: «А где Василий Иванович?» Петя скосил на меня глазом: «А что, разве Вы его знаете?»

«Нет, слыхал только».

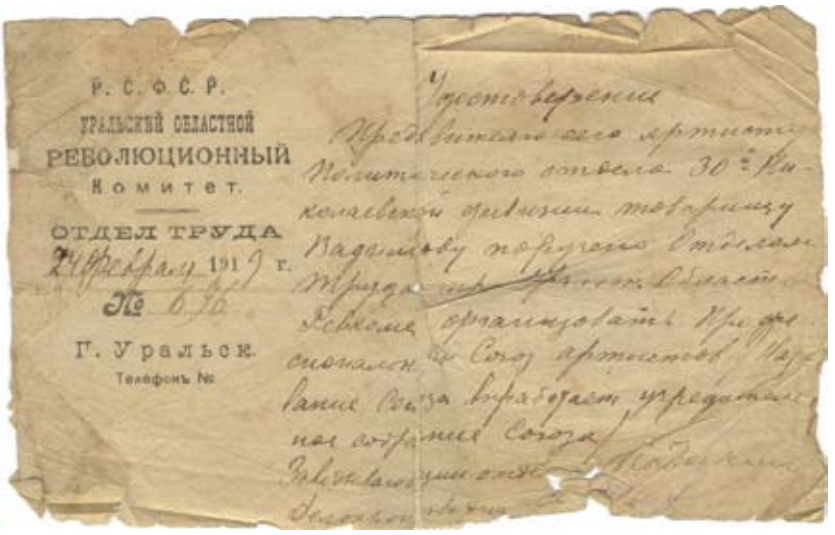
«Ну слыхать-то... о нем вся Россия слушает, – с гордостью сказал Петя, – нет сейчас Василия Иваныча, он в командировку послан в Москву – в Академию Генерального штаба учиться. Не хотелось ему с фронта уезжать, отказывался. Ну, да ничего не поделаешь. Приказали – и уехал. Что задумались? Кто тут у вас за старшего? Садитесь в санки. На чапаевских домчу».

Не успели мы с Верой Георгиевной сесть, как Петя с каким-то молодецким присвистом привез нас моментально со станции в село Озимки, где нам под театр был отведен большой дом. Наши товарищи далеко отстали от нас в степи. Да, действительно, лошади Чапаева были дивно хороши.

Нам была приготовлена баня, а на столе уже кипел самовар.

Оказывается, по нескольку раз в день звонили на станцию – узнавали, не идет ли поезд, и раза два выезжали встречать артистов. Наш приезд был для всех праздником. Все были рады, и каждый наперебой старался сделать для нас что-нибудь приятное. Петя со мной, Правдиным и Плотниковым даже в баню вместе пошел за компанию и там с таинственным видом сообщил, что нам приготовлено угощение, и хотя на фронте выпивать не разрешено, но нам семерым по стопочке приготовлено, и никто не увидит, как мы выпьем. Потом Петя был страшно поражен, когда я сказал, что не пью.

«Ну, как же это, артист – и вдруг не пьете? Нет, это как-то не так». Потом, спохватившись, добавил: «Да вот Василий Иванович тоже не пьет. Ну, а я тогда с Митрофаном Георгиевичем выпью». Георгиевич охотно промычал с полка густой октавой: «Угу! И неоднократно».


Р. С. Ф. С. Р.
УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
Комитет.
ОТДЕЛ ТРУДА
24 Февраля 1919 г.
№ 6.10
Г. Уральск.
Телефонъ №

Удостоверение
Председателя артист-
Политического отдела 30-й Ки-
комевской дивизии товарищу
Вадимову поручено Отделом
Труда [illegible] Области
Всемерно организовать Профе-
сиональн. Союз артистов. Пер-
вание Союза выработает учредительное
собрание Союза.
[illegible]

Советский Городской Театр.
ПРОГРАММА.
ИХ ЧЕТВЕРО

Удостоверение А.А. Вадимова, организатора профсоюза артистов, от 24 февраля 1919 года

«Восход пролетарской культуры»

Народу в «наш дом» набралось полно. Дом большой, разделен просторными сенями на две части. В одной части огромный сарай с большущей русской печкой в углу — это наш будущий театр, который мы тут же с нетерпением и любовью осмотрели. Сцену нужно сделать. Лес — доски лежат, приготовленные, остроганные. Ждут нас, чтоб начать постройку сцены и кулис. Вторая половина дома состоит из больших сеней, одной большой комнаты, которую отвели мне с Верой Георгиевной, и двух поменьше. В одной поместились наши три актрисы, а в другой — двое актеров нашей труппы.

Чай все пили в нашей комнате, не вместившей всех желающих пожать руки, поговорить и что-нибудь сделать приятное актерам.

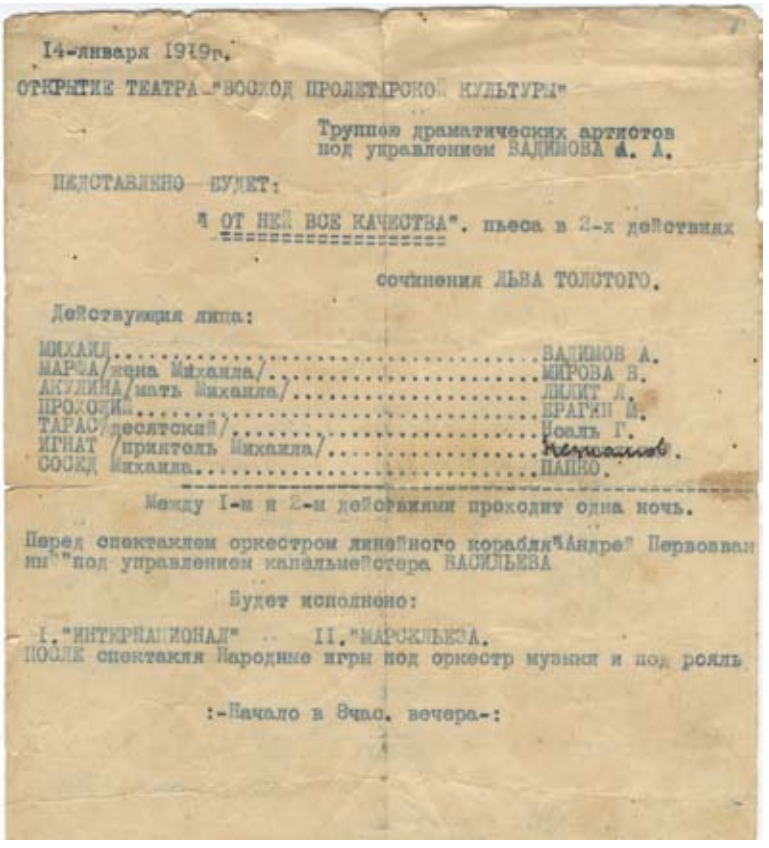
На стульях, табуретах, скамьях и появившихся откуда-то ящиках и даже поленьях кое-как расселись. Все вместе — и командиры и рядовые бойцы, грани стерты, одна семья. Мы сразу как-то почувствовали себя среди друзей.

Подходит ко мне, протягивая руку, человек с красивым волевым лицом и с латышским акцентом говорит: «Я — Стауэр — заведующий политическим отделом дивизии. Нам вместе придется работать. Пейте чай! Закусывайте, а мы будем говорить».

Тут же быстро выработали план работы. Правдину и Плотникову поручили наблюдать за постройкой сцены под моим руководством. Наметили репертуар. Оказалось, что пьес у них нет, есть только одна пьеса Льва Толстого «От ней все качества». Ее сейчас же наметили на открытие, да у меня оказалась случайно пьеска-скетч «Бедный Федя», неоднократно игранная мной и В.Г. Мировой. Ее тоже включили в репертуар, и мне пришлось добавить две инсценировки чеховских рассказов «Хирургия» и «Канитель». И в заключение было решено дать, как тогда говорили, «дивертисмент». В дивизии нашлись певцы, скрипач, рассказчики. До спектакля и после оркестр с крейсера «Андрей Первозванный» должен играть самые разнообразные вещи. Тут же Стауэр дал название будущему театру — «Восход пролетарской культуры». Отсутствие репертуара огорчило всех нас, и Стауэр очень обрадовался, когда я сказал, что в Саратове, в нашем артистическом багаже, есть несколько пьес, парики, обувь и костюмы. Сейчас же было решено срочно послать меня за нашим багажом и заодно за декоратором, каковым оказался художник, брат М.Г. Плотникова — Анатолий Георгиевич Плотников.

Я был несказанно поражен, когда всего за сутки доехал до Саратова. Из Саратова я выехал через два дня и отсутствовал всего пять дней. Меня на станции встречал уже мой новый друг Петя Исаев.

Чапаевские лошади быстро неслись по наезженной дороге, но мой возница Петя был молчалив и всю дорогу говорил только «Угу! Да, да, нет». Приехав, я был приятно поражен тем, что сцена была уже готова, кулисы оборудованы и даже повешен занавес. Ждали меня, чтоб торжественно открыть театр. В то же время я был и неприятно поражен, и это мне объяснило молчаливость Пети. Оказывается, долгими зимними вечерами, когда не было дела, наши артисты и еще несколько человек организовывали игру в карты «потихоньку и помаленьку», как они мне



14-января 1919г.

ОТКРЫТИЕ ТЕАТРА "ВОСХОД ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ"

Труппою драматических артистов
под управлением ВАДИМОВА А. А.

ПЕДСТАВЛЕНО БУДЕТ:

"ОТ НЕЙ ВСЕ КАЧЕСТВА". пьеса в 2-х действиях

сочинения ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Действующия лица:

МИХАИЛ.....ВАДИМОВ А.
МАРФА/жена Михаила/.....МИРОВА В.
АКУЛИНА/мать Михаила/.....ЛИЛИТ Л.
ПРОХОЖИЙ.....БРАГИН М.
ТАРАС/десятский/.....Исаль Г.
ИГНАТ /приятель Михаила/.....[illegible].
СОСЕД Михаила.....ПАПКО.

Между I-м и 2-м действиями проходит одна ночь.

Перед спектаклем оркестром линейного корабля "Андрей Первозванный" под управлением капельмейстера ВАСИЛЬЕВА

Будет исполнено:

I."ИНТЕРНАЦИОНАЛ" II."МАРСЕЛЬЕЗА.
ПОСЛЕ спектакля Народные игры под оркестр музыки и под рояль

:-Начало в 8час. вечера-:

Советский Городской Театр.

ПРОГРАММА.

Во вторник, 29-го апреля,

БЕС В РЕБРО

Начало в 6 час. вечера.

Объявление об открытии театра «Восход пролетарской культуры» от 14 января 1919 года

потом говорили. И поздно ночью Стауэр застал всю компанию за картами, и всех тотчас же отправили под арест, а четырех артистов посадили в баню и заперли, и всех только за несколько часов до моего приезда выпустили. Просидели все часов по 10—12. Все мне дали слово в карты на деньги не играть. Не знаю, как другие, но слово это моя жена держит до сих пор.

Зима 1918 года была лютая. Холода стояли лютые, но, несмотря ни на что, во время наших спектаклей театр был набит до отказа, даже на печке стояли и на пороге, и в сенях за раскрытой дверью, куда уже какой-нибудь «болельщик» своими словами передавал действие.

Долго решался вопрос освещения сцены и зрительного зала. Мне удалось в Саратове достать два хороших спиртокалильных фонаря и несколько запасных сеточек-колпачков к ним. Произвели пробы. Фонари горели, почему-то только будучи залитыми чистым 96-градусным спиртом, к тому же ректификатом. Давали яркий молочно-белый ослепительный свет. Один поместили наверху первого плана сцены, а второй — среди зрительного зала. Когда горел фонарь на сцене, привертывали второй, и наоборот.

Открытие прошло очень торжественно. В наш адрес говорилось много искренних, идущих от сердца слов. Мне пришлось тоже выступить, и я говорил о восходе новой пролетарской культуры, отождествляя эти слова с удачным названием нашего театра. Мои слова шли не столько от ума, сколько от сердца. Никогда не забыть мне тех минут какого-то восторга, даже, пожалуй, энтузиазма, с которым наши зрители встретили мое выступление. Много хороших искренних речей пришлось нам выслушать, идущих от души в наш адрес — интеллигенции, как выразился один политработник, идущей в ногу с трудовым народом. Много хороших пожеланий и много благодарностей авансом пришлось нам выслушать от наших фронтовых товарищей. Среди зрителей можно было заметить несколько стариков и старых казаков — местных жителей, никогда в жизни не видавших театра, приглашенных посмотреть представление.

После официального короткого митинга и объявления об открытии театра два человека раскрывают занавес, и зрители, затаив дыхание, при гробовой тишине смотрят и слушают нашу игру. Настроение зрителей — восторженно-праздничное передается и нам — артистам.

Играем с большим подъемом на нервах наших зрителей. Особенно понравился скетч «Бедный Федя»,

наша публика покатывалась со смеху, и инсценировки чеховских рассказов, недурно сыгранных: «Канитель»: Старуха — Лилит и Дьячок — Плотников, и «Хирургия»: Фельдшер — Правдин, дьячок Вонмигласов — я. Потом — дивертисмент. Помню, я читал «Песню о Соколе» Горького и «Сакья-Муни» Мережковского. Особенно остро реагировали наши зрители на слова: «Владыка мира, ты не прав». На бис я прочел «Лес рубят». Нужно было видеть эти неописуемо милые простые лица, которые остро реагировали на каждое слово. В.Г. Мирова, обладавшая приятным низким контральто, спела под аккомпанемент гитары несколько романсов. Причем, как сейчас помню, особенно хорошо были приняты «Дремлют плакучие ивы» и «Я помню вальса звук прелестный». Правдин читал рассказы. Лилит — комические рассказы старухи.

Перед дивертисментом вся сцена стихийно наполнилась людьми, жмут руки, благодарят, обнимают, целуют, восторгам нет конца. За всю свою 42-летнюю артистическую жизнь я никогда ни раньше, ни потом не видел такого буйного проявления восторга. Дивертисмент прошел хорошо, хотя и были в нем, как теперь называют, «номера самодеятельности», но прошло все исключительно хорошо, а я, признаться, побаивался, что некоторые будут смущаться. Начались танцы и игры под оркестр. У нас в комнате накрыт стол, и вот мы на фронте, в нескольких километрах от врага, делимся за чашкой чаю впечатлениями и мечтаем о будущем театре.

К работе нашего театра решено привлечь больше любителей-бойцов. Кто-то предложил опять же Чехова «Свадьбу» и «Юбилей», и перед началом следующих спектаклей мне приходилось гримировать около двух десятков участников.

Со второго спектакля я стал замечать, что с нашими фонарями творится что-то неладное. Как только кончается спектакль, оба фонаря сейчас же тухнут и, по объяснению человека, ухаживающего за ними, «от сгущенной температуры горение перехватывает». Мы трое: я, Плотников и Правдин — решили проследить, и вот, видя, что мы ушли и сейчас начнутся танцы, наш «светодавец» притушил оба фонаря, зажег керосиновую лампу «молнию», а фонари вынес во двор, в снегу остудил, оставшийся спирт вылил в бутыль и зарыл ее в снег. Нам не удалось в этот раз довести дело до конца, но на следующей же операции он нам попался с поличным. Когда он вынимал из сугроба бутыль, на него свалились Плотников и Правдин. Бутыль они отняли, а его, чтоб впредь неповадно было, засунули вниз головой в сугроб, и он долго барахтался. С тех пор фонари до конца горели исправно. Но трофейный спирт Митрофан Плотников с Евгением Правдиным распили «за упокой идеи приснопамятного Татаринова — доильщика спиртовых фонарей».

Наши спектакли сгруппировали вокруг себя большую группу любителей-бойцов. Время в работе проходило незаметно. Мне приходилось играть всевозможные роли, и я незаметно стал тяготеть к характерным ролям.

Помню, один раз днем прибежала приставленная к нам домработница Настя и заявила, что в театре нечистая сила завелась и что она, «лопни мои глазыньки», видела, как он, черный, с огненными глазами, выскочил из печки, которую она только что начала топить соломой. Все уговоры ни к чему не привели. «Что вы, лопни глазыньки, сама видела: черный, черный, хвост большущий». Скоро все разъяснилось: наш кот Пуська пришел домой весь в саже с опаленными усами. Оказывается, он забрался в солому и заснул в печке, не подозревая, что через несколько минут Настя подожжет солому, объявит его чертом и нечистой силой.

«Долой коммунистов! Да здравствуют большевики и советская власть!»

В нашу дивизию влили еще два полка. В один далеко не прекрасный зимний день эти два полка, встревоженные какой-то внутренней пропагандой, восстали, выкинув лозунг: «Долой коммунистов! Да здравствуют большевики и советская власть!» Сейчас это кажется каким-то невероятным сном, но это было. Были убиты несколько комиссаров и брошены в колодец. Штабом восстания выбрали наш театр. Я тотчас же по причине «болезни двух ведущих артисток В.Г. Мировой и Е.К. Лилит» прекратил спектакли и, несмотря ни на уговоры, ни на угрозы и всяческие обещания, не работал, не желая иметь ничего общего с восставшими. Из Самары телеграфировали: «Прекратить восстание, вышлем бронепоезд». В ответ на это восставшие разобрали верст на 10 железнодорожный путь.

Искали комиссара дивизии Н. Кропалева, а он прятался в нашей квартире. Его искали, чтобы бросить в колодец. Восставшие и предполагать не могли, что мы его прячем рядом с их штабом.

Ночью в наши сени постучали: «Открывай!» Я приоткрыл дверь. С винтовкой стоял один человек, и около двери и на лестнице еще несколько. «Давай комиссара, говорят, что ты его прячешь». Я сразу же перешел в наступление: «Ты что, с ума сошел? Рядом с вами, да что мне — жизнь надоела?» Не верят. Тогда я переменил тактику, видя, что он уже перешагнул порог и стоит около моей двери, за которой находился Н. Кропалев.

«Да, он у меня. Вот в этой комнате сидит и чай пьет с моей женой и со Стасей Ченчи и Митрофаном Плотниковым». А так оно и было в самом деле. «Иди!» Это смутило его. «Да ну тебя, Вадимов, я с тобой серьезно, а ты смешки». Я опять перешел в наступление: «А как ты смеешь входить ко мне? Ведь у меня мандат есть». В то время слово «мандат» было магическим словом. И я в самом деле принес ему и показал бумагу, в которой было сказано, что помещение, занятое нашей квартирой, не подлежит ни уплотнению, ни обыску

и пр. В то время были и такие удостоверения. Он посмотрел на него, я прочел ему. «Да печать есть! Все форменно! Что ж ты раньше-то не сказал? Ну ладно, не сердись! Иди спи!» И только войдя к себе в комнату, я вспомнил, что ведь это удостоверение подписано Кропалевым, которого они разыскивали.

Прятать [Кропалева] дальше было опасно и для него, и для нас, и мы решили найти способ переправить его или в Саратов, или в Самару. Железнодорожный путь на Саратов, как я уже говорил, восставшие разобрали верст на 10, чтоб не мог пройти бронепоезд, которым угрожали из штаба армии. Мы брали молоко и каймак у одного старого казака, жившего напротив нас. Звал я его Дидусь, а он меня, как говорил, «из уважения» — Ляксеич. У него была пара бойких лошадок, на которых он иногда нас возил в политотдел на станцию Озимки.

К нему-то я и обратился. Зная его религиозность и уважение ко мне, я заставил его перекреститься на икону, что он никому меня не выдаст и сделает, что я его попрошу. Дидусь поклялся. Не называя имени, я сказал, что одного человека, которого хотят расстрелять, нужно спасти и отвезти на лошадях в Самару. Ночью дед на лошади, запряженной в розвальни, тихо подъехал к окнам. Мы выставили окно, через него спустился Кропалев, распростился с нами. Дидусь укрыл его и бывшие с ним документы тулупами. Лошадка тронула, затрусила мелкой степной рысью, и путники скрылись в метели. Через несколько дней Дидусь вернулся, привезя мне записку от Кропалева. Дидусь был очень доволен. «Смотри, Ляксеич, до чего этот Николай парент сердечный и денег мне много дал, а я и брать-то их не хотел, не для денег, а для спасения человека и твоего уважения я это делал. Так мне там еще и мяса, и муки, и сахару, и табаку полны сани навалили. Вот ужо моя старуха пирогов напечет с мясом, и тебе принесу. Премного благодарен!»

Дидусь был доволен, а мы еще больше.

Развязка наступила быстрее, чем мы ждали. Опять ночью в наши сени сильно стучат. Выхожу к двери, открыв ее, вижу бойца и рядом с ним какого-то закутанного в тулуп человека.

«В чем дело?»

«Да вот, пусти переночевать человека», — просится.

«А разве у вас в театре места нет?» — спрашиваю я.

«Да сам знаешь, дело военное...» — и отошел.

Человек в тулупе придвинулся вплотную к двери и говорит тихо: «Шура, впусти, это я, — и громко добавил: — Ну, чего боитесь кондуктора с железной дороги».

«Какая тебе дорога? Путь разобран!» Он показывает на сигнальные флажки за поясом и фонарь в руках.

Он придвинулся еще ближе и еле слышно шепчет: «Жора — я» и громко: «Из Саратова, ну чего боитесь, я в сенях переночую и уйду».

Впускаю этого с обмерзшей бородой человека в тулупе к себе и запираю сени. Входим в комнату. Человек быстро снимает тулуп, ловко срывает бороду и усы — и сразу превращается в нашего знакомого сотрудника Саратовской ЧК, с которым мы вместе в Саратове жили в одной квартире. Удивлению моему не было границ. В разговоре постепенно все разъясняется. Кропалев из Самары приехал в Саратов. Здесь быстро организуется отряд и специальным поездом едет в Озимки. Пользуясь тем, что восставшие были беспечны и не охраняли разобранное железнодорожное полотно, его восстановили, и поезд ночью подошел вплотную к станции. Узнав все подробности, я согласился вечером дать спектакль. Георгий утром ушел, опять превратившись в кондуктора.

Петя все свое свободное время проводил со мной, и я очень полюбил этого задушевного паренька. Мы с ним бескорыстно дружили. Это была настоящая чистая дружба фронтовых товарищей. Вместе читали письма, которые он получал от Василия Ивановича. В письмах своих, очень грамотно написанных, Василий Иванович всегда посылал мне, Вере Георгиевне и всем артистам свои приветы и пожелания успеха. Он писал, что, по письмам Пети, уже считает меня своим другом и что скоро мы встретимся и будем дружить с ним так же, как и с Петей. Одно из таких писем хранилось у меня, но мне пришлось его сжечь во время осады Уральска. Но не буду забегать вперед. Продолжу свой рассказ.

Петя целый день всем передавал «радостную» весть, что вечером в театре будет спектакль, что В.Г. Мирова и Е.Х. Лилит выздоровели. Днем мы вывесили объявление, что вечером будет дан спектакль. Все приятно поражены.

Вечером к нам на квартиру вместе с Георгием приходят десятка полтора товарищей, и мы их по одому незаметно проводим за кулисы. Петя за кулисы принес свой неизменный карабин. На поясе его — наган и две бутылочные ручные гранаты. Весь вечер Петя был неизменно около меня за кулисами. Это был настоящий фронтовой товарищ. Своими шутками он поднимал дух, воодушевлял моих актеров.

Вот опять горят знаменитые спиртовые фонари. Опять открывается занавес нашего театра, и вот я на сцене незагримированный. Товарищи стояли в напряженном ожидании, а мой Петя, улыбаясь, показывает мне гранаты и кивает на зал, как бы говоря: «Не трусь, выручу». Признаться, я немного трусил, но не показывал вида товарищам, бодро вышел на авансцену и прошу сидеть спокойно, а в зале сидели вооруженные револьверами и гранатами. Я прошу выслушать все, что скажут товарищи, прибывшие вчера из Саратова со специальным поездом.

Наши зрители ничего не понимают. На сцену выходят товарищи.

«Сидите спокойно! Слушайте, мы знаем, что здесь вся головка бунтовщиков, а вернее сказать — обманутых людей. Ну, какие вы нам враги? Вот белоказаки — это враги! Спокойно! Вы окружены, а на путях стоит бронепоезд». В дверях действительно появились вооруженные люди.

«Мы можем легко перебить друг друга, а разве это наша цель? Наша цель добить общего врага трудящихся. И этой цели мы добьемся, и врага добьем вместе с вами».

Начался митинг. Говорили многие и много. Восставшим объяснили всю нелепость лозунга: «Долой коммунистов! Да здравствуют большевики и советская власть!» Некоторые из зрителей начинают уже посмеиваться. Начались прения. Дело принимает мирный оборот. Ведутся уже переговоры об условиях «мира», и восстание бескровно ликвидируется, а могли бы быть большие последствия. Как видите, наш театр в этом деле сыграл далеко не последнюю роль. Через несколько часов переговоры закончились и театр очистился от временных постояльцев, а назавтра в нем состоялся уже настоящий спектакль с оркестром, танцами и играми.

Уральск взят!

Спокойнее потекла жизнь в Озимках. Петя ежедневно находил время бывать у нас, несмотря на то что он много времени отдавал фронту, где началась подготовка к наступлению.

Петя очень много рассказывал о своих боевых делах с Василием Ивановичем, пел вместе со всеми русские песни, у него был очень хороший высокий голос. Но больше всего он любил слушать о жизни больших городов, о театрах Питера, Москвы и Нижнего Новгорода, о Нижегородской ярмарке. Иногда, чтоб на одном месте не заплесневеть, как говорится, он ездил в разведку, «пощупать казару». Однажды, вернувшись, Петя был очень печален, на наши вопросы он только кивком позвал нас за собой. Одевшись, все вышли к воротам. В санях лежал труп молодого красноармейца, его внесли в театр и при свете лампы увидели жуткую картину: на груди бойца была вырезана большая кровоточащая красная звезда и присыпана солью.

Молча, с болью стиснули зубы. Сбежались бойцы. Стихийно начался митинг. Из выступления Пети мне запомнились его слова: «Силы у них нет, вот они и злобствуют над нами. Биться будем до последней капли крови и живыми в плен не сдаваться. Чапаевцы умирают, но не сдаются!»

Мой милый друг, товарищ родной Петя, знал ли, что через 9 месяцев слова о чапаевцах будут последними твоими предсмертными словами.

Труп товарища с судорожно искаженным лицом и сжатыми кулаками, с кровавой звездой на груди навсегда остался в моей памяти укором человеческой жестокости.

Этот случай многое переменил в мыслях моих товарищей.

В первых числах января 1919 года (если мне не изменяет память, 11 января) наши части, перейдя в наступление, опрокинули казаков, не ожидавших этого. Уральск взят! И мы все уже въезжаем в только что взятый Уральск. Против Озимок Уральск был настоящей столицей.

В Уральске был городской театр, в котором была очень приличная труппа, оставшаяся в Уральске. Антрепренер Гринев и несколько человек (два-три) артистов уехали с казаками.

На базарной площади стояло пустовавшее здание деревянного цирка, в котором летом состоялось мое первое выступление на манеже цирка, которому я потом отдал 26 лет своей трудовой жизни.

Мы были переведены в политотдел Уралукрепрайона. Почти половина нашей труппы вошла в состав городского театра, лишь Лилит отошла от театра, вышла замуж за Стауэра и перешла на политработу, да Стася Ченчи перешла на оперативную работу, да Тамара Южина уехала в Саратов. Она сейчас живет в Саратове со своим мужем, с которым они встретились на фронте в 1919 году (на время написания «Воспоминаний». — *Ред.*).

Режиссером театра был Вас. Вас. Лонский (Шевченко) из театральной семьи. Его сестры Ф.В. Шевченко — артистка Художественного театра и В.В. Макарова (Шевченко) — артистка Большого театра.

К Лонскому я пришел представиться вместе с В.Г. Мировой. Я был в поддевке, сшитой из солдатской шинели, в фуражке, в солдатских сапогах, брюках и гимнастерке. Очевидно, я произвел неважное впечатление своим видом, а главное своим обращением «товарищ». К этому слову еще не привыкли артисты, бывшие у казаков всего 3—4 дня тому назад. В том слове для них звучала ирония. Игранному мною репертуару он не поверил, а я стал отдавать предпочтение характерным ролям, и ему было странно, как это молодой артист со всеми внешними данными первого любовника вдруг играет характерные роли. Я получил две малюсенькие рольки, как говорили тогда, «на одну закрутку» (папироску — козью ножку). Роль Торговца в пьесе Протопопова «Черные вороны», два-три слова в акте «Радение» да роль Давыдки в пьесе С. Юшкевича «Король». Сознаюсь, очень страдало тогда мое молодое самолюбие. Но что я мог поделать! На репетициях я сквозь зубы бормотал свои реплики, считая себя обиженным. В «Черных воронах» я ничего не мог сделать со своей ролью в несколько слов. Гримом я владел отлично и внешне дал интересный образ, и только, но в «Короле» мне пришлось вести мимическую сцену на втором плане с нашей «старухой», известной провинциальной актрисой

В.И. Чапаев (в центре с перевязанной головой) с командирами и политработниками 25-й стрелковой дивизии после освобождения г. Уфы. Справа от Чапаева – Д. Фурманов, внизу – П. Исаев и С. Садчиков. Июнь 1919 года. Фото с сайта http://lemur59.ru

Екатериной Николаевной Бельской, только незадолго до этого справившей 55-летний юбилей своей артистической деятельности. Обаятельной души человек, изумительная актриса, она первой в провинции сыграла Марию Стюарт и одна из первых играла в пьесах А.Н. Островского, пьесы которого она знала наизусть и строго следила за чистотой текста своих товарищей. Боже сохрани перепутать при ней текст или выпустить несколько слов. Она прерывала репетицию и с укором обращалась к режиссеру: «Васинька, что же это такое? Островского-то как искажают! Да разве это можно!» И тут же сама по памяти читает нужное место.

На последней репетиции «Короля» мы с ней как-то интуитивно почувствовали друг друга по пьесе, два обездоленных человека, и на спектакле мы с ней так провели сцену – два бедняка, сидящие на задворках в доме богача у отпитого самовара, что на нас обратили внимание и публика, и режиссер, и артисты. После акта Лонский подходит ко мне и, взяв под руку, уводит в свою гардеробную, и здесь прямо сказал, что он мне сначала не поверил, а теперь он мне дает большую трудную роль монаха Кондратия в пьесе Леонида Андреева «Савва» и уверен, что эту роль я хорошо сделаю. Тут же мне дали еще две роли из пьесы Г. Гауптмана «Ткачи», роль Пастора и старика Горнига. Дали еще роль почтмейстера из «Ревизора». Как видите, проба была дана самая разносторонняя, и я, очевидно, с ней справился, так как сразу же занял первое положение и был введен в весь репертуар. Работать приходилось очень много, т.к. каждую неделю давали премьеру.

Моей жене В.Г. Мировой не пришлось выдерживать такого же испытания, как мне. Лонский сразу же стал ее вводить в репертуар как ведущую инженю-драматик.

Нужно вспомнить, что в 1919 году пьес новых не было, и даже такая пьеса, как «Савва» Андреева, проникнутая идеями анархизма, считалась революционной. Играли классику, часто Островского, что я очень любил. Были в репертуаре и «боевики» вроде «Трилби», «Ванька-ключник», «Осенние скрипки» и т.п.

Из артистов, работавших в то время, помимо Е.Н. Бельской, мне хочется упомянуть М.С. Коробову, И.А. Лебединскую, Иртеньеву, М.Ф. Иртеньева, Б.М. Глыбина, Сокольского Иосифа и прибывшую позже талантливую молодежь – Обухова, Гоморова, Чижикова, Балабаева и неизменного помрежа Михаила Ивановича Поповского. Его я и сейчас представляю сидящим у столика с маленькой керосиновой лампочкой, и со стороны кажется, что милый старичок Михаил Иванович спит. Но как только произносится нужная реплика, он поднимает голову: «Готовьсь!» и в нужное время: «Пошел!» И опять как будто засыпает. Однако не было ни одной накладки по вине Михаила Ивановича.

Один из политработников, Гавриил Попов, написал антирелигиозную пьесу «Осанна» и принес ее мне как «своему» актеру для отзыва. Мне пьеса понравилась.

В.И. Чапаев. 1919 год. Фото с сайта http://publicistik.blogspot.ru

Характеры были очерчены ярко, содержание интересное, пьеса острая и, самое главное, новая. После некоторых хлопот пьесу включили в текущий репертуар. К этому времени к нам из Москвы приехал еще состав, слившийся с нашим, из них припоминаю В.Д. Мошкову, М.И. Каширина и комика Константина Зенова, того самого Зенова, который покорял сердца нижегородцев в пьесе «Местный божок» и в других в то время, когда я учился еще в реальном и был статистом Нижегородского городского театра. Я тогда боготворил Зенова, для меня он был недосягаемым идеалом, а сейчас мы с ним в очередь играли монаха Кондратия в «Савве», и, не хвалясь, могу сказать, симпатии зрителей были на моей стороне, и все ответственные представления играл я.

Вот наступила читка пьесы «Осанна» и распределение ролей, и тут многие, просто испугавшись нового, всячески отказывались от ролей. Больших трудов стоило отстоять пьесу. Насмешек, шпилек в мою сторону было немало. Состав, прибывший из Москвы, целиком демонстративно отказался от участия в «Осанне», и только два слова из моего выступления спасли жизнь пьесы. «Явный саботаж», — сказал я. В то время это было очень тяжелым обвинением. Мне удалось уговорить П. Глыбина взять на себя роль священника, очень сильную и антирелигиозную в последнем акте. Мне дали роль Бати, молодого священника, ехидного, злобного. Начались репетиции. И вот нужно же было так случиться, что П. Глыбин в последнем акте в самой сильной сцене сорвал совершенно голос и выбыл из текущего репертуара. И по городу с казацким населением поползли слухи: «Вот, доигрались! Бога нет? А кто Глыбину голос сорвал?», и, как нарочно, многие из участников заболели. С большим трудом при общей злобе населения, окруженные какой-то сетью злобы, скромно делали мы свое дело. Со стороны казаков было передано письмо, где Лонского и почему-то меня предупреждали, чтоб пьесу «Осанна» не играли и религию не трогали, иначе грозили разбить театр, а при взятии обратно Уральска нас вырезать.

И нужно же было случиться так, что у меня воспалился правый глаз. Боль была настолько острой, что глаз был все время закрыт, и даже была боль, когда левым глазом видел что-нибудь яркое.

Злобное шипение в городе усилилось: «Еще один безбожник наказан». Голос у Глыбина восстановился, а я первые спектакли играл в синих очках. Автору это очень понравилось. Он говорил, что темные очки подходят к характеру Бати, что даже, когда глаз был уже здоров, он настоял, чтоб я продолжал играть эту роль в очках.

«Я — Чапаев!»

Однажды Петя прибежал к нам сияющий и радостно сообщает: «Сегодня Василий Иванович вернулся!» И тут же добавил, что сегодня вечером в театре будет и ко мне за кулисы зайдет. Вечером я играл две небольшие роли Пастора и старика Горнига в «Ткачах» Г. Гауптмана. В последнем антракте в моей гардеробной появляются человек пять военных, декоративно обвешанных шашками, револьверами, в папахах с красными бархатными верхами. Портретов Чапаева я не видел тогда, но я сразу узнал его. Он первый подошел, как-то по дружески, просто протянул руку и так же просто сказал: «Я — Чапаев!»

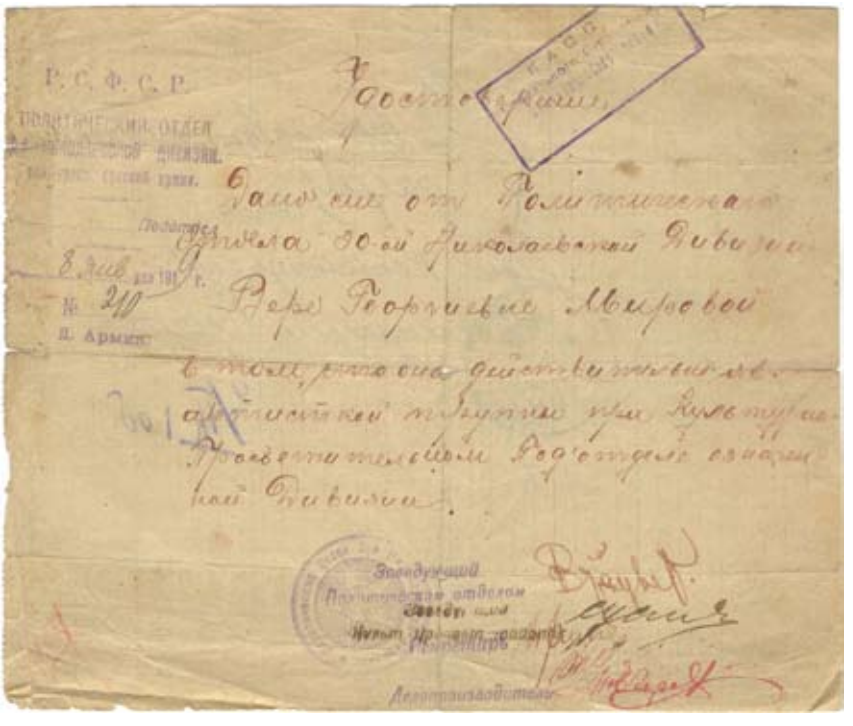
Первое, что я заметил, это его синие глаза с каким-то необыкновенно добрым и в то же время волевым выражением и его большие усы. Роста он был почти моего — среднего. Фигура подтянуто-сухощавая. Шинель была распахнута, из-под нее виднелись защитный френч, синие кавалерийские галифе и сапоги со шпорами. На боку висела кривая в серебре шашка, с которой он снят на известном портрете. Познакомил он меня и с остальными, но, откровенно скажу, я их не запомнил, да и не до них мне было, я разглядывал Чапаева, который продолжал: «Мне тут Петька про тебя писал много, а еще больше наговорил. Много ты хорошего сделал для нас, да и сейчас неплохо играешь, ну да дома побольше поговорим. А где жинка?»

Вера Георгиевна стояла в дверях и с любопытством разглядывала Чапаева. Я указал на нее. Как-то хитровато прищурив в улыбке глаза, он протянул ей руку: «И про тебя слыхал и знаю, как в бане под замком за карты сидела». И тут же, как бы спохватившись, до-

бавил: «Вы уж не сердитесь, что я вам “ты” говорю, я со всеми так разговариваю, и меня тоже прошу не “выкать”». После спектакля Чапаев, Петя и с ними еще один товарищ пошли к нам. Далеко за полночь затянулась наша беседа. Разошлись уже под утро. Расстались друзьями. Было много выпито чая, спето несколько песен. У меня было такое впечатление, как будто бы мы давно знаем друг друга, так умел этот простой по натуре человек располагать к себе. Кто хоть раз видел Чапаева и говорил с ним, тот навсегда оставался покоренным им. Таково было обаяние этого человека. Мне многое стало ясно и понятно, даже то, чему я ранее не верил. На другой вечер опять у нас за самоваром, поставленным нашей квартирохозяйкой, собрались посидеть. Народу было больше, были товарищи Василия Ивановича и наши товарищи по сцене. В этот вечер Василий Иванович был особенно весел, он опять попал в свою семью. «Сбежал», как он говорил, из академии. Не один самовар чаю был выпит в ту ночь. Рассказам не было конца. Сначала Василий Иванович подробно расспросил о нашей жизни, о работе. Многое рассказал о себе. Родился он в семье крестьянина, занимавшегося отхожим промыслом — плотничеством. Мальчиком служил в трактире в Балакове половым. Любил петь и пел очень хорошо. «Я тоже своего рода артистом был, — говорил он, — только певцом. Уговорил меня шарманщик пойти с ним по городам». И Василий Иванович рассказал, как он странствовал по городам и по всем большим волжским селам, был в Саратове, Самаре, Симбирске, Казани и Нижнем Новгороде, где на него огромное впечатление произвела Всероссийская ярмарка. Василию Ивановичу, как и мне, нравились там балаганы, и особенно он восхищался садами «Народная забава», куда вход стоил 1 копейка и где можно было бесплатно чая с сахаром напиться и посмотреть пьесу и эстраду. Нравился ему еще сад «Лубянский», где была хорошая драма и приличная эстрада, а вход в сад стоил 5 копеек.

«Видел я много народу разного на своем веку и испытать многое пришлось». Василий Иванович грамоте научился уже на военной службе, где окончил учебную команду и унтер-офицером был уволен в запас, плотничал, а тут началась империалистическая война. Сметливость и природный ум Чапаева пригодились. На войне он получил четыре Георгиевских креста и был произведен в прапорщики. Василий Иванович был отличным рассказчиком, умел увлекать рассказами своих слушателей, но и сам умел хорошо слушать своего собеседника. У него был хороший голос. Любил он русские песни, сам любил петь, его любимыми песнями были «Черный ворон», «Ревела буря», «По волнам, по морям» и «Березка». Умел хорошо плясать. Он плясал весело, с задором, выделывая массу разных колен. Время как-то проходило незаметно в общем непринужденном веселье.

22 февраля 1919 года у нас был торжественный спектакль. Праздновалась первая годовщина Красной армии. Сначала шел спектакль «Савва», я играю


Р. С. Ф. С. Р.
Политический отдел
Николаевской дивизии
Подотдел
8 янв. 1919 г.
№ 210
П. Армии

Удостоверение

Дано сие от Политического отдела 30-ой Николаевской Дивизии Вере Георгиевне Мировой в том, что она действительно является артисткой труппы при Культурно-Просветительном Подотделе означенной Дивизии.

Заведующий Политическим отделом
Заведующий Культ. Просвет. подотдел
Делопроизводитель

Удостоверение В.Г. Мировой, артистки труппы при культурно-просветительском подотделе 30-й Николаевской дивизии от 8 января 1919 года

Кондратия. Лонский — Ирода. Нужно сказать, что дисциплина в театре была строгая. Стоя за кулисами перед началом второго акта, я замечаю, входит какой-то военный в хорошо пошитой бекеше, красиво отороченной мехом, в кубанке. Я подхожу к нему: «Товарищ, за кулисами быть посторонним запрещено — увидят, будет неприятность, уходите!»

«Я только хотел посмотреть, в каких условиях вы работаете».

«Нельзя, уходите!»

Лонский проходя, услыхал наш разговор. Он был в гриме с развевающимися седыми волосами, большой всклокоченной бородой, в лохмотьях, правая рука подвязана и рукав болтается (Ирод сам отрубил себе правую руку). Подошел вплотную к военному: «Вам ясно сказано — уходите, ну и уходите, мало ли кто чего хочет».

Товарищ тихо сказал: «Я командующий армией Михаил Фрунзе».

На это Лонский грозно ответил: «А я командующий этим театром Лонский (Шевченко), и прошу не мешать».

Михаил Васильевич повернулся и, не сказав больше ни слова, ушел. Я был потрясен. Я, по рассказам Василия Ивановича, знал Фрунзе как человека очень вежливого, внимательного и очень культурного. Мне было не по себе. Было больно и стыдно, что так грубо поступил Лонский с Михаилом Васильевичем, которого все очень любили.

По окончании спектакля Михаил Васильевич пришел на сцену и с ним еще несколько человек. Всех исполнителей попросили на сцену. Михаил Васильевич поблагодарил всех исполнителей, особо благодарил Иртеньева — Савву, Глыбина — отца Саввы и меня — монаха Кондратия, всем нам дружески пожал руки и пожелал успеха. Потом попросил: «Прошу сюда Лонского (Шевченко), — и, улыбаясь, добавил: «Командующего этим театром». Лонский подошел в гриме, ожидая неприятностей, но Михаил Васильевич поблагодарил его за работу над спектаклем, за исполнение роли царя Ирода, и особенно за «образцовый порядок на сцене». Лонский был несказанно удивлен и рад, что все так кончилось. Пробормотал что-то невнятно, можно было понять только одно слово «простите». Все, пораженные происшедшим, расходились по гардеробным. Сцену стали готовить для торжественного митинга. Митинг прошел очень организованно, быстро, ярко. Помню, как выступил с короткой, очень яркой темпераментной речью Василий Иванович. Он говорил, ходя по авансцене, сжимая в руках свою шапку-папаху. Выступил и Михаил Васильевич, говоривший очень простым, доходчивым языком.

После митинга Василий Иванович зашел за нами, и тут же в театре он меня и Веру Георгиевну представил Михаилу Васильевичу, и мы были приглашены на товарищеский чай, который прошел очень оживленно. Не обошлось без песен и пляски. Этот день навсегда останется в моей памяти.

В то время М.В. Фрунзе был назначен командующим 4-й армией. Чапаев был назначен командиром Александрово-Гайской бригады и в конце февраля уехал из Уральска, а в апреле был переброшен на фронт против Колчака. Расставались большими друзьями. Я был переведен на службу в 2-ю дивизию, где и работал в политотделе и у дивизионного инженера Константинова в качестве инструктора для поручений. Одновременно продолжал работать и в городском театре. Работать приходилось очень много, спать же мало. Все же главное свое внимание я отдавал театру.

Уральск был окружен подковой казаков, и эта подкова каждый день грозила сомкнуться в кольцо. Казаки осмелели, и Чапаев был далеко. И вот кольцо сомкнулось, но ненадолго, его разорвали, и только мы вздохнули свободно, как опять казаки сомкнули кольцо, и на этот раз уже надолго. Началась осада блокированного Уральска. Казаки ночью переплывали по одному в Уральск, мылись в бане, ужинали у родных, а наутро опять переплывали реки Чаган или Урал и были опять в своих рядах. Невозможно было уследить везде. Гарнизон был небольшой. Казаки грозили, что не только нас, «краснопузиков», как они говорили, вырежут, но и всех иногородних (т.е. не казаков, но людей давно, десятками лет живших в Уральске) они прирежут, пощады не будет никому. Особенно злобствовали в отношении театра, который в осажденном Уральске играл большую роль. Бойцов, снятых с фронта, мыли в бане, кормили, давали отдохнуть, потом вели в театр и оттуда опять на фронт. Угроз в мой адрес было больше всех. Я, совершенно непонятный им новый человек, работал и в театре, и в политотделе Уралукрепрайона, и у дивизионного инженера, все ночи проводил в седле, следя за состоянием линии обороны. Прошло около 40 лет, и я сейчас совсем не помню, когда я спал и когда отдыхал. Свирепствовал сыпняк (сыпной тиф). Моя жена весь свой досуг отдавала работе по ликвидации эпидемии тифа.

После ухода Чапаева в Уральске осталась одна 22-я дивизия с начальником Сапожковым. Кое-что удалось из Уральска эвакуировать. Некоторым артистам (московской группе) удалось выехать. Мы остались, чтоб разделить судьбу с осажденным гарнизоном, отлично сознавая, что в случае прорыва осады казаки нас вырежут в первую голову. Их угрозы вырезать не только красных, но и иногородних, воодушевляли нас на работу. В городе постепенно начал ощущаться голод. Съели почти всех коров, оставив только наиболее ценных породистых, съели верблюдов, ели лошадей. Совершенно не было табака. За восьмушку махорки можно было выменять целое состояние. Я не курил, но Вера Георгиевна, к несчастью, тогда курила. Не стало махорки, курила ромашку и сиреневый лист, дымом которого можно было отравиться.

«Держитесь, уральцы, на вас смотрит вся революционная Россия»

Город настороженно жил, отбиваясь от наглевших казаков. Сообщение с миром было только по радио да при помощи одного самолета — «допотопной этажерки» системы Вуазен, на котором из Самары к нам в Уральск прилетал отчаянно храбрый летчик Лабренс, привозил мешки с медикаментами, почтой, махоркой. Прилет его для наших артистов был настоящим праздником, так как я в штабе получал и раздавал им махорку.

Помню один случай, когда по ходу не помню уже какой пьесы закурил папиросу, сидя у окна павильона, и положил руку на подоконник. Кто-то из-за кулис через окно вырвал у меня папиросу и исчез.

Весь осажденный гарнизон состоял из 5 тысяч бойцов, двух десятков орудий, трех десятков пулеметов и очень небольшого запаса боеприпасов.

Примите во внимание, что мы были еще внутри города окружены враждой казацкого населения, вы поймете наше состояние. К смерти были готовы в любой момент. А ведь так хотелось жить. Хотелось увидеть хоть частицу светлого будущего, в которое мы все беззаветно верили. Работать приходилось буквально-таки по 20 часов в сутки. Днем ежедневно — спектакль для бойцов. Начинали в 4 дня и к 8 часам вечера должны были закончить. В городе было введено осадное положение.

Нам пришлось перейти на комедийный репертуар. Просили «посмешнее». Мы давали веселые комедии вроде «Земного рая» и «Тетки Чарлея», и даже фарсы вроде «Шпанской мушки», которую мы назвали «Сын трех отцов». Я уже говорил, что бойцов, сменившихся из окопов, мыли в бане, кормили, [давали] короткий отдых, [они смотрели] спектакль и опять — в окопы. Театр пользовался большой любовью и играл важную роль в настроении осажденного гарнизона. Казаки это отлично учитывали и не раз предупреждали устно и через письма, передаваемые в наши окопы, чтоб мы прекратили наши спектакли, грозя при взятии города «не сегодня завтра», как они писали, вырезать всех нас, «краснопузиков». Эти угрозы воодушевляли нас на еще большую работу.

16 июня, этот день я отлично помню, в Уральске была получена радиограмма от В.И. Ленина. «Держитесь, уральцы, на вас смотрит вся Россия», — радировал он.

Эта радиограмма влила новые силы в истомившихся бойцов — защитников Уральска.

Как-то во время спектакля «Сын трех отцов» в первом антракте перед театром на площади около ревкома разорвался снаряд.

Ничего... Продолжаем: первый звонок. Второй снаряд рвется между театром и цирком, сзади театра. Ясно, что мы попали в артиллерийскую «вилку». Лонский дает второй звонок, артисты готовы идти на сцену, но в это время третий снаряд рвется точно посреди сцены. Пыль, треск, грохот падающих колосников, но паники никакой. Зрители-красноармейцы спокойно выходят, а из-за кулис через задние ворота для декораций выбегают артисты в гриме и костюмах. Рядом на базарной площади было много народу. Не обошлось без курьезов: одна казачка, увидев, что П. Глыбин на ходу сдернул парик с пышной шевелюрой и остался с бритой головой, закричала: «Смотрикось, волосья так все и слезли. Лопни глазыньки, без волосьев осталси!»

Выясняем потери: убит один музыкант, местный житель, коренной казак и слегка контужена «вторая старуха». Через день спектакли возобновились с большим подъемом в городском садике имени Пушкина. Положение в осажденном городе становится все более и более тяжелым. Ночью казаки ухитрялись, один-два человека, переправлялись через реки Чаган или Урал с «бухарской стороны» в Уральск к родным, мылись в бане, отдыхали и опять переправлялись к своим. Шпионаж был жуткий. Отношение местных казаков к нам становилось открыто враждебным. Я всегда утром брал молоко у одной старухи казачки. Однажды, придя к ней, вижу накрытый стол, в переднем углу перед образами горят лампады. Я был удивлен. Старуха зло сказала мне: «Нет тебе сегодня молока, и не будет больше. Будет, пожили». — «Почему, бабушка, ведь я же тебе плачу сколько ты хочешь». — «Сегодня вечером наши придут, вас, краснопузиков, вырежут. Сам придет с братаном, я им блины пеку». Зло меня взяло, да, признаться, и страшновато стало от этих злых слов милой до этих пор старухи, все же, уходя, я, не сдержавшись, бросил ей: «Не на поминки бы им пришлись эти блины!» Это было утром 11 июля, я отлично помню эту дату.

В городе иссякло продовольствие. К орудиям осталось всего несколько снарядов, несколько патронов. Было решено, сделав вылазку, пробиться к своим или же в случае неудачи сдать город, договаривались только о праве вывести гарнизон с иногородними.

Мы приготовились к самому худшему. Надели чистое белье, оделись во все лучшее. Все личные бумаги были сожжены.

«Чапай — идет!»

Решалась наша судьба. Собрались все на площади между театром и ревкомом. Начинается какое-то неуловимо-тревожное движение. Куда-то скачут верховые. Начинают ползти слухи: «Казаки идут!»

Действительно, издалека доносятся звуки оркестра. Но оркестр играет «Варшавянку». Казаки революционных вещей не играют. И вдруг, как вихрь, проносится весть: «Чапай — идет! Прорвался!» Откуда взяться Чапаеву, когда он под Уфой — бьет Колчака, но, в самом деле, через несколько минут в город начали вхо-

дить войска. Вот, заломив фуражку на затылок, верхом едет Петя Исаев! «Милый Петька». Бросаемся к нему: «Петька, милый, как так? Расскажи! Ведь это просто чудо!» Но Петя куда-то очень торопится, только и успел с нами расцеловаться и, уезжая, бросил: «Некогда! Сегодня все расскажем. Василий Иванович расскажет, он едет». Но Чапаеву, понятно, тоже некогда. Он едет верхом, и обе большие переметные сумки его кавалерийского седла полны махоркой, и он горстями раздает ее бойцам, которые окружили его тесной стеной и с восторгом смотрят на своего кумира «Чапая». С большим трудом протискиваемся к нему. Обнимаемся. Вера Георгиевна, не сдержавшись, смахивает набежавшие слезы. И опять вопросы: «Расскажи же, что случилось?» Лукаво сощурились глаза: «А что, умирать уже собрались? Не умрем, долго еще будем жить на страх врагам. Пробились, казара отступила. Разыщите сегодня меня, все расскажу». И опять горстями раздает бойцам махорку.

«Эх, целу горсть. Василий Иванович, это на сколько человек?» — «Чудак: тебе одному!» — «Да ну! Вот это да!»

Д.А. Фурманов в своем произведении «Чапаев» пишет, что Чапаев въезжал в Уральск на автомобиле. Автомобиль был у Чапаева. Не знаю, может быть, он и ехал до Уральска на нем, но в Уральск он въехал верхом, и мы встретили его верхового на площади перед театром, раздающим махорку. Может быть, Д.А.Фурманов написал это для красоты стиля, изменив действительность. Ведь выведен же в фильме «Чапаев» Петька Кмитом (Л.А. Кмита, артист театра и кино. — *Ред.*) каким-то неряхой, тогда как на самом деле Петя был всегда опрятен, подтянут, тщательно причесан. Таким он и изображен на подаренной им мне фотографии, которую я сохранил.

Чапаев уехал, дав две горсти махорки Вере Георгиевне, она тотчас же свернула большую «закрутку», с жадностью закурила. Я говорил, что во время осады курили все листья сирени, ромашку и пр. и часто травились. Сейчас же раздались крики-заявки: «Сорок», «двадцать», «десять», «губы обжечь!». Эти выражения с просьбой оставить покурить известное количество процентов появились в осажденном Уральске, когда одна папироса приходилась на пять-шесть человек.

Вечером мы разыскали Чапаева, он занял домик на главной улице, недалеко от старого собора. У него, как почти всегда, на столе самовар. За столом и в комнате много народу. Тут почти все старые наши знакомые, есть и новые лица. Вот ординарец Сеня, которого мы раньше не видели, а вот молодая подруга Василия Ивановича, Леля, которая приехала с ним из Уфы. Рассказам нет конца. А рассказывал Василий Иванович удивительно увлекательно. Рассказал, как начал бить гордого адмирала Колчака. Как дрались за Уфу, как в июне на реке Белой в бою контузило Михаила Васильевича Фрунзе, и у него шла горлом кровь. Как при переправе Чапаев был ранен в голову, и пуля застряла в голове. Сделав перевязку, Чапаев продолжал бой. «Не отлита еще такая пуля, которая Чапаева убьет», — добавил он. Рассказывал, как из-под Уфы была дивизия переброшена на выручку изнуренному Уральску и как казаки, узнав, что идет Чапаев, не приняв боя, отступили, разомкнув кольцо вокруг исстрадавшегося города. Радости нашей не было конца, и по этому случаю Чапаев разрешил принести спирту. Петя принес спирт в гильзе от снаряда. «Пейте все! Я, Чапаев, разрешаю, только чтоб при мне и открыто, а будет кто пить потихоньку, друг, не друг, все равно пощады не будет!»

Сам Василий Иванович не пил, несмотря на уговоры. Не выпил ни капли и сейчас. Появился баянист, начались песни. Василий Иванович умел удивительно хорошо запевать. Я говорил о его любимых песнях. Пел он, сидя на стуле, расставив ноги, опустив голову или прислонившись к столу и подперев руками голову. Особенно любил:

Черный ворон, храбрый воин,
Что ты вьешься надо мной.

Он запевал, и ему стройно вторили Петя и Сеня, это были хорошие «подголоски», вступали и другие, выделялся голос, в то время очень сильный, приятного низкого тембра, Веры Георгиевны, и песня заливала всю комнату, пропадали стены, вокруг степь бесконечная, а песня, песня рекой льется, всех захватила, всех покорила. Вторят уже и за окнами. Подхвачена песня и льется привольно.

Пели и про Ермака — «Ревела буря», и про Разина — «Из-за острова на стрежень», и «Березку» и все что знали, а потом переходили на пляску. Чапаев некоторое время смотрел, потом, лихо встав, расправлял усы. «Эх, вы, вот как нужно плясать! А ну-ка, Вера, покажем им, как нужно плясать по-настоящему!» И начиналась настоящая русская пляска с бесконечной сменой колен, которых знали они оба уйму. Вот он идет вприсядку вокруг Веры, размахивающей платочком, а вот оба они бьют замысловатую дробь. Удивительно хорошо, легко, не уставая, плясал Василий Иванович, и особенно любил плясать с Верой, которая, по его выражению, «настоящую, русскую, пляшет». Вечеринка закончилась утром. Была выпита еще пара гильз. Подсмеивались надо мной, что я тоже не пью. Выпито было много, но никого не было, про кого бы можно было сказать, что человек в подпитии, а веселы были все.

Немного соснув, опять мы были подняты стуком Пети: «Скорее, пироги на столе вас ждут». Быстро приведя себя в порядок, приходим: на столе горячие пироги, испеченные молодой подругой Лелей, очень милой красивой девушкой. Пьем чай с пирогами, вдруг распахивается дверь, на пороге появляется старуха и с причитаниями бросается на пол. «Батюшка Чапай, меня к тебе твои краснопузики не пропускали». — «А в чем дело, бабка?» — «Да как же, родной ты мой,

твои краснопузики, пострели их горой, мою коровку съели, кормилицу мою, сам-то у меня в казаках, а сынок-от в красных воюет».

И тут же старуха добавляет, что знает, что чапаевцы отбили у казаков большое стадо в несколько тысяч голов. «И баранты, и коров, и лошадей видимо-невидимо». Старуха просит дать ей из гурта коровку, чтоб внучка кормить. Василий Иванович пишет гуртовщику записку, и старуха уходит, желая ему: «От Господа Бога добраго здравия и победы над супостатом». После ее ухода Василий Иванович весело смеется: «А ведь супостат-то ее муж, отец нашего бойца. Как все получается».

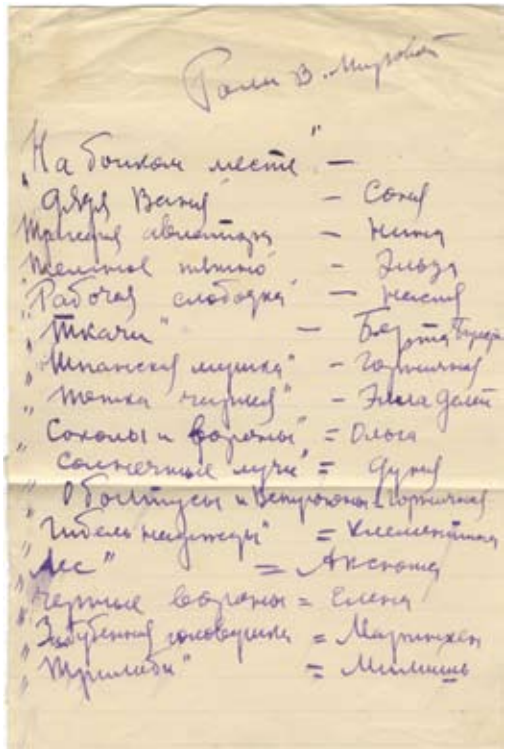
Вечером же этого дня у домика образовалась целая очередь женщин, у которых съели коров и у которых были расписки, были в этой толпе и такие, которые прямо заявляли, что коровки у них не было, но на их руках дети, а отцы в Красной армии. Представляли доказательства, и Василий Иванович особенно охотно давал таким коров. Все получили коров. Можно легко себе представить, как от этого возросла популярность Василия Ивановича. Он был кумиром — героем народным.

Не зная устали, этот человек по суткам, по двое сидел в седле, а приедет в Уральск, тотчас же к себе зовет. Вспоминаю один эпизод: сидим вчетвером, Леля, Петя, я и Вера Георгиевна, ждем к пирогам Василия Ивановича. Приезжает с Сеней, злой, поздоровался со всеми и прошел прямо в другую комнату, стенка которой не доходила до потолка. «Ушли бы куда-нибудь! Сейчас ругаться буду. Сенька! Пусть он войдет!» Мы не ушли, а стали тихо сидеть. Как-то согнувшись, дико озираясь, прошел в комнату к Чапаеву начхоз части. Сначала из-за перегородки слышалась легкая тихая ругань. «Ты что же, сукин сын? Ведь тебя за это в трибунал, а там, знаешь, что за это?» — «Знаю, Василий Иванович, знаю. К стенке! Будь отцом родным, ведь у меня жена, дети». — «А моих бойцов после боя не накормил, это что? Сам не жри и не спи, сукин сын, а чтоб бойцы были сыты и всем довольны». Дальше шла такая виртуозно отборная ругань, что было как-то странно, что это ругается Василий Иванович. Послышалось несколько каких-то глухих ударов. «Уходи, мерзавец, на глаза мне не показывайся, изувечу, если хоть одна жалоба будет!» Открывается дверь, и из нее, пятясь к выходной двери, как-то согнувшись, боком медленно пятится начхоз части. «Спасибо, Василий Иванович, отец настоящий, отец родной, век не забуду. Спасибо. Научил». И поклонившись нам, добавил: «А ведь по правде-то к стенке бы меня нужно. Спасибо! Отец родной».

За все время мне ни разу не приходилось слышать, чтоб Василий Иванович жестоко наказал бы кого-нибудь из провинившихся.

Чапаев в это время командовал дивизией, и он уговорил меня, чтоб я перешел к нему на работу в штаб его 25-й дивизии, а Вера Георгиевна — в труппу, организованную Анной Фурмановой. Эта труппа давала выездные спектакли непосредственно на фронте, и случалось, что при возвращении нападали казачьи разъезды, и тогда артисты, взяв в руки винтовки, отстреливались от них.

Рисунки А.А. Вадимова. 1921 год



Роли В. Мировой

„На бойком месте" —
„Дядя Ваня" — Соня
„Трагедия авиатора" — Нина
„Пленная пашня" — Эльза
„Рабочая слободка" — Нина
„Ткачи" — Варвара
„Испанская мушка" — Горпина
„Тонка чулки" — Эмма Дали
„Соколы и фазаны" = Ольга
„Солнечные лучи" = Фрумя
„Болтунья и Ветрогон" — Горпина
„Гибель недотроги" = Клементина
„Лес" = Аксюша
„Черные вороны" = Елена
„Забытая гроза" = Марфинька
„Тримиди" = Милица

Список ролей, сыгранных В.Г. Мировой

В.Г. Мирова. 1920 год

Как-то установилось так, что если Василий Иванович был свободен утром, мы бывали у него и очень часто нас угощали пирогами, которые Василий Иванович очень любил. Вечерами после спектакля, часто далеко за полночь, собирались у нас. Как-то Василий Иванович сказал: «А ведь яблоки уже созрели, мне ребята пару дали, у казары сорвали». А нужно сказать, что все сады находились за рекой Чаганом и были у казаков. «Вот бы пирожков с яблочками». Я и Петя вызвались съездить в сады и нарвать яблок в садах, где были казачьи разъезды. Петя запряг пару лучших чапаевских коней в легкий тарантасик. Взяли пару мешков для яблок. Оружие Василий Иванович брать не советовал. Выехали из Уральска. Петя на козлах, я на сиденье тарантасика. Съехало сиденье, и я, поправляя его, обнаружил Петин карабин, пару «бутылочных» гранат и подсумок с патронами. «На всякий случай взял, — объяснил Петя, — а револьвер оставил, чтоб были дома спокойны, что мы безоружные выехали». Проехали нашу заставу, миновали казачьи разъезды и въехали в сады. Натрясли два полных мешка яблок. Насыпали сколько можно было в тарантас. Дали коням отдохнуть и тронулись в обратный путь. И, как нарочно, попадаем прямо на казачий разъезд троих молодых казаков. Кони, стреноженные, мирно паслись, а карабины невдалеке лежали на их вещах. Казаки закусывали. Подъехали к ним. Петя дал закурить, и на их вопрос: «Кто такие и откуда» — Петя весело ответил, что лошади это чапаевские и что он артиста Вадимова в сады за яблоками возил. Казаки шли за нами и разговаривали. Петя сдерживал лошадей. Казаки потрогали мешки. «Ну, чего рты-то разинули?!» — крикнул Петя и лихо рванул коней. Кони понеслись вихрем. Пораженные казаки застыли в оцепенении. Придя в себя, побежали почему-то к стреноженным коням. А наши кони мчали, как вихрь, и только когда мы были уже очень далеко, на виду у нашей заставы, вслед нам раздалось несколько выстрелов. Мы на своей заставе угощали яблоками обступивших нас удивленных красноармейцев. Эта поездка произвела на меня большое впечатление, а Петя, как ни в чем не бывало, говорил, что самое главное в таких случаях не теряться и говорить только правду. Храбр был и честен этот маленький адъютант. Привезенные нами яблоки произвели фурор. Вскоре о нашей поездке по городу говорили разные небылицы, а мы назавтра утром с большим аппетитом угощались пирогами с яблоками, а за обедом чем-то очень вкусным третьим, приготовленным Верой Георгиевной.

Ежедневно наш театр был переполнен самыми внимательными, самыми благодарными зрителями — красноармейцами.

«...Открывай цирк, да поскорее!»

Пропускной способности нашего театра не хватало. Было решено на главной улице открыть Дворец труда со сценой и зрительным залом человек на 500. Случайно в Уральске оказался известный в театральном мире художник-футурист Калмыков. Ему поручили расписать портал и боковые стены зрительного зала. Переделка зрительного зала и сцены затянулась.

Я уже говорил, что на базарной площади стояло пустовавшее временное деревянное здание цирка. Проходя с Василием Ивановичем по площади, я обратил его внимание на это здание: «А хорошо бы, Василий Иванович, еще цирк открыть, да одна беда — артистов цирковых нет. Один одноногий артист цирка Алексей Лоссе (Лосев) в городе с семьей живет, а хорошо бы для красноармейцев цирк открыть, да ведь нет цирковых артистов, ни лошадей, ни животных, какой же цирк».

Задумался Василий Иванович. Зашли мы с ним в пустой запущенный цирк, сели на скамью, смахнув пыль. Начался разговор о цирке. Василий Иванович рассказал, как он во время Нижегородской ярмарки смотрел цирковое представление с галерки цирка Никитина. Отлично запомнил даже несколько фамилий артистов. «И скажи мне, пожалуйста, почему все почти, кроме Дурова Анатолия, иностранцы. А случилось мне раз с молодыми ребятами из цирка на ярмарке поговорить, так они только писались иностранцами, а на деле-то русскими были». Разговор зашел о Лоссе — об универсальном цирковом артисте, с которым я столкнулся по работе в нашем Уральском профессиональном союзе, который мне поручил организовать отдел труда. Документ об этом хранится до сих пор у меня. Он назывался Союз артистов, фотографов и кинематографистов, сокращенно «Артифотокин». Лоссе жил в Уральске со своей женой и очень одаренным сыном Георгием, с которым родители Лоссе в предреволюционные годы объездили всю Россию. Сын Георгий выступал как известный в то время вундеркинд — киноартист Дженки Куган. Долго думал Василий Иванович, потом, как-то повеселев, говорит: «Вот что, дам я тебе людей сколько хочешь, досок, гвоздей, красок дам. Даже одного своего коня тебе временно в цирк, для прохождения наук, дам, а ты, у тебя опыт в Озимках был, открывай цирк, да поскорее!»

Понравилась мне эта мысль о цирке. Взялся я и две недели срока выпросил. Я загорелся работою. Вечером этого же дня привезли доски, гвозди, краски, и их принимал уже выделенный завхоз цирка. Рано утром была приведена лошадь и поставлена в стойло и привезено много корма для лошади. Лоссе, увлекшийся идеей открытия цирка, уже гонял лошадь по манежу, приучая ее шамберьером, неизвестно откуда появившимся. Странно было видеть этого труженика-энтузиаста цирка, дрессирующего лошадь и ковыляющего с костылем по манежу. После первой репетиции Лоссе мне сказал: «Конек способный, дней через десять можно будет “свободу” показывать». Мы договорились, что репетировать будет он два раза в день, утром до работы и вечером после.

Целая инженерная рота пришла на работы, быстро очистили цирк от мусора, принялись за починку. Я целыми днями с раннего утра был в цирке. «Сколачивали» программу из имеющихся в наличии артистов.

Василий Иванович два раза вечером был на репетиции Лоссе и остался очень доволен, что его конь делает повороты, прыжки, танцует вальс, ложится и пр.

Конный номер был готов. Через три дня и цирк выглядел нарядно. Сделали несколько лож, поставили стулья и одну ложу оборудовали специально для Чапаева.

Программа составлена большая, но довольно-таки пестрая и не совсем цирковая, но одной зрелищной единицей больше, и, сделав одну общую генеральную репетицию, закрытую для всех посторонних, мы общими усилиями не через две недели, как я обещал, а на 8-й день открыли цирк.

Вот программа открытия (даю ее не по порядку номеров).

Акробат-экцентрик — Ал. Лоссе.
Звукоподражатель-имитатор — Надиров.
Дрессированную лошадь выводит А. Лоссе.
Художественное чтение — М.С. Коробова.
Комическое антре — Ал. Лоссе и А. Вадимов.
Жанровые песенки — Е.И. Дубровская.
Музыкальный номер — Р.Ф. Фредо.
Бытовые рассказы — А. Вадимов.
Танцы — В. Мирова и Г. Лоссе (сын).
Скетчи — Б.М. Борисов и И.А. Лебединская.
Русские песни — Сташинская.
Русский хор под управлением Свешникова Н. (имени не помню).
Соло на скрипке (не помню фамилии).
Куплеты в жанре босяка — Иосиф Сокольский.
Вел программу — А. Вадимов.

И еще несколько номеров, которых я из-за давности лет уже не помню.

Играл военный оркестр. Я на время работы цирка временно выбыл из репертуара театра, мои роли играл дублер. Это были мои первые выступления в цирке, которому я отдал 26 лет своей трудовой жизни. Как видите, нагрузка была большая. Я вел всю программу, в антре, надев какой-то клоунский костюм, я — белый, и потом читал еще бытовые рассказы Горбунова, которые зрители принимали очень хорошо. Я заходил в ложу к Василию Ивановичу во время представления. Он сиял и был поражен, что его конь стал ученым.

По окончании премьеры зрители не расходились. Василий Иванович и с ним еще несколько товарищей вышли на середину манежа, туда же вышли и все исполнители. Благодарностям не было конца. Это был какой-то прорыв. Надолго осталось в памяти мое пер-

вое выступление во фронтовом, как мы его называли, «Чапаевском», цирке.

Некоторые участники программы: Елена Ивановна Дубровская, Р.Ф. Фредо, семья Лосевых (Лоссе), В.Г. Мирова и я — Вадимов живут в Москве, и я уверен, в их памяти сохранилось воспоминание о «Чапаевском» цирке. А лично меня и В.Г. Мирову с тех пор неразрывно связывает самая сердечная дружба с семьей Р.Ф. Фредо и Е.И. Дубровской, третье поколение которых выросло на моих глазах, внучка их, Наташа, получила аттестат зрелости.

В первых числах августа Василий Иванович повел наступление на казаков, которые откатились к Лбищенску и начали отступать к Гурьеву.

14 августа Василий Иванович отправил меня в Нижний Новгород, чтоб я отвез весь свой артистический багаж родителям, чтоб не отрываться к театру и чтоб, вернувшись, приступил бы к работе в штабе. Я был рад повидать родителей. Василий Иванович написал [записку] в Продколлегию и велел указать на моем удостоверении, что мне выдано два пуда муки (крупчатки), чтоб в дороге не могли реквизировать. Я было запротестовал, но Василий Иванович сказал: «Не тебе, а твоим старикам, пусть пироги испекут и Чапаева вспоминают». «Что ты, помирать, что ли, собрался?» — сказал я. Я тогда и думать не мог, что это было очень близко к правде.

Удостоверение за № 5060 от 14 августа 1919 года, которое почему-то названо: БИЛЕТ, я свято берегу до сих пор. На нем подписи:

«Начальник 25-й стрелковой дивизии ЧЕПАЕВ (он почему-то подписывался Чепаев).

Военный комиссар Батурин.

Врид начальника штаба 25-й стрелковой дивизии Новиков».

Устроили мне проводы, подарили бутылку очень хорошего старого вина, ее распили, и даже Василий Иванович согласился выпить «саму малость, хоть усы обмочить», попробовал, что за вино. Это был единственный раз, что я видел, как Василий Иванович пьет вино, выпил он всего один глоток. Сел я на пару лошадей и поехал до первой станции, так как казаки, отступая, железнодорожный путь попортили и его еще не успели полностью восстановить. 19-го я в Саратове сел на пароход «Крестьянка». В пути заболел, и об этом есть отметка на обороте «билета», я был изолирован в отдельной каюте. Подозревали тиф. На самом же деле я захворал тропической малярией. 27-го приехал в Нижний Новгород, где и был положен в госпиталь.

Расставаясь, мне Василий Иванович обещал, что когда штаб переведут в Лбищенск, то туда же он перевезет на автомобиле и Веру Георгиевну (которая была оставлена в Уральске) вместе с Лелей. Лбищенск был взят, и штаб дивизии перевели туда, казаки стали откатываться к Гурьеву. Василий Иванович заехал на автомобиле за Верой Георгиевной, но ее не было дома, она была у портнихи. Около часа просидели, ждали. Наконец, терпение Василия Ивановича лопнуло, и он квартирохозяйке велел передать, что раз Вера не сумела на автомобиле вместе уехать, пусть не сердится и в Лбищенск на верблюдах едет. Это было 3 сентября, а 5-го казачий разъезд ночью неожиданно напал на штаб, и почти все погибли. Казаки далеко откатились от Лбищенска, и по беспечности не было выставлено сторожевое охранение.

Василий Иванович, как известно, раненный в голову, утонул при попытке переплыть реку Урал. Петя, прикрывавший его переправу, будучи окружен, на предложение сдаться, отстреливаясь, расстрелял из своего карабина все патроны. Отстреливался, сколько мог, из нагана и, гордо крикнув: «Чапаевцы умирают, но не сдаются!», последнюю пулю пустил себе в висок. Казаки остервенело терзали труп бедного маленького адъютанта. Говорили, что и Сеня был убит. Батурину казаки размозжили голову и, узнав, что это комиссар, разорвали, остервеняясь, тело на клочки. Новикова спустя несколько дней после освобождения Лбищенска наши нашли под полом в бане в обморочном состоянии с загнившей раной в ноге. Лелю казаки поймали, когда она на другой день пыталась пленным красноармейцам передать хлеб и молоко. Ее изуродовали, отрезали грудь, выкололи глаза. Узнали ее труп по маленькому колечку, подаренному ей Верой Георгиевной. Вокруг того места, где отстреливался Петя, валялось много трупов убитых им казаков.

Так трагически закончилась одна из славных страниц истории Чапаева в Гражданской войне.

«Прощай, Уральск»

Я получил телеграмму о гибели Чапаева много недель спустя в госпитале и в октябре, полубольной, выехал в Уральск. Пароходы уже не ходят, и я долго добирался со всевозможными пересадками до Саратова. Нужно вспомнить, что поезда тогда ходили от случая к случаю, никакого регулярного расписания движения не было. Из Саратова до Уральска я ехал в теплушке 14 суток. Свирепствовал тиф. Из вагона, по пути, на станциях снимали умерших. Я ехал в каком-то полубредовом состоянии. Все, что происходило вокруг, казалось каким-то сном. Я лежал, закутанный в бурку, и, вероятно, она меня спасала и от тифа, и от холода. Приехав в Уральск, я в каком-то бреду добрался ночью до сторожки театра — и здесь потерял сознание. Меня, потерявшего сознание, привез к Вере Георгиевне на салазках сторож театра. Долго я еще хворал, был на грани смерти, кошмарные видения преследовали меня. Были жуткие бредовые явления. Мне стало немного лучше. В театре свирепствовал тиф — заболел герой-резонер. Шла пьеса «Соколы и вороны», и ко мне днем прислали из театра, чтоб я шел играть роль Застражаева. Роль эта была у меня на слуху, хотя она

«Эх, Урал, Урал!!!» (надпись на обороте). Труппа Николаевского театра. 1919 год

была и не моего амплуа. К несчастью, меня считали способным артистом. Температура к вечеру поднялась до 41°. Но ко мне пришли и предупредили, что, если я не приду, спектакль сорвется по моей вине, что это будет считаться саботажем. Я был молод, переоценил свои силы, и Вера Георгиевна повела меня почти в бреду в театр.

Первый раз в моей артистической жизни я не мог сам гримироваться. Меня гримировали, а рядом режиссер «вчитывал» мне роль. Меня одели, и вот я на сцене. Пошел занавес. Я, немного очнувшись, в каком-то бессознательном состоянии иду к суфлеру, но мне кажется, что это не я, и, что удивительнее всего, я не чувствую своего тела. В антракте на меня нападает какое-то забытье. До меня откуда-то издалека доносятся чьи-то голоса. Последний акт подходит к концу. Я чувствую, что не дотяну до конца. Пол передо мной почему-то ползет вверх, и я падаю, потеряв сознание. По пьесе я должен был умереть от разрыва сердца несколько позднее. Благодаря опытности и находчивости М.С. Коробовой дело было спасено. Она говорит немного «от себя», и зрители, не знавшие пьесу, были поражены натуральностью смерти Застражаева. Занавес. Меня, не пришедшего в себя, раздевают, разгримировывают и в бессознательном состоянии отвозят домой, где бред мучает меня и беззаветно ухаживающую за мной тоже полубольную ослабевшую Веру Георгиевну.

Итак, я опять в Уральском театре. Зима 1919/20 года была кошмарной. Всюду свирепствовал тиф, как мы уцелели, я и сейчас считаю чудом. Вера Георгиевна бесстрашно ухаживала за тифозными в нашем доме.

Лето 1920 года — опять комедийный репертуар. Мне было очень трудно, да, признаться, и надоел уже нам Уральск. Берем отпуск и едем в Нижний Новгород с твердым решением в Уральск не возвращаться. Перед моим отъездом Екатерина Николаевна Бельская упросила меня как секретаря профсоюза выхлопотать ей прощальный бенефис — «Грозу», где она сыграет Кабаниху и уйдет на покой. Я все сделал, что она просила, и мы уехали. Прощай, Уральск!

После нашего отъезда, мне рассказывали, вскоре поставили «Грозу», Бельская сыграла Кабаниху, говорят, необычайно хорошо. Ушла из театра и вскоре скончалась.

Мы приехали в Нижний Новгород как раз в тот момент, когда здесь Юрий Васильевич Соболев формировал труппу и театр моряков-водников. Собралась сильная труппа, куда мы поступили, заключив контракты. Я получил на открытие роль Загорецкого в «Горе от ума», но неожиданно из Уральска пришла телеграмма. Нас срочно вызывали в Уральск, грозя нам всеми карами. Ничего не поделаешь, пришлось ехать. Проезжая через Москву, я захожу в ТЕО (Театральный отдел) Наркомпроса, и здесь нас через ПУР (Политическое управление Реввоенсовета) оставляют в Москве. Нас направляют с недавно сформированной труппой в только что освобожденный от белых Крым, но перед самым отъездом нас переформировы-

Удостоверение.

Дано настоящее от Волжского Областного Политотдела Водного Транспорта тов. Мировой Вере Черниной в том, что он действительно является артисткой при Театре Моряков. что и удостоверяется.

Подпись: В. Марков

Настоящее действительно на 30 дней.

Секретарь Облполитвода

Завед. Личным Составом

Удостоверение.

Дано настоящее от Волжского Областного Политотдела Водного Транспорта тов. Вадимову Александру Алексеевичу в том, что он действительно является артистом при театре моряков и Вадимов и удостоверяется.

Подпись:

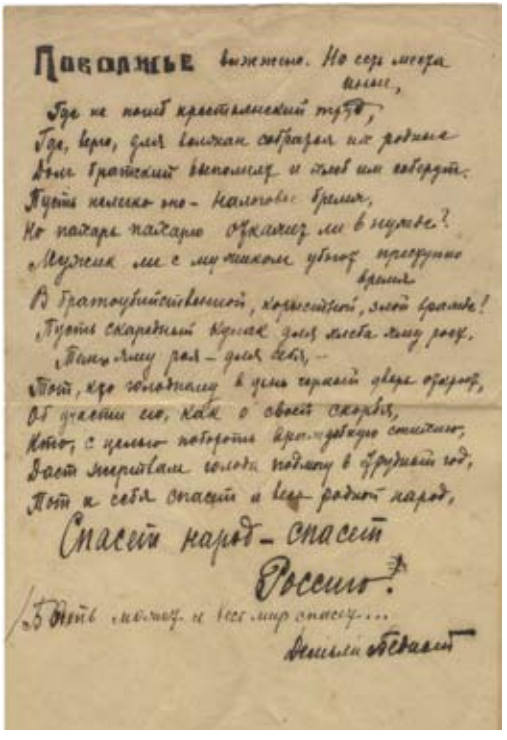
Настоящее действительно на 30 дней.

Секретарь Облполитвода

Завед. Личным Составом

Удостоверения артистов Театра моряков в Нижнем Новгороде В.Г. Мировой и А.А. Вадимова. 1920 год

В.Г. Мирова в аэроплане


Поволжье вымершее. Но серп косца
косит,
Где не поймёт крестьянский труд,
Где, верю, для выжжен. сбережёт их родные
Вновь братский выполнит и зовёт им навсегда.
Пусть нелегко оно — налоговое бремя,
Но пахарь пахарю откликнется ли в нужде?
Мужчина ли с мужчиной убьёт преступно
время
В братоубийственной, кровопролитной, злой борьбе!
Пусть скаредный кулак для хлеба лишь раз,
Пусть лишь раз — для себя, —
Тот, кто голодному в день горькой двери отворит,
Об участии его, как о своей скорби,
Кто, с целью повторить кровопролитие стихийно,
Вновь умерщвлять голодом подвигу в грядущий год,
Тот и себя спасёт и всех родной народ,
Спасёт народ — спасёт
Россию!
В Вере, любви и всех мир спасу...
Демьян Бедный

Листовка с фрагментом стихотворения Демьяна Бедного «Братское дело». 1921 год

вают для работы в агиткампании. В Москве мы работаем в очень интересном театре «Масткоммдрама» (Мастерская коммунистической драматургии) в Настасьинском переулке, д. 5, бывшем театре Комиссаржевской. Здесь под режиссерством опытных мастеров В.Э. Мейерхольда, Л.М. Прозоровского и других делали новый революционный репертуар театрам. С новым, только что отработанным репертуаром мы выступали в рабочих аудиториях, проверяя нашу работу на рабочих. Выступали в Кремле, где на выпуске курсантов показывали пьесы Марка Криницкого «Новый фронт» и «Урок трудовой грамоты», В. Язвицкого «Разруха» и лубок «Петрушкина палка». Летом нас сформировали в Театр РСФСР № 12 и отправили на агитационно-инструкторском пароходе ВЦИК «Володарский» по Волге и Каме. Наш пароход возглавлялся наркомом социального обеспечения Александром Николаевичем Винокуровым. Второй пароход «Красная звезда» на котором в то время комиссаром, уполномоченным ВЦИК был В.М. Молотов, отправили по Волге до Астрахани, но на пароходе вспыхнула холера, и рейс был прекращен.

Выступать нам приходилось в самых разнообразных условиях, прямо на борту парохода, на берегу, на платформе железнодорожного вагона. Иногда выезжали километров за 20 от парохода и поздно ночью возвращались. Труппа, за исключением двух человек, состояла из молодежи. Репертуар был из «Масткоммдрамы». «Новый фронт», «Огненный змей», «Урок трудовой грамоты», «Черная казарма», «Красный галстук», «Петрушкина палка», «Петрушка-крестьянин», «Телефонодрама» — были еще частушки в исполнении В.Г. Мировой и молодого талантливого артиста Мишеля (артиста цирка М.П. Калядина), танцы в ис-

полнении А. Калядиной и буффонадное антре: М. Калядин, Ю. Гольцев и А. Вадимов. На мою долю выпали роли: Старик в «Красном галстуке», старик Аким в «Огненном змее» и в «Петрушках» деды-балагуры. Работали дружно, весело, с молодым задором.

Из артистов назову М.П. Калядина (Мишель), Г.Д. Пиньковского, Г.Д. Ригорина, О.А. Олегова, Ю. Гольцева, Б.С. Бестужева, В.Н. Порошина — и артисток О.С. Туркестанову, Маевскую, В.И. Пушкарскую, В.Н. Хмелевую, А.Ф. Калядину и В.Г. Мирову. Гармонист-баянист Михайлов.

По окончании поездки мы (жена и я) заехали в свой родной Нижний Новгород, и здесь председатель НижгубЧК (И.А. Кадушин), знавший нас по работе в Уральске, предложил мне интересную работу по организации театра «Помгол» (Помощи голодающим). Я организовал несколько больших концертов с участием крупных артистов Москвы. Собраны были средства, на которые в Нижнем Новгороде открыли несколько детских домов для детей-сирот голодающего Поволжья и безграмотных. Это было очень увлекательное дело. Приходилось, правда, очень много работать, но зато как было приятно зайти вместе с И.А. Кадушиным в детский дом. Ребята тотчас же окружали тесной веселой толпой, сытые личики сияли счастьем, и каждый наперебой стремился поближе встать, прижаться к дяде Ване или дяде Шуре.

Зиму я вел студию драмы в ЧК и периодически устраивал концерты московских артистов. Открытые детские дома были первыми для беспризорных и сирот. С весны началась постройка большого летнего театра в саду на Малой Покровской улице, и весной же в Нижнем Новгороде открылся новый сад и театр «Помгол». Летом в этом саду работала постоянная драматическая труппа, собранная из артистов Нижегородского городского театра, и проводились гастроли известных артистов. Гастролировал Рафаил Львович Адельгейм со своим излюбленным репертуаром: «Трилби», «Семья преступника», «Уриэль Акоста» и др. Я был художественным руководителем этого театра.

А.А. Вадимов-Маркеллов около памятника В.И. Чапаеву в Самаре. 1960-е годы

Здесь должен сказать, что в конце февраля 1922 года скончался самый близкий друг, воспитатель, мой горячо любимый отец. Мне было очень тяжело оставаться в Нижнем Новгороде, и мы с Верой Георгиевной переезжаем, хотя и получили завидное предложение ангажемента в городской театр от руководившего им тогда Ивана Алексеевича Ростовцева. Все же [мы] уехали из Нижнего Новгорода в Москву, где и работали до 1927 года в драме и на эстраде.

За это время много переиграно ролей, во многих городах побывали, на многих разных зрелищных площадках пришлось выступать.

Работать в драме становилось все труднее и труднее. Труд оплачивался низко, и мы переквалифицировались в эстрадных артистов. Вера Георгиевна с Г.Д. Пиньковским, нашим товарищем по поездке на пароходе «Володарский», сделали эстрадный номер «Частушки» и начали успешно выступать на площадках московской эстрады. Г.Д. Пиньковский и сейчас живет в Москве, работает в кино и на эстраде (артист Светланин, он взял псевдоним в честь своей дочери Светланы).

Я делаю себе новый оригинальный жанр — комическую мелодекламацию. Репертуар мне писали Н.А. Адуев и И. Кузнецов, а музыку — ныне покойный профессор Московской консерватории, тогда молодой способный музыкант Игорь Владимирович Способин. Репертуар был очень острый и оригинально построенный, где аккомпанемент иногда являлся ведущим звеном всей композиции.

После просмотра моего номера квалификационной комиссией я получил хороший отзыв, и мне предложили выступать на лучшей эстрадной площадке Москвы того времени — в ресторане «Ампир» (Петровские линии), но мне «повезло». Утром в день моего первого выступления ресторан почему-то закрыли, и мне в нем выступать не пришлось. Мои первые гастроли перенесли в ресторан «Риш», где я и выступил со своим оригинальным, неплохо сделанным репертуаром. Ресторанная нэпмановская жирующая публика на меня произвела удручающее впечатление. Хотя я вместо двух полагавшихся мне мелодекламаций исполнил три, и публика приняла меня хорошо, я, несмотря на уговоры, не остался ужинать, как полагалось по договору, а прямо, не раздевшись, в гриме и костюме для выступления, пошел в каком-то тумане домой. И больше уже, несмотря на обещания и посулы золотых гор, я в ресторанах не выступал. Выступал в больших концертах, главным образом выездных, где я конферировал, читал рассказы.

Помню, как-то, конферируя, я взял в руки платочек и про себя подумал: «А неплохо бы сделать фокус с платочком, чтоб он у меня исчез из рук».

Продолжение следует.

МИР МОЕГО ДЕТСТВА

(ОТ 2 ДО 5 ЛЕТ)*

Вид на ул. Большую Печерскую и дом № 31, принадлежавший Смирновым. Фото Д.Н. Смирнова. 1930 год

В.Д. Смирнова

Воспоминания о детстве Веры Дмитриевны Смирновой, дочери известного нижегородского краеведа Д.Н. Смирнова, представляют собой зарисовку из жизни молодой семьи на Большой Печерской в предреволюционные годы. Интересные бытовые подробности, поездки на дачу, прогулки с няней — все это описано живым языком и по атмосфере своей близко старым фотографиям из семейных альбомов.

Предисловие

Что такое детские воспоминания? Можно ли им доверять? Ведь воспоминания о детских годах пишут взрослые люди. Детские воспоминания — это переложенные на язык взрослых образы, события, переживания ребенка, запечатленные зрительной, слуховой и другими видами памяти. Сомневаться в том, что эти виды памяти начинают функционировать очень рано, нет оснований: их функционирование — условие нормального развития ребенка. Не запечатленные детским мозгом образы, события и речь окружающих взрослый автор описывает с присущими ему особенностями. Память тоже индивидуальна, избирательна: одно и то же явление, событие люди видят, запоминают и описывают по-разному. А для характеристики ушедшей эпохи детские воспоминания, лишенные идеологических соображений, представляют особую ценность.

Когда я проезжаю на трамвае по городскому кольцу Нижегородского района мимо дома № 31 по улице, которой возвращено ее старое название «Большая Печерская», я мысленно говорю себе: «Вот дом, в котором я появилась на свет».

В мезонине большого дома

Я родилась 31 января (ст. ст.) 1914 года и прожила первые пять лет своей жизни в мезонине дома, который принадлежал моему деду Николаю Александровичу Смирнову — директору Нижегородского Николаевского городского общественного банка, а после его смерти в 1912 году перешел по наследству к моему будущему отцу — Дмитрию Николаевичу Смирнову. Дмитрий Николаевич, тогда еще студент Петербургского политехнического института,

* *Публикация Дины Каратаевой.*

Фасад дома № 31 по ул. Большой Печерской. Фото Д.Н. Смирнова. 1930 год

решил сдавать помещения первого и второго этажей (где было шестнадцать комнат) под квартиры, а для своей будущей семьи оставил мезонин, где помещались четыре маленькие комнаты с кухней (не считая каморки для прислуги).

В январе 1913 года Дмитрий Николаевич женился, и супруги уехали в столицу продолжать образование. Осенью 1913 года Вера Петровна, ожидавшая ребенка, поселилась в мезонине, где в январе 1914 года появилась на свет ее дочь, названная в честь матери Верой.

В этой квартире я, в те поры «Верочка маленькая», прожила до осени 1914 года, так как мама пожелала продолжить посещение Бестужевских курсов, и родители увезли меня с собой на руках няни Маши (бывшей кормилицы Дмитрия Николаевича). О своей жизни в Петербурге (уже Петрограде) я знаю только по фотографиям, так как отец снимал меня то с мамой, то с няней Машей. Сохранилось лишь одно письменное свидетельство о моей младенческой жизни в Петрограде. Это письмо папиной сестры Лены к Елене Ивановне Смирновой (моей бабушке), написанное в конце 1914-го или в начале 1915 года. Тетя Лена писала: «Была у Мити. Девочка его выздоровела, но бледна, худа, печальна...»

***

В мезонине большого дома я прожила до пятилетнего возраста и хорошо помнила обстановку комнат и некоторые особенности быта молодой семьи.

Помню, что в нашу квартиру вход был со двора. Наверх мы поднимались по крутой лестнице, ведущей в коридор и большую прихожую, из которой дверь налево вела в столовую с тремя окнами на Большую Печерку, а две двери направо открывались в спальню родителей и детскую. Четвертая дверь вела в какую-то низенькую комнату, из окон которой мы смотрели на крестный ход священников и людей с иконами и хоругвями, идущих из Печерского монастыря (сохранились фотографии таких процессий, сделанные отцом).

В центре столовой находился обеденный стол, окруженный стульями с плетеными сиденьями и спинками. Слева у стены стояли оттоманка (турецкий диван) и сервант, напоминающий нижнюю часть буфета. Над оттоманкой висела картина, изображавшая бурное море и плот, на котором спасались люди. Картина, несмотря на позолоченную раму, казалась мне очень мрачной, и я старалась на нее не смотреть.

У правой стены столовой стояли пианино, граммофон с большой розовой трубой, напоминающей гигантский цветок, и этажерка для книг, вращавшаяся вокруг вертикальной ножки.

Хорошо помню аквариум у окна с зеленоватой водой и растениями, между которыми сновали рыбки. Кажется, в простенке между окнами стоял какой-то столик.

В большой прихожей помещался буфет и шкафчик красного дерева, в котором хранились фотопринадлежности. Тут же примостился дорожный сундук (буфет, шкафчик и дорожный сундук сопровождали супругов Смирновых до конца их жизни).

Какие-то вещи и часть мебели (возможно, письменный стол, книжные полки) размещались в комнате с окнами на Провиантскую улицу.

Как я узнала много позднее, почти вся мебель для обстановки квартиры молодых Смирновых была пере-

несена из родительской столовой и кабинета Николая Александровича (мебель из остальных комнат и первого этажа разделили между собой бабушка Елена Ивановна и ее дочери — Нюта, Лена и Шура).

Описывая прихожую, я забыла одну интересную деталь: большой телефонный аппарат, висевший на стене справа от входа.

***

В спальне родителей, кроме двух кроватей, помещался умывальник с мраморной доской, мамин туалетный столик с трельяжем (стоящий в простенке между окнами), швейная кабинетная машинка «Зингер» (которой я пользуюсь и поныне, т.е. спустя 80 лет!) и моя детская кроватка.

В детской комнате, кроме кроватки, на которой спала сестра Оленька, помещался пеленальный столик с бортиками и полочками для детского белья.

По этим деталям обстановки я полагаю, что стала осознавать себя после рождения сестренки Оленьки и ее отлучения от материнской груди, то есть когда мне было не менее двух с половиной лет.

В.Н. Смирнова и маленькая Верочка. 1917 год

***

Итак, я — старшая дочь и пользуюсь привилегией спать в одной комнате с родителями, а вернее с мамой, так как папа продолжает учиться в Петрограде (до осени 1916 года). Хорошо помню его возвращение из Петрограда, когда он привез мне красивую игрушку — музыкальный волчок, завладевший моим вниманием благодаря мелодичному жужжанию. Во время папиного отсутствия я привыкла к тому, что мама укладывала меня спать с собой в свою постель, а когда я засыпала, переносила меня в мою детскую кроватку, стоявшую в родительской спальне.

В день приезда папы мне было отказано в удовольствии засыпать с мамой в ее постели. Мама убеждала меня в том, что я большая девочка и мне надо засыпать, как это делают все хорошие девочки, в своей кроватке.

Пришлось подчиниться.

Но заснуть я никак не могла. Мне пришла в голову мысль, что если я намочу свою постельку, то мама вынуждена будет взять меня к себе. Осуществить этот план оказалось совсем не просто: в свои два с половиной года от роду я была хорошо приучена проситься на горшок, и мне потребовалось очень большое усилие, чтобы намочить свою простынку... Увы, план мой потерпел неудачу... Мама, вместо того чтобы взять меня к себе, переменила мне простынку... Только и всего...

Я ощутила смутное недовольство отцом, занявшим мое место в маминой постели...

Много лет спустя я поняла, что пережила то, что на языке взрослых обозначается словом «ревность».

Как я узнала впоследствии из переписки родителей, Оленьку я тоже ревновала к маме и однажды, видя, как мама ласкает сестренку, укусила ее руку...

С приездом папы из Петрограда (последние экзамены он сдал осенью 1916 года) в квартире у нас стало шумно и весело.

Папа, дедушка, Маша, мама

Папа вошел в мою детскую память с песней. Помню утро, когда я занималась в детской раскладыванием игрушек. В открытую дверь входит папа, он еще не совсем одет — в жилетке — и громко, во весь голос, поет:

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Растет-цветет высокий дуб
В могучей красоте...

Почему-то становится немного грустно, но папино пение мне очень нравится. Мне кажется, что это была его любимая песня, хотя он часто певал и другие. Любимые герои его песен — ямщики. Он пел:

Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой посмотрел,
И в нем забилось ретивое,
И потихоньку он запел.

Или:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой...

В числе любимых и часто исполняемых были: «Однозвучно гремит колокольчик» и «Когда я на почте служил ямщиком».

Изредка папа подходил к граммофону, вертел ручку и ставил пластинку. Из розовой трубы сначала слышалось хрипение, потом слова песенки, которая для меня звучала так:

В горе манежится султан,
Ему счастливый жребий дан:
Он может женщин всех любить.
Ах, если б мне султаном быть!

Не понимая значения слов «в гареме», я легко заменила их на созвучные: «в горе». Я воображала, что человек по имени Султан «манежится», т.е. приятно проводит время («манежится» похоже на «нежится») в горе, где у него устроен дом. Интересно, что «дом», то есть «жилище», в моем воображении мог помещаться в дупле дерева.

Н.А. Смирнов с детьми Александрой и Николаем, учеником Коммерческого училища, в саду дома № 31 на Б. Печерской. Фото Д.Н. Смирнова. 1910 год

Помню, что маму навещала ее подруга, сын которой, Димочка, был моим ровесником. Маша называла его моим женихом. Этого оказалось достаточно, чтобы я вообразила свою «семейную жизнь» с Димочкой в дупле какого-то огромного дерева, может быть, дуба, о котором пел папа...

***

В то время, о котором идет речь, у меня не было серьезных заболеваний, однако в глаза попадали соринки, а на руках изредка появлялся гнойничок вокруг вонзившейся в палец занозы. Экстренная медицинская помощь всегда оказывалась папой. Если надо было вскрыть гнойник на кончике пальца, папа вынимал свой универсальный перочинный ножик с маленькими складными ножницами, прокаливал их на горящей спичке, а затем, протерев мой палец ваткой, смоченной в одеколоне, разрезал гнойник и выдавливал его содержимое.

Более сложной процедурой было извлечение соринки из глаз. Приложив спичку к наружной поверхности века, папа выворачивал его, накручивая на спичку, а затем уголком носового платка ловил соринку.

Все операции проходили успешно: папа был мастер на все руки.

***

Первые отчетливые воспоминания о дедушке Петре Александровиче Альбицком, мамином отце, связаны с его попыткой познакомить меня с начатками священной истории.

...Я сижу с дедушкой на оттоманке в столовой. Мне, вероятно, не более четырех лет. Дедушка зовет меня Маленькая Верочка, в отличие от моей мамы, которую он называет Верочка. Я смотрю на дедушкино лицо: вижу очки в металлической оправе, криво сидящие на носу, большую темную бороду, зачесанные назад пышные волосы. Одет дедушка во что-то длинное, широкое, светлое.

Он говорит:

— Послушай меня, Маленькая Верочка, я хочу рассказать тебе кое-что, — и он начинает: — Давным-давно в прекрасном саду, где росли красивые деревья и цветы и мирно гуляли животные и летали птицы, появились первые люди. Их создал Бог и назвал Адам и Ева. Он разрешил им рвать ягоды и плоды со всех кустарников и деревьев, кроме одной яблони. Бог сказал: «Это — древо познания добра и зла, я прошу вас: не рвите и не кушайте плодов с этого дерева, и тогда ваша жизнь будет радостной и счастливой...»

Дом Смирновых в Черноречье (Растяпине). Фото Н.А. Смирнова. 1910-е годы

Но люди не послушались Бога. Ева сорвала с запретного дерева яблоко и дала Адаму.

Тут я прерываю дедушку и говорю:

— Я тоже хочу яблоко. Пойду попрошу у Маши.

К истории Адама и Евы дедушка больше не возвращался...

***

...Я бегу в Машину комнату. Она очень мала. Половину ее занимает высокая от перины постель, на которой много подушек, образующих мягкую пирамиду. Наверху лежит самая маленькая — думка. Маша сидит за столом и грызет семечки.

— Дай и мне, — говорю я.

Маша сажает меня на колени, раскусывает зубами и освобождает от шелухи ядрышко, смоченное слюной, кладет на стол и говорит, постукивая ногтем:

— Цып, цып, цып...

Я с удовольствием съедаю сладковатое от слюны зернышко и прошу еще.

Наше приятное занятие прерывает мама. Она говорит:

— Маша, веди девочку гулять, а Оленьку я уложу спать сама.

Маша надевает мне капор, на ногах у меня башмаки на пуговицах, застегнуть их можно только крючком, продевая его сквозь петли. Мы спускаемся вниз по лестнице, выходим во двор, а затем через калитку на Провиантскую улицу.

— Куда пойдем?

Я молчу. Маша берет меня за руку, и мы идем по улице, которая называется просто: Печерка.

— Смотри, — говорит Маша, — вот часовня!

Но я не вижу ничего интересного. Часовня похожа на маленький домик, но окон и дверей нет.

Гораздо интереснее лошадь, везущая громыхающую пролетку. Или собака, бегущая по своим, неведомым для нас делам. Маша, глядя на собаку, говорит:

— Эта похожа на Османчика, который пропал.

Маша рассказывает, что у папы была собака, которую звали Осман. Но она пропала, когда папа жил в Питере.

— Твой крестный Николай Александрович — Царство ему Небесное! — давал объявление в газету, но собаку все равно не нашли... Небось, живодеры поймали.

— Какие живодеры? — спрашиваю я.

Но Маша не отвечает. Она остановилась с какой-то женщиной и разговаривает, не обращая на меня внимания, только крепко держит за руку. Мне скучно, и я зову Машу идти домой или в сад. Я помню, что в саду росли какие-то цветочки, которые Маша называла «фиялки».

...Прогулка окончена. Мы возвращаемся домой.

Кучер Василий собирается везти детей Смирновых на прогулку. Растяпино. Фото Н.А. Смирнова. 1910-е годы

***

На другой день после прогулки мне не хочется вставать со своей постели. Мама подходит и щупает мой лоб.

— Кажется, у тебя жар.

Мама берет меня на руки и садится перед своим туалетным столиком. Я смотрю на себя в зеркало и спрашиваю:

— Где у меня жар?

Мама стряхивает градусник и просовывает конец его под мою руку, а мне дает в свободную руку лежащие на туалетном столике «драгоценности» — золотой браслет и жемчужные бусы.

— Небольшой жарок, — говорит она, вынув градусник из-под моей руки. — Придется дома посидеть.

— Тогда почитай.

Однако новых книжек нет, а старые мне надоели.

— Расскажи лучше сказку, — прошу я. Но сказка, которую рассказывает мама, страшная — про медведя, который идет на липовой ноге, на березовой клюке...

— Не хочу сказку! Лучше спой! — прошу я.

Мама знает только две песни — про «ветер, солнце и орла, который улетел домой» и «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю». Я начинаю дремать, а потом засыпаю, потом просыпаюсь и пью что-то теплое из чашки, которую держит мама. И снова засыпаю...

А когда просыпаюсь солнечным утром, то уже хочется встать и посмотреть, что делает на кухне Маша и поправилась ли моя больная курочка...

Курочка недавно появилась у нас на кухне. Она хромает и ее нельзя выпускать на волю.

— Куры заклюют, — говорит Маша.

Она дает мне немного крупы. Я высыпаю крупу в какое-то старое блюдечко и говорю как Маша:

— Цып, цып!

На другой день после болезни, утром, когда я хочу покормить мою курочку, ее почему-то нет на кухне. На мой вопрос Маша говорит:

— Вон во дворе гуляет. Вот ужо пойдем, я тебе покажу.

За обедом мне дают в супе куриное крылышко, и я начинаю догадываться, что Маша зарезала мою курочку, но она твердо стоит на своем, уверяя, что после обеда сведет меня во двор и покажет мою курочку. Но после обеда меня укладывают спать, и я забываю о курочке.

Бабушки, тети, дяди

В трехлетнем возрасте (может быть, и раньше) я узнала, что у меня две бабушки — бабушка Елена и бабушка Анна.

Бабушка Елена изредка появлялась у нас в столовой. Она читала мне книжки. В одной из них речь шла

Дмитрий Николаевич и Вера Петровна Смирновы на пароходе «Цареград». Лето 1915 года. Фото Д.Н. Смирнова

о мальчике Гоше, который ковырял в носу, поэтому нос у него стал расти и пришлось этот нос возить на тачке. История весьма поучительная! Помню картинку, на которой был изображен несчастный Гоша, наклонившийся над тачкой, поддерживавшей огромный безобразный нос... Героем второй истории был мальчик по имени Федя. История Феди была положена на музыку самой бабушкой (это был опереточный мотивчик, который я узнала много лет спустя). Бабушка пела: «Федюшка был мальчишка злой. Кому был от него покой? Он крылья отрывал у мух. Он кошек колотил и слуг». Также на музыку была положена известная баллада о козлике: «Жил-был у бабушки серенький козлик. Вот как! Вот как! Серенький козлик». А дальше слушатель узнавал, что козлику вздумалось в лес погулять, где на него напали серые волки, оставили бабушке рожки да ножки... Тут я начинала плакать. Мне жаль было козлика. Судьба его была не лучше судьбы моей бедной курочки, крылышко которой мне дали в супе.

Бабушка Елена Ивановна Смирнова жила во флигеле рядом с большим домом, и Маша изредка водила меня к ней здороваться.

Бабушка всегда сидела в кресле около стола. Рядом с ней стояла этажерка, на которой было много фарфоровых безделушек — слоников, птичек, пасхальных фарфоровых яиц и тому подобного. Какую-нибудь из этих безделушек я получала позднее в день рождения или именин.

***

Не помню, чтобы бабушка Анна когда-нибудь сидела у нас за столом. К бабушке Анне надо было ехать на извозчике. И ездили мы редко. Зато на даче — на Малиновой гряде — бабушка была постоянно рядом с мамой, со мной и маленькой Оленькой.

С бабушкой Анной и мамой я ходила на Малиновой гряде купаться. У бабушки Анны нужно было просить разрешения рвать малину с кустов, посаженных дедушкой.

В нашей столовой довольно часто появлялась моя крестная — тетя Нина, младшая сестра моей мамы. Ее первое появление связано у меня с большим конфузом. Однажды, войдя в столовую, я увидела что-то необычное, закричала:

— Коза, коза! — и убежала.

За столом сидел кто-то с торчащими над лбом рогами. Мама стала мне выговаривать:

— Как тебе не стыдно, это тетя Нина, твоя крестная!

Я подошла поближе и увидела на шляпе тети Нины спереди два торчащих остроконечных банта... Неужели мне в самом деле показалось, что сидит коза? Не разыграла ли я придуманный мной экспромт? С тетей Ниной я быстро подружилась. Как я узнала много позже, она вернулась из Петрограда в Нижний в 1916 году после неудачных родов и жила у своей свекрови Александры Яковлевны Березиной (Башкировой) на Провиантской улице недалеко от нас. Тетя Нина играла на пианино и научила меня детской песенке: «У Катеньки-резвушки все сломаны игрушки: барашки без рогов, а куклы без носов».

Еще помню, как под музыку, исполняемую тетей Ниной, Маша, взяв меня за руку, «водила хоровод», подпевая: «Во саду ли, в огороде девица гуляла, / Она ростом невеличка, лицом круглоличка...» Помню, как я неловко переступала ногами под эту мелодию. Тетя Нина читала мне стишок, в котором были слова:

Вот-те на! Разбила чашку...
На кого бы мне сказать?
На Мурзилку или Машку?
Или вовсе промолчать?

Тетя Нина спросила: «Так кто же разбил чашку?» И когда я ответила: «Воттена» — очень смеялась. Но я никак не могла понять, почему надо мной смеются, и обиделась.

Однажды мама сказала:

— Пойди, поздоровайся с тетей Ниной и дядей Вовой.

Я вошла в спальню, где они разговаривали с мамой, и сказала:

— Здравствуй, тетя Вова! — и, поняв свою ошибку, сконфузилась и убежала.

Тетя Нина собралась пойти со мной на какой-то детский спектакль и сказала, что позвонит по телефону. Однажды, когда я услышала телефонный звонок, я быстро подставила стул, встала на него и сняла телефонную трубку, висевшую на аппарате. Тетя Нина приглашала меня в театр, и я очень обрадовалась, но мама меня не пустила, сказав, что я не совсем здорова.

***

У мамы было два младших брата — Сережа и Шура. Помню, как дядя Шура пришел к нам на Рождество, когда в столовой стояла красиво наряженная елка. По случаю праздника мне надели новое платье желтого цвета. Дядя Шура, увидев меня, сказал: «Какая хорошенькая канареечка!» Этот комплимент мне очень польстил, и я начала прыгать вокруг елки.

Более близкое знакомство с маминими братьями состоялось на Малиновой гряде. Мальчики смастерили для меня и сестренки тележку на деревянных колесах, на которой возили нас вокруг клумбы с цветами, расположенными на площадке перед домом. Какие незамысловатые развлечения и радости дарило нам детство!

Малиновая гряда

Судя по фотографиям в семейных альбомах, свой первый дачный сезон я провела у мамы на руках где-то в Растяпине на крыльце дома, принадлежащего какому-то Петелину. Летом 1915 года родители ездили на пароходе «Царьград» в Астрахань, а меня оставили на попечение Маши и бабушки Анны Борисовны, которые успешно справились с порученным им делом.

Очевидно, первое знакомство с Малиновой грядой, где у дедушки Петра Александровича Альбицкого была дача, состоялось летом 1915 года. Об этом свидетельствуют фотоснимки, сделанные папой, а то, что помню я, относится, конечно, к более позднему времени.

Приготовления к отъезду на дачу для меня начинались стрижкой волос, отросших за зиму. Папа, взяв в руки мамину расческу и ножницы, говорил:

— А ну-ка, подойди ко мне, Маленькая Верочка!

Процедура эта, конечно, никакого удовольствия не доставляла, однако связывалась с предстоящими переменами в жизни. Заметны были какие-то приготовления к отъезду: вытаскивали откуда-то плетеный короб — «пещер» (как называл его папа) с рыболовными принадлежностями, вынимали что-то из дорожного сундука и складывали в него другие, дачные вещи.

— Когда же мы поедем? — спрашивала я.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — отвечала Маша.

В одно обычное утро, когда я лениво пила чай, Маша говорила: «Нынче прохлаждаться некогда, сейчас пойду за извозчиком. Едем на дачу». Напившись чаю, я бежала смотреть, собирается ли мама с Оленькой, а потом искала ведерко, лопатку и другие игрушки, которые необходимо было взять с собой на дачу.

Маши долго нет. Но вот и она! Мама берет на руки Оленьку, у Маши висит на руке какая-то корзина, а я с ведерком в руке спешу обогнать их.

— Вон и папа! Он нас встречает, — говорит Маша.

Выходим на берег и идем сначала вдоль берега, а потом поднимаемся на гору по какой-то узенькой лестнице с перилами.

— Вон и дача, и бабушка Анна Борисовна нас встречает, — говорит Маша.

Бабушка Анна Борисовна, как всегда, в белой кофточке, заправленной в длинную черную юбку, стоит на крыльце. Она говорит: «Милости просим!» — и целует меня и маму. Маша берет у мамы спящую Оленьку и уносит ее по крутой лесенке наверх, где под крышей расположены спальные помещения.

Мама и бабушка, сидя за столом, о чем-то беседуют, а я несмело спускаюсь с террасы и подхожу к клумбе с цветами.

Наконец, меня зовут пить чай, а Маша ведет меня наверх — «отдохнуть». Начинается дачная жизнь...

***

...Утро на Малиновой гряде.

— Вставай, Верочка, — говорит Маша, — папа и мама уже чай пьют.

Маша помогает мне одеться, а главное — надеть сандалии, которые я сама не могу застегнуть.

Спускаемся вниз. За столом сидят папа и мама. Папа, как всегда, в белой рубашке-косоворотке, подпоясанной широким кожаным ремнем. Мама в утреннем просторном капоте розового цвета.

— Ну-ка покажись, — говорит мама, — опять тебя комары накусали?

Папа, выйдя из-за стола, начинает собирать рыболовные принадлежности, потом целует маму, надевает плоскую кепку и сообщает:

— Ну, дусик, я пошел!

Мама говорит:

— Собирайся, Веруся. Надевай панамку, бери ведерко. Скоро купаться пойдем, зови бабушку!

Вид на Малиновую гряду с Оки. 1917 год

Фото (с. 66–67) Д.Н. Смирнова

В.П. Смирнова с дочерью Верой и А.Б. Альбицкой. Малиновая гряда на Оке. 1917 год

Бабушка сходит со своего крыльца, одетая, как всегда, в неизменную темную юбку и светлую кофточку. А вот и мама! На ней все тот же розовый капот, а на ногах сандалии.

— Маша, мы ушли! — кричит мама. — Смотри за Оленькой!

Потом мы спускаемся с горы по лесенке и идем вдоль берега. Под ногами мелкие камушки.

— Вон там, под кустиками, можно раздеться, — говорит мама.

Я пробую босой ногой воду: она холодная. Я не хочу купаться! Но мама и бабушка не боятся холодной воды, заходят в реку и быстро окунаются по шейку, а затем начинают плавать, бултыхая ногами. Я боюсь войти в воду, но мама начинает меня уговаривать. Наконец я сдаюсь, захожу в воду по колено, и мама поливает меня водой из ладоней.

— На сегодня довольно, — говорит она и вытирает [меня] мохнатым полотенцем. Теперь можно идти домой.

После завтрака Маша занята приготовлением обеда, что-то стирает и наконец говорит мне:

— Ну, все дела переделала, теперь пойдем гулять в лес!

Лес — это густо заросший кустарником и деревьями склон горы, спускающийся к Оке. Идти можно только по тропинке. Я срываю какие-то цветочки и спрашиваю Машу, как они называются.

— Куриная слепота, — отвечает она. — Смотри, вон грибы.

Я вижу на старом пне торчащие на тонких ножках шляпки, но они совсем не красивые, и срывать их не хочется.

— Это опенки, — говорит Маша. — Их сушат, суп варят, коли нет других грибов.

Мне хочется сорвать вон тот большой розовый гриб, но Маша говорит:

— Это — поганый, его есть нельзя — отравишься.

Мы продолжаем спускаться вниз по едва заметной тропинке, по обеим ее сторонам густые заросли кустарника и колючей травы. От больших деревьев много тени. Щебечут какие-то птицы. Жужжат насекомые. Налетают комары.

— Маша, — спрашиваю я, — в этом лесу водятся дикие звери?

— Какие звери?

— Ну, волки или медведи?

— Вон, гляди, ежика мы спугнули, крупнее зверя здесь нет. Твой покойный дедушка, Николай Александрович — царство ему небесное! — за медведями в Чернореченские леса ездили. Да и там, верно, всех медведей поубивали... Серьезный был охотник твой дедушка!

— Маша, смотри, вон ягоды! Можно их сорвать?

П.А. Альбицкий с младшей дочерью Ниной (в замужестве Березиной) и внучками Верочкой и Оленькой. Малиновая гряда на Оке. 1917 год

— Не рви — отравишься, это волчьи ягоды!

— А почему они «волчьи»? Их волки едят?

— Кто их знает? Только есть их нельзя. За ежевикой бы съездить на остров... Уж больно твой папа, Дмитрий Николаевич, ежевичное варенье любит.

— Маша, — говорю я, — меня комары заели.

— Сейчас из лесу выйдем, пойдем вдоль берега. Там ветерок комаров отгонит.

Мне жарко. Я устала. На потную кожу особенно охотно садятся комары. Скорей домой!

Дома я жалуюсь маме на комаров. Она осматривает мои лицо, шею, руки, смазывает укушенные места одеколоном.

— Надо было гвоздичным маслом помазать перед уходом. Как это ты, Маша, позабыла!

Потом Маша ведет меня наверх, в комнату, где всегда темно от занавешенных окон, и укладывает спать.

— Только до обеда, — говорю я и засыпаю.

***

Комары отравляли удовольствие и от другого приятного занятия — собирания малины, кусты которой были посажены дедушкой на дачном участке. Однажды (мне было года четыре, а сестренке — два с половиной), увидев восхищение старших младшей Оленькой, которая испачкала лицо соком малины, я нарочно раскрасила щеки, раздавив ягоды, и побежала показываться взрослым, но, увы, восхищения не вызвала. Мне сказали, что я уже большая девочка и должна кушать ягоды аккуратно. Как рано проявляется у человека тщеславие, жажда вызвать похвалу, восхищение...

***

Пытаясь воскресить свои детские впечатления и образы, связанные с Малиновой грядой, я представляю себе дедушкину дачу с террасой, тянущейся вдоль переднего фасада, с двумя отдельными входами: на дедушкину половину и ту, которую занимала наша семья. Перед домом площадка с цветочной клумбой посередине. А вокруг дома и площадки сплошная зеленая стена деревьев и кустарников. Остается только небольшой просвет, сквозь который виднеется полоска реки, а на ней — изредка проплывающие пароходы и баржи. Кажется, что живешь на каком-то маленьком островке, в лесной чаще, куда не проникают чужие люди. Меня окружают только свои, близкие — папа и мама с Оленькой на руках, Маша, бабушка Анна, дедушка Петр Александрович, Сережа и Шура — мамины братья.

На нашем «острове» изредка появляются другие люди — гости. Это мамина родная сестра Нина со своим мужем Вовой Березиным, двоюродная сестра Зина Соловьева, тетя Лена — папина сестра с прабабушкой Анеттой (теткой бабушки Елены Ивановны). Кто-то еще... За стол садится много народу, пьют чай, обедают, идут куда-то гулять и возвращаются с охапками цветов, которые ставят в стеклянные банки или кринки. Потом все уезжают. Я иду с мамой провожать гостей. А когда возвращаюсь, слышу, как Маша говорит:

— Ну, слава богу, проводили!

После отъезда гостей все дни становятся похожи один на другой. Вечером становится прохладнее. Раньше зажигают лампу. Мама начинает поговаривать о возвращении в город.

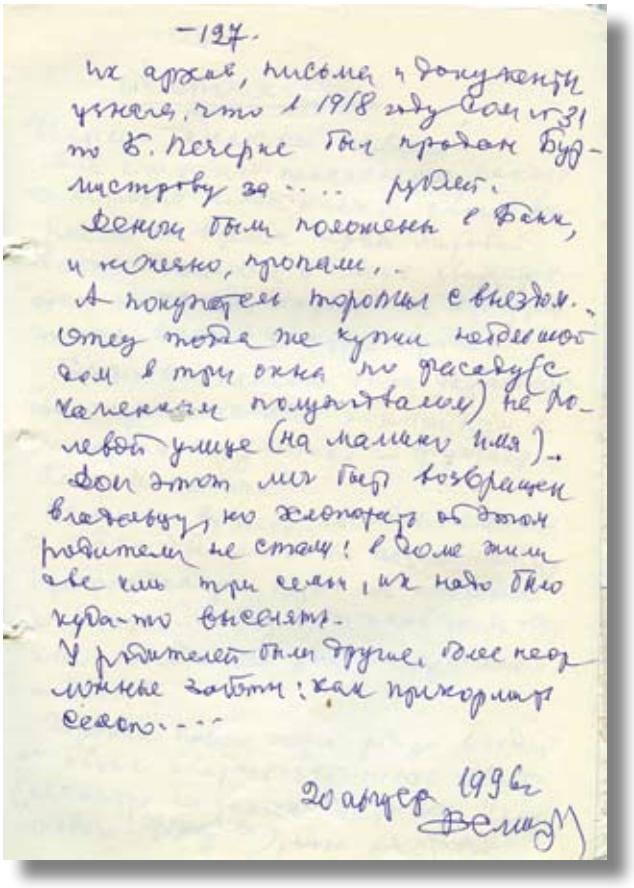
Помню наше последнее возвращение с Малиновой гряды. Мы подъезжаем на извозчике к воротам на Провиантской улице. Маша берет у мамы Оленьку, а я иду рядом. Мама почему-то остается в пролетке и куда-то уезжает. Я очень обеспокоена отсутствием мамы, но Маша говорит:

— Скоро мама вам братца привезет.

Беспокойство быстро проходит: на столе в столовой появляется тарелка с синими сливами, и мы с сестрой наслаждаемся их вкусом. Мама действительно скоро возвращается, но одна. Говорит Маше:

— Ложная тревога!

А через две или три недели у нас появляется брат, которого зовут Коленька...



-127.
Их архив, письма и документы
узнала, что в 1918 году дом № 31
по Б. Печерке был продан Бур-
мистрову за ... рублей.
Деньги были положены в банк,
и конечно, пропали.
А покупатель торопил с выездом.
Отец тогда же купил небольшой
дом в три окна по фасаду (с
каменным полуподвалом) на По-
левой улице (на мамино имя).
Дом этот мог быть возвращен
владельцу, но хлопотать об этом
родители не стали: в доме жили
две или три семьи, их надо было
куда-то выселять.
У родителей были другие, более неот-
ложные заботы: как прокормить
семью...

20 августа 1996 г.
Вемир

Лист рукописи воспоминаний В.Д. Смирновой

***

На Малиновую гряду мы больше никогда не ездили. Как я узнала много лет спустя, дедушкину дачу в 1919 году сожгли злоумышленники.

От рождения брата до переезда на Тихоновскую улицу

После рождения брата в моей жизни произошли некоторые перемены: мою кроватку из спальни родителей перенесли в детскую, где теперь мне предстояло играть роль старшей сестры. Это значило, что я должна была, как мне объяснила Маша, уступать Оленьке, отдавать ей те игрушки, которыми ей захочется поиграть. Оленьке стали надевать мое любимое белое плюшевое пальтишко, а мне сшили новое — жесткое драповое бутылочного цвета...

Мама была поглощена заботами о «наследнике» и почти не уделяла нам внимания.

К нам часто приходила тетя Нина со своей Ирочкой (которая была старше Коленьки на две или три недели). Помню, как два свертка с маленькими пищащими куклами лежали поперек маминой кровати. Не помню, чем они отличались друг от друга. Разве только братишка пищал немного громче. Посмотрев на них, я перестала ими интересоваться и уходила из спальни. Ведь мама и тетя Нина не обращали на меня никакого внимания...

Второе событие (первым было рождение брата), которое мне запомнилось, — это появление в квартире незнакомых мужчин, которые разговаривали с моими родителями, чего-то требовали, на чем-то настаивали... Как будто речь шла о нашем выезде из этой квартиры, почему-то мы должны были ее освободить. Эти незнакомые люди приходили не один, а несколько раз. И с каждым разом говорили все громче и настойчивее.

Дело кончилось тем, что в один из зимних дней, когда рано начинает темнеть, меня и сестренку Оленьку посадили в плетеные санки-корзинку, и Маша повезла нас по улице, которая называлась Тихоновская. Тепло закутанного Колю мама несла на руках.

Итак, мы переехали на новое место жительства, в маленькую двухкомнатную квартиру без удобств, с кухней, в которую Маша ходила через двор.

Как и почему наша семья очутилась в таких стесненных условиях? Спустя несколько лет, когда я начала учиться в пятом классе и нам стали преподавать обществоведение, я узнала, что такое капитализм, революция и экспроприация. Вспоминая картину нашего «исхода» из благоустроенной квартиры в мезонине дома на большой Печерке, я вообразила, что большевики отобрали у папы дедушкин дом и выселили нас на произвол судьбы. Вот и пришлось нам поселиться на Тихоновской, где не нашлось места ни маминому туалетному столику, ни пианино, ни многим другим вещам...

Люди, которые когда-то имели собственные дома, превратились в «бывших». Они не любили вспоминать о своем прошлом, и я никогда не спрашивала своих родителей, почему мы переехали на Тихоновскую улицу. И только в начале 1980-х годов, после смерти родителей, разбирая их архив, письма и документы, узнала, что в 1918 году дом № 31 по Большой Печерской был продан Бурмистрову. Деньги были положены в банк и, конечно, пропали. А покупатель торопил с выездом. Отец тогда же купил небольшой дом в три окна по фасаду (с каменным полуподвалом) на Полевой улице (на мамино имя). Дом этот мог быть возвращен владельцу, но хлопотать об этом родители не стали: в доме жили две или три семьи, их надо было куда-то выселять. У родителей были другие, более неотложные заботы: как прокормить семью...

20 августа 1996 г.

ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЕ:

ЧАСОВНИ НА ВАРВАРСКОЙ И ИЛЬИНСКОЙ УЛИЦАХ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

А.И. Давыдов

В советское время среди старой жилой застройки на улицах Варварской (тогда – Фигнер) и Ильинской (тогда – Краснофлотской) в Нижнем Новгороде обращали на себя внимание два краснокирпичных сооружения, облик которых, несмотря на все искажения, выдавал их прежнее культовое назначение. В тогдашних официальных списках памятников они числились как «памятные знаки, отмечавшие границу города XVI–XIX вв.»[1], не более. Так завуалированно было обозначено то, что по своему функциональному назначению являлось часовнями.

Алексей Иванович Давыдов – начальник отдела историко-культурных исследований НИП «Этнос».

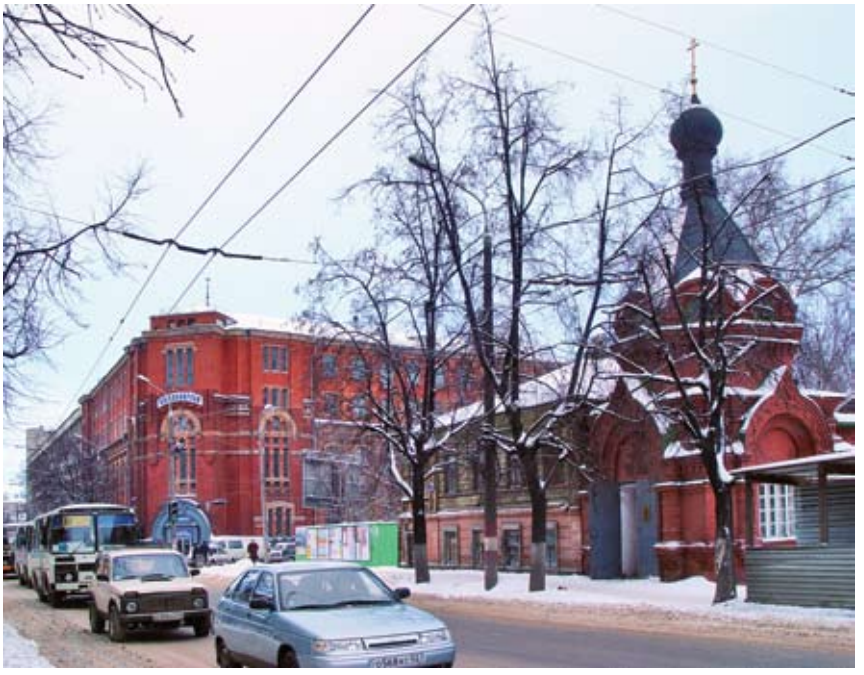
В 1994 году исследователь нижегородской архитектуры Н.Ф. Филатов выдвинул свою версию происхождения указанных объектов. Он считал, что часовня на Варварской улице была построена в 1890–1891 годах и принадлежала Арзамасской Алексеевской общине[2], а часовню на Ильинской улице, датируемую им 1890-ми годами, связал с Вознесенской церковью, расположенной на той же улице, приписав проект епархиальному архитектору А.К. Никитину[3].

Проведенные нами в свое время историко-архивные изыскания опровергают эти утверждения.

Действительно, до самого начала XX века и на Варварской улице (в районе современной улицы Академика Блохиной), и у «Ильинской решетки» (поста по дороге на Москву) существовали часовни, отмечавшие прежние границы города. На Ильинской улице рядом с часовней стояли сторожевая будка и питейный дом («последний кабак у заставы»). Все это зафиксировано на генплане Нижнего Новгорода 1804 года, хранящемся в фондах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника[4]. Подобные комплексы зданий в это время имелись и при других выездах из города, в частности в сторону Казани по Большой Печерской улице. В дальнейшем по неустановленным пока причинам обе упомянутые часовни перестали существовать: на подробном фиксационном генплане Нижнего Новгорода съемки 1848–1853 годов (восстановлен и издан Верхневолжским геодезическим центром в 1992 году) они уже не показаны.

Ныне существующие часовни генетически не связаны со своими предшественницами. Остановимся на их истории.

В марте 1897 года домовладение № 36 по Варварской улице перешло к Ягодинскому Введенскому женскому монастырю[5] (находился в селе Ягодном Княгининского уезда) для организации своего подворья (представительства) в губернском городе. В связи с этим к боковому фасаду полукаменного жилого дома, выстроенного еще в 1880 году[6], была пристроена каменная часовня. Автором проекта, как указывала газета «Волгарь», являлся нижегородский архитектор П.А. Домбровский[7].



Часовня Ягодинского Введенского монастыря. Нижний Новгород. Комплекс бывшего подворья Ягодинского Введенского монастыря. Улица Варварская, 36. Фото И.С. Агафоновой. Декабрь 2004 года

Закладка часовни состоялась 9 августа 1898 года. Она сопровождалась крестным ходом от стоявшего неподалеку храма Святой великомученицы Варвары (на месте современного концертного зала «Юпитер»). «Закладку часовни совершил настоятель Федоровского Городецкого монастыря архимандрит Феодосий в сослужении с протоиереем Варваринской церкви о. Е. Глебским и в присутствии настоятельницы Ягодинского монастыря игуменьи Марии»[8]. В отчете благочинного подворий женских монастырей и общин за 1906 год сообщается, что часовня устроена в 1899 году[9]. Видимо, здесь приведена дата завершения строительства и начала богослужений. Другой архивный документ сообщает, что часовня возведена «в память Священного Коронования Их Императорских Величеств»[10].

Что же касается подворья Арзамасской Алексеевской общины, к которой Н.Ф. Филатов отнес часовню на Варварской улице, то на самом деле оно находилось на Дворянской улице (ныне улица Октябрьская). В списке домов Нижнего Новгорода 1900 года указано, что дома этой общины и некоей Бузиной «выходят на площадку против церкви»[11]. Имелась в виду уже упоминавшаяся церковь Святой великомученицы Варвары. Таким образом, подворье локализуется на месте современного комплекса зданий Сбербанка России.

История возникновения часовни на Ильинской улице во многом схожа с вышеизложенной историей появления часовни на Варварской. В 1902 году один из фабрикантов города Иваново-Вознесенска П.А. Акифьев пожертвовал свое домовладение на Ильинской улице (№ 86 по современной нумерации) женской Свято-Троицкой общине[12], находившейся в селе Спасском Васильсурского уезда (позже преобразована в монастырь). И община организовала подворье, для нужд которого к одноэтажному деревянному жилому дому была пристроена краснокирпичная часовня. Ее проект, по заключению архитектора Н.М. Вешнякова, был согласован со Строительным отделением Нижегородского губернского правления в апреле 1911 года[13]. Проектные чертежи в архивном деле отсутствуют, так же как не указан автор, их разработавший. По сходству облика часовни с таковой же на Варварской улице можно предположить, что автором являлся все тот же П.А. Домбровский.

Строительство часовни на Ильинской улице было осуществлено на средства почетного гражданина города Нижнего Новгорода (одна из сословных градаций в царской России) А.А. Худякова, за что Свято-Троицкая община через газету «Волгарь» выразила ему и его супруге «искреннюю и глубокую благодарность». При этом подчеркивалось, что часовня «останется вечным памятником их благотворительности и доброго сочувствия к нуждам бедной безызвестной общины». Эту благодарность затем перепечатал «Нижегородский церковно-общественный вестник»[14].

Архитектура обоих вышеназванных культовых сооружений относится к «русскому стилю», основанному на

Часовня Спасского Свято-Троицкого монастыря. Нижний Новгород. Комплекс бывшего подворья Спасского Свято-Троицкого монастыря. Улица Ильинская, 86. Фото И.С. Агафоновой. Март 2005 года

использовании форм и декора, характерных для русского средневекового зодчества.

В 1918 году подворья Ягодинского Введенского и Спасского Свято-Троицкого монастырей в Нижнем Новгороде были национализированы (муниципализированы) новыми советскими властями. Часовни подворий оказались приспособлены под жилье, при этом их облик был обезображен. То, что они уцелели, является счастливым стечением обстоятельств (аналогичные строения, например, на улице Горького, напротив кинотеатра «Спутник», на площади Горького, на Ковалихе и другие были снесены). Дело, видимо, в том, что оба эти сооружения оказались построенными вблизи тех мест, где, как уже говорилось выше, в Средние века стояли деревянные часовни, действительно маркировавшие границы города. Краеведческой общественностью новые каменные часовни стали восприниматься как преемницы старых. Это и привело к постановке их на государственную охрану в качестве «памятных знаков». Впрочем, не исключено, что историки-краеведы, в числе которых был и И.А. Кирьянов, просто не стали афишировать действительные причины возникновения часовен, а сделали своеобразный ход конем, чтобы сохранить памятники...

В настоящее время обе часовни, отреставрированные по проектам архитекторов В.А. Широкова и О.Ю. Галая, возвращены Русской православной церкви. Этого ждут и сохранившиеся жилые дома бывших монастырских подворий на Варварской и Ильинской улицах.

[1] Сводные списки памятников истории и культуры Горьковской области, находящихся на государственной охране: каталог. — Горький, 1986. С. 5, 11.

[2] Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV — начала XX вв. — Н. Новгород, 1994. С. 54.

[3] Там же.

[4] Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Шифр ГОМ 3736.

[5] Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 30. Оп. 35. Д. 5488. Л. 53—54.

[6] Там же. Оп. 36. Д. 1462.

[7] Волгарь. 1898. 3 июня. Автор признателен сотруднику НИП «Этнос» В.В. Краснову за предоставление данной информации.

[8] Там же. 10 августа.

[9] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 49 (1906 г.). Л. 29.

[10] Там же. Д. 47 (1903 г.). Л. 146.

[11] Список домов гор. Нижнего Новгорода, всех четырех частей, с указанием части, участков, улицы и №№. — Н. Новгород, 1900. С. 87.

[12] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 49 (1906 г.) Л. 30 об.

[13] Там же. Ф. 30. Оп. 35а. Д. 8610. Л. 90—90 об.

[14] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. № 29. Стб. 702.

КОЧЕМАСОВЫ «ИЗ-ПОД ГАГИНО 2–90»

Г. И. Кочемасов, выпускник Варшавского медицинского института. 1918 год

В.Н. Баландин

В 2001 году я приступил к написанию книги «Из истории земли Сергачской» – краеведческих очерков о становлении и развитии здравоохранения (XIX–XXI века).

На очереди был очерк о главном враче Гагинской районной больницы Григории Ивановиче Кочемасове. В 1956 году под его руководством я проходил производственную практику как студент 4-го курса Горьковского медицинского института. Некоторые сведения о родителях Григория Ивановича я почерпнул из заметок И.Г. Соколова, долгожителя села Гагина, опубликованных в местной газете. Но для очерка полученных знаний было маловато. Я обратился к Андрею Леонидовичу Кочемасову. Но, оказалось, он и сам знал немного о родословной семьи Кочемасовых и, будучи в Москве, передал мое письмо двоюродной сестре Екатерине Николаевне Колачевской (Кочиной), дочери Николая Ивановича и Анны Ивановны Кочиных, последняя приходилась родной сестрой Григория Ивановича. И я был приятно удивлен и обрадован, когда месяца через два, 11 января 2002 года, получил письмо от Екатерины Николаевны. О Николае Ивановиче я знал (романы «Девки», «Парни», «Спелые колосья»), а о его дочери Екатерине Николаевне, конечно, ничего не знал, не ведал.

«Долго Вам не отвечала, потому что сама не все знаю о нашей семье... Написала письмо своей двоюродной сестре в г. Дзержинск, дочери старшей сестры Григория Ивановича Кочемасова... Вот эта сестра, которая тоже врач, Татьяна Александровна, по мужу Логинова, и прислала мне ответы на многие вопросы...»

Они-то мне и помогли во многом в написании данного очерка.

28 июня 2012 года в «Нижегородской правде» прочитал заметку «Линия судьбы». В подзаголовке: «Недавно ушла из жизни Екатерина Николаевна Колачевская (Кочина).

1 июля, в 40-й день, соберутся родные, друзья и благодарные ученики, чтобы помянуть добрым словом эту сильную женщину, замечательного хирурга и просто хорошего порядочного человека».

Виктор Николаевич Баландин – краевед (г. Сергач).

Я благодарен Екатерине Николаевне за ее отзывчивость, человечность, соучастие, когда совершенно незнакомому человеку она уделила так много внимания и времени (в то время она была профессором Московской медицинской академии, ей исполнилось уже 70 лет). Поэтому этот очерк я посвящаю светлой памяти этой незаурядной женщины.

Центральной фигурой очерка является Григорий Иванович Кочемасов. Он происходил из зажиточной крестьянской семьи. Отец «имел большой крестьянский дом и второй — станционный, в котором жили конюхи. Их было шесть, лошадей 15—20. Управлял перегонами: Гагино—Лукоянов, Гагино—Сергач...» (из заметки старожилов села Гагина Ивана Григорьевича и Галины Сергеевны Соколовых). Но перегоны не ограничивались Сергачом и Лукояновом. Можно было доехать и до Нижнего в два этапа: Гагино—Лысково — 90 верст и Лысково—Нижний — 90 верст. Отсюда и выражение: «Из-под Гагино 2—90».

Мать (не знаю имени), судя по тому, что она рожала 22 раза, была здоровой крестьянской закалки женщиной. К сожалению, 15 детей умерли в малолетстве.

Григорий Иванович родился 7 января 1893 года, окончил Гагинскую школу 2-й ступени, Починковское духовное училище, Нижегородскую духовную семинарию.

С 1913 по 1917 год учился в Варшавском университете на медицинском факультете. Трудно сказать, что его вдохновило на медицинское поприще. Возможно, влияние врача Ветошкинской частной больницы Пашковых Эдмунда Петровича Ассендельфта, которого он мог знать. Какая-то была связь между Кочемасовым-отцом и Пашковыми. В «Записках краеведов» (2000) опубликована с пометкой «из архива Кочемасовых» фотография конца XIX века семейства последних Пашковых — Василия Александровича, его жены Александры Ивановны, дочерей Софьи, Ольги, Марии. В этом же журнале приводится полная родословная Пашковых.

После окончания университета в 1918 году Григорий Иванович назначен заведующим Лопатинским врачебным участком (в те годы здесь существовала врачебная амбулатория, сгоревшая во время войны), где работал фельдшером Степан Михайлович Филинов, о котором я писал в очерке «Один из многих» («Сергачская жизнь» от 8 июля 2003 года).

В связи с кадровым голодом в Сергачской уездной больнице (здесь работали всего два врача: Иван Петрович Матасов и Сергей Васильевич Глотов, которые, имея колоссальные нагрузки непосредственно по лечебной работе, вынуждены были, к тому же, большое количество времени проводить в различных комиссиях) Григория Ивановича с 1 февраля 1921 года перевели в Сергачскую больницу, где он проработал до 25 ноября 1921 года.

А.А. Кочемасова. 1915 год

А потом... Потом было родное село Гагино. С 1922-го по 1972-й, исключая фронтовые годы, отдал он Гагинской больнице. Григорий Иванович был свидетелем и одним из непосредственных организаторов советской системы охраны здоровья населения Гагинского уезда, с 1929 года — района. Несомненно, он знал и первого заведующего уездным отделом здравоохранения в то время Василия Алексеевича Листова, переведенного на эту должность из Черновской больницы нынешнего Большеболдинского района (в ней он работал и одновременно заведовал вторым медицинским участком бывшего Сергачского уезда с 1911 года по окончании Томского университета).

Пусть меня извинит читатель, но я отвлекусь от основной темы на эту неординарную личность. Василий Алексеевич недолго проработал в этой должности (с мая по сентябрь 1918 года). Видимо, организационная и канцелярская работа не удовлетворяла его как врача по призванию — профессионального хирурга (уже тогда его имя было на слуху у населения округи). Но именно ему пришлось принимать на свои плечи земские медицинские учреждения: 4 врачебных участка, включавших 3 больницы на 71 койку, 3 фельдшерских пункта — и организовывать структуру отдела: лечебного, санитарно-эпидемиологического, охраны здоровья детей с секцией охраны материнства и младенчества, фармацевтического отделений. В 1926 году В.А. Листов перешел на работу в Кана-

Семья Кочемасовых: Анна Андреевна с сыном Львом, Григорий Иванович с сыном Леонидом, мать Анны Андреевны. 1920-е годы

вино в качестве старшего ординатора хирургического и гинекологического отделений 1-й Советской больницы, а в 1931 году назначен заведующим хирургическим отделением Автозаводской больницы. Трагический случай — случайный укол пальца руки при экстренной операции гангренозного прободного аппендицита привел к сепсису и смерти В.А. Листова. Ему был 51 год. Некролог был опубликован в газете «Нижегородская коммуна» 11 ноября 1932 года.

Но вернемся к основной теме. Не мог не знать Григорий Иванович Кочемасов и других заведующих этим отделом. Большим событием (знаковым, как говорят сейчас) явилась Первая уездная конференция медицинских и ветеринарных работников, состоявшаяся 10 января 1928 года. В повестке дня конференции стояли вопросы о пятилетнем плане развития здравоохранения уезда и профилактической работы. Организации и внедрению профилактического направления в уезде предшествовали экономическое и санитарно-гигиеническое обследования ряда сел и состояния здоровья их жителей, проведенные под руководством С.В. Глотова. Позднее они были обобщены в его книге «Сергачская деревня», изданной в 1929 году Нижегородской ассоциацией по изучению производительных сил при губернской плановой комиссии. Обследование жителей деревни Мансуровки и села Мишукова Гагинской волости проводилось гагинским участковым врачом Г.И. Кочемасовым и врачом ветпункта этого же участка С.И. Водопьяновой.

В завершение конференции участники сфотографировались: секретарь уездного комитета партии И.П. Старухин, ветврач Р.И. Яроцкий, заведующий уездным комитетом здравоохранения М.И. Чиженков, врачи А.А. Саар, П.И. Казаков, Г.И. Кочемасов и др. Григорий Иванович стоит рядом с Н.А. Саблиной. У него энергичное волевое лицо, целеустремленный взгляд. Почти все участники конференции еще относительно молоды, полны надежд и творческой энергии. Такими они и были до конца жизни.

О Григории Ивановиче Кочемасове я слышал еще в детстве. Его имя произносилось почти с божественным почтением. А увидеть его впервые пришлось при следующих обстоятельствах. В конце 1940-х годов мой отец лежал в хирургическом отделении с приступом почечной колики, и я принес ему в качестве дополнительного пайка к больничному рациону несколько испеченных мамой лепешек. Посетители стояли возле входа в отделение — сразу всех не пускали. Я услышал шепот: «Кочемасов идет, Кочемасов...» В интонации звучали трепетно-уважительные ноты. Медленной походкой он прошел в отделение, с ним поздоровались, он тоже — наклоном головы.

Первая уездная конференция медицинских и ветеринарных работников Сергачского уезда. Во 3-м ряду 2-й справа — Г.И. Кочемасов. 10 января 1928 года

А познакомиться пришлось много позже, в 1956 году, когда мы, студенты, перешедшие на 5-й курс, проходили в Гагинской больнице производственную практику. Нас было трое: я, Зина Горюнова и еще один студент, фамилия которого не запомнилась. По какой-то причине Григорий Иванович не хотел нас брать на практику, несмотря на официальные направления из института. За нас заступилась присутствовавшая при разговоре врач-педиатр Анастасия Алексеевна Голованова, как выяснилось позднее, родом она была из Сергача, куда я и получил направление после окончания института. И Григорий Иванович сдался. В процессе практики я имел возможность познакомиться с ним и как с человеком, и как с доктором.

Григорий Иванович не менторски, а именно уважительно, на равных, относился к нам, студентам-практикантам. Это импонировало. Брал ассистировать нас на некоторые операции. При нем я сделал почти самостоятельно первую и последнюю операцию аппендэктомии. Меня влекла больше терапия — внутренние болезни. Иногда он вел прием больных.

Запомнился один случай: заходит в кабинет мужчина средних лет, осторожно ступая на напряженно вытянутую ногу и как-то странно отставляя ее в сторону, с искаженным от боли исхудалым бледным лицом, покрытым бисеринками пота. «Ставьте диагноз с ходу», — говорит нам Григорий Иванович. Мы молчим. «Ну, что же вы? Радикулит же!» — с укором говорит нам. При обследовании больного сзади под коленным суставом оказалась приличная мягкая флюктурирующая опухоль (натечник, обычно туберкулезного происхождения). «Ну вот, бывает и на старуху проруха», — как бы оправдывался он перед нами.

Он был умудренным жизненным опытом человеком, к тому же за его плечами были годы Великой Отечественной войны. Однажды на планерке дежурный врач доложил, что из-за отсутствия места не госпитализировал жену высокопоставленного чиновника районного уровня, а положил больного из отдаленного села. Конечно, стратегически врач поступил правильно. «Необходимо было найти место, — заметил Григорий Иванович, — все-таки надо учитывать положение». «Для меня все равны: начальник — не начальник», — отпарировал врач. «Никогда не было, нет и не будет абсолютного равенства, запомните это», — в свою очередь возразил Кочемасов и рассказал о случае, когда на одном из приемов в Кремле (его родственник занимал высокую должность в правительстве, и, очевидно, рассказанную историю знал от него) к беременной жене одного из министров специально был приставлен врач-акушер-гинеколог, дабы чего не вышло... «Не было, нет и не будет», — подытожил он.

Нас, студентов, такое его утверждение покоробило, так как многие из нас были максималистами и лозунг «Равенство, братство!» понимали уж слишком буквально и однозначно. Потом жизнь подтвердила его правоту, особенно в настоящее время. Да попади сегодня в больницу (не дай бог, конечно) лицо с положением, вокруг него закрутится такой хоровод, которого не знает Солнце со всеми планетами. Учил Григорий Иванович не только профессиональному опыту, но и жизни вообще. Запомнились его рассуждения о власти. Я привожу их примерную суть, не дословно, хотя заключаю выражения в кавычки: «Дай человеку власть, и он весь как на ладони. Посмотришь на иного обладателя ее и видишь — не человек идет, а Власть: лицо надутое, как у индюка; весь пыжится, сквозной взгляд, будто Земля вращается вокруг него. Ведь суть власти, данной кому-либо — творить благодеяния людям, добро, прежде всего коллективу, в котором властвуешь. В свою очередь, подвластные будут делать добро людям, с которыми им приходится сталкиваться по выполняемой профессиональной работе. Часто власть кому-то достается случайно. Это — страшно. Страшно, когда к власти стремятся недостойные ее люди, в чем-то даже ущербные, дабы унижать других. В этом они находят наслаждение, упиваются властью. Это — больные властью, вроде наркоманов. На страхе далеко не уедешь. Когда к людям относишься по-доброму, они сами выложатся на работе, без хлыста над ними. А из-за страха люди, конечно, будут работать, но это — подневольный труд, без радости творчества, от сих до сих и... точка».

А вот его рассуждения о взятках.

«Противное слово. Вот вылечил я больного, в буквальном смысле вытащил с того света. Естественное состояние больного отблагодарить врача за это. Я ничего не прошу, не делаю никаких намеков на подношения, мне дорого простое “спасибо — Спаси Тебя Боже”. Но меня чем-то презентуют. Что мне делать? Не взять — обидишь в искреннем порыве человека. Приходится брать. Но все равно это как-то неприятно. Один больной убеждал меня, что это же не взятка, которая отдает сделкой, чем-то неприятным. “Датка” этих качеств не имеет. Так что берите, молодые люди, только не мелочитесь. Дают, скажем, кусок мяса — берите целиком тушу. Шучу, конечно, но никогда не сходите до вымогательств. Это действительно грязно, постыдно и недостойно врача».

Жил Григорий Иванович в небольшом домике с палисадом на уличную сторону (кусты сирени почти заслоняли весь дом) на территории больницы. Большинство зданий остались еще от земства. Застройка павильонного типа: отдельное здание амбулатории, других отделений. Новая больница была построена в 1980-х годах прошлого века. Кажется, больница в целом, домик, в котором жил Григорий Иванович, и он сам — одно неразрывное целое, из одного времени. Больницу без Г.И. Кочемасова представить было невозможно. Он прожил большую и содержательную жизнь.

Г.И. Кочемасов. 1971 год

В годы Великой Отечественной войны работал военным хирургом в госпиталях в Муроме, Смоленске и других городах. За ратный труд награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За победу над Японией». В 1952 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Г.И. Кочемасову присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». Улица в Гагине, на которой он жил, по праву теперь носит его имя. Он почетный гражданин села Гагина.

На торжественном собрании, провожая его на заслуженный отдых, первый секретарь районного комитета КПСС Н.Л. Бирюков вручил ему памятный адрес. В нем говорилось: «Гагинский РК КПСС и исполком районного Совета депутатов трудящихся выражают Вам горячую благодарность за многолетнюю и безупречную работу на ниве народного здравоохранения. Работая долгие годы врачом-хирургом, а затем — заведующим и главным врачом больницы, Вы отдавали все свои силы, знания и опыт самому гуманному и благородному делу — охране здоровья советского человека. Мастерство, деловитость, принципиальность и настойчивость помогли Вам в организации здравоохранения, а добросовестное отношение к делу снискало Вам душевную теплоту, уважение и авторитет среди жителей района.

Родина высоко оценила Ваш самоотверженный труд, удостоив почетного звания “Заслуженный врач РСФСР” и правительственных наград.

В связи с уходом на заслуженный отдых желаем Вам, дорогой Григорий Иванович, долгих лет жизни, доброго здоровья и большого личного счастья».

Были в жизни Григория Ивановича и его семьи и трагические моменты.

В 1928 году Особым совещанием был приговорен к ссылке на три года на Урал отец жены Анны Андреевны местный священник Андрей Николаевич Виноградов. В 1943 году репрессирован муж сестры Анны Ивановны известный писатель Н.И. Кочин. В 1953 году в автомобильной катастрофе погиб старший сын Лев Григорьевич. Умер на руках отца и двоюродной сестры Екатерины Кочиной, проходившей тогда практику в Гагинской больнице.

Умер Григорий Иванович в 1979 году. В Гагинском музее на видном месте вывешен его портрет. А мне он видится таким, каким я его видел летом 1956 года. Тогда ему было 65. Среднего роста, крепкого телосложения, всегда безукоризненно одетый, тщательно выбритый. Врач от Бога, один из последних врачей-могикан от земской медицины, врач-универсал.

Посещая Гагинское кладбище, обязательно бываю на могиле Григория Ивановича, его жены Анны Андреевны, сыновей Льва Григорьевича и Леонида Григорьевича. Вечная им память!

Сведения, сообщенные мне о семье Кочемасовых Е.И. Колачевской (Кочиной), короткие, но я приведу их, так как они характеризуют общий культурный уровень семьи.

Старшей сестрой Григория Ивановича была Любовь Ивановна, ее муж — сын станционного смотрителя города Лукоянова Александр Иванович Филясов. Жили в городе Дзержинске. Их дочь Татьяна Александровна Логинова — врач по образованию — основная хранительница информации о семье Ивана Григорьевича Кочемасова — отца Григория Ивановича. Любовь Ивановна умерла 15 августа 1982 года, похоронена в городе Дзержинске.

Вторая сестра — Анна Ивановна — вышла замуж за Николая Ивановича Кочина, впоследствии видного писателя нашей страны, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького (1978), почетного гражданина города Горького. Преподавала историю в педагогическом институте. Умерла 11 июля 1984 года, пережив мужа на один год. Похоронены на Бугровском кладбище в Нижнем Новгороде, рядом с церковью и могилой писателя Мельникова (А. Печерского).

Прасковья Ивановна Горчакова (Кочемасова) вместе с мужем жила в городе Горьком, преподавала математику в школе. Умерла 17 апреля 1978 года. Похоронена в городе Горьком.

Младшая сестра Зоя Ивановна после войны жила в Ленинграде, преподавала литературу в школе. После смерти мужа переехала в город Горький. Похоронена вместе со старшей сестрой Любовью Ивановной в городе Дзержинске.

Брат Григория Ивановича Николай Иванович всю жизнь жил в городе Горьком. Семьи не создал. Работал в ремесленном училище завучем. Как пишет Екатерина Николаевна Колачевская (Кочина): «Дядя часто бывал в нашем доме. Мой отец Николай и дядя Николай были в очень теплых отношениях. Когда дядя Коля болел, то мама всегда его опекала. Умер он 14 января 1978 года, похоронен в городе Горьком на Бугровском кладбище».

Самый младший сын в семье — Александр Иванович. Был военным врачом, воевал на Дальнем Востоке. По возвращении в город Горький работал на военной кафедре в медицинском институте. Я его помню, он вел занятия в нашей группе. Его дочь Татьяна Александровна живет в Москве, работает врачом-лаборантом.

Жена Григория Ивановича Анна Андреевна — дочь местного священника Виноградова. Ничего не пишет о ней Екатерина Николаевна. Слышал, что трагическая гибель старшего сына при дорожно-транспортном происшествии отразилась на ее психическом состоянии здоровья, и она практически не показывалась на людях и жила последние годы затворницей. Скончалась 3 мая 1983 года, пережив Григория Ивановича на 4 года.

Лев Григорьевич погиб 28 июня 1953 года. «Я в это время проходила производственную практику у дяди Гриши в больнице. Льва привезли с переломом основания черепа, разрывом печени и т.д. Скончался он на наших руках. Сделать было ничего нельзя» (из письма Екатерины Николаевны). Окончил он зоотехнический факультет сельскохозяйственного института в городе Горьком.

Второй сын Григория Ивановича Леонид Григорьевич тоже был врачом. Работал в городе Горьком, затем переехал в родное село Гагино. От медицины ушел в пчеловодство. Умер 8 декабря 1997 года от злокачественного заболевания. Помню его.

Не избежала семейной трагедии и сама Екатерина Николаевна: в 44 года ушла из жизни от тяжелого заболевания ее дочь, тоже Екатерина Николаевна (это имя дал дочери и внучке сам Николай Иванович Кочин в память о рано ушедшей из жизни сестре Кате). Была она филологом. В «Нижегородской правде» (2012, № 72) опубликованы воспоминания Екатерины Колачевской (младшей) о своем деде, Николае Ивановиче Кочине. В этом же номере — фотография Николая Ивановича, Анны Ивановны, Екатерины Николаевны Колачевской (Кочиной), Кати Колачевской.

Семья Кочиных: Екатерина Николаевна Колачевская (дочь), Николай Иванович, Екатерина Николаевна Колачевская (внучка), Анна Ивановна. 1974 год

В заключение приведу несколько выдержек из сборника «Линия судьбы» (Нижегородская правда», 2012, № 66) о Екатерине Николаевне Колачевской (Кочиной).

«Буквально несколько дней не дожила Екатерина Николаевна до выхода в свет очередного сборника воспоминаний детей “врагов народа” “Линия судьбы”, в который вошли ее воспоминания о счастливом довоенном детстве и несчастливом военном: голод, лишения, арест отца... Она выросла достойной дочерью своего отца. В 1955-м поступила в Горьковский медицинский институт, на 5-м курсе вышла замуж, учебу заканчивала уже в Москве... Шесть лет проработала участковым терапевтом, потом была аспирантура и приглашение на работу в НИИ туберкулеза Минздрава РСФСР, в отдел нелегочного туберкулеза... В 1980 г. защитила докторскую диссертацию, получила звание доктора медицинских наук...

У ветерана труда и труженицы тыла Екатерины Николаевны Колачевской (Кочиной) было еще одно звание, которое она ни от кого не скрывала, — реабилитированная жертва политических репрессий. Всю жизнь она хранила память о своем отце, издавала его книги».

Екатерина Николаевна в сборнике «Линия судьбы» писала: «Я так и не полюбила Москву. Душа моя осталась здесь, на Волге, где прошло мое детство и юность».

«Отметив свое восьмидесятилетие, в январе 2012 года она вернулась в Нижний. Обрела здесь свою семью, родных и близких. Хотела начать новую жизнь — справить новоселье, достойно отметить юбилей отца. Увы, планам этим не суждено было сбыться. Светлая память о Екатерине Николаевне навсегда останется в сердце всех, кто ее знал».

Светлая память и всей семье Кочемасовых «из-под Гагино 2—90».

К 100-летию начала Первой мировой войны

1914–1918

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Ф.Г. Суслов. 1914 год

Р.П. Грибковская

Семейные архивы, хранящие память о ближних и дальних поколениях рода, живут долго. Они бережно передаются из рук в руки и представляют безусловную историческую ценность не только для родственников. Так, к примеру, через сто лет фронтовые записки Федора Герасимовича Суслова из Починок Нижегородской губернии, попавшего в круговорот событий Первой мировой войны, стали новой страницей в Книге Памяти человечества.

Римма Петровна Грибковская – преподаватель курса культуры речи факультета управления ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Федор Герасимович Суслов родился в 1887 году в городе Починки Лукояновского уезда Нижегородской губернии[1] в семье ремесленников. В 1908 году был призван на действительную военную службу в Санкт-Петербург и зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк – один из старейших воинских формирований Русской армии[2].

В то время «гвардейские части комплектовались в два этапа: сначала из общей массы призывников отбирались новобранцы в гвардию по росту, телосложению и состоянию здоровья. Это производилось в военных присутствиях по месту жительства призывников. В преображенцы отбирались парни дюжие, брюнеты, темные шатены или рыжие. На красоту внимания не обращалось. Главное был рост и богатырское сложение»[3].

Срочная служба Федора Суслова проходила по 1912 год и заключалась в несении караульной службы по охране Зимнего дворца. Косая сажень в плечах, рост 190 см, грамотная речь – таким помнят Федора Герасимовича его дочери.

С началом Первой мировой войны в 1914 году Суслова призвали на фронт в действующую армию. Воевал в Галиции – в Западной Украине. Прослужил недолго – всего полгода. В ноябре 1914 года был тяжело ранен. Затем проходил длительное лечение в военных госпиталях, в том числе в Егорьевске под Москвой.

В семье сохранились его воспоминания об одной из самых чудовищных войн в истории человечества[4]. Хрупкие пожелтевшие странички солдатского

Фронтовая фотография. В 3-м ряду крайний слева — Ф.Г. Суслов. 1914 год

дневника пережили автора почти на восемьдесят лет. После смерти Федора Суслова в 1936 году военные записки, документы и фотографии до 1972 года берегла вдова Пелагея Спиридоновна Суслова. Позже они перешли к старшей дочери Раисе Федоровне Сусловой. И уже впоследствии — к ее сыну Олегу Андреевичу Суслову.

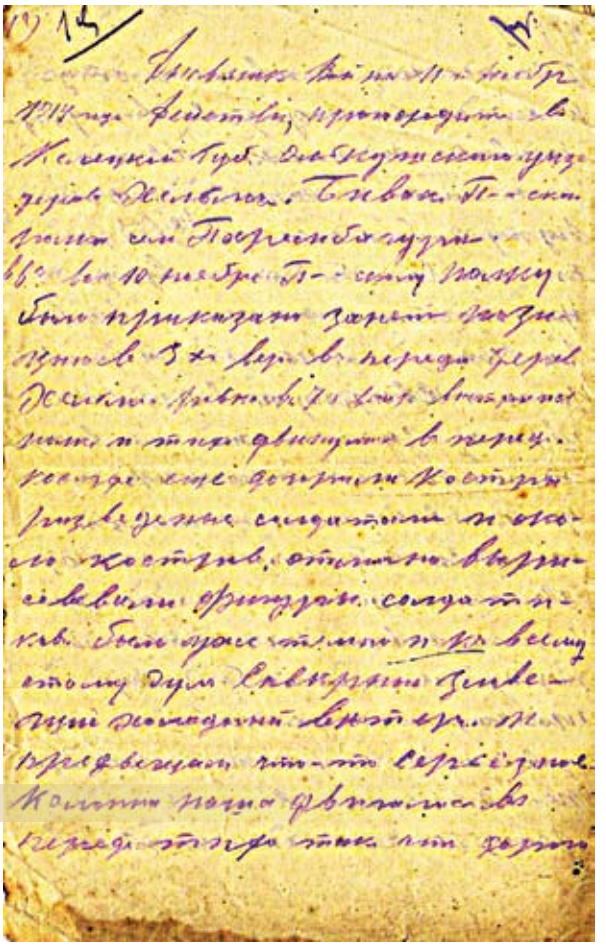
Дневник — это пронзительный репортаж с поля брани, написанный на привале и в окопе в минуты затишья. Это бесценное свидетельство храбрости, стойкости, мужества простого русского солдата. Понимая историческую важность событий, он проявил невиданную силу духа, описывая ужас и бесчеловечность происходящего. Оставил потомкам детальное описание одного дня далекой войны.

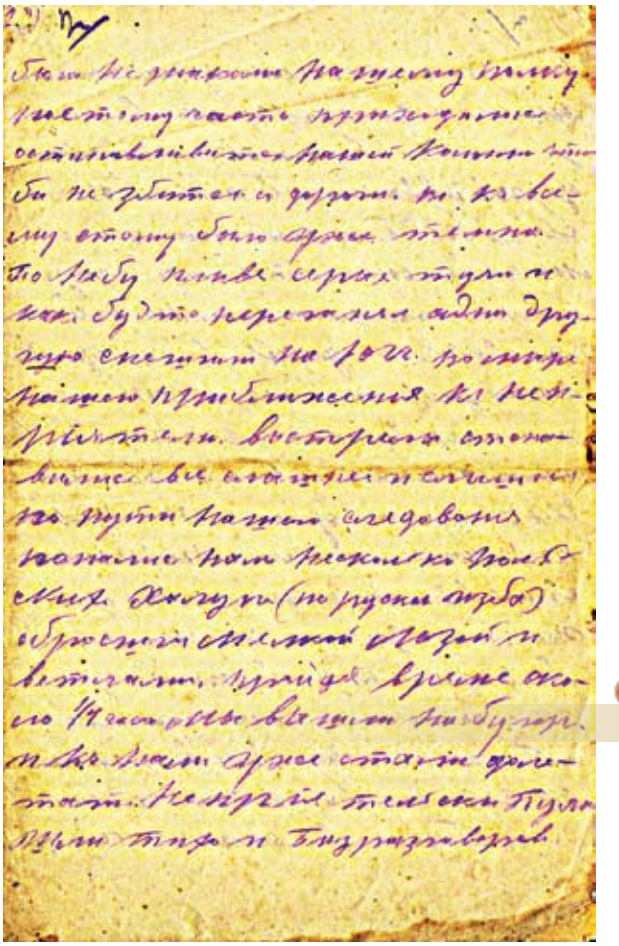
Текст военного дневника Федора Суслова печатается полностью впервые через сто лет в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, восстановленные части слов и слова заключаются в квадратные скобки.

Дневник войны. 11 ноября 1914 года

Действие происходит в Келецкой губернии Олькушского уезда, деревня Хельме. Бивак[5] Преображенского полка — село Паринбигуры. В 6 часов вечера 10 ноября Преображенскому полку было приказано занять позицию в 3 верстах впереди деревни Хельме. Ровно в семь часов вечера выстроился полк и тихо двинулся вперед. Кое-где еще догорали костры, разведенные солдатами, и около костров отлично вырисовывались фигуры солдатиков. Было уже темно, и ко всему этому дул северный зловещий холодный ветер. Он предвещал что-то серьезное.

Колонна наша двигалась вперед тихо, так что дорога была незнакома нашему полку, поэтому часто приходилось останавливаться нашей колонне, чтобы не сбиться с дороги. Ко всему этому было уже темно. По небу плыли серые тучи и как будто перегоняли одна другую, спешили на юг. По мере нашего приближения к неприятелю выстрелы становились все слышнее и слышнее.





Страницы дневника Ф.Г. Суслова. 1914 год

Попутинашегоследованияпопалисьнамнесколько польских халуп (по-русски — изба), обросших мягкой лозой и ветлами. Пройдя время около ¼ часа, мы вышли на бугор, и к нам уже стали долетать неприятельские пули. Шли тихо и без разговоров. Каждый мысленно уносился далеко, куда-то вдаль, за тысячу верст, кто к своей дорогой мамаше, а кто к своей жене и деткам. Потом мы стали спускаться под гору. Пронеслось шепотом по рядам, что вот та деревня, в которой нам занимать позицию. Эта самая деревушка Хельм. Деревня или можно назвать селом. На очень малом [расстоянии], должно, около 4 верст, посередине поперек [ее] пересекает овраг, и там мы должны [занять] позицию.*

Спускались в деревню, по обе стороны лес, довольно крупные есть сосны и березник. Когда мы спускались по деревне все ниже и ниже, пули все чаще и чаще рвались над головами, стукаясь о стволы деревьев и разрываясь и мелькая своими огоньками, и если бы на минуту забыть, что это на войне, то это было бы что-то вроде фантастической мглы. Но вот наконец-то мы дошли до оврага и свернули вправо по оврагу. Здесь тоже мы встретили несколько наших солдат и в некоторых местах [костры], собравшие около огня где два или три солдата. Нас здесь приостановили на несколько минут, для того чтобы получить приказания к дальнейшему следованию. Нам потом приказано идти далее вправо по оврагу. Мы поднялись и тихо [пошли], а огонь тем временем то стихал, то опять возобновлялся, а пули то в берег оврага ударяли, разрываясь и свистя над головами, а иногда падали у ног.

Пройдя шагов 300, мы остановились, влево от нас был сосновый лес. На ходу перестроились в одну шеренгу. Мы должны были свернуть в этот лес. Перейдя этот лес, повернули вправо, там такой же был сосновый лес. Между этими лесами было пространство около 1000 шагов открытой местности. Идя по извилистой тропинке, поворачивая то вправо, то влево, мы добрались до

* Так в тексте.

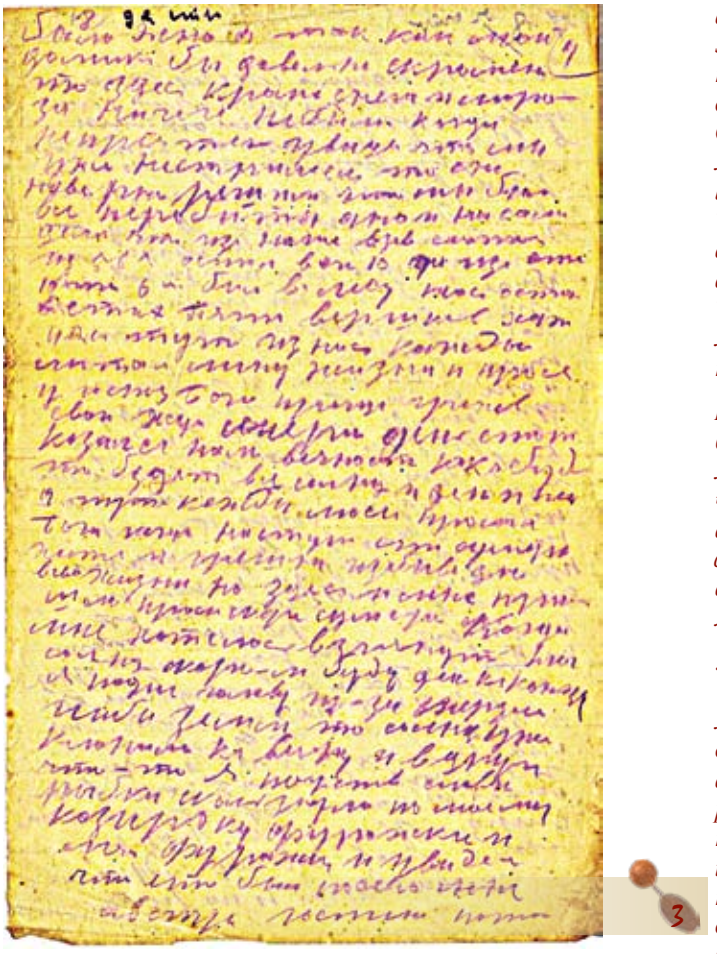
Фронтовая фотография. В 1-м ряду слева — Ф.Г. Суслов. 1914 год

опушки следующего леса. И от этого леска осталось шагов восемьсот до наших окопов, тут мы один за другим перебегли в окопы под свист пуль.

Когда мы заняли окопы, то каждый кое-что лишнее поснимал. Поставили часовых для наблюдения за неприятелем. И кое-кто прислонился к стенке окопа, задремал. Я тоже с товарищем вдвоем сидел в одном окопе, и после нескольких слов мы оба задремали. Нас разбудил мороз, когда встали, все тот же дул зловещий северный ветер. К тому времени на небе стало уже ясно, и тысячи звезд переливались разноцветными огоньками.

Вдруг я услышал передачу по окопам, что через <…> часа мы пойдем в атаку, и каждый из нас думал: это последние минуты его жизни. И за эти пять минут молниеносно [пронеслась] вся моя жизнь от колыбели и до этих окопов, в которых я сидел. Временами мне казалось, что я как будто лишний на этом свете. Да, жалко было расстаться с жизнью, пока что я еще не взял все от [нее]. Никогда мне не была так [дорога] жизнь, как в эту минуту.

Но не прошло и <…> часа, как послышалась громкая команда командира роты: «Ребята, вперед — в атаку!» Тут каждый схватился за винтовку, и, на ходу крестясь, [мы] пошли в атаку. В эту минуту уже о земном каждый из нас не думал, каждый думал: вот сейчас осыплет неприятель свинцовым дождем из ружей, и пули пришли нескольким, но еще неприятель… Шла редкая оружейная стрельба, вдруг осыпало нас градом пуль, и мы вынуждены были остановиться и лечь на землю. Земля была мерзлой, окопы рыть было нельзя… До окопов тут же открыли мы огонь. Через несколько секунд людей один за другим стали убивать. Тут уж [одному] пробили руку, [другому] уж голову или тот [падал] навзничь, в предсмертной агонии, жилы его передергивали судороги. Такой был стон и ужас, который я не видел и не дай бог никому видеть.



Страница дневника Ф.Г. Суслова. 1914 год

Но вот кругом меня стихли стоны, я смотрел по сторонам, но мои товарищи многие отошли в вечность. Вот один ранен в руку разрывной пулей, другому вышибло несколько зубов, вот одному три пули [попали] в ногу. И потом стрельба ниже нас стихает, так [как] патронов уже не было, нам больше не грозит опасность. Тем временем уже стало хорошо видно, и тучи рассеялись... [неразборчиво] Одни остывшие тела... И друг был ранен... [неразборчиво] Влево от меня находится опушка леса [в] 150 ш[агах], но идти было невозможно, осыпало нас градом пуль, некоторые пробовали перебегать, те отходили в вечность.

Я решил остаться на месте, мне попалась борозда в глубине, я решил не вставать, что будет далее, с этой мыслью я помолился на жительство в этом пятивершковом доме, и еще были комья мерзлой земли. Как раз над моей головой солнце поднималось все выше и выше, и на небе было ясно, а так как мой домик был довольно скрытен, то здесь, кроме снега и мороза, ничего не было. Когда неприятель увидел, что мы уже не стреляем, то он, наверное, решил, что мы были все перебиты. Однако на самом деле из нашего взвода, из 36 [человек] осталось всего 10. Из этих десяти 6 были в лесу, нас осталось в этих пяти вершках четверо. Тут из нас каждый считал минуты жизни и просил у господа Бога прощения грехов своих... День стал казаться нам вечностью... [неразборчиво] Тут каждый молча просил Бога, чтобы наступили сумерки, хотя и грешно избегать дни жизни, но здесь и мне пришлось просить скорых сумерек.

Когда мне хотелось взглянуть на солнце, скоро ли будет день к концу, я поднял голову из-за мерзлой глыбы земли, то солнце уже клонилось к вечеру. Вдруг что-то я почувствовал слева, рыбки скользнули по моему козырьку фуражки. Я снял фуражку и увидел, что это был послан мне австрийский гостинец, потом через несколько времени еще одна пуля попала мне в шинель.

...Тем временем день клонился к вечеру, потом [я] пролежал несколько времени, и солнце стало заходить за горизонт и своим багровым лучом освещало трупы наших героев. И я думал: это последний раз морозное солнце ласкает наших героев. [Солнце] скрылось за горизонтом, и наступили сумерки, и на смену солнцу выплывает месяц и освещает трупы товарищей. Потом стало темнеть, мне становилось жутко, я лежал среди мертвецов и думал, что наши не отступили, и как раз стала стихать стрельба.

Не прошло и 10 минут, смотрю — снизу [с] опушки идет человек... Было очень трудно. Я на всякий случай приготовил винтовку, у меня было 5 шт. патронов. Человек идет и говорит: «Кто есть здесь живой?» Узнал голос взводного командира, было приказано занять старые окопы и взять гранаты. Тогда я ему сказал, что я один, взял гранату, нужны люди другого взвода, тогда взводный спустился к опушке. Впереди я увидел при свете месяца человеческие фигуры... Был открыт по ним огонь, и они вынуждены были отойти.

Я чувствовал себя очень сильно перезябшим, и члены мои плохо мне повиновались, потому что я пролежал с 7 ч утра до 9 ч вечера. Когда я хотел встать, то члены мне отказывались служить, тогда я встал на колени и сделал несколько движений в ту и другую стороны. Тогда я почувствовал, что я могу идти, я поднялся и взял товарища, раненного в ногу. Пройдя несколько шагов, я вынужден был сесть и отдышаться, и потом опять начал свой путь до окопов.

Ф.Г. Суслов. 1907 год

Пелагея, жена Ф.Г. Суслова. 1907 год

Я как будто лишний на этом свете...

После ранения война для Федора Герасимовича перешла в больничные палаты, где страдания солдат еще и еще раз возвращали в морозную ноябрьскую ночь на поле боя, наполненную безысходностью и смирением. Домой в Починки он вернулся в 1916 году. Но мира и покоя, которого так жаждала душа, не было и здесь. Предреволюционные настроения, Февральская революция, Гражданская война — и опять на фронт. И только в 1919 году для Федора Герасимовича наступает другая жизнь. Он возвращается домой, и почти в 32 года только-только обзаводится семьей.

В конце этого же 1919 года Суслов избирается председателем волостного исполкома Починок. В этой должности он проработал около двух лет. Потом с помощью земляков организовал строительство нового поселка Пушкино в 20 километрах от Лукоянова. В общей сложности там было построено более 20 жилых домов. Тогда же у него в семье один за другим стали появляться долгожданные дети. После стольких лет службы он словно бы наверстывал упущенное время.

Поселок Пушкино просуществовал почти сорок лет, и в 60-е годы, когда в стране стала проводиться политика преобразования мелких сельхозугодий в более крупные структуры, он исчез с карты области. Но в свидетельстве о рождении детей Ф.Г. Суслова в графе «место рождения» навсегда значится «поселок Пушкино» — документальное подтверждение участия отца в создании своего населенного пункта с необычным для того времени названием.

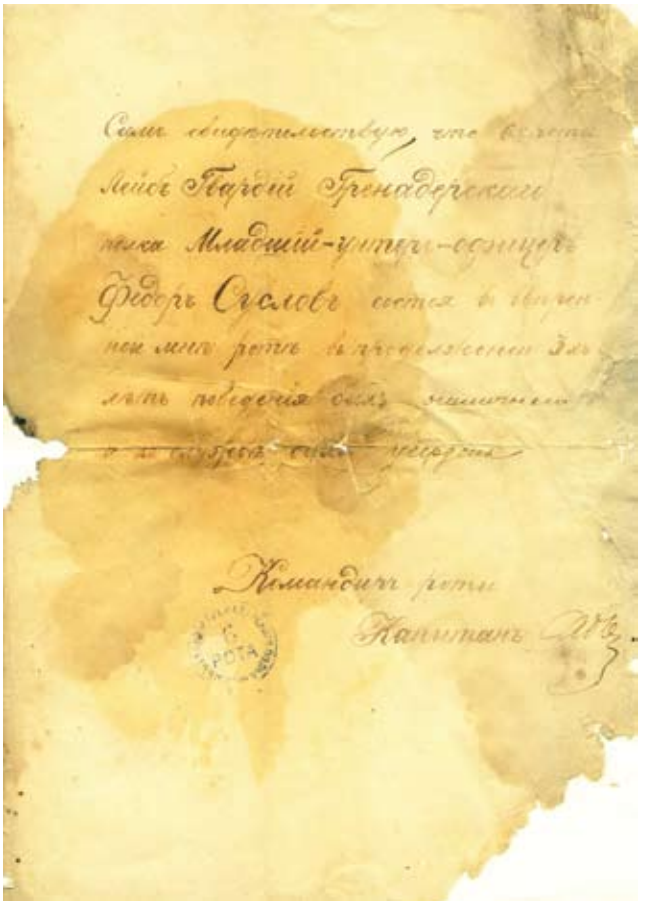
Пройдя через годы войны, испытаний смертью и разрушением, он стал строителем в мирной жизни. И Пушкино наглядное подтверждение этому. В 50-е годы прошлого века в Починках старые люди помнили Федора Суслова как лучшего в округе печника, складывающего русские печи, голландки. И делал он это умело, с большой любовью и старанием.

В Лукоянове сохранились документы о трудовой деятельности недавнего солдата, трудовая книжка, в которой подтверждено, что он работал на строительстве Дзержинска, Балахнинской электростанции, автозавода. В одном из первых номеров газеты «Строитель», выходившей в те годы, рассказывалось об его участии в стройке века — автомобильного гиганта. Позже, работая в службе народно-коммунального хозяйства, он умело справлялся со штукатурными, малярными, отделочными работами.

И все же не только интерес к освоению мирных профессий руководил этим человеком. Особенности срочной службы заставляли Федора Суслова постоянно менять места жительства. В тридцатые годы за несение караульной службы по охране Зимнего дворца, и в частности царя-батюшки, вряд ли могли погладить по головке и оставить равнодушными соответствующие службы. Поэтому постоянные перемещения, смена работы в большей степени были вынужденной мерой безопасности для него самого и его большой семьи.

Говорят, что выжившие на войне остаются жертвами войны навсегда. Убийство одного человека другим не проходит

«В память моей военной службы. Лейб-гвардии гренадерского полка 6-й роты». 1914 год



Характеристика Ф.Г. Суслова. Срочная служба. 1910–1912 годы

бесследно. Каждый с этим живет как может. А как? У Федора Герасимовича мог быть на это свой ответ. Но он умер, не дожив и до пятидесяти лет.

Свой ответ знала вдова, простая русская женщина Пелагея Спиридоновна. После смерти мужа в 1936 году, рискуя всем, она сохранила для детей его фронтовые записки и фотографии, передала им в своих рассказах воспоминания об отце, о той судьбе, которая выпала на долю их семьи.

На этом примере для нас, ныне живущих, она сохранила память о целом поколении простых и светлых, мужественных, талантливых людей, ценой своей жизни остановивших мировое безумие, отстоявших право на жизнь каждого. Сохранила образ тех, чьи имена не остались ни в камне, ни в списках. Но они были и есть! И это на них в том числе по сей день держалась и держится земля Русская!

[1] С 1779 по 1922 год Починки имели статус «город Починки» Лукояновского уезда Нижегородской губернии.

[2] Лейб-гвардии Преображенский полк – старейший и один из элитных гвардейских полков Русской императорской армии. Полк имел первенствующее положение в Русской армии. Полковником или полковницей этого полка были все российские императоры или императрицы.

[3] Макаров Ю.В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. – Буэнос-Айрес: Доррего, 1951.

[4] Первая мировая война (август 1914 – ноябрь 1918) была одной из самых кровопролитных войн в истории человечества – в ней погибло более 10 млн человек, ранено около 20 млн человек. Жертвы среди гражданского населения были почти такими же. В военных действиях приняли участие 38 государств с населением свыше 1 млрд человек.

[5] Бивак (военный) – расположение войск вне мест постоянной дислокации.

В подготовке материала принимали участие
Л.Ф. Суслова, О.А. Суслов, Т.М. Новокрещенова.
Фотографии из архива семьи Сусловых

К 100-летию начала Первой мировой войны

1914–1918

ДИСТАНЦИИ ПУТИ НИКОЛАЯ ТЫРКОВА

В.Н. Прончатов

Я хотел, чтоб царил порядок и чтоб порядок был установлен мной. Я жил, не зная желаний, не зная любви, не зная надежды: я блюл порядок. О, чудовищная и божественная страсть!

Ж.П. Сартр. Мухи

Летом 1906 года на Ревякском перекате Кинешемского участка Казанского округа путей сообщения произошла крупная авария. Получив удар ниже ватерлинии, маленький пароходик «Воля» с трудом выбросился на берег, а ударивший его буксир «Н.Е. Башкиров» со смятым форштевнем встал на якорь в ожидании судоходной инспекции[1]. Инспектор судоходства Николай Дмитриевич Тырков составил акт в пользу Башкирова, и благодарный судовладелец передал ему 25 рублей в запечатанном конверте. Служитель закона с негодованием отверг деньги, а пароходчик не стал настаивать. На этом все могло бы закончиться, но помешала газета «Судоходец», выражавшая интересы либеральной буржуазии. В самый разгар первой русской революции газета рассказала своим читателям о неподкупном чиновнике, и маленькая заметка затронула коренные интересы различных социальных слоев[2].

Владимир Николаевич Прончатов – к.филос.н., доцент кафедры философской антропологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В начале века среди невежественного российского купечества стали появляться люди с университетскими дипломами. Некоторые из них учились за границей, занимались наукой и прекрасно разбирались в искусстве. Они хотели видеть Россию цивилизованной капиталистической страной, где торговый партнер точно выполняет взятые на себя обязательства, а чиновники руководствуются должностными инструкциями и не берут взяток за исполнение своих обязанностей. Благодаря газетчикам никому не известный инспектор судоходства стал воплощением мечты о правовом государстве и помимо своей воли оказался в центре политических разногласий.

«Мы не хотим давать взятки чиновникам, – писал в газету «Судоходец» анонимный пароходчик, – но у нас нет никаких возможностей для борьбы с административным произволом»[3].

«Я охотно верю, что вы не хотите давать взятки, – заявил Тырков в ответном письме, – но вам приходится оплачивать чужой произвол ради сохранения собственного самодурства. Вы непорядочный человек, господин пароходчик, а мне хочется жить и работать честно»[4].

После подобного заявления редактор «Судоходца» Ф. Хитровский открыл новую рубрику под громким названием «Дело инспектора Тыркова», где регу-

лярно печатал отчеты о борьбе новоявленного ревнителя законности с судовладельцами с неизменным осуждением последних.

Николай Дмитриевич Тырков родился 1 января 1871 года в Новгородской губернии. Дворянин. 12 сентября 1885 года поступил в морское училище. 10 мая 1888 года переведен в младший специальный класс. 28 августа 1891 года произведен в гардемарины.

В октябре 1892 года журнал «Морской сборник» опубликовал высочайший приказ по морскому ведомству о произведении в мичманы сорока четырех гардемаринов Морского кадетского корпуса[5]. Приказ перечислял фамилии выпускников в соответствии с их успехами в науках. Фамилия Тыркова в списке идет двадцать четвертой, а это значит, что во время учебы он числился в середнячках.

Получив погоны и кортики, вчерашние гардемарины по давней традиции подняли бокалы за черных адмиральских орлов, которые когда-нибудь обязательно прилетят на их погоны. Из всего выпуска эти капризные птицы выбрали только начальника бригады крейсеров Черного моря Казимира Порембского (восемнадцатый в списке выпускников) и командующего Балтийским флотом Адриана Непенина (в списке выпускников идет тридцать девятым). Судьба остальных повторит судьбу офицерского корпуса России в ее переломную эпоху. В осажденном Порт-Артуре при взрыве броненосца «Петропавловск» погибнет флаг-офицер штаба командующего флотом в Тихом океане Георгий Дукельский. В Цусимском бою погибнут старший флаг-офицер штаба командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана Сергей Свербеев, старший артиллерийский офицер броненосца «Князь Суворов» Петр Владимирский и вахтенный начальник эскадренного броненосца «Александр III» Константин Случевский. Жертвами матросских бунтов станут убитый выстрелом в спину адмирал Адриан Непенин и расстрелянный в Севастополе Алексей Свиньин. На городском кладбище Пятигорска вместе с 70 заложниками будет расстрелян отказавшийся сотрудничать с большевиками бывший первый помощник морского министра граф Алексей Капнист, в эмиграции умрет участник знаменитого боя с «Гебеном» командир броненосца «Евстафий» Михаил Федорович. И только судьба Федора Матисена (десятый в списке) сложится относительно счастливо. Он уцелеет в Цусимском бою и станет знаменитым полярным исследователем. Свои открытия он совершил вместе с лейтенантом Александром Колчаком, поэтому при советской власти их старались не упоминать.

В Российском императорском флоте карьерный рост офицера предполагал в качестве своего обязательного условия время, проведенное в плавании (так называемый ценз). 11 апреля 1893 года мичман Тырков назначен в плавание на крейсер I ранга «Герцог Эдинбургский» в должности вахтенного офицера, но уже

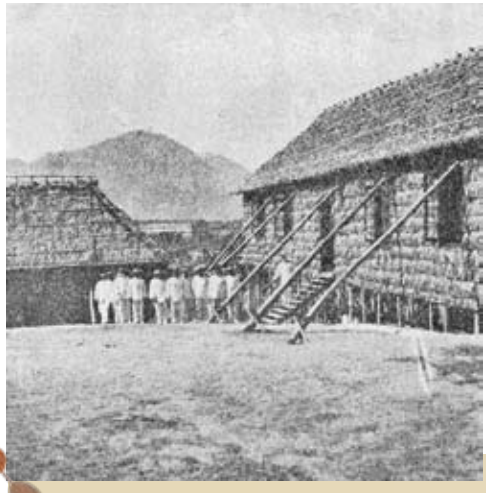
Знак за успешное окончание Минных офицерских классов

в сентябре 1893 года переведен на должность исполняющего обязанности ревизора броненосца береговой обороны «Адмирал Лазарев». Через год, 2 ноября 1894 года, его отправляют на берег заведовать отделением учебной команды строевых квартирмейстеров. Создается впечатление, что по каким-то причинам от него просто избавляются.

16 сентября 1895 года Тырков — слушатель Минных офицерских классов, и через год получает специальность минного офицера. В конце XIX века в морских сражениях решающее слово принадлежало артиллерии крейсеров и эскадренных броненосцев. Минное оружие делало первые шаги и потому оставалось делом опасным и очень рискованным. В Русско-турецкую войну 1877—1878 годов участники дерзких ночных атак лейтенанты С. Макаров, Ф. Дубасов, И. Зацаренный, К. Нилов стали национальными героями. Граф С. Строганов покинул аристократические гостиные, чтобы вместе с художником В. Верещагиным атаковать турецкие мониторы на личном катере наследника престола. Если средний по своим способностям человек XIX века решает стать флотским минером или террористом с бомбой, значит, он очень амбициозен, и отсутствие общественного признания только разжигает в нем страстное желание стать сверхчеловеком в духе философии Ницше.

После окончания Минных офицерских классов Н. Тырков последовательно сменил должности и.о. командира роты броненосца «Адмирал Лазарев», минного офицера учебного судна «Верный», крейсера «Генерал-адмирал» и транспорта «Европа», откуда теперь уже лейтенанта Н. Тыркова (с 13 апреля 1897 года) сначала отправили в плавание на канонерской лодке «Грозящий», а затем перевели на портовое судно «Колдунчик». От такого унижения его спас рапорт о болезни и возвращение на берег. После истинного или мнимого выздоровления он попытался переломить

Первый отряд миноносцев в Порт-Артуре. Фото с сайта http://abakus.narod.ru/



Как англичане держат в заключении в Гонконге экипаж «Бурного», препровожденного туда из Вей-Хай-Вэя.

Миноносец «Бурный»

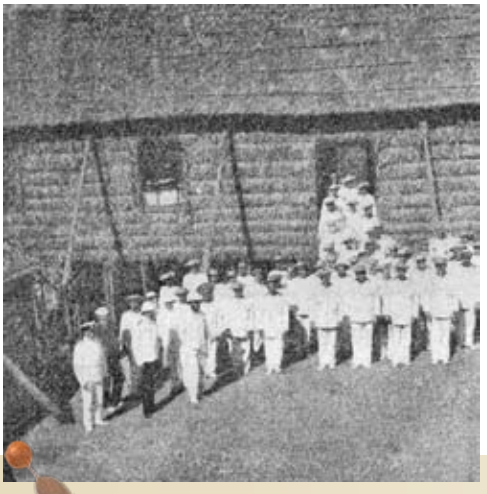
Эскадренный миноносец «Бурный», выбросившийся на камни близ Шантунга (по английскому рисунку). Иллюстрированные хроники Русско-японской войны. Приложение к газете «Русь». 1904. № 39. С. 619

неблагосклонную к нему судьбу в должностях командира роты крейсера «Лейтенант Ильин» и преподавателя Минных офицерских классов, но в 1903 году был отправлен в запас и стал помощником инспектора судоходства Казанского округа путей сообщения[6].

После начала Русско-японской войны 1904–1905 годов вновь призван на действительную службу и направлен в Порт-Артур, где командовал миноносцем «Бурный» (тип «Буйный»). Из-за ненадежности энергетической установки миноносец передали 2-му отряду, решавшему менее важные задачи[7].

Во время хронического ремонта своего корабля Тырков участвовал в сухопутных боях и разрядил японскую мину неизвестной конструкции для составления инструкции по безопасному обращению с нею.

18–21 мая 1904 года братья Николай и Владимир Тырковы с 19 добровольцами вышли в море на китайской джонке и скрытно установили минное заграждение в кинджоуской бухте для защиты левого фланга Кинджоуских позиций. За мужество и распорядительность командир миноносца «Разящий» лейтенант Владимир Тырков был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, а его брат получил Анну 4-й степени с надписью «За храбрость»[8]. Анну 3-й степени с мечами и бантом лейтенант Н. Тырков получит за «храбрость



Иллюстрированные хроники Русско-японской войны. Приложение к газете «Русь». 1904. № 48. С. 760–761 (с. 88–89)

и распорядительность» при охране канонерской лодки «Бобр» и катеров во время боя при Кинджоу[9].

28 июля 1904 года, когда вся порт-артурская эскадра попытается прорваться во Владивосток, «Бурному» поставят задачу сопровождать корабли до выхода за линию минных заграждений, а затем вернуться обратно. На обратном пути невезучий корабль заблудился в тумане и налетел на камни в районе Шантунгского маяка. Моряки взорвали миноносец и отдали себя под покровительство нейтральной Великобритании. Англичане перевели экипаж из Вей-Хай-Вэя в Гонконг и упрятали за колючую проволоку. Через четыре месяца узников удалось освободить, и Тырков вернулся на родину, где был зачислен в учебно-минный отряд Балтийского флота, некоторое время командовал миноносцем № 219, а 22 августа 1905 года его снова уволили в запас капитаном 2-го ранга.

12 августа 1906 года отставной офицер стал инспектором Кинешемского участка Казанского округа путей сообщения и начал борьбу за соблюдение правил плавания на волжских перекатах.

Перекаты появлялись там, где река размывала берега и речной песок, оседая на дно, перегораживал фарватер. В погоне за прибылью судовладельцы стремились перевезти за один рейс как можно больше грузов. Но перегруженные баржи глубоко сидят в воде и могут застрять на мелководье переката. В этом случае команда выгружала часть товаров на ближайшую пристань, а судовладелец посылал вдогонку другой пароход, чтобы подобрать оставленный груз.

Так поступали только крупные фирмы, владевшие буксирами, баржами и складами. Мелким хозяйчикам приходилось арендовать пакгаузы или хотя бы место под открытым небом недалеко от берега. Кроме того, они платили неустойку за несвоевременную доставку товара.

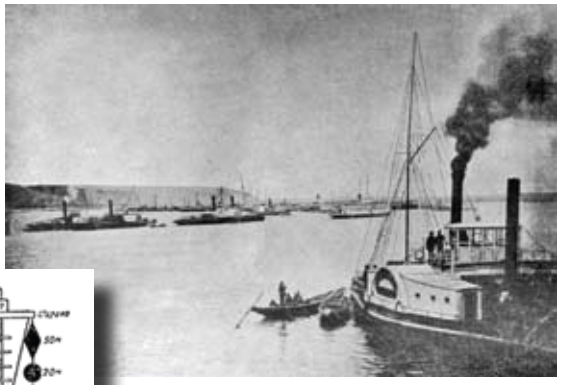
Уровень воды на перекатах каждый день менялся. «Чтоб мне рискнуть и нагрузить поболе!» — сокрушался пароходчик, когда уровень воды поднимался. Но могло случиться и наоборот: пожадничаешь, а река обмелеет. Кусай тогда локти!

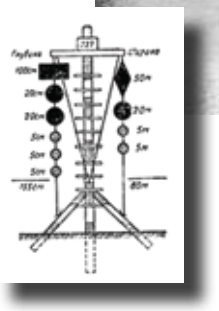
За соблюдением правил плавания следил судоходный надзор. Каждый участок пути возглавлял дистанционный начальник, в распоряжении которого находились бакенщики, постовые и десятники. Эта мелкая сошка ежедневно измеряла глубину фарватера и очень часто умышленно занижала ее. Подойдет пароход к перекату, а бакенщик скажет командиру: «Мелко у меня. Разгружайся, а то не пройдешь. Правда, я знаю глубокое место и могу помочь. Но для этого, как водится...»

И в пароходном журнале появлялась запись: «Прошел перекат. Дадено пять рублей».

Деятельность речных постов проверял инспектор Министерства путей сообщения. Предложит он постовому измерить глубину судового хода заново, а тот, чувствуя, что платить ему все равно придется, только улыбается: «Ладно, ваше благородие, я прибавлю». Но бывало, что бакенщик честно указывал глубины, а при составлении сводного информационного бюллетеня инспектор для подстраховки умышленно их занижал.

«Мелковато ноне, — думал пароходчик, просматривая газету. — Много не возьмешь. А вдруг вода прибудет? Рискну! В случае чего откуплюсь. Запас, поди, все равно есть».





Суда на подходе к Ураковскому перекату

Схема бакена, устанавливавшегося перед перекатом

Знак Министерства путей сообщения (МПС). Начало XX века

Хуже всего приходилось капитанам. Им приказывали вести перегруженный караван барж через перекаты. Откажешься — тут же уволят. Но за нарушение правил плавания хозяин не отвечает. Деньги, потраченные капитаном на уплату штрафов, пароходчик вернет. Но в тюрьму после третьего нарушения он за капитана не сядет. Однако волгарей не останавливала даже каторга. Фирма щедро награждала тех, кто проводил груз через все преграды. Риск, конечно, большой, но и награда велика. Поэтому речники с гордостью приводили в затоны свои буксиры с поломанным фальшбортом и смятым сиянием.

Деятельность нового инспектора началась в смутное время. Страну сотрясала буржуазная революция, которую Тырков объяснял злобой народа против плохих чиновников. Благодаря газетным публикациям он почувствовал себя спасителем отечества, хотя на самом деле был простым орудием в руках либеральной печати. Оставаясь в тени, она толкала его на конфликт с очень могущественными силами и в самый критический момент оставила без поддержки.

Свою политическую программу новый инспектор изложил в многочисленных обращениях к волжским судовладельцам, опубликованных в различных нижегородских изданиях. Она была проста и понятна, как распорядок дня в Морском кадетском корпусе.

Капиталисты бывают плохими и хорошими. Ради непомерных барышей плохие капиталисты, они же «толстокарманники», пьют кровь зависимых от них людей, пользуются их безвыходным положением и заставляют идти на преступления, грозящие 20-летней каторгой. Хорошие капиталисты — это честные и трудящиеся люди, которые работают не для собственной выгоды, а исключительно ради общего блага[10].

Плохие и хорошие капиталисты различаются только наличием совести. У одних она есть, а у других отсутствует, и чем позже она проснется, тем тяжелее будет безнравственному человеку выносить ее контроль[11].

Пробудить совесть в непорядочных людях может только государственный чиновник, честно исполняющий свой служебный долг. Беспорядки в России (буржуазная революция 1905—1907 годов) порождены злобой народа против плохих чиновников, но среди них тоже есть и порядочные люди.

По мере пробуждения общечеловеческой сознательности необходимость в инспекторах отмирает[12]. Пока этого не произошло, инспектор должен быть тверд и непоколебим прежде всего к самому себе, особенно если сострадание пробуждает у него жалость к нарушителям закона. Всех, кто только собирается оказать ему сопротивление, по мнению Н. Тыркова, следует отправить на каторгу в целях профилактики возможных нарушений[13]. Про концентрационные лагеря и ГУЛАГ Николай Дмитриевич Тырков пока еще не знает. Он хочет просто утвердить общий для всех закон.

13 августа 1906 года на подходе к Переломскому перекату Кинешемского участка буксирный пароход «В. Скрипкин» сбил бакен. В подобных случаях инспекторы судоходства брали взятку с капитана или посылали штрафную квитанцию владельцу судна. Прославленный на всю Волгу Тырков должен был действовать иначе. Созданный его честолюбием и газетами образ неподкупного борца с произволом заставлял силой утверждать законопослушание.

Приказ остановиться нарушитель не выполнил, и тогда инспекционный пароходик «Кинешма» стал прижимать идущий с баржами буксир к каменистому бе-

регу, что грозило очень серьезной аварией, по своему масштабу не идущей ни в какое сравнение со сбитым бакеном.

По приказу находившегося на борту буксира хозяина судна капитан «В. Скрипкина» выстрелил в Тыркова из охотничьего ружья, но промахнулся. Инспектор привлек капитана к уголовной ответственности и через газету «Судоходец» объявил войну судовладельцам.

«По мнению многих из вас, все воры и мошенники, только вы, по вашему убеждению, можете пить безнаказанно кровь человеческую, заставляете за свои деяния отвечать подставных лиц, которые вследствие крайней нужды готовы чуть не душу свою продать. Заставляет командиров идти в пять пыжей (пыжом называется способ буксировки, при котором суда соединены бортами. При пяти пыжах пять соединенных барж образуют воз, который выходит за кромки фарватера. — *В. П.*), без зазрения совести сметая бакены, не желая знать, что они необходимы для других».

В сентябре 1906 года буксир Ноздринского «Яков», ведя за собой семь барж, прошел перекат Никола-Йоз и, выйдя за границу судового хода, утопил три бакена. На путейском пароходе «Кинешма» Тырков бросился в погоню за нарушителем и догнал его на подходе к Сергиевскому перекату.

— Господин хозяин! — гремел над рекой усиленный рупором голос инспектора. — Прикажите капитану остановиться для составления акта. Предупреждаю, что открытое сопротивление властям карается тюремным заключением.

Плицы «Якова» продолжали остервенело молотить по воде. Утверждая авторитет закона, Тырков поставил «Кинешму» поперек фарватера и закрыл Ноздринскому дорогу на перекат.

Выдыхая жар котлов, буксир шел вперед, и его окованный металлом бушприт был грозно нацелен в борт казенному пароходу.

Увернувшись от столкновения, Тырков с разворота ударил форштевнем в борт «Якову», сломав ему обнос и пробив обшивку. Поднявшись на мостик поврежденного судна, инспектор опечатал штурвал и попытался успокоить команду.

— Даю вам слово, что ни один человек не пострадает, я хочу только заставить исполнять закон! А хозяину вашему придется отправиться на Сахалин в арестантском вагоне.

Семидесятилетний Ноздринский повалился на колени:

— Ваше благородие! Внучат пожалейте. По миру пойдут.

Взглянув на ревущих детей, Тырков сорвал казенные печати:

— Дети, я оставляю вам дедушку.

Матросы «Якова» дубовыми клиньями пытались зажать рваную рану обшивки. Шланги камерона отхаркивали воду из трюмов, а в стороне от судового хода стояли на якорях три оставленные баржи.

Договориться с инспектором не удалось, и пострадавшие пароходчики через биржевый комитет призвали купцов к решительным действиям.

5 сентября на собрании пароходчиков председатель биржевого комитета М.И. Шипов зачитал просьбу Ноздринского о возмещении убытков, причиненных самоуправством инспектора. В ответном слове Тырков заявил, что собирался прекратить дело против Ноздринского, но теперь он передаст все материалы прокурору.

— Это насилие! — кричали пароходчики. — Мы все будем поступать, как поступали прежде.

— Я всех отправлю на каторгу!..

— Долой инспектора! Долой![14]

Инспектор настаивал на своем, и принадлежавший Вятско-Волжскому пароходству пароход «Филипп» врезался в путейскую «Кинешму», пробил ей обшивку в том месте, где находилась каюта инспектора судоходства. Тырков обвинил капитана в покушении на жизнь должностного лица, но мировой судья состава преступления не обнаружил. «Если бы обвиняемый действительно хотел вас убить, то последствия столкновения были бы куда серьезнее»[15].

Не желая обострять отношения с буржуазией в самый разгар революции, Министерство путей сообщения перевело Тыркова на Каму, и теперь уже с Елабужского участка в Петербург полетели телеграммы о незаконных арестах судов и рапорты об умелых действиях инспектора Тыркова по спасению караванов от ледохода.

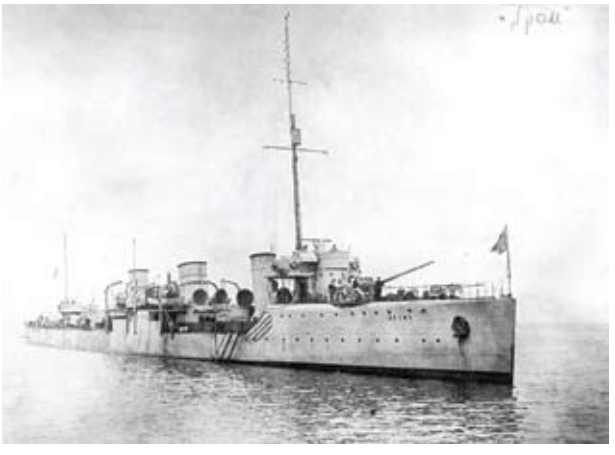
Жену Тыркова Веру Ивановну неожиданно вызвали в Петербург.

— Ваш муж, сударыня, ненормален, — сказали ей в лабиринте кабинетов Министерства путей сообщения. — Очевидно, сказались последствия тяжелой контузии, полученной им при обороне Порт-Артура. Ваш муж заслужил отдых в своем поместье, где вам будет удобно заботиться о его психическом здоровье.

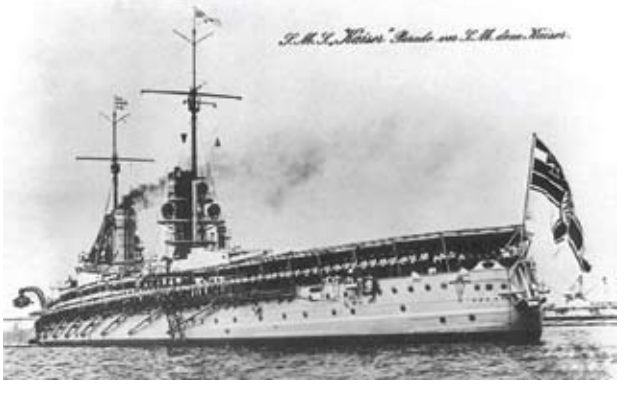
Вернувшись из очередного отпуска, Николай Дмитриевич официально заявил, что последствия полученной в Порт-Артуре контузии не позволяют ему выполнять обязанности инспектора судоходства, и попросил об отставке.

«Прощаясь с Н.Д. Тырковым, — скорбела газета “Судоходец”, — нам хотелось бы отметить крупное общественное значение этого деятеля, светлым лучом правды блеснувшего на мутном волжском горизонте. Та борозда, которую Н.Д. Тырков сделал на Волге, сохранится, косое поперечное течение, может

Эсминец «Стройный»



Миноносец «Гром»



Линкор «Кайзер»

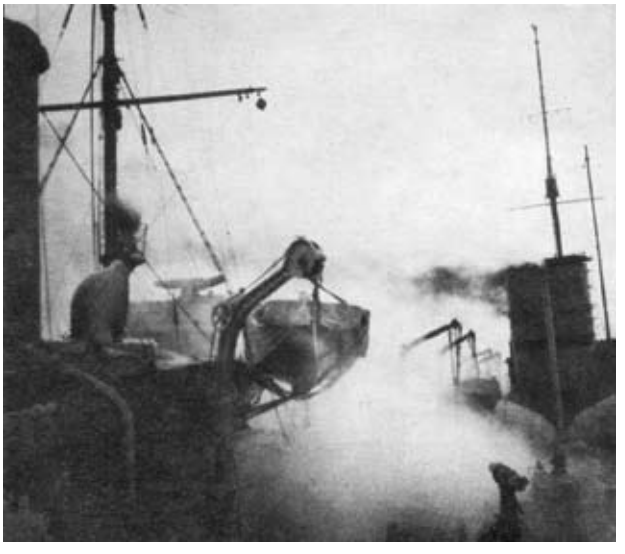
быть, засыплет ее отчасти, но благотворный след ее не пропадет»[16].

Скорбь либеральной прессы продолжалась недолго. Репортеры «Нижегородского листка» сообщили редактору А. Дробышевскому о санитарном враче Арнольдове, отказавшемся от взятки при осмотре жилых помещений грузчиков.

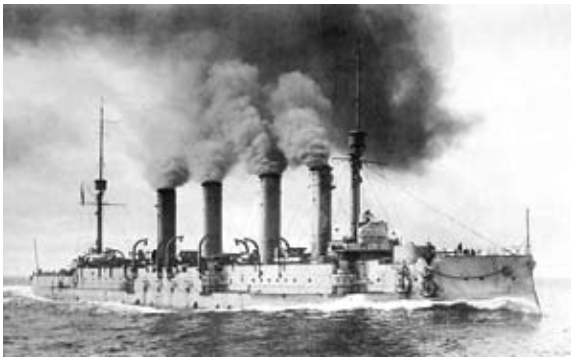
В 1914 году капитан 2-го ранга Тырков в очередной раз возвратился на флот и был назначен командиром эсминца «Стройный». Построенный по проекту 1904 года, этот корабль копировал принимавший участие в Русско-японской войне миноносец «Громкий» и отличался от него только более мощными котлами. Он предназначался для несения дозорной службы в шхерных районах Балтийского моря и уже в процессе строительства считался безнадежно устаревшим. В августе 1917 года, уклоняясь от атаки германского гидросамолета, эсминец «Стройный» сядет на мель, и одна из сброшенных бомб оторвет ему носовую часть[17].

12 января 1915 года Н. Тырков назначен командиром миноносца «Гром». 31 мая 1915 года эскадренные миноносцы «Новик», «Победитель» и «Гром», подойдя ночью к бухте Норрчепинг в Швеции, настигли караван из 14 германских пароходов, шедших под конвоем вспомогательного крейсера «Герман» и двух вооруженных конвойных судов. Все конвойные суда были потоплены, а торговые суда рассеялись и благополучно ушли[18].

14 октября 1917 года во время боя на Кассарском плесе Балтийского моря в районе Моонзундского ар-



«Храбрый» у борта поврежденного «Грома»



Броненосный крейсер «Адмирал Макаров»

Митинг на Якорной площади Кронштадта. 1917 год. Фото с сайта http://www.kronstadt.ru/

Демонстрация в апреле 1917 года на Николаевском проспекте Кронштадта. Фото с сайта http://www.kronstadt.ru/

хипелага снаряды немецкого линкора «Кайзер» выведут из строя обе машины «Грома». Канонерская лодка «Храбрый» возьмет неподвижный эсминец на буксир. Девять немецких эсминцев попытаются отрезать русским пути отхода, и два русских корабля, продолжая буксировку, примут бой. Когда в результате попаданий немецких снарядов на поврежденном «Громе» начнется пожар, командир «Храброго» под огнем врага примет на палубу экипаж «Грома», а поврежденный миноносец попытается затопить. Германцы постараются взять покинутый корабль на буксир, но, охваченный пламенем, он уйдет на дно[19].

Однако Тырков в этом бою участвовать не будет.

В начале января 1915 года начальник Морского генерального штаба адмирал А. Русин предложил командующему Балтийским флотом адмиралу Н. Эссену реквизировать и переоборудовать речные суда в минные заградители, которые можно использовать для противолодочной обороны. Председателем комиссии «по приисканию судов для нужд Балтийского флота» был назначен Н. Тырков.

Осмотрев Волгу от Рыбинска до Астрахани, комиссия признала желательным реквизировать буксирные пароходы «Вольск», «Лебедянь» («Восточное общество товарных складов»), «Американец» («Кавказ и Меркурий»), «Грузин» (Товарищество братьев Нобель), «Синеморец» (братья Беззубиковы), «Анастасия» (Товарищество торговли и пароходства М.Е. Башкирова), «Апостол Петр» и «Апостол Павел» (Онежское пароходное общество).

За три года до большевиков царское правительство конфисковало частные пароходы, каждый из которых приносил своим владельцам неслыханную прибыль. Возмущаясь беззаконием, судовладельцы потребовали денежную компенсацию. Наибольшее сопротивление мобилизации судов оказала фирма братьев Нобель.

Составляя отчет о проделанной работе, Тырков с трудом сдерживал возмущение: «На русской нефти миллионы нажили, а для России копейки не дадут».

«За отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами военного времени», 2 ноября 1915 года Н.Д. Тырков был произведен в капитаны 1-го ранга и назначен командиром броненосного крейсера «Адмирал Макаров» (с 3 августа 1916 года). Это не портовый буксир «Колдунчик», а прекрасная боевая машина, но получил он ее в награду за решимость, проявленную в боях с волжскими судовладельцами.

После июльских событий 1917 года, когда Временное правительство начало борьбу с революционным движением, военный и морской министр А. Керенский назначил Тыркова комендантом Кронштадта с 11 июня 1917 года. Бывший инспектор судоходства должен

был подчинить Временному правительству гарнизон крепости. В его распоряжение были переданы снятые с фронта части 5-й армии, отряд самокатчиков с пулеметами, взвод кавалерии и два броневика.

Первым делом Тырков освободил из заключения всех офицеров и потребовал сурово наказать виновников июльских погромов. Придя на заседание Кронштадского Совета, он приказал выдать его руководителей. Чтобы избежать конфликта, Ф. Раскольников и С. Рошаль добровольно явились к Тыркову, который лично доставил их в Петроград, где они были немедленно арестованы. По мнению Раскольникова, комендант крепости был «недалеким человеком, не выносившим никакой политики»[20].

Утром 15 июня стоявшие в Кронштадте корабли спустили красные флаги и подняли Андреевские. В тот же день команда линкора «Заря свободы» была построена на шканцах. С мостика к ним обратился комендант: «На борту корабля скрывается германский шпион Ленин. Предлагаю вам добровольно выдать его властям». Тщательный обыск не дал результатов — «чужих» найти не удалось[21].

20 июля командиру подчиненных Тыркову частей доложили о росте революционных настроений у солдат и потребовали немедленно вывести их из Кронштадта. Надвигалась пролетарская революция, и сторонники законности уже не могли ее остановить.

15 сентября 1917 года Тырков был отстранен от должности и зачислен в резерв чинов морского ведомства. Это спасло его от беспощадной ярости матросских бунтов во время Октябрьской революции. Оставшись не у дел, он отправился в Новгородскую губернию, где зарабатывал на жизнь трудом чернорабочего.

11 мая 1920 года новая власть снова призывает его на флот и командирует в Главное управление водного транспорта, где его вновь назначают на должность инспектора Главной инспекции судоходства (с 1 июня 1920 года). В феврале 1921 года работал начальником Управления судоподъема на Балтийском море, 22 апреля уволен в отставку. 22 августа 1921 года арестован и препровожден в Нижегородскую тюрьму. Освобожден 10 декабря 1921 года. 9 марта числился береговым матросом Ленинградского торгового порта. До 1930 года — инструктор по минному делу на ленинградском заводе «Двигатель». Скончался в 1931 году.

Много лет по разным каналам я пытаюсь разыскать фотографию Николая Дмитриевича Тыркова, но все усилия остаются безрезультатными. История стерла его лицо, сохранив только эпизоды биографии. Может быть, в этом есть какой-то неведомый мне смысл.

[1] Беспорядок на Ревякском перекате // Волгарь. 1906. 23 июня. С. 2—3.

[2] Без автора. «Башкириада» // Судоходец. 1906. 20 июля. С. 10.

[3] Пароходчик // Судоходец. 1906. 23 июля. С. 15.

[4] Судоходец. 1906. 6 августа. С. 15.

[5] Высочайшие приказы по морскому ведомству. О чинах военных // Морской сборник. 1892. № 10. С. 2.

[6] Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ) СССР. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1090. Л. 296—306; Д. 1149, посл. СП. № 64; Ф. 406. Оп. 9. Д. 4275. Л. 1—21; Р-I. Оп. I. Д. 100. Л. 146—148; Р-I. Оп. 4. Д. 31. Л. 173; Р-187. Оп. 1. Д. 11. Л. 53.

[7] Судостроение. 1983. № 3. С. 66.

[8] Высочайшие награды // Иллюстрированная хроника Русско-японской войны. Приложение к газете «Русь». 1904. 10 сентября. С. 510.

[9] Там же. С. 511.

[10] Судоходец. 1906. 6 августа. С. 16—17.

[11] Там же. 1906. 27 июля.

[12] Там же. С. 13—14.

[13] Бурное собрание на бирже // Волгарь. 1906. 6 сентября.

[14] Там же.

[15] По поводу аварии // Нижегородский листок. 1907. 10 июля. С. 3.

[16] Без автора. Несколько слов по поводу ухода со службы инспектора судоходства кинешемского участка Н.Д. Тыркова // Судоходец. 1907. 22 июля. С. 7—8.

[17] Черников И.И. Эскадренные миноносцы типа «Деятельный» // Судостроение. 1983. № 12. С. 66.

[18] Боевая летопись русского флота. — М.: Военное издательство Министерства Вооруженных сил Союза ССР, 1948. С. 379.

[19] Там же. С. 389.

[20] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году: 2-е изд. — М.: Политиздат, 1990. С. 164.

[21] Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. — М.—Л.: Наука, 1966. С. 175—177.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

1941–1945

ОБОРОННЫЕ РАЗРАБОТКИ ГОРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Д.В. Любимов

В канун 65-летия Победы сотрудники музея Нижегородского государственного университета подготовили и издали книгу «Жизнь Горьковского университета в годы Великой Отечественной войны», главным составителем которой был Д.В. Любимов. Он собрал уникальный материал, который использовался не только в книге, но и при подготовке большой выставки «Горький – кузница Победы», которая состоялась в Центральном выставочном комплексе Нижнего Новгорода в апреле-мае 2010 года.

В статье, предлагаемой читателям, автор использовал документы Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО) и музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, которые ранее не были опубликованы.

Дмитрий Валерьевич Любимов – ведущий инженер музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В конце 1930-х годов в состав Горьковского государственного университета входили три факультета (физико-математический, биологический, химический), на которых действовало 23 кафедры. Наряду с этим в составе университета было 5 общеуниверситетских кафедр, биостанция, ботанический сад, геологический и зоологический музеи, астрономическая обсерватория, опытная станция по генетике и селекции шелкопряда. На момент начала боевых действий в университете работали 23 профессора и 33 доцента. На факультетах проходили обучение 1084 студента и 30 аспирантов.

С началом Великой Отечественной войны перед руководством ГГУ встала задача перестроить работу университета применительно к требованиям военного времени.

Одним из звеньев этой перестройки стало направление на горьковские оборонные предприятия сотрудников университета и передача заводским КБ ценного исследовательского оборудования. В первые месяцы войны на заводы Горьковской области командировали 11 человек из преподавательского и учебно-воспитательного персонала и 8 квалифицированных рабочих. Часть из них (доцента В.И. Гапонова, научного сотрудника Р.П. Васильева, механика А.П. Думенека и других) – на все время войны, других сотрудников (доцента И.А. Коршунова и других) – на два дня в неделю.

Вместе с тем ряд ведущих ученых университета (профессора М.Б. Нейман, А.Д. Петров, И.М. Коренман, М.Т. Грехова, доценты К.А. Новосельцев и М.С. Малиновский) консультировали заводские КБ по вопросам организации контроля производства и разработки новых технологических процессов. Профессор С.С. Станков консультировал по вопросам создания в области сырьевой базы лекарственных растений.

Наряду с этим заводским КБ передали ряд ценных приборов и станки механической мастерской.

Сложившаяся ситуация объяснялась прежде всего категорическим

отказом ряда оборонных предприятий (авиазавода № 21, завода моторов, радиотелефонного завода им. В.И. Ленина и других) передать университету для срочной разработки темы оборонного характера и их стремлением закрепить за заводскими КБ высококвалифицированные кадры и оборудование. Это требование заводов было поддержано обкомом партии и грозило университету утратой кадров и оборудования, а также уменьшением объема научно-исследовательской работы (как свидетельствуют архивные документы, в июле, августе и сентябре 1941 года это действительно произошло). Была прекращена деятельность физико-технического института. Ведущие ученые ГГУ (А.А. Андронов, М.Т. Грехова, А.Е. Брюханов, Г.С. Горелик, М.Б. Нейман, Соколов) обратились в Совнарком с предложением не исключать ГИФТИ из числа институтов системы высшей школы. В обращении, в частности, говорилось: *«...Мы считаем, что закрытие Горьковского физико-технического института, имеющего оборудование высокой ценности и квалифицированные кадры, было бы крайне нецелесообразным, ввиду того что институт ведет работу по обслуживанию оборонной промышленности Горького. Объем работы все время возрастает, и в настоящее время по настоянию ряда заводов институт привлекает научные силы из других городов...»*[1]

Обращение горьковских ученых в Совнарком было поддержано областным комитетом ВКП(б), и 1 марта 1942 года в обком пришла телеграмма: *«Финансирование физико-технического института университета восстановлено, план, смета утверждаются. Замнаркомпрос Сарычева...»*[2] Так усилиями горьковских ученых ГИФТИ был сохранен.

Уменьшение объема научно-исследовательской работы носило временный характер и объяснялось гигантскими трудностями, сложившимися на предприятиях города в первые три месяца войны, когда научные кадры университета оказали неоценимую помощь заводским КБ в решении оборонных задач.

Война внесла свои коррективы в работу оборонных заводов, и с ноября-декабря 1941 года характер сотрудничества университета с горьковскими оборонными предприятиями существенно изменился. Из-за глубокого проникновения немецко-фашистских войск на территорию СССР были разорваны научно-хозяйственные связи горьковских предприятий, вследствие чего последние стали проявлять немалый интерес к научной работе университета, стремясь привлечь ученых ГГУ к решению оборонных задач.

В планах научно-исследовательских работ кафедр и институтов Горьковского государственного университета на 1942—1943 годы преобладали темы оборонного характера, выполняемые по заказам оборонных предприятий города и Союза: заводов им. С. Орджоникидзе (№ 21), «Красное Сормово» (№ 112), им. И.В. Сталина, «Ока», Горьковского энергокомбината, ГАЗа, ЦКБ № 52 Наркомата ВМФ и др. Всего таких производственных тем было запланировано около 30. Значительную их часть выполнили в 1942—1943 годах кафедры физико-математического, химического и биологического факультетов ГГУ, ГИФТИ.

Ученые университета в этот период наряду с государственными заказами своими силами выполнили работы по темам оборонного характера.

Коллектив кафедры физиологии растений биологического факультета ГГУ под руководством профессора Н.П. Красинского выполнил следующие работы.

1. «Получение хинина и хинных алкалоидов из хинной корки». (В г. Горьком имелось в наличии 24 т хинной корки.) Разработаны методика получения лабораторным путем чистого хинина и его алкалоидов и установка для выработки 50—70 кг хинина в месяц.

2. «Можжевеловая ягода и ее использование в пищевой промышленности». Цель работы — получение дополнительного количества сахаристых веществ. На можжевеловых экстрактах и сиропе были в фабричных условиях приготовлены кондитерские изделия и напитки высокого качества. Методику производства внедрили в девяти областях Союза, она получила высокую оценку Наркомата пищевой промышленности.

3. «Сахар из дикорастущих инулиноносов». Разработан способ получения сладкого сиропа из лопухов и одуванчиков.

4. «Изготовление препаратов витамина С». В качестве сырья предлагалось использовать кожуру шиповника. Эта тема имела важное оборонное значение.

5. «Удобрение углекислотой» (выполнил профессор Н.П. Красинский). Метод способствовал повышению урожая овощей в парниках и теплицах на 30, 50, 70% и активно внедрялся в Горьковской области.

Коллектив кафедры морфологии и систематики растений биологического факультета ГГУ под руководством профессора С.С. Станкова выполнил работы по следующим темам оборонного характера.

1. «Использование сфагнумовых мхов как перевязочного материала». В рамках данной темы был проработан вопрос, где и когда собирать мох, дана технология его обработки. Впоследствии сбор и обработку мха организовали в Горьковской области.

2. «Лекарственные растения». Тема разрабатывалась по заказу «Лекрастреста» Наркомздрава РСФСР. Был заключен договор на разведение и интродукцию ряда лекарственных растений в Горьковской области. Впоследствии сотрудники ботанического сада вырастили 126 000 штук рассады. В 1942 году сдали 25 кг семян далматинской ромашки, 200 кг сухого листа камфорного базилика. Кроме того, организовали сбор дикорастущих лекарственных растений: определили районы их произрастания, напечатали 20 000 экземпляров информационных плакатов, издали научно-популярную брошюру.

3. «Полезные растения Горьковской области» (выполнили 40% от общего объема работы). Сохранились имена сотрудников, проводивших исследования по разделам темы: «Пищевые растения» — доцент Д.С. Аверкиев; «Лекарственные растения» — профессор С.С. Станков, ассистент З.Ф. Катина; «Ядовитые растения» — ассистент А.Д. Смирнова; «Эфирномасличные растения» — ассистент О.П. Шалыганова; «Масличные растения» — С.С. Станков, О.Н. Шалыганова; «Текстильные растения» — аспирант Е.В. Лукина; «Красильные растения» — студентка Л. Черепанова; «Медоносные растения» — старший лаборант Л.А. Привалова; «Грибы и лишайные» — П.А. Суворов.

4. «Дернообразование заданных смесей и характер развития их яровизированных компонентов». Специальное задание УВВС НКО СССР. Результаты переданы заказчику.

5. «Изучение окраски растений в целях маскировки аэродромов». Результаты переданы УВВС НКО СССР.

Коллектив ботанического сада выполнил работы по ряду тем, частично реализованных в колхозах Горьковской области.

1. «Разработка ассортимента декоративных деревьев и кустарников для различных типов посадок в Горьковской области».

2. «Сбор лекарственных многолетников и их окультуривание».

3. «Монографическая обработка видов рода “Penstemon”».

4. «Сортоиспытание и сортоизучение плодово-ягодных растений и обработка материалов по стелющимся садам».

5. «Культура земляники в Горьковской области и подбор сортов ее для производственных целей в связи с перекрестным опылением».

6. «Озеленение завода военного назначения с целью маскировки».

Наряду с этим на кафедре генетики и селекции ГГУ на два года раньше запланированного срока была окончена работа «Выведение моновольтинной породы дубового шелкопряда». Породу получили в 1942 году. Тема разрабатывалась по договору с Наркоматом текстильной промышленности, и полученный образец использовался для производства парашютного шелка.

Выдающийся советский ученый-генетик С.С. Четвериков начал работы, очень важные для укрепления обороноспособности страны, еще в 30-е годы XX века. В СССР в соответствии с принятой тогда доктриной «глубокой операции» начинается массовое формирование воздушно-десантных войск. К началу Великой Отечественной войны в составе Красной армии находилось пять полностью укомплектованных воздушно-десантных корпусов. Основной их задачей являлись высадка в глубине обороны противника, нарушение коммуникаций врага и борьба с его резервами. Комплектование воздушно-десантных частей осложнялось одним важным обстоятельством: в СССР долгие годы не существовало сырьевой базы для массового производства парашютов. Первоначально эта проблема решалась за счет импорта готовых парашютов и снаряжения компании Irvin (Буффало) из США. Позднее парашюты стали производить в СССР из китайского и японского сырья. Этот способ снаряжения воздушно-десантных частей был дорог, непрактичен и ставил основной ударный кулак РККА в зависимость от иностранных поставок.

Основным сырьем для производства качественного парашютного шелка являлся китайский дубовый шелкопряд, производимый в ряде азиатских стран. Его климатическая зависимость была обнаружена при первых опытах с данным сырьем. К середине 1930-х годов парашюты начали производить в СССР из отечественного перкаля по иностранным лицензиям. Однако первые боевые операции воздушно-десантных частей показали низкое качество этих парашютов.

Советское правительство перед учеными Москвы, Куйбышева и Башкирии поставило задачу найти заменитель китайского дубового шелкопряда. Подобное задание получил и профессор С.С. Четвериков.

Исследуя китайского дубового шелкопряда, ученый пришел к выводу о непригодности последнего к отечественному климату. *«...На родине дубовый шелкопряд дает два поколения в год, т.е. является “бивольтинным”. У нас же даже на юге при раннем наступлении осенних холодов второе поколение очень сильно страдает и иногда гибнет нацело... или дает мало шелка и самого плохого качества»*[3]. Исходя из этого, С.С. Четвериков решил акклиматизировать китайского дубового шелкопряда к средней полосе европейской части страны с ее богатой кормовой базой для шелкопряда — дубовыми рощами. *«...Эту задачу я наметил разрешить путем переделки (при помощи селекции) природы китайского дубового шелкопряда, превратив его из “бивольтинного” в “моновольтинного” (т.е. дающего одно поколение в год) и завивающего свои коконы в середине лета»*[4].

Четыре года напряженной работы ушло у гениального ученого на решение этой проблемы. Шла война. С.С. Четвериков, декан биологического факультета ГГУ, преподавал, руководил работой ученых, решал множество бытовых проблем своих подчиненных и продолжал заниматься наукой. Архивные документы свидетельствуют: *«...Через четыре года работы, в 1942 году, нужная моновольтинная порода шелкопряда вчерне была мною получена, о чем я и рапортовал наркомату текстильной промышленности СССР. Средний процент моновольтинности по всем семьям был доведен до 75,2, было получено 9 семей с 100%-ной моновольтинно-*

стью, общее число моновольтинных коконов достигло 5300, из которых свыше 4000 коконов было отправлено по распоряжению НКТекс. СССР в Куйбышевскую обл., Башкирию и Москву, где бивольтинные выкормки погибли... В текущем 1943 году работа продолжалась по консолидации породы "Горьковская моновольтинная № 1" и по улучшению ее основных показателей... хотя уже и сейчас эти показатели очень хорошие...»[5]

Сверхзадача была решена. Ученики и коллеги С.С. Четверикова вспоминают его как одного из лучших деканов биологического факультета. Талант исследователя, активная гражданская позиция не давали ему сидеть сложа руки. Характеризуя свое открытие, ученый писал: *«...В результате работы нынешнего года мне удалось довести процент моновольтинности по всей выкормке в условиях обычного лабораторного воспитания до 95,8, причем число 100%-ной моновольтинности семей возросло до 36 (против 9 прошлого года). Общее количество полученных моновольтинных коконов сейчас равно 9544, которых по распоряжению НКТП СССР в Куйбышевскую область направляется 7000 шт. <...> Полученная "Горьковская моновольтинная № 1" дает в условиях выкормки в помещении (лабораторная выкормка) коконы в конце июля и начале августа, т.е. в самое хорошее время года...»*[6]

С.С. Четвериков наметил пути промышленного производства сырья.

Война закончилась. Военные проблемы ушли на второй план. Начинался очередной виток борьбы за власть. В рамках этой борьбы последовали гонения на генетиков. С.С. Четвериков был вынужден оставить научную деятельность. Материалы открытия были изъяты, промышленное производство сырья приостановлено.

Позднее другие пытались повторить успех гения, но шелкопряд был неприступен, а проблема качественного сырья для парашюта стоит до сих пор.

На кафедре органической химии химического факультета ГГУ под руководством завкафедрой профессора А.Д. Петрова в первый год войны выполнили работы по ряду тем оборонного характера, в том числе «Приготовление реактивов»:

— 1 кг диэтиланилина для спецмастерской индустриального института;
— 250 г фенолфталеина для спецмастерской городского промкомбината;
— 5 кг этилакрилата для челюстного госпиталя;
— 1,3 кг дипикриналлина для оборонного завода области.

Доцент М.С. Малиновский сверх плана выполнил следующие работы:

— «Разработка пропитки для противогаза»;
— «Разработка для завода ОАХ ряда каучуковых смесей из отходов производства горьковской химгруппы»;
— «Разработка методов синтеза белого и красного стрептоцида».

Он также выполнил около 40 анализов трофейных материалов (топливо). Кафедра аналитической химии, руководимая профессором И.М. Коренманом, выпустила брошюру «Индикация боевых отравляющих веществ» тиражом 1000 экземпляров. Профессор И.М. Коренман в 1941—1942 годах дал более 20 консультаций четырем оборонным заводам. Кроме того, в лабораториях кафедры было выполнено 15 анализов для оборонных предприятий.

На кафедре физической химии химического факультета под руководством профессора М.Б. Неймана были реализованы следующие темы.

1. «Применение новых физико-химических методов в анализе». В рамках этой работы исследовано внедрение спектрального и полярографического методов в работу заводских лабораторий.

1.1. По спектральному методу анализа за 1941—1942 годы выполнено 9 договоров, по которым организованы лаборатории спектрального анализа на пяти заводах области (ГАЗ, № 466, 92, 112, 113).

1.2. По полярографическому методу анализа за 1941—1942 годы выполнено 9 договоров, по которым вновь организованы лаборатории полярографического анализа на семи заводах области (в том числе ГАЗ, № 466, 92, 397, 148).

2. «Кинетика окислительных процессов». В рамках темы выполнены две работы по договорам. Исследовалось накопление продуктов окисления диизопропилового эфира как одного из компонентов высокоценных сортов моторного топлива с целью подбора веществ, препятствующих преждевременному окислению топлива и повышающих его антидетонационные свойства. В результате лабораторных опытов был найден ингибитор, рекомендованный заводу.

3. «Термодинамические работы». В рамках данной темы заключено 2 договора. В одной из работ исследовался вопрос получения наркозного эфира из отходов производства химзавода области. За май — октябрь 1942 года изготовлено 1000 стограммовых флаконов эфира. Методика внедрена в производство.

4. «Технологические работы». Одна из работ этого раздела — изготовление индивидуальной грелки для бойцов РККА. В декабре 1941 года образец передали в производство, и завод «Заря» изготовил 7000 грелок из отходов производства.

Всего кафедрой было реализовано 26 договоров с 16 оборонными предприятиями и организациями.

ГИФТИ под руководством профессора М.Т. Греховой реализовал следующие темы.

1. «Замена пайки оловом электросваркой». Заказ завода № 197 внедрен в производство.

2. Приготовление безлитиевого флюса для сварки по заказу ГАЗ. Доценты И.А. Коршунов и Фарисеев изготовили два вида флюса и передали автозаводу 1930 кг продукции.

3. Реставрация электрических лампочек. С июля 1942 года в мастерской ГИФТИ выпущено 36 000 шт. Оказана помощь предприятиям (ГАЗ, ГоРГЭС, Гортранслес, Выксунскому металлургическому заводу) в организации подобных мастерских.

4. Профессором А.Е. Брюхановым, ассистентом А.К. Шевелевым был разработан метод термической обработки спецсплава по заданию ЦКБ для изготовления прибора для ВМФ.

5. «Разработка методики контроля магнитных свойств деталей из пермаллоя». Тема исследовалась по заданию ЦКБ для прибора спецназначения.

6. «Разработка конструкции фотоколориметра и методика его применения». Работа проводилась по заданию Н-ского завода. Работа была закончена в 1942 году. Образец предоставлен Наркомату горной металлургии для серийного выпуска.

7. Разработка теоретических вопросов из области электродинамики. Работы проводились по заданию ЦКБ в целях проектирования приборов спецназначения.

Среди работ по заданию спецорганизаций можно выделить работы по вопросам, связанным с внутренним освещением кораблей, светомаскировкой и истечением бензина в подвесных баках самолета.

Патриотический подъем, вызванный вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз, способствовал повышению активности общественной работы студентов и преподавателей университета.

К 24-й годовщине Октябрьской революции и 24-й годовщине РККА был организован бесплатный пошив белья, жилетов, варежек для бойцов Красной армии.

В августе 1941 года был организован сбор средств в Фонд обороны страны. К 1 августа 1942 года сотрудники и студенты университета внесли в этот Фонд 21 673 рубля деньгами и 40 475 рублей облигациями госзайма.

В сентябре 1941 года начался сбор теплых вещей для бойцов Красной армии. Студенты и сотрудники университета сдали 54 простыни, 60 наволочек, 5 стеганых шаровар, 7 теплых рубашек, 30 пар нательного белья, 32 шапки-ушанки, 8 пар шерстяных носков, 12 шерстяных одеял, 5 стеганых тужурок, 3 лыжных костюма, 1 шинель, 28 рубашек, 16 полотенец и много других вещей.

Кроме того, сотрудники и студенты университета работали на оборонных объектах, на предприятиях города и в колхозах области.

В июне 1941 года на заводах и в колхозах области работали 180 студентов. В августе и сентябре того же

М.Т. Грехова (справа) в лаборатории ГИФТИ. 1940-е годы

Лаборатория ГИФТИ. 1940-е годы

Б.М. Елин, стеклодув ГИФТИ. 1940-е годы

года весь коллектив университета четыре выходных дня работал на строительстве и выработал 1600 трудодней. В первых числах октября 1941 года 390 преподавателей и студентов в колхозах на уборке картофеля отработали 3800 человекодней. С 27 октября по 27 декабря 1941 года около 300 преподавателей и студентов работали на строительстве оборонительных рубежей. Несмотря на суровые погодные условия и большую норму выработки (80 куб. м вынутой земли), коллектив университета занял первое место на строительном участке и был награжден переходящим Красным знаменем Свердловского райкома ВКП(б) и райисполкома депутатов трудящихся. Архивные документы свидетельствуют: *«...86 участников работ получили благодарность от руководства строительства. 53 человека награждены почетными грамотами городского Комитета обороны. Коллективной почетной грамотой Комитета награжден университет в целом, а комиссар колонны доцент Новосельцев удостоен высокой награды правительства ордена Трудового Красного Знамени. В работе на трассе особо отличились начальник колонны ассистент А.К. Шевелев, начальники и политруки сотен: асс. М.С. Федотов, доц. А.Г. Майер, аспирант А.И. Кокорин, ст. преподаватель Прилучный, Шалыганова О.П., доцент П.А. Жулин; бригадиры: аспирант В.Н. Щербаков, студент Конаков, студентка Харченко, аспирант Сумин и десятки других товарищей, отмеченных руководством строительства и городским Комитетом обороны»* [7].

Архивные документы говорят о подвиге, совершенном сотрудниками университета. В первый год войны, в июне 1941 года, из стен университета ушел на фронт 51 человек. Не менее важную и нужную работу выполняли те, кто остался. Талант исследователей и патриотизм граждан сочетали в себе эти скромные люди, и праздник Победы — это их праздник.

Подводя итог первого военного периода в истории ГГУ, хочется отметить следующее.

В начале войны руководству ГГУ удалось избежать утраты ценного оборудования и сохранить кадры научных работников, наладить сотрудничество со многими оборонными учреждениями страны, путем выполнения хозрасчетных тем привлечь в ГГУ инвестиции и вести подготовку научных кадров.

Стремление руководителей горьковских заводов «подмять под себя» научно-производственный потенциал университета сменилось постановкой перед учеными ГГУ научно-производственных задач, имевших оборонное значение. Вместе с тем госуниверситет не только справился со значительной частью этих задач, но и по своей инициативе решил важные оборонные вопросы, связанные с наукой и производством.

В 1942/43 учебном году руководство ГГУ уделило большое внимание организации приема абитуриентов на факультеты университета. Статистические данные обкома ВКП(б) свидетельствуют: в течение 1941/42 учебного года вуз по разным причинам покинули 217 человек. При общем количестве студентов (на начало учебного года) 476 человек такой отсев студентов ставил под сомнение само существование ГГУ. Вместе с тем, сознавая важность подготовки научных кадров, особенно в период войны, руководство университета задействовало СМИ и общественные организации города для привлечения абитуриентов. Показателен с этой точки зрения Приказ ректора ГГУ № 45 от 7 апреля 1942 года.

ПРИКАЗ

ректора Горьковского госуниверситета
№ 45 от 7 апреля 1942 года
(О мероприятиях по проведению в 1942 г. нового приема студентов в Университет)

На основании договоренности с общественными организациями университета об объединении мероприятий, связанных с подготовкой проведения нового приема студентов в университет, приказываю:

1. Принять к неуклонному исполнению следующий план мероприятий по университету:

1.1. Опубликовать в газетах «Горьковская коммуна», «Красная Чувашия», «Ивановский рабочий» и «Известия» объявления о приеме в университет. Срок 25 апреля — 20 мая с.г. Ответственный зав. уч. частью Б.И. Тихомиров.

1.2. Отпечатать в типографии 500 экз. афиш-объявлений о приеме в университет и разослать их по школам города, Горьковской области и других смежных областей. Срок 25 апреля — 15 мая с.г. Ответственные: проректор А.А. Андронов и секретарь университета В.П. Болотова.

1.3. Вывесить плакаты-объявления о приеме в университет по районам города и у зданий факультетов. Срок 1—20 мая, 1—20 июня с.г. Ответственный Б.И. Тихомиров.

1.4. Разослать статьи об университете редакциям районных газет Горьковской области. Срок 3 мая с.г. Ответственный проректор А.А. Андронов.

1.5. Разослать письма о помощи в проведении нового приема директорам средних школ области. Срок 5 мая с.г. Ответственный А.А. Андронов.

1.6. Прикрепить к школам города профессоров и преподавателей университета для проведения среди выпускников бесед об университете и его специальностях. Срок 20 апреля с.г. Ответственные: член МК Я.Л. Шапиро и проректор А.А. Андронов.

1.7. Командировать в средние школы отдельных городов области научных работников универси-

тета для проведения докладов об университете. Срок 25 апреля – 10 мая с.г. Ответственные: А.А. Андронов, Я.Л. Шапиро.

1.8. Объявить по радио через ст. «Коминтерн» и «РВ-42» о приеме в университет. Срок май 1942 г. Ответственный Б.И. Тихомиров.

1.9. Организовать выступление по радио деканов факультетов. Срок 25 апреля –15 мая с.г. Ответственный Б.И. Тихомиров.

1.10. Объявить декаду открытых дверей в университет для выпускников средних школ города для посещения ими лабораторий, ГИФТИ и ботанического сада университета. Срок 5–15 мая с.г. Ответственные: деканы факультетов и Б.И. Тихомиров.

1.11. Организовать справочные столы о приеме в университет в кинотеатре "Рекорд", театре оперы и балета им. А.С. Пушкина. Срок 5 мая с.г. Ответственные: председатель МК т. Видманова и секретарь к-та ВЛКСМ Лукина.

1.12. Провести вечер встречи выпускников средних школ города с проф.-преподават. составом и отличниками университета. Срок первая декада июня с.г. Ответственные: Видманова. Лукина и Воскресенская.

2. Утвердить приемную комиссию под моим председательством в составе:

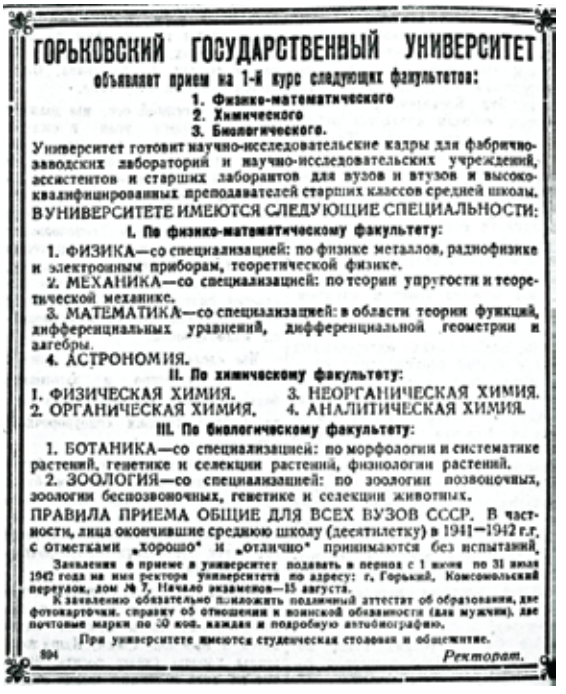
проректор университета проф. А.А. Андронов,
декан биофака » » С.С. Четвериков,
» химфака » » И.М. Коренман,
» физмата » » В.И. Туранский,

Ректор ГГУ Шеронин[8]

Появлению этого приказа способствовал план Наркомата просвещения, установивший число новых студентов – 300 человек.

В результате проведенной работы в приемную комиссию было подано 350 заявлений, зачислен 331 человек: *«...Приняты были лучшие абитуриенты по конкурсу аттестатов. Давалось предпочтение лицам, не нуждающимся в общежитии. Поскольку прием в университет был без конкурсных экзаменов, то естественно, что было принято немало лиц со слабой подготовкой. Вот почему с начала учебного года было уделено большое внимание оказанию студентам помощи в учебе (консультация, дополнительные занятия и пр.). Все же большая часть студентов отсеялась, не справившись с университетской программой...»*[9] Прием провели успешно. Заготовили дрова на зиму и отвели часть помещений вуза для проживания студентов.

Несмотря на военное время, ГГУ продолжал развиваться: росло число студентов, создавались структурные подразделения.



ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
объявляет прием на 1-й курс следующих факультетов:
1. Физико-математического
2. Химического
3. Биологического.

Университет готовит научно-исследовательские кадры для фабрично-заводских лабораторий и научно-исследовательских учреждений, ассистентов и старших лаборантов для вузов и втузов и высококвалифицированных преподавателей старших классов средней школы.

В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

I. По физико-математическому факультету:

1. ФИЗИКА—со специализацией: по физике металлов, радиофизике и электронным приборам, теоретической физике.
2. МЕХАНИКА—со специализацией: по теории упругости и теоретической механике.
3. МАТЕМАТИКА—со специализацией: в области теории функций, дифференциальных уравнений, дифференциальной геометрии и алгебры.
4. АСТРОНОМИЯ.

II. По химическому факультету:

1. ФИЗИЧЕСКАЯ ХИМИЯ. 3. НЕОРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ.
2. ОРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ. 4. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ХИМИЯ.

III. По биологическому факультету:

1. БОТАНИКА—со специализацией: по морфологии и систематике растений, генетике и селекции растений, физиологии растений.
2. ЗООЛОГИЯ—со специализацией: по зоологии позвоночных, зоологии беспозвоночных, генетике и селекции животных.

ПРАВИЛА ПРИЕМА ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ ВУЗОВ СССР. В частности, лица окончившие среднюю школу (десятилетку) в 1941—1942 г.г. с отметками „хорошо" и „отлично" принимаются без испытаний.

Заявления о приеме в университет подавать в период с 1 июня по 31 июля 1942 года на имя ректора университета по адресу: г. Горький, Комсомольский переулок, дом № 7. Начало экзаменов—15 августа.

К заявлению обязательно приложить подлинный аттестат об образовании, две фотокарточки, справку об отношении к воинской обязанности (для мужчин), две почтовые марки по 50 коп. каждая и подробную автобиографию.

При университете имеются студенческая столовая и общежитие.

594 *Ректорат.*

Объявление в «Горьковской коммуне» (23 июня 1942 года)

Химики ГГУ во главе с профессором М.Б. Нейманом предложили создать в госуниверситете институт химии. 7 апреля 1943 года секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионов и ректор ГГУ А.А. Яковлев получили письмо, подписанное председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при СНК СССР С. Кафтановым и народным комиссаром просвещения РСФСР В. Потемкиным. В нем, в частности, говорилось: *«...Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР и Народный комиссариат просвещения РСФСР вынесли решение об организации при Горьковском университете Научно-исследовательского института химии, основными задачами которого являются оказание помощи горьковской оборонной промышленности в области химической технологии и разработка новых методов экспресс-анализа и контроль производства.*

Институт должен объединить ученых химиков г. Горького и привлечь новые кадры, и таким образом стать единым научно-техническим центром Горьковской области...»[10]

Решением бюро обкома ВКП(б) от 4 мая 1943 года де факто подтверждалось решение организовать в госуниверситете Научно-исследовательский институт химии. В его распоряжение передавалось одно из лучших городских зданий, а ректору ГГУ предписывалось *«работу института направить на оказание помощи горьковской оборонной промышленности*

Новый институт

По решению Всесоюзного комитета по делам высшей школы, Наркомпроса и областных организаций в гор. Горьком открывается институт химии—на базе кафедры физической химии Горьковского госуниверситета.

Институт будет укреплен квалифицированными кадрами научных работников, в том числе несколькими докторами химических наук, приглашенными из других городов Союза. Для института отведено специальное помещение.

Объявление в «Горьковской коммуне» (20 июня 1943 года)

НИИ химии. Верхневолжская набережная, 11. 1946 год

в области химической технологии в разработке новых методов экспресс-анализа и контроля производства. Организовать при институте курсы повышения квалификации заводских работников различных областей химии»[11].

Приказом по Наркомпросу от 26 июня 1943 года профессор М.Б. Нейман был назначен его директором.

Ректор Горьковского университета в специальном письме информировал обком ВКП(б):

«...Профиль работ института предполагается следующий:

1. Рационализация химической аппаратуры, в частности борьба с перегревом катализаторов.
2. Рациональное использование отходов промышленности и изыскание заменителей.
3. Изыскание новых пищевых ресурсов.
4. Антидетонаторы для авиационного топлива.
5. Изучение взрывов и горения и техника безопасности.
6. Экспресс-анализ, контроль и автоматическое регулирование химических процессов.
7. Разработка и постройка физико-химической аппаратуры.
8. Спецработы по заданию НКО (анализ ОВ и ВВ, этиловая жидкость для авиации и т.д.).

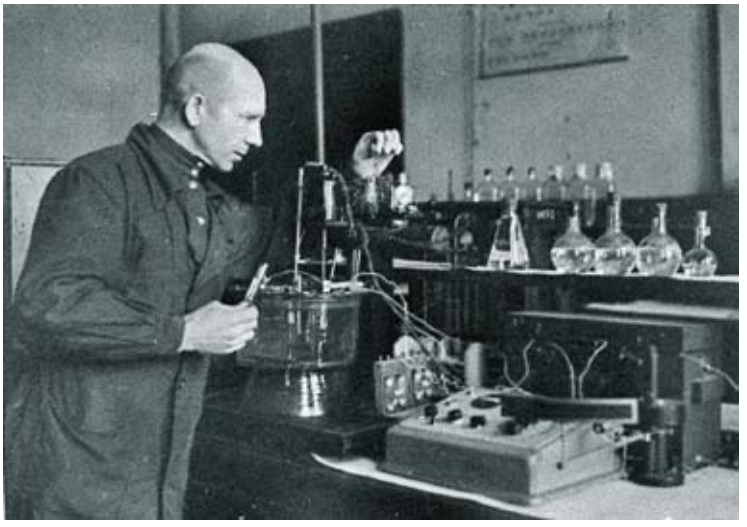
Институт явится важным консультационным центром. Силами своих специалистов институт сможет организовать курсы для повышения квалификации заводских работников в различных областях химии, в лабораториях института будут проходить практику студенты, работать аспиранты и преподаватели вузов, что обеспечит подготовку высококвалифицированных ведущих кадров для горьковских вузов и заводов...»[12]

В Горький начали съезжаться химики, приглашенные на работу в институт. Впереди была еще большая работа руководителей ГГУ и обкома ВКП(б) по созданию института, ибо бюрократические проволочки центрального аппарата Совнаркома грозили похоронить идею создания института.

Научно-исследовательский институт химии начал свою работу в 1944 году.

В 1943 году значительно возрос объем научно-исследовательских работ университета: *«...На 1943 год планировалось всего 87 тем, из которых 72 должны быть выполнены в 1943 г. и 15 переходящих на следующие годы. Из общего числа планируемых тем — 42 госбюджетные и 45 хозрасчетных. В денежном отношении госбюджетные темы составляли сумму в 70 000 рублей, хоздоговорные — 1130 тыс. рублей, 40 тем имели оборонное значение, 30 тем — народно-хозяйственное значение и 7 тем — повышение квалификации...»*[13]

Большое народно-хозяйственное значение имели работы кафедры физиологии растений, выполненные под руководством профессора Н.П. Красинского. Особого внимания заслуживают работы с можжевеловой ягодой, начатые в 1941 году: *«...Можжевеловая продукция (вино, советский джин, сироп, пряники) одобрена на специальном совещании в Наркомпищепроме СССР и принята к массовому производству. Центральная дегустационная комиссия в составе авторитетных специалистов дала высокую оценку образцам советского джина и можжевелового вина. Можжевеловые изделия одобрены Моспищеторгпромсоюзом. За работу с можжевеловой ягодой получена благодарность от председателя ВКВШ С.В. Кафтанова, а про-*



Дудоров. 1940-е годы

Лабораторная установка по получению наркозного эфира на кафедре физической химии. С.З. Делиховская. 1942 год

фессор Красинский премирован [наркомом] НКП РСФСР В.П. Потемкиным. Имеется решение СНК СССР от 16 мая 1943 года № 9834/р и совместный приказ Наркомзага и Наркомпищепрома СССР о массовых заготовках и переработке можжевеловой ягоды в 16 областях, краях и автономных республиках. По этому вопросу опубликовано 5 брошюр, 7 статей и заметок...»[14]

Вместе с тем были продолжены работы по теме «Сахар из дикорастущих инулиноносов (корни лопуха и одуванчиков)». В частности разработали способы приготовления кофейного напитка из данного сырья. Наряду с этим Горьковский облисполком инициировал решение о заготовке в 1943 году 70 тонн сухих корней лопуха и одуванчика и получении из них сахаристых веществ по технологии, разработанной учеными кафедры.

Коллектив ботанического сада работал над темами, начатыми в 1941 году. По большинству из них опубликованы научные статьи и брошюры.

В плане работ кафедры физической химии химического факультета ГГУ (руководитель профессор М.Б. Нейман) центральное место занимали разработки физико-химических методов анализа и внедрение полярографического и спектрального методов анализа в практику заводов. Тема разрабатывалась с 1941 года. Важное место в этих работах отводилось конструированию соответствующей аппаратуры. Доцент И.А. Коршунов при активном участии ассистентов Подковырова и Шляпникова разрабатывали автоматические и визуальные полярографы. *«...В Советском Союзе до войны выпускались только автоматические полярографы, и при этом в сравнительно ограниченном количестве. Визуальные приборы совсем не производились...»*[15]

В рамках центральной темы было реализовано еще несколько проектов, в том числе: «Полярографическое определение меди, кадмия и никеля в баббитах марки БН» (доцент И.А. Коршунов и ассистент А.Б. Гуревич); «Определение сульфат-иона в жидком стекле методом полярографического тестирования» (доцент И.А. Коршунов и ассистент А.Б. Гуревич); «Полярографический метод определения сурьмы и олова в баббитах и боидратах» (доцент И.А. Коршунов и ассистенты А.Б. Гуревич, Н.И. Малюгина); «Полярографическое определение иона хлора» (доцент И.А. Коршунов, ассистент А.Б. Гуревич); «Полярографическое определение нитробензола в анилине» (доцент И.А. Коршунов, ст. лаборант С.А. Ермолаева и студентка Л.П. Сазонова), «Определение цинка в алюминии» (доцент И.А. Коршунов, ассистент Н.И. Малюгина); «Применение стационарного и вращающегося платиновых микроэлектродов в полярографическом анализе» (доцент И.А. Коршунов и студентка Т. Гаранина); «Дуга переменного тока» (доцент Н.С. Свентицкий. ассистент А.А. Добринская. научный сотрудник Е.П. Селянинова, ст. лаборант И.М. Гуревич и механик М.И. Подковыров); «Спектральный анализ калия в тройном сплаве» (ассистент А.А. Добринская, ст. лаборант И.М. Гуревич).

«...Кафедра физической химии организовала курсы спектрального анализа и обучила работе на выпускаемых ею приборах ряд инженеров-лаборантов...»[16]

Коллектив кафедры неорганической химии под руководством профессора С.И. Дьячковского выполнил ряд интересных работ, в том числе «Роль керосина в борьбе со смоляным затруднением» (работа выполнялась для бумажной промышленности СССР, в частности для Балахнинского бумкомбината), «Сульфитные щелока как коллоидная система» (результаты работы использовалась при терапии ожогов). Также сотрудники кафедры выполнили ряд теоретических исследований.

В кратчайшие сроки созданная кафедра технической химии, во главе которой встал профессор Д.А. Франк-Каменецкий, в отчетном году занималась исследованиями тем, заказанных ЦАГИ.

Кафедра органической химии под руководством профессора А.Д. Петрова выполняла работы для госпиталей г. Горького.

В 1943 году активно работал ГИФТИ. За короткий срок руководству института удалось в полной мере реализовать огромный творческий потенциал сотрудников.

Одной из основных проблем, поставленных теоретическим отделом ГИФТИ, явилась разработка теории автоматического регулирования: *«...Возникает задача, которой последние годы начали заниматься как у нас в СССР, так и в Америке, — создание нелинейной теории автоматического регулирования, способной дать эффективный ответ на вопросы, поставленные практикой. В 1943 г. теоретический отдел ГИФТИ сделал определенный шаг вперед в отношении решения этой задачи. А.А. Андронов предложил новый для теории регулирования метод теоретического подхода к работе устройств автоматического регулирования, основанный на теории точечных преобразований поверхностей. А.А. Андронов, И.И. Баутин, А.Б. Майер применили этот метод к нескольким сравнительно простым задачам теории регулирования и получили ряд новых научных результатов, относящихся к учету влияния сил твердого трения на устойчивость процесса регулирования...»*[17]

Сотрудники теоретического отдела института выполнили ряд работ по заказу Наркомсудпрома, его ЦКБ и НИИ (ЦКБ № 52, НИИ № 10): «Расчет искажений постоянного магнитного поля при внесении в него тел из магнетиков», «Расчет ударной машины, предназначенной для испытания приборов, работающих в спецусловиях», «Расчет переменного магнитного поля многослойного бронированного кабеля», «Табулирование магнитного поля для проводника для спецслучая» и др.

Важное практическое значение имели работы, выполненные отделом металлофизики: по заданию завода № 92 — модернизация рентгеновского аппарата для структурного анализа металлоконструкций (профессор А.Е. Брюханов и ст. научный сотрудник А.К. Шевелев); технология реставрации рентгеновских трубок (в специализированной лаборатории ГИФТИ отремонтировали 10 аппаратов); «Термохимическая обработка железной проволоки», «Изучение свойств пермаллоя», «Изучение термообработки пермаллоя». Ряд работ выполнили сверх плана.

Химический отдел ГИФТИ в 1943 году работал по перечисленным ниже основным направлениям и достиг ощутимых результатов:

— испытание фотоколориметров;
— разработка методик фотоколориметрического определения некоторых элементов в сплавах;
— разработка и изготовление безлитиевых флюсов для сварки алюминия;
— изготовление первых образцов мрамороподобных кристаллизованных плиток.

Отдел колебаний в 1943 году, помимо прочих работ, выполнял задание НК ВМФ по созданию прибора БМП. Сначала был создан макет прибора, затем при содействии завода им. М.В. Фрунзе — опытный образец. Прибор отправили для испытаний в боевых условиях. Сверх плана выполнили следующие работы: сконструировали и изготовили чувствительный магнитометр; профессора Г.С. Горелик и Ю.И. Неймарк подготовили к печати работы о поперечной магнитной проницаемости при большом напряжении и в сильных магнитных полях.

Лаборатория приборостроения выполнила план работ 1943 года на 148%, что составило в денежном выражении 163 000 рублей. Лаборатория изготовила девять фотоколориметров и провела исследование вопросов, связанных с постройкой прибора автоматического контроля.

Вакуумной лабораторией были разработаны и изготовлены лампы для микрофотометра (заказ завода № 466), сигнальные лампы (заказ завода № 685), вакуумные прерыватели специальной конструкции, электронный микрометр и его макет (под руководством ст. научного сотрудника В.И. Гапонова). Сотрудники института разработали технологию реставрации радиоламп ГУ-4 ГИЗ-100, внедрили технологию реставрации высоковольтных кенстронов КР-110 (небольшая партия их отреставрирована для ГоГРЭС, Игумновской ТЭЦ и ТЭЦ Автозавода). Отреставрировали несколько ртутных выпрямителей для воинских частей и заводов. Закончили разработку технологии реставрации газополных электронных ламп (до 1 января 1944 года было отремонтировано около 8000 ламп).

Инженером Нищенковым изготовлен станок для проверки спиралей низковольтных ламп. Сотрудники ламповой мастерской, обученные в ГИФТИ,

Занятия по военной подготовке на химфаке. Осень 1941 года

Студентки ГГУ на курсах медсестер. Август 1941 года

Звено химзащиты ГГУ. 1941 год

отреставрировали 71 000 вакуумных ламп мощностью от 15 до 50 ватт. Как показывают материалы ГУ ГОПАНО, обеспечение предприятий и учреждений лампами малой мощности было большой проблемой для советского и партийного руководства города. ГГУ успешно решал эту проблему силами ГИФТИ.

Вакуумная лаборатория по заказу заводов № 2 и 685 подготовила к серийному выпуску вакуумные термоэлементы на 250 и 750 мА (под руководством профессора М.Т. Греховой заказ выполняли сотрудники лаборатории Р.П. Васильев и Фогельсон).

ГИФТИ оказал помощь ряду предприятий и организаций страны в проектировании мастерских по восстановлению электроламп, а также провел подготовку кадров данного профиля для Горьковских электросетей, завода Наркомата вооружений (г. Киров), завода им. И.В. Сталина, «Горьктранслеса», техотдела НКЭС, азотно-тукового завода (г. Березники), Тульского госпединститута, ГАЗа, Калининского пединститута, ГоГРЭС, завода им. Я.М. Свердлова и др. Ведущая роль в этих работах принадлежит ст. научному сотруднику В.И. Гапонову.

Доступные на сегодняшний день архивные материалы не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, которые ставит перед собой исследователь данной темы. Многие работы, выполненные учеными Горьковского университета, не фиксировались или отчетность по ним носила закрытый характер.

Прием студентов 1944 года проходил по схеме 1943 года, включавшей аналогичные мероприятия руководства ГГУ. План Наркомата просвещения – 300 человек: 120 (физико-математический факультет), 120 (химический факультет), 60 (биологический факультет).

В приемную комиссию было подано 298 заявлений (среди них 69 отличников). Собеседование и конкурс аттестатов – вынужденную практику прошлых лет – заменили на вступительные экзамены, по результатам которых студентами университета стали 247 человек: 66 (физико-математический факультет), 106 (химический факультет), 75 (биологический факультет).

На старшие курсы принято 15 человек.

Качественно абитуриенты 1944 года значительно превосходили своих предшественников.

Особенностью научной работы химического факультета в 1944 году было вовлечение в исследовательский процесс студентов старших курсов.

По кафедре неорганической и коллоидной химии студент Салганский выполнил работу «Получение электрокапиллярным методом металлов кальция и магния из доломитов». Исследование предполагалось продолжить впоследствии. Студент В.Я. Дуров доказал принципиальную возможность получения вольфрама, молибдена, хрома, ванадия, коллоидно-термическим методом.

Сотрудники кафедры под руководством профессора С.И. Дьячковского выполнили работу «Сульфитные щелока как коллоидные системы», а также изучили адсорбцию чернозема (отчеты сданы в ЦНИБ).

На кафедре аналитической химии (завкафедрой профессор И.М. Коренман), кроме тем, начатых в 1943 году, разработали методику производства специального продукта по заказу завода № 397). Сверх плана кафедра выполнила исследования по теме «Уточненный расчет концентрации водородных ионов в водных растворах некоторых элементов».

На кафедре органической химии (завкафедрой профессор А.Д. Петров) в дополнение тем 1943 года получили (доцент Лаптева) ряд высших гомологов ацетофенола, исследовали возможность перехода от катионов к углеводородам через ацетилен. Аспирант Ю.А. Ольдекоп выполнил работу «Синтез и исследование температур застывания изопарафиновых углеводородов различных типов».

Основными работами кафедры технической химии (завкафедрой профессор Д.А. Франк-Каменецкий) в 1944 году были «Теория скоростного турбулентного горения» (задание ЦАГИ), исследование нерастворимых металлических производных полигеновых нитросмол (ст. лаборант О.С. Дьячковская).

Среди работ кафедры физической химии (завкафедрой профессор Н.Б. Нейман) выделяются следующие: разработка упрощенной модели полярографа и потенциометрического метода контроля ванн покрытий (доцент И.А. Коршунов), полярографическое определение непродельных альдегидов и органических перекисей (ассистент Гербер).

Серьезных результатов добился в 1944 году биологический факультет.

Реализуя план кафедры физиологии растений, профессор Н.П. Красинский сосредоточил усилия сотрудников и студентов на решении трех основных задач:

1. Управление фотосинтезом в целях повышения урожая культурных растений (работы проводились в тепличном комбинате завода им. И.В. Сталина и на базе ботанического сада).

2. Увеличение пищевых ресурсов страны (лаборатория ГГУ и Горьковский винзавод).

3. Повышение качества советских вин (Горьковский завод шампанских вин).

«...По проблеме повышения качества советских вин проф. Красинским разработана оригинальная гипотеза старения вина, на основании которой им предложено два совершенно новых способа ускорения старения вина. Эти способы экспериментально проверены аспирантом Пряхиной, и получены положительные результаты. Лауреат Сталинской премии профессор Фролов-Багреев дал высокую оценку этой работе. В бюро по делам изобретательств Наркомпищепрома СССР полученные результаты признаны изобретением мирового масштаба, в связи с чем работа временно засекречена впредь до выяснения дела с заграничным патентом...»[18]

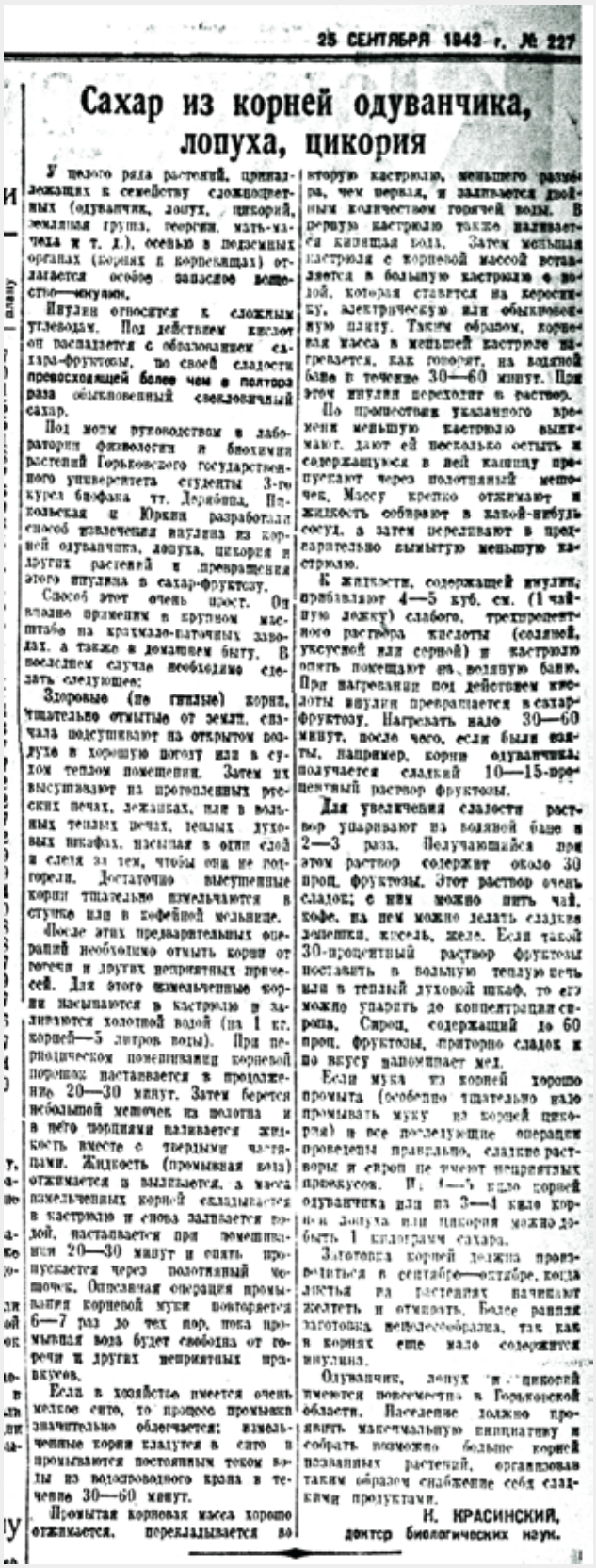
Оригинальные исследования провели сотрудники кафедры: доцент Березова — «Влияние подкормок на микрофлору почвы», доцент В.А. Гусева — «Влияние углекислотного удобрения на окислительно-восстановительный режим растений».

Усилия завкафедрой генетики и селекции профессора С.С. Четверикова и его сотрудников сосредоточились на консолидации выведенной породы «Горьковская моновольтинная № 1» и исследовании ее промышленных показателей (вес кокона и шелка). *«... В течение летнего сезона под его руководством и наблюдением происходила выкормка 53 семей, давшая в общей сложности 3906 моновольтинных коконов. В результате проведенной селекционной работы резко увеличился вес коконов (средний вес — 7,43 г против 6,62 г в 1943 г.), а также процент тяжелых коконов по весу оболочки: для самцов — 18,43% против 10% в 1943 г. и по самкам — 24,4% против 5% в 1943 г. Однако произведенное промышленное испытание полученной породы обнаружило один существенный недостаток ее, а именно: чрезвычайную пестроту по проценту оживляемости грены (признак, до сих пор не подвергавшийся селекции). Благодаря этому получились чрезвычайно противоречивые отзывы о новой породе из разных мест — от очень положительных (из Украины) до отрицательных (из Куйбышева).*

Таким образом, намечается дальнейшая работа с "Горьковской моновольтинной № 1" (в текущем 1945 г.) по повышению общего процента оживления грены и дальнейшему улучшению ее производственных показателей, хотя уже достигнутые сейчас показатели намного превышают существующие для них стандарты...»[19]

Селекционная работа подвигла профессора Четверикова к переработке теории инбридинга (инбридинг — близкородственное разведение сельскохозяйственных животных. — *Ред.*).

На плантациях лекарственных растений ботанического сада ГГУ в годы войны. Слева — С.Е. Антонова



25 СЕНТЯБРЯ 1942 г. № 227

Сахар из корней одуванчика, лопуха, цикория

У целого ряда растений, принадлежащих к семейству сложноцветных (одуванчик, лопух, цикорий, земляная груша, георгин, мать-мачеха и т. д.), осенью в подземных органах (корнях и корневищах) откладывается особое запасное вещество—инулин.

Инулин относится к сложным углеводам. Под действием кислот он распадается с образованием сахара-фруктозы, по своей сладости превосходящей более чем в полтора раза обыкновенный свекловичный сахар.

Под моим руководством в лаборатории физиологии и биохимии растений Горьковского государственного университета студенты 3-го курса биофака тт. Дерябина, Пензольская и Юркин разработали способ извлечения инулина из корней одуванчика, лопуха, цикория и других растений и превращения этого инулина в сахар-фруктозу.

Способ этот очень прост. Он вполне применим в крупном масштабе на крахмало-паточных заводах, а также в домашнем быту. В последнем случае необходимо сделать следующее:

Здоровые (не гнилые) корни, тщательно отмытые от земли, сначала подсушивают на открытом воздухе в хорошую погоду или в сухом теплом помещении. Затем их высушивают на протопленных русских печах, лежанках, или в вольных теплых печах, теплых духовых шкафах, насыпая в огни слой и следя за тем, чтобы они не подгорели. Достаточно высушенные корни тщательно измельчаются в ступке или в кофейной мельнице.

После этих предварительных операций необходимо отмыть корни от горечи и других неприятных примесей. Для этого измельченные корни насыпаются в кастрюлю и заливаются холодной водой (на 1 кг. корней—5 литров воды). При периодическом помешивании корневой порошок настаивается в продолжение 20—30 минут. Затем берется небольшой мешочек из полотна и в него порциями наливается жидкость вместе с твердыми частицами. Жидкость (промывная вода) отжимается и выливается, а масса измельченных корней складывается в кастрюлю и снова заливается водой, настаивается при помешивании 20—30 минут и опять пропускается через полотняный мешочек. Описанная операция промывания корневой муки повторяется 6—7 раз до тех пор, пока промывная вода будет свободна от горечи и других неприятных привкусов.

Если в хозяйстве имеется очень мелкое сито, то процесс промывки значительно облегчается: измельченные корни кладутся в сито и промываются постоянным током воды из водопроводного крана в течение 30—60 минут.

Промытая корневая масса хорошо отжимается, перекладывается во вторую кастрюлю, меньшего размера, чем первая, и заливается двойным количеством горячей воды. В первую кастрюлю также наливается кипящая вода. Затем меньшая кастрюля с корневой массой вставляется в большую кастрюлю с водой, которая ставится на керосинку, электрическую или обыкновенную плиту. Таким образом, корневая масса в меньшей кастрюле нагревается, как говорят, на водяной бане в течение 30—60 минут. При этом инулин переходит в раствор.

По прошествии указанного времени меньшую кастрюлю выжимают, дают ей несколько остыть и содержащуюся в ней кашицу пропускают через полотняный мешочек. Массу крепко отжимают и жидкость собирают в какой-нибудь сосуд, а затем переливают в предварительно вымытую меньшую кастрюлю.

К жидкости, содержащей инулин, прибавляют 4—5 куб. см. (1 чайную ложку) слабого, трехпроцентного раствора кислоты (соляной, уксусной или серной) и кастрюлю опять помещают на водяную баню. При нагревании под действием кислоты инулин превращается в сахар-фруктозу. Нагревать надо 30—60 минут, после чего, если были взяты, например, корни одуванчика, получается сладкий 10—15-процентный раствор фруктозы.

Для увеличения сладости раствор упаривают на водяной бане в 2—3 раза. Получающийся при этом раствор содержит около 30 проц. фруктозы. Этот раствор очень сладок; с ним можно пить чай, кофе, на нем можно делать сладкие лепешки, кисель, желе. Если такой 30-процентный раствор фруктозы поставить в вольную теплую печь или в теплый духовой шкаф, то его можно упарить до концентрации сиропа. Сироп, содержащий до 60 проц. фруктозы, приторно сладок и по вкусу напоминает мед.

Если мука из корней хорошо промыта (особенно тщательно надо промывать муку из корней цикория) и все последующие операции проведены правильно, сладкие растворы и сироп не имеют неприятных привкусов. И. 4—5 кило корней одуванчика или из 3—4 кило корней лопуха или цикория можно добыть 1 килограмм сахара.

Заготовка корней должна производиться в сентябре—октябре, когда листья на растениях начинают желтеть и отмирать. Более ранняя заготовка нецелесообразна, так как в корнях еще мало содержится инулина.

Одуванчик, лопух и цикорий имеются повсеместно в Горьковской области. Население должно проявить максимальную инициативу и собрать возможно больше корней названных растений, организовав таким образом снабжение себя сладкими продуктами.

К. КРАСИНСКИЙ,
доктор биологических наук.

Статья К. Красинского в «Горьковской коммуне» (25 сентября 1942 года)

Основные направления работы коллектива кафедры морфологии и систематики растений (завкафедрой профессор С.С. Станков) в 1944 году:

– изучение дикорастущих полезных растений Горьковской области и СССР;

– изучение флоры Горьковской области;

– изучение флоры Крыма;

– иистые культуры дереворазрушающих грибов.

В ботаническом саду университета в 1944 году произошли серьезные структурные изменения.

В соответствии с приказом народного комиссара просвещения РСФСР № 434 от 22 июня 1944 года и распоряжением Совнаркома РСФСР от 6 июня 1944 года № 1291-р ботанический сад был реорганизован в самостоятельное научно-исследовательское учреждение ГГУ. Начался новый этап в деятельности сада. *«В 1944 году сад стал возвращаться к решению своих основных задач: большое внимание было обращено на работу цветочно-декоративного отдела как важнейшего отдела сада. Отдел дендрологический выделен в самостоятельный отдел, систематический отдел реконструировал свой участок, вновь организован отдел генетики и селекции, расширена работа помологического отдела; лекарственный отдел занялся изучением агротехники лекарственных культур и их семеноводством... Ботанический сад в 1944 году оказал большую помощь производству по внедрению в культуру Горьковской области новых полезных растений, особенно лекарственных...»*[20]

Научно-исследовательская работа Ботанического сада вобрала в себя семь тем, часть которых разрабатывалась с 1941 года.

1. Изучение ассортимента декоративных деревьев и кустарников для различных типов посадок в населенных пунктах Горьковской области. С.В. Сиднева, проводившая исследования, рекомендовала использовать для озеленения 11 видов деревьев и 93 вида кустарников.

2. Отбор декоративных многолетников для зеленого строительства Горьковской области и разработка методов культуры размножения и применения их. По результатам работы М.Л. Стельмахович и Е.Д. Котовой в 1944 году в коллекцию цветочно-декоративного отдела поступило 188 сортов многолетников.

3. Отбор декоративных многолетников из дикорастущей флоры и окультуривание их. С.Л. Кубланова выделила дополнительно 8 видов многолетников для применения в зеленом строительстве г. Горького (в 1943 году рекомендовано 87 видов).

4. Монографическая обработка видов Penstemon и их интродукция как декоративных растений. Исполнитель С.Л. Кубланова.

5. Культура земляники в Горьковской области и подбор сортов для производственных посадок в связи с самоперекрестным опылением. М.В. Алалыкина исследовала 29 сортов земляники и 2 сорта клубники.

6. Сортоизучение и сортоиспытание плодово-ягодных растений. Исполнитель М.В. Алалыкина.

7. Изучение агротехники лекарственных растений в условиях Горьковской области. Ф.В. Носонова изучала агротехнику белладонны, наперстянки, валерианы, далматинской и кавказской ромашки в условиях ботанического сада.

ГИФТИ объединил в своей работе «всех работников всех физических кафедр университета». В плане института на 1944 год значилось 22 темы (10 бюджетных, 12 по спецсредствам) и 2 задания наркомата.

Коллектив ученых во главе с профессором Г.С. Гореликом (Г.И. Кутейников, И.Л. Берштейн, И.С. Жукова, К.А. Горонина) выполнял работы по конструированию эрстедметров. Изготовлено 2 шт. для ВМФ, 3 шт. (специального типа), 1 шт. по договору с НИИ спецслужб ВМФ, 1 шт. для ЦКБ № 52.

По договору с заводом № 326 изготовлены передатчики на волнах 25 и 10 см (М.Т. Грехова и Д.И. Григораш).

Коллектив в составе ст. научного сотрудника А.В. Гапонова, сотрудников Нищенкова и Елина по договору с НИМИС Наркомвоенфлота изготовил серию вакуумных термоэлементов ТМ-120.

Договор со штабом корпусного района ПВО реализовали научн. сотрудники Р.П. Васильев и Елин. Они разработали методику реставрации высоковольтных кенотронов для специальной радиостанции.

Коллектив профессора А.Е. Брюханова (Свирина, В.И. Широков, Врынушин) работал по договору с ГАЗ им. В.М. Молотова и выявил принципиальную возможность постройки прибора для автоматической разбраковки поршневых колец. В этом состояла первая фаза договора, подразумевающая конструирование такого прибора.

В рамках договора с заводом № 215 Наркомсудпрома, Московским энергетическим институтом, строительным институтом, заводами № 425 и 443 рабочая группа специалистов института в составе ст. научных сотрудников В.П. Иванова и А.А. Ароновича, научного сотрудника Сухарева разработала новый вариант роторного вискозиметра.

Профессор А.А. Андронов дал ряд консультаций отделу главного конструктора ГАЗ по работам по выпуску автомашин новой серии.

Ст. научный сотрудник А.И. Кокорин и научный сотрудник Левина провели обучение сотрудников заводов и институтов методам фотоколориметрического анализа.

В 1944 году ГИФТИ также выпустил серийную продукцию, в том числе:

– 50 000 шт. реставрированных ламп серийного типа;

– 1900 шт. термоэлементов ТМ-250 и ТМ-500;
– партию электрометрических ламп;
– серию магнетронов;
– 6000 шт. ограничителей тока;
– 120 фотоколориметров.

Также отреставрировали и изготовили ряд электронных приборов и кенотронов.

Подводя итог работы ГГУ в1943–1944 годах, отметим несколько важных обстоятельств.

Университету удалось обеспечить непрерывный цикл научной работы и подготовки кадров для страны. Высококвалифицированные сотрудники ГГУ (40 штатных профессоров имели ученую степень доктора или кандидата наук) подняли научную работу университета «на крыло» и добились впечатляющих результатов.

«Результатом высокой квалификации кадров и наличия научной базы явилась значительная научно-исследовательская продукция у[ниверсите]та, которая выразилась в том, что у[ниверси]тет за 1943 год выполнил 52 госбюджетные работы (вместо 42 по плану) и 45 договорных. Напечатано 9 работ, 36 подготовлено к печати, 50 внедрено в производство. Две работы защищены в качестве докторских диссертаций и пять защищены в качестве кандидатских диссертаций. Это должно быть определенно поставлено университету [в заслугу]. Стремление [университета] уделить еще большее внимание созданию... атмосферы повышенного интереса к научно-исследовательской работе должно только приветствоваться, ибо это имеет и само по себе большое значение и дает основание и для постановки учебного процесса... на должном высоком уровне...

Горьковский университет сравнительно с другими провинциальными университетами поставил научно-исследовательскую работу на должную высоту и выделяется среди них в хорошую сторону...» (Заключение по отчету Горьковского государственного университета за 1943/44 учебный год).

Университет структурно рос и, несмотря на тяжелые бытовые условия преподавателей и студентов, качественно развивался. Работе горьковских ученых партией и правительством была дана высокая оценка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1944 года ведущие профессора Горьковского государственного университета удостоены правительственных наград.

Ордена Трудового Красного Знамени получили Алексей Дмитриевич Некрасов, Сергей Сергеевич Станков, Мария Тихоновна Грехова, ордена «Знак Почета» – Иван Романович Брайцев, Габриэль Семенович Горелик, Сергей Сергеевич Четвериков, орден Красной Звезды – Александр Александрович Андронов.

В Центральном архиве Нижегородской области содержатся интересные документы о выдвижении кандидатов на Сталинскую премию в области науки и изобретательства от ГГУ.

В феврале 1945 года в соответствии с циркулярным письмом Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства и на основании постановления Совнаркома Союза ССР ученый совет ГГУ приступил к отбору кандидатов за работы 1943 и 1944 годов.

Сталинская премия в области науки и изобретательства присуждалась *«за научные работы, изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы, законченные и внедренные в 1943–1944 гг.»*[21], комитет принимал *«предложения о присуждении Сталинских премий виднейшим ученым за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники...»*[22].

24 февраля 1945 года состоялось экстренное заседание ученого совета ГГУ, посвященное выдвижению кандидатов. Предварительно вопрос обсуждался советами факультетов.

За многолетние выдающиеся работы в области биологии совет биологического факультета выдвинул кандидатом на Сталинскую премию профессора А.Д. Некрасова.

Профессор В.И. Туранский огласил решение совета физико-математического факультета – за многолетние выдающиеся работы в области математики выдвинуть на Сталинскую премию профессора И.Р. Брайцева.

ГИФТИ выдвинул на Сталинскую премию коллектив научных сотрудников во главе с профессором Г.С. Гореликом (ст. научный сотрудник И.Л. Бернштейн, научный сотрудник Г.С. Кутейников, аспиранты И.С. Жукова и К.А. Горонина) за изобретение прибора для измерения магнитного поля «Эрстедметр».

Со специальными докладами о работах кандидатов перед ученым советом ГГУ выступили профессор А.А. Андронов, доценты И.Ф. Лохин и Н.М. Артемов.

После обсуждения докладов ученый совет ГГУ постановил поставить кандидатуры кандидатов на голосование. Не обошлось без неожиданностей. *«...Ректор А.А. Яковлев заявляет, что, несмотря на то что совет биологического факультета не счел возможным представить к Сталинской премии работу профессора Красинского над использованием можжевеловой ягоды, он от имени ректората выдвигает профессора Красинского на Сталинскую премию за эту работу...»*[23]

«...После обмена мнениями ученый совет решил не ставить на голосование кандидатуру профессора Красинского...»[24], так как он снял свою кандидатуру.

Была избрана счетная комиссия в составе профессоров С.С. Четверикова, В.И. Туранского и доцента Н.М. Артемова.

После тайного голосования и подсчета бюллетеней председатель счетной комиссии профессор С.С. Четвериков огласил результаты:

профессор Алексей Дмитриевич Некрасов получил голосов «за» –15, «против» – 2, «воздержался» – 1;

профессор Иван Романович Брайцев получил голосов «за» – 14, «против» – 1, «воздержался» – 3;

профессор Г.С. Горелик и его сотрудники получили голосов «за» – 16, «против» – 1, «воздержался» – 1.

По итогам голосования *«...ученый совет решил: 1) выдвинуть кандидатами на Сталинскую премию профессоров Некрасова А.Д. и Брайцева И.Р. за многолетнюю выдающуюся работу в области науки, которую они успешно продолжают в настоящее время;*

2) выдвинуть коллектив научных работников ГГУ во главе с профессором Г.С. Гореликом в составе И.Л. Бернштейна, Г.И. Кутейникова, И.С. Жуковой, К.А. Горониной на Сталинскую премию по разряду изобретений за изобретение прибора для измерения магнитного поля – "Эрстедметр"»[25].

Победный 1945 год ГГУ отметил рядом выдающихся работ в области науки.

За первое полугодие 1945 года ученые института химии под руководством профессора М.Б. Неймана реализовали 26 тем, из них 3 темы по спецработам.

В первые шесть месяцев года профессор С.С. Четвериков (кафедра генетики и селекции) начал работы по выведению березовой породы китайского дубового шелкопряда («Горьковская моновольтинная № 2»), параллельно улучшались производственные показатели «Горьковской моновольтинной № 1». Сотрудники ботанического сада выполнили за первые месяцы года более 17 тем, в том числе:

– вегетативное размножение декоративной смородины;

– дикорастущие деревья и кустарники;

– отбор декоративных многолетников из дикорастущей флоры и окультуривание их.

В работе ГИФТИ в первой половине 1945 года ведущим направлением была разработка новой аппаратуры и серийный выпуск специальной продукции. За отчетный период ученые под руководством профессора М.Т. Греховой реализовали 7 тем.

29 июня 1945 года принято постановление Совнаркома об открытии факультета радиофизики ГГУ. Предполагалось *«...развернуть на этом факультете четыре новые кафедры и ряд лабораторий: кафедру теоретической физики, кафедру радиофизики и радиолокации, кафедру измерения и распространения электромагнитных волн, кафедру акустики, привлечь к работе новый профессорско-преподавательский персонал»*[26].

29 июля 1945 года ученый совет ГГУ принял решение об организации ряда новых кафедр на физико-математическом факультете и биофаке.

«...Наконец представляется совершенно очевидным, что дальнейшее развитие Горьковского университета требует развертывания новых факультетов, и в первую очередь гуманитарных: историко-филологического и др. Не случайно местные организации предложили представить соображения об организации экономико-юридического факультета. Встает на очередь организация геолого-географического факультета... И последнее, существование университета без своего более или менее регулярного печатного органа в виде Ученых записок или Трудов явно ненормально...»[27]

9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война. ГГУ вышел из нее окрепшим, со сложившимся коллективом ученых и руководителей. Впереди были новые задачи и успехи, но эта тема другого исследования.

[1] Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2760. Л. 61.

[2] Там же. Л. 60.

[3] Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 377. Оп. 8. Д. 89.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же. Ф. 377. Д. 53.

[8] ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2760. Л. 120.

[9] ГУ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 82.

[10] Там же. Д. 87.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же. Д. 70.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же. Д. 89.

[19] Там же.

[20] Там же. Д. 97.

[21] Там же. Д. 100.

[22] Там же.

[23] Там же. Л. 4.

[24] Там же.

[25] Там же. Л. 7.

[26] Там же. Д. 96.

[27] Там же.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

1941–1945

Написанные в 1946 году воспоминания С.В. Малинина аккуратно сброшюрованы и подарены Анне Алексеевне Клеванной (1913, Харьков – 2001, Харьков), моей двоюродной бабушке. В послевоенном Харькове они вместе работали в областном финансовом отделе. «Малинин умен, начитан и замечательный собеседник», – отметила она в своем дневнике. Сергей Васильевич Малинин родился в 1891 году. В Красной армии с 15 апреля 1941 года, призван Воронежским горвоенкоматом. Участник Великой Отечественной войны, воевал на 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Старший лейтенант административной службы, начальник финансовой части хирургического полевого подвижного госпиталя № 5265. В 1945 году награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «В армии с первых дней мобилизации, а в госпитале с 8/III.43 г. Содержит финансовую часть в образцовом порядке, в работе аккуратен, к учету ценностей раненых относится добросовестно, все документы по финчасти оформляются в срок. Имеет благодарность за хорошую работу по УПЭП[1] 109, дисциплинированный, инициативный, исполнительный»[2].

И.А. Калмыков

Рукопись С.В. Малинина попала к нам первой. В ходе подготовки материала к публикации И.А. Калмыков прислал в редакцию фрагменты дневника А.А. Клеванной. Выстроив тексты в хронологическом порядке, мы получили картину жизни нашей страны в конце 1930-х –1940-х годах, составленную из эпизодов судеб двух человек, на короткое время встретившихся и впоследствии шедших каждый своей дорогой.

Редакция

ИЗ ДНЕВНИКА

А.А. Клеванная

Публикация
И.А. Калмыкова

Иван Алексеевич Калмыков – магистрант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, член Союза журналистов России.

7 ноября 1937 года, Харьков

Туман. Народу-то сколько! Все-все собрались идти на демонстрацию. Сегодня 20-летие Великой пролетарской революции. Да, сегодня всем, независимо от возраста, исполнилось двадцать лет. Хороший возраст! Все до одного в этот день молоды!

Я иду по улице. Сколько оживления, сколько радости, в этот день не может быть плохих настроений.

Наш институт долго стоял в переулке, но эта стоянка не была томительна, со всех сторон гремит музыка. Я танцевала очень много и была так весела, как никогда...

12 декабря 1937 года

Сегодня великий праздник – выборы в Верховный Совет.

Я, мама и папа пошли в шесть часов утра, чтобы одними из первых отдать свои голоса за наших депутатов: Колесника и Литвинова. Наш участок помещается в Балашовском переулке, в столовой играет музыка. Много уже собралось. Я с одной незнакомкой танцую фокстрот. Все веселые и оживленные.

17 декабря 1937 года

...После лекций три Ани (Полещенко, Шапошникова и я) пошли бродить по магазинам. Купили пирожное и ели, как волки, волнение дня не повлияло на наш

[1] УПЭП – управление полевыми эвакуационными пунктами.
[2] Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 5768.

аппетит! Сегодня мы получили стипендию, и какую! Самую большую — двести шестьдесят семь рублей. Теперь мы будем получать двести рублей, шестьдесят семь — это разница, которую нам доплатили за прошлый месяц.

Дома. Заниматься не могу. Так устала. Прилегла на диван, было уснула, но папа разбудил пиво пить. Я люблю пиво.

До одиннадцати читала, прочла «Тартюфа» Мольера.

18 июля 1938 года

Пошла в Краснозаводской сад. Сегодня у меня раннее свидание с Горницким.

...Горницкий просил, чтобы я что-нибудь интересное рассказала, и сейчас же сам начинал рассказывать.

«Это был двадцатый год. Я жил в Николаеве в одной немецкой деревеньке. Была Гражданская война. На молодую советскую власть надвигалась контрреволюция, немцы. Мне было тогда двенадцать лет, и я помогал, чем только мог, в борьбе с контрреволюцией и интервентами. В одной из схваток с немцами был убит пулеметчик, я встал на его место. Долго продолжался бой. Меня тяжело ранило в руку и бедро. По приказанию командира меня и еще одного бойца отправили в лазарет. Я был безнадежно ранен. Командир упросил профессора оперировать меня и при температуре 40 [градусов] сделали мне операцию, свинец был вынут. Я чудом остался жив, вот только правая рука немного измятая... Да видел я самого Махна и атамана Марусю. Атамана Марусю при мне расстреляли наши, красные. Вот, Анна Алексеевна, мое детство. Мать моя умерла, не выдержала, как только узнала про мое ранение...»

Он окончил и грустно смотрел вдаль. Теперь понятно, почему у него седые волосы и в тридцать лет он глядит сорокалетним!

В 1938 году, по окончании Харьковского финансово-экономического института, А.А. Клеванную по распределению направили в Республику немцев Поволжья. Она жила и работала в городе Марксштадте (ныне г. Маркс, Саратовская область), в 1939 году вышла замуж за финансиста Владимира Андреевича Дотца.

22 июня 1941 года, Марксштадт

Воскресенье. Вольдемар целый день со мной. После обеда легли на пол отдохнуть. Вдруг в пять часов неожиданно заговорило радио за стеной у соседей. Быстро включили наш радиоприемник. Говорит диктор Левитан о том, что Германия без всякого объявления войны напала на наши города Каунас, Киев, Минск, Львов, Севастополь, имеются жертвы от бомбардировок. Это война! Я взволнована, Вольдемар меня успокаивает, сам тоже неспокойный. Первая мысль была о моем будущем крошке. Как быть?

Вышли во двор, в соседнем дворе говорят уже об объявлении войны, все возмущены, взволнованы. Мне нельзя волноваться, но что делать, это помимо воли. Проклятия всем тем, кто хочет у нас отнять счастливую жизнь!

Долго сегодня с Вольдемаром не спали, слушали приказы по радио. Моя Украина объявлена на военном положении. Все мужчины с 18 до 35 лет считаются мобилизованными. Вольдемар говорит о том, что если ему назавтра надо будет идти на войну, чтобы я не волновалась, родила здоровенького сыночка и воспитывала его хорошо. Я слушала эти наставления моего друга и на все соглашалась.

Неужели, я только узнала истинное счастье, хотела быть еще счастливой — быть матерью! Испытать это наивысшее счастье. И вдруг! Нет, я буду еще счастлива!

30 августа 1941 года, Маркс

Придя домой, я, как всегда, взяла Валюшку и вышла на улицу погулять. Все ходят взволнованно, на улице много группировок людей. В чем дело, не понимаю. Вот идет Саша Шауфлер. Он в хорошем настроении, приветствует меня весело, вдруг открывается калитка и мать взволнованно зовет Сашу. Минут через десять вышел Саша и сообщил, что согласно приказу СНК все немецкое население должно быть переселено немедленно в Казахстан, Алтайский край, Новосибирскую область и Красноярский край, в связи с имевшимися случаями шпионажа и диверсий. Я очень тоже взволновалась этому известию. Пришла домой, сообщила Эле Карловне и Эльберг и снова с Валюшкой вышла на улицу.

Вот идет Вольдемар. По веселому лицу я вижу, что о переселении он еще ничего не знает. Когда я ему сказала, он был бледен, как полотно. «Ну хорошо, поедем в Сибирь!» — сказал он, улыбаясь, но улыбка вышла очень грустной...

5 сентября 1941 года

Сегодня уезжают Соломон Андреевич Галис, А.П. Ланг, Агафия Петровна Дайлов. Маруся Виншу уже уехала. Также уехал Аренгольд. Приехали новые люди принимать РФО (районный финансовый отдел. — *И. К.*). Странное все волнение, сама я тоже неспокойна. Но мне вредно волноваться, у меня сын, и я должна о нем думать. Сегодня первый день в яслях. Детей совсем нет, в I группе только мой Валюшка и еще одна девочка.

Дома у нас тоже ужасный беспорядок, приехали эвакуированные из Киева, евреи, мы уступили пока что первую комнату. С Вольдемаром находимся в большей. Вольдемар ужасно переживает, со мной очень мало говорит. 1 сентября официально взял развод. Он не хочет, чтобы я ехала с ним. Я не настаиваю, да и трудно мне ехать с ребенком. Его исчезновение из дому

я понимаю, ему трудно быть со мной вместе, не хочет меня расстраивать. Как сложна становится жизнь.

14 сентября 1941 года

...На работе беспорядок. Все уехали, новые люди на месте еще не сидят, все они присланы на время. В финотделе я одна, смотрю через окно: подводы, нагруженные вещами, идут к пристани.

В перерыв — дома. Вольдемар устраивает комнату для меня, маленькую, где жили Эльберги. Грузовая машина стоит против ворот Шауфлер. Сейчас едут! Быстро целует меня Вольдемар, он очень взволнован.

...Улицы опустели. Весь город без населения.

...Что сделала война, сколько сирот осталось и еще останется. Сколько разбитых жизней! Коснулась война своей костлявой рукой и меня, так грубо, насильственно. Война с немцами. А мой муж немец! Ему надо ехать в Сибирь. Кто виноват?

30 октября 1941 года

По радио сообщили, что по приказу Верховного командования наши войска оставили город Харьков. Ноги задрожали, я еле дошла до Глувштейнов и Михайловых сообщить им печальную весть. Слезы полились невольно. Как будто что большое от сердца оторвалось. Харьков, в котором я родилась и жила 25 лет, теперь не мой, как же это так?! А мои родные успели ли выехать, не остались они в плену у немцев?.. У всех настроение упадочное, угнетенное.

23 августа 1943 года, Маркс

Света нет. Решили рано лечь спать и в постели поболтать и слушать радио. Вдруг диктор объявляет, чтобы в восемь тридцать по московскому времени слушали важное сообщение. Было только восемь, полчаса томительного ожидания. Наконец радостное сообщение — ожесточенным штурмом взят нашими войсками город Харьков. Я от радости закричала и била ногами по постели, Евгения от радости заплакала. Встали с постели и начала топить, завтра на утро должны поспеть пироги. Украинские песни передаются по радио. Радостно и легко на сердце. Теперь я уже определенно поеду в Харьков. Всеми силами буду стараться вырваться из этого Маркса, где узнала и радости, и горе. Поеду в Харьков, где знала беспечную жизнь, где прошли лучшие дни моей весны! А предстоящая встреча с мамой и папой, сердце так сильно забилось с радостной надеждой! А встреча с Валентиной Смелковской, до сих пор лучшей подругой. А встретить всех знакомых, томившихся в плену у гитлеровцев. Да разве это не счастье? Что может быть наивысшим счастьем?

Среда, 9 мая 1945 года, Харьков

— Аня, Аня, вставай, Победа! — слышу голос Сони и открываю глаза...

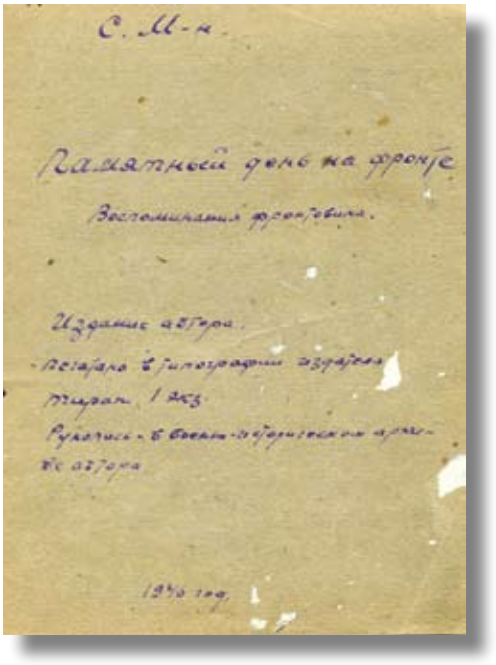
Мы наскоро одеваемся и идем на площадь Дзержинского. Кругом стрельба, ракеты, шум, смех, поздравления. Кружится голова, сердце готово вырваться наружу. Идем к радиорепродуктору, слушаем еще и еще раз, что наконец немцы сложили оружие. Страшно разболелась голова, разволновалась я, упросила Соню вернуться снова в комнату. Выпила две рюмки водки, одну за Вольдемара, другую за нашу встречу. Водка прескверная, какая-то померанцевая. Я схватила Соню и покружилась с ней, потом попросила ее помолчать и лечь отдохнуть до рассвета... (было около пяти утра).

...В 10 пошли в облфо (Областной финансовый отдел. — *И. К.*). Там много наших сотрудников. Выпросили у заведующего Толкунова полторы тысячи для праздника победы.

...К трем часам дня столы в два ряда были накрыты (дополнительно собрали еще около тысячи), часть отоварили сухим пайком по нашим талонам ужинным, взяли посуду в столовой.

...Наконец за столом 40 человек. Толкунов — в начале стола с Лапковой, произносит тост в честь т. Сталина, все поднимают чашки (наши бокалы!), и стоя пьют. Все кричат «ура», смеются...

В 1944 году Анна Алексеевна уехала к родителям в Харьков. В 1946 году С.В. Малинин, коллега по работе, участник войны, подарил ей свои небольшие мемуары.



Посвящается А. К-ной

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ НА ФРОНТЕ

В.С. Малинин

По мере того как наши войска приближались к Берлину, нами все с большей и большей силой овладевало чувство торжества, восторга и радости: мы были в ожидании скорой победы и возвращения на родину. В нашей части царило оживление, чувствовалась та приподнятость настроения, которая обычно сопутствует ожиданию какого-либо значительного события или большого праздника.

И вот этот День Победы, день торжества и радости, настал.

Много фронт дал незабываемых дней, но этот день навсегда останется в памяти как самый яркий в жизни день.

Наша часть — полевой подвижной госпиталь — была расположена в это время в 20—25 километрах от Берлина, на берегу большого озера, в дачном местечке возле небольшого городка. Местечко было сплошь застроено маленькими уютными дачками, утопающими в зелени и цветах. Сколько цветов! Они и в палисадниках, обязательно имеющихся возле каждого домика, и на подоконниках с наружной стороны окон, и по перилам крылечек, ведущих в дачки. Дачек так много, они так близко примыкают друг к другу, расположены так несимметрично, не по линии, что рискуешь запутаться в бесконечных лабиринтах, прежде чем выберешься на основные уличные магистрали. Это так необычно для немцев, любящих во всем систему, порядок и четкость! Но это так понятно для частнособственнических интересов тех же немцев: ведь каждый метр земли в данной местности возле Берлина — источник большого дохода.

Наш госпиталь был свободен от приема раненых и больных. Перед ним была поставлена другая задача — в несколько дней развернуть в этом дачном местечке дом отдыха для офицерского состава. Всем было понятно, что со дня на день ожидается окончательный разгром врага, после которого особо отличившимся в боях офицерам будет предоставлен отдых в обычной для мирного времени обстановке курортного местечка. Все были деятельно заняты приспособлением домиков для приема отдыхающих. Мыли, чистили, расставляли кровати, накрывали их белоснежным постельным бельем и одеялами, расставляли наиболее удобно мебель, развешивали занавески на окнах, покрывали столы скатертями, украшали комнаты цветами и пр. Работа кипела. Наши девушки-санитарки и медсестры сбились с ног, вкладывая всю силу своей любви и энергии в дело. Одновременно кипела работа по приспособлению подходящих помещений для столовой и клуба. Ведь во всем этом у немцев, живших на дачках каждый своим хозяйством, а для развлечений пользовавшихся соседним городком, не было нужды. Авось, наши труды потом пригодятся и им!..

Наши приготовления близились к концу, когда настал знаменательный день 9 мая 1945 г. С раннего утра работа кипела по-прежнему. Как ни были все в ожидании развязки войны, но что это случится именно сегодня — кому могло прийти в голову? Кроме того, высказывались предположения, что взятием Берлина вопрос еще не будет разрешен: немецкие войска могут отойти на север и продолжить сопротивление там. Но вот часов в 11 дня разносится слух: немцы капитулировали. Еще через час слух подтверждается официально.

Какое началось ликование! Девушки бросаются друг другу на шею и целуются.

— Нинка, готовь чемоданы, домой едем! — слышится восторг и нетерпение одной.

— Маруся, что ты задумалась? Плюнь на все, ведь домой скоро! — кричит другая девушка.

А Марусе есть о чем задуматься: отец погиб на фронте, мать пропала без вести во время немецкой оккупации, дом сгорел. Куда ей деваться?..

Работа не клеится. Все так возбуждены, взволнованы... Там и здесь люди стоят группами и оживленно беседуют, высказывая различные предположения о сроках и порядке демобилизации и легкомысленно полагая, что если сегодня прекратились военные действия, то чуть ли не завтра все по домам...

Но день необычен не только этой общей взволнованностью и радостью. Чувствуется вдруг, что чего-то не хватает, чего-то нет столь привычного для прежнего времени. В чем же дело? Ответ сейчас же находишь, ощутив вдруг странную, непривычную тишину. Вы уже не слышите над головами постоянного, ставшего уже привычным за годы пребывания на фронте жужжания и гудения своих и неприятельских самолетов. Изредка лишь пролетит наш «кузнечик», выполняя какое-либо поручение в порядке связи. И не слышно также постоянного то отдаленного, то более близкого раската артиллерийской канонады. Все вдруг замерло. Как будто прошла буря с раскатами грома, тучи рассеялись, выглянуло солнце и стало тихо и ясно. Действительно, день стоял ясный, тихий и теплый. Весна здесь в полном разгаре, цветы уже давно распустились, и воздух благоухал.

Объявлен митинг. Быстро собрались все в только что приспособленном для клуба помещении. Замполит

в короткой речи сообщил о капитуляции немцев, призвал быть бдительными по-прежнему, к готовности так же добросовестно работать, как работали и раньше и с честью оправдать задачу — дать заслуженный отдых тем, кто завоевал победу над врагом.

День был объявлен праздничным.

Казалось бы, веселье должно захватить всех бурным потоком на весь день, но уже за праздничным обедом чувствовалось, что подъем первых часов знаменательного дня спал, была заметна какая-то сдержанность, и чем ближе к вечеру, тем эта сдержанность становилась заметнее.

Вместе с нами в этом же местечке располагался ансамбль песни и пляски нашей армии. Была договоренность, что вечером часть ансамбля даст концерт для нас, но, выехав к вечеру на автомашинах в какую-то часть, ансамбль не возвращался. Девушки пробовали организовать танцы, но дело клеилось плохо. Одинокий баян, призывавший своей игрой на танцы, был неубедителен. Молодежь то войдет в клуб, покружится с минуту и выйдет, то вновь пробует увлечь себя танцами, но из этого явно ничего не получалось, и баян скоро замолк.

После возбуждения и волнений дня наступила заметная реакция. Событие дня было настолько значительным, настолько сильно затрагивало положение каждого, что все чувствовали потребность сосредоточиться, побыть одному, подумать о будущем.

Публика куда-то разошлась.

Настал вечер, и, когда темнота сгустилась, небосклон над озером вдруг прорезала огненная лента, поднявшаяся с противоположного далекого берега озера и рассыпавшаяся огненными брызгами. Вслед за нею поднялась другая, третья... Берег озера начал заполняться нашей публикой. Весь персонал госпиталя стекался на берег смотреть красивое зрелище. Там, на том берегу озера, где Берлин, наши войсковые соединения, расположенные по всей линии горизонта, как будто сговорившись, начали пускать ракеты. Части торжествовали победу, ознаменовав ее богатейшим фейерверком. По всему противоположному берегу озера взвивались в небо почти без перерыва огненные ракеты, красиво разбрасывая фонтаны огня. Эти огненные ленты, поднимавшиеся высоко в небо и оканчивавшиеся брызгами огня, отражаясь в черной глади озера, создавали феерическую, незабываемую по красоте картину. Публика с восторгом наблюдала эту чарующую картину. То, что эти огни шли откуда-то издалека, неизвестно, откуда именно, ночная тишина кругом, сказочной красоты картины, сознание, что вместе с нами где-то там наши боевые товарищи тоже отмечают знаменательный день и ликуют, добившись, наконец, победы, создали торжественность и подняли настроение. <...> Все молчали, о чем-то с грустью думая. На лицах всех было заметно глубокое волнение. Вдруг один товарищ быстро отстегивает кобуру, вынимает пистолет и стреляет вверх, за ним делает то же второй, как будто поняв его намерение, потом — третий, и так, как будто охваченные каким-то психозом, мы все разряжали свои пистолеты.

Прошло уже часа два-три, как началась эта сказочная игра огня в черном небе и в черной глади воды. Публика начала расходиться по домам.

Я долго продолжал стоять на берегу озера, безмолвно наблюдая, как огненные ленты взвиваются в темное небо и красиво отражаются в темной воде, все реже и реже появляясь на небе. Ночная тишина, отсутствие на берегу людей, только что пережитые волнения дня и эти постепенно пропадающие, как бы замирающие и что-то навсегда уносящие с собою плавные, беззвучные, далекие ленты огня, напоминающие таинственный, блуждающий по небу, чего-то ищущий, такой же беззвучный и плавный свет прожекторов, вызывали томящую до боли в сердце грусть... Хотелось без конца стоять и думать, думать о чем-то и грустить... И я думал... и грустил... и трудно было бы сказать, о чем я думал и почему мне было грустно. Мне чего-то недоставало, мне было чего-то жаль... Жаль того, что прошло и уже не повторится.

2.XII.1946

30 ноября 1947 года

Ходят упорные слухи, что будет обмен денег. Мы с мамой поехали в центр города, что творится — в полном смысле громят магазины, все молча покупают, что попадется под руку. Я купила туфли, плащ и пошла в театр. Слушала «Чио-чио-сан», музыка Пуччини. После театра купила еще чемодан, сумку и две косынки. Тоже заразилась паникой.

14 декабря 1947 года

В шесть часов вечера передано постановление Совета министров и ЦК партии о денежной реформе и отмене карточной системы. Рубль новой валюты — 10 руб. в старой валюте, таков обмен денег. Но в сберкассе сбережение до 3000 обменивается рубль на рубль, от трех до 10 000 — 2 руб. [новых денег] — 3 руб. [старых денег], и свыше 10 000 — 1 руб. [новых денег] — 2 руб. [старых денег] Таким образом, мои 3000 руб. на сберкнижке сохранились.

В начале 1948 года у Анны Алексеевны появилась возможность воссоединиться с мужем, проживавшим на спецпоселении. Она отправилась из Харькова в Бурятию, на прииск Карафтит современного Витимканского сельского поселения Баунтовского района Красноярского края. И лишь в 1958 году семья Дотц, в которой к тому моменту родилось трое детей, смогла выехать в город Харьков.

«ЗЕРКАЛО СЦЕНЫ»

Юлия Сурикова. Шаман

Выставочные куклы студентов Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева

Татьяна Курылева. Скрипач

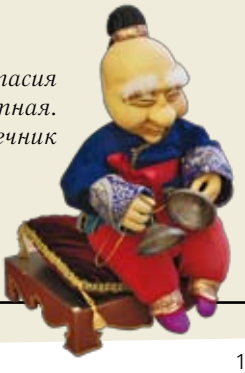
Анжелика Цендрякова. Дирижер

Наталья Аникина. Пианист

Марина Солдатова. Арфистка

Ксения Циркова. Трубач

Никита Соколов. Шарманщик



Анастасия Постная. Колоколечник

Выставка произведений нижегородских театральных художников работала с 14 марта по 13 апреля 2014 года в Нижегородском государственном выставочном комплексе.

Среди участников выставки Евгений Спекторов, Алла Шаманина, Елена Туркова, Александрина Гладышева (Нижегородский академический театр оперы и балета им. А.С. Пушкина); Борис Шлямин, Георгий Ахадов, Регина Ярлыкова (Нижегородский академический театр драмы им. М. Горького); Андрей Михайлов (Нижегородский театр «Вера»); Владимир Ширин, Светлана Шевцова (Саровский драматический театр); Ирина Евдокимова (Дзержинский театр драмы); Ирина Житкова (Дзержинский театр кукол); Вячеслав Житков, Ирина Боровитина (Кстовский театр кукол), а также Надежда Бахвалова, Наталья Белова, Наталья Кашенина, Леонид Колосов, Эльвира Котова, Ольга Синицина, Людмила Сорокина, Татьяна Черепанова.

Момент прекрасного будущего являет себя в работах студентов отделения театрально-декорационного искусства Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева и сценографического факультета Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства – мастерской народного художника РСФСР Э.С. Кочергина (академика АХ СССР, лауреата двух Государственных премий СССР, главного художника БДТ им. Г.А. Товстоногова).

Своеобразный принцип ретроспекции позволяет проследить преемственность традиций, понять и оценить поиски современных сценографов, нестандартность их мышления. Современная нижегородская сценография предстает довольно полно и объемно.

Выставка «Зеркало сцены» предоставляет нам редкую возможность заглянуть в таинства удивительного процесса рождения художественного образа спектакля. Она необычна и по характеру экспозиции, и по своему многообразию: здесь и эскизы декораций и костюмов, и макеты, и куклы, и театральные костюмы, и бутафория.

Кроме того, экспонируются работы театральных художников «вне театра» – живопись, графика, скульптура. Все это убеждает, что творчество художников театра интересно, необычно и многогранно.

ЮБИЛЕИ. ЮБИЛЯРЫ

Навстречу 100-летию ННГУ

Сергей Александрович Жевакин (1916–2001)

•

С.А. Жевакин о войне

•

Человек, каких мало на земле

•••

Аркадий Федорович Николаев (1914–1987)

•

Комплексная антарктическая экспедиция...
Дневник А.Ф. Николаева

•••

Эти разные, разные музеи...

Навстречу 100-летию ННГУ

Эта публикация не приурочена к юбилейной дате. Это рассказ о замечательном человеке – нижегородце, гражданине, ученом. «Чтобы помнили...»

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕВАКИН
(1916–2001)*

С.А. Жевакин. 1950-е годы

Ю.Ю. Куликов

Происхождение и родители

С.А. Жевакин родился 11 апреля 1916 года в Москве.

Мать – Гали Николаевна Жевакина (Кравченко) (1890, Кострома – 1967, Горький).

Отец – Александр Сергеевич Жевакин (1888, Москва – 1971, Горький).

Прадед С.А. Жевакина по линии матери – дворянин, декабрист Иосиф Викторович Поджио (1792–1848). Родился в Николаеве, умер в Иркутске. Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов. Член Южного общества (1824, принят В.Л. Давыдовым). Его отец – итальянец, поселившийся в Одессе. Он вместе с герцогом Ришелье, Ланжероном и де Рибасом был одним из первых устроителей города. Портрет-дагерротип Иосифа Поджио изготовил инженер-поручик А. Давиньон летом 1845 года. Иосиф Викторович послал портрет дочерям Наталье и Софье с надписью по-французски: «Дорогая Наташенька, вот черты твоего отца (после двадцати лет изгнания и в возрасте 53 лет). 15 июня 1845 г.». По материнской линии в родословной Сергея Александровича есть французские, польские, сербские и восточнославянские корни.

«*Мой дед по линии отца ушел мальчишкой из села Выездного под Арзамасом в Москву и стал там директором банка (не сразу!)*». (Из записок С.А. Жевакина.)

Сергей Иванович Жевакин – крестьянин села Выездного, расположенного около Арзамаса на берегу реки Теши, родился в 1859 году, а умер в 1910 году. Выбился в люди – стал приказчиком на кошмовальной фабрике сибирского миллионера Н.М. Чукмалдина, уроженца города Тюмени. Фабрика располагалась в Арзамасе. По завещанию Н.М. Чукмалдина С.И. Жевакин стал ее владельцем. Энергия и предприимчивость Жевакиных отмечена в книге Н. Щеголькова «Исторические сведения о городе Арзамасе» (Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911).

После смерти С.И. Жевакина его сыну Александру Сергеевичу пришлось бросить учебу в Императорском техниче-

Юрий Юрьевич Куликов – д.ф.-м.н., ведущий научный сотрудник ИПФ РАН.

* В публикация использованы материалы препринта «Сергей Александрович Жевакин. К 90-летию со дня рождения» // Сост. Ю.Ю. Куликов. Препринт № 504. Н. Новгород: ФГНУ «НИРФИ», 2006.

ском училище (ныне МГТУ, Москва). Вступительные экзамены Александр Сергеевич сдал весьма успешно — прошел по конкурсу вторым номером, но высшее образование так и не удалось получить. После 1917 года у него были конфискованы фабрика и имущество, а после окончания НЭПа он стал «лишенцем» (гражданином, лишенным советской властью всех прав). А.С. Жевакина спас С.Я. Домазов (его начальник по службе), который очень симпатизировал семье Александра Сергеевича: А.С. Жевакин был восстановлен в правах, но жил в условиях жуткой бедности. Клеймо «бывшего» навсегда отметило человека. Однако, несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, обладая недюжинными способностями, он остался порядочным и чрезвычайно добрым человеком.

Огромное влияние на Сергея Александровича оказала мать — Г.Н. Жевакина. Все ее жизненные силы были отданы сыну. У Гали Николаевны, кроме Сергея Александровича, были еще две дочери, но она считала, что девочки всегда устроятся, а вот с сыном все гораздо сложнее.

«1919 год 29 марта (по старому стилю)

Сегодня моему родному мальчику исполнилось ровно три года. Ровно три года назад я со страшным трудом родила его. В Сереже вся моя жизнь, все мое счастье». (Из письма Г.Н. Жевакиной.)

Однажды мать с сыном гуляли по берегу Теши. Он упал в воду и стал тонуть. Река Теша в то время была глубокой и имела сильное течение. Гали Николаевна, не раздумывая, бросилась в воду и вытащила своего любимого сына.

Гали Николаевна — высоконравственный и мужественный человек. Ее влияние на Сергея Александровича было огромным.

Письмо Гали Николаевны сыну:

«Сереженька любимый мой, наконец, я купила тебе “Всадника без головы”. Очень рад, голубчик мой? И еще нашла много хороших книг для тебя и для Лели. Голубчики вы мои, страшно тянусь к вам, но доктор меня выпустит только в понедельник или во вторник. Но я чувствую себя уже хорошо и думаю, что никто меня не задержит. Уж так хочется домой, так хочется, что сердце както даже сжимается при мысли об этом. Устала я так надолго уезжать от вас, сокровища вы мои самые драгоценные в мире. Дружок ты мой нежный, страшно скучаю я по твоим ясным глазкам, так и вижу их перед собой, и так манят они меня к себе. Ну, большая половина прошла, потерпите еще немножко, и увидимся и крепко-крепко прижму я тебя к себе. Целую тебя, мальчик мой.

Попроси папу, чтобы он позвонил мне по телефону в субботу, я уже должна буду знать, когда я приеду. Напомни ему, и ты тогда будешь знать, когда я приеду. Поцелуй бабушку (Варвара Александровна Силич, мать Гали Николаевны. — *Ю. К.*) *от меня покрепче.*

Твоя мама»

«У меня было отличное детство — такому детству позавидуешь!» (Из записок С.А. Жевакина.)

Может быть, самым любимым человеком у Сергея Александровича была мать, которую он всегда называл на Вы и которой в первую очередь рассказывал о своих обидах, неприятностях и радостях.

У Сергея Александровича во все времена было два самых дорогих ему места: Арзамас и дом № 35 по улице Больничной в городе Горьком (Нижнем Новгороде). При каждом удобном случае он приезжал в Арзамас в дом Жевакина на Заводской (бывшее название) улице, где провел раннее детство и, как считал, был счастлив. Улица упирается в реку Тешу.

На Больничной (теперь Нестерова) улице в 4-квартиром деревянном доме № 35 (сначала 39 или 27) на первом этаже прошло отрочество, юность и зрелость Сергея Александровича с 1926 по 1956 год. Квартира была куплена его отцом во время НЭПа в кооперативе «Зодчий». Население дома составляли «бывшие» — Бударины, Жевакины, Новиковы и Горбачевы. Горбачев, как говорили, был меньшевиком. Его репрессировали в 1937 году. Михаила Васильевича Бударина (1883—1953) арестовали и отправили в лагерь в 1930 году.

Сергей Александрович учился в средней школе им. М.Н. Покровского. В этом кирпичном красном здании на улице Ванеева напротив оперного театра располагается сейчас лицей № 38.

В 1933 году он поступил на физико-математический факультет Горьковского государственного университета. Сергей Александрович имел страсть к математике и начал учиться на соответствующем отделении физмата. На его беду, он попал к преподавателю истории ВКП(б), который был родом из Арзамаса и прекрасно знал фабриканта Жевакина. Фамилию этого человека Сергей Александрович не запомнил, но его слова остались в памяти: «Жевакин, ты у меня университет не кончишь». Но все завершилось благополучно — Сергей Александрович перешел на физическое отделение и выпал из сферы влияния земляка. Каждому необходимо было знать назубок учение Ленина—Сталина. Студент Жевакин поражал знаниями этой дисциплины даже идейных коммунистов. На физическом отделении Жевакин встретился с Александром Александровичем Андроновым (1901—1952), который оказал на судьбу Сергея Александровича определяющее влияние.

Летние каникулы семья Жевакиных проводила в Кстове на берегу Волги. Здесь Сергей Александро-

И.В. Поджио. Дагерротип А. Давиньона. 1845 год

С.И. Жевакин. Конец XIX века

Семья Жевакиных на даче. В центре — бабушки С.А. Жевакина Людмила Васильевна Жевакина и Варвара Александровна Силич. Начало XX века

Г.Н. Жевакина с сыном Сережей.
Арзамас. 1920 год

А.С. Жевакин с сыном Сережей.
Нижний Новгород.
Конец 1920-х годов

Ольда и Сергей Жевакины
на Волге. Рыбная ловля
на подпуск. Кстово.
1939 год

Ольда и Сергей в саду около
дома №35 на ул. Больничной
в Нижнем Новгороде.
Конец 1940-х годов

вич пристрастился к рыбной ловле, и эта страсть сопровождала его всю жизнь.

Сергей Александрович также увлекался теннисом, и наивысшим его достижением была четвертая позиция среди горьковских спортсменов. Надо отметить, что тогда в центральной части города (довоенное время) было около пятнадцати кортов, и занятия теннисом носили массовый характер.

Письмо Сергея Александровича, по-видимому, из Москвы:

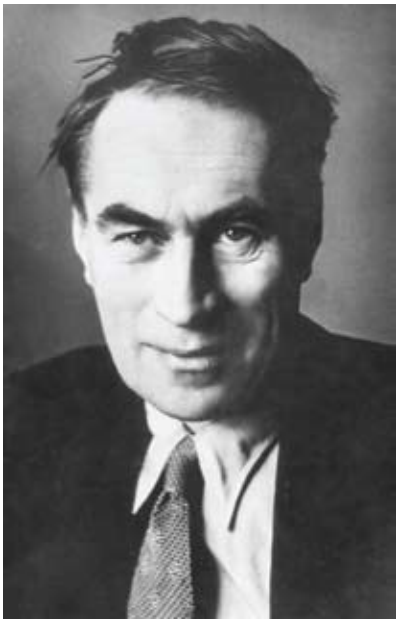
«Август 1937 г.

Милая мама!

Доехали прекрасно. Открытку написал на второй же день, но забыл послать. Сейчас пишу в парке культуры и отдыха. Вечер. Весь день провел здесь с папой, тетей Ритой и Суськой (папа — Александр Сергеевич Жевакин; тетя Рита — сестра А.С. Жевакина Маргарита Сергеевна Иноземцева, Суська — двоюродный брат Сергея Александровича, погиб в начале войны. — *Ю. К.*). *Катались на лодке, Суська на байдарке — опрокинулся. Было много смеху, его забрала речная милиция и увезла на моторке.*

Целую всех, время провожу хорошо.

Сережа»



А.А. Андронов. 1940-е годы

Образование (1933—1939)

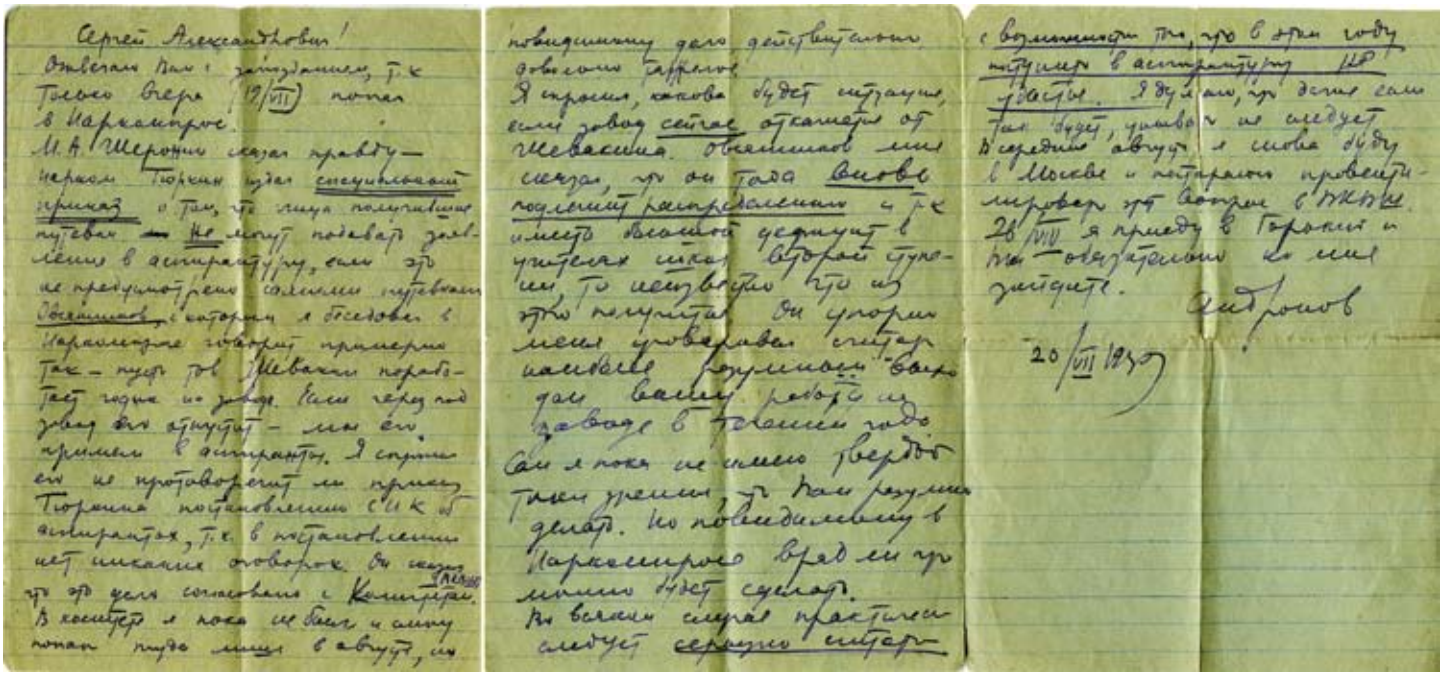
Отзыв А.А. Андронова о С.А. Жевакине

«С.А. Жевакин окончил Горьковский государственный университет по специальности «Физика колебаний». Из окончивших в 1939 году это был, несомненно, наиболее способный, по моему предположению, он выполнил ряд расчетов по теории флуктуаций в автоколебательных системах и получил интересные результаты, касающиеся величины флуктуаций на пороге генерации (этот результат предполагается опубликовать). Несмотря на все мои хлопоты, его не удалось оставить в университете в качестве аспиранта, т.к. не хватило мест. Я бы считал крайне желательным дать возможность С.А. Жевакину заниматься исследовательской работой по специальности, т.к. есть все основания думать, что из него может вырасти ценный научный работник».

Доктор физико-математических наук А. Андронов

С.А. Жевакин окончил физико-математический факультет ГГУ с отличием. Руководителем его дипломной работы был А.А. Андронов. Несмотря на хлопоты Андронова, Сергея Александровича отправили на работу в одну из лабораторий завода им. В.И. Ленина. Сохранилось письмо Александра Александровича, которое свидетельствует о его попытках все-таки взять в аспирантуру своего бывшего студента:

«Сергей Александрович! Отвечаю Вам с запозданием, т.к. только вчера (19/VII) попал в Наркомпрос. М.А. Шеронин сказал правду — нарком Тюркин издал специальный приказ о том, что лица, получившие путевки, не могут подавать заявления в аспирантуру, если это не предусмотрено самими путевками. Овсянников, с которым я беседовал в Наркомпросе, говорит примерно так: пусть тов. Жевакин поработает годик на заводе. Если через год завод его отпустит — мы его примем в аспиранты. Я спросил его, не противоречит ли приказ Тюркина постановлению СНК об аспирантах, т.к. в постановлении нет никаких оговорок. Он сказал, что это дело согласовано с Комитетом ВКВШ (Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. — *Ред.*). В Комитете я пока не был и смогу попасть туда лишь в августе, и, по-видимому, дело действительно довольно тяжелое. Я спросил, какова будет ситуация, если завод сейчас откажется от Жевакина. Овсянников мне сказал, что он тогда вновь подлежит распределению и т.к. имеется большой дефицит в учителях школ второй ступени, то неизвестно что из этого получится. Он упорно меня уговаривал считать наиболее разумным выходом вашу работу на заводе в течение года. Сам я пока не имею твердой точки зрения, что Вам разумно делать. Но, по-видимому, в Наркомпросе вряд ли что можно сделать. Во всяком случае, практически следует серьезно считаться с возможностью того, что в этом году поступить в аспирантуру не удастся. Я думаю, что даже если так будет,



Письмо А.А. Андронова С.А. Жевакину от 20 июля 1939 года

унывать не следует. В середине августа я снова буду в Москве и постараюсь провентилировать этот вопрос в ВКВШ. 26/VIII я приеду в Горький, и Вы обязательно ко мне зайдите.

20/VII 1939 г. Андронов»

Известно, что не взятый в аспирантуру бывший студент долго на заводе им. В.И. Ленина не задержался, ему очень не нравилась тамошняя постановка и организация дела. Каким-то образом ему удалось перейти на завод им. М.В. Фрунзе (№ 326), который также располагался на Мызе, как и первое место работы Сергея Александровича. В мае 1941 года Жевакин увольняется из лаборатории, так как появилась возможность для поступления в аспирантуру. Он рвался в науку. Хотел заниматься настоящим, с его точки зрения, делом. Но 22 июня 1941 года началась война.

Студенты ГГУ. Во 2-м ряду: 2-й справа – С. А. Жевакин, 3-я слева – А.Г. Любина. Конец 1930-х годов

Война (1941–1945)

Младший лейтенант С.А. Жевакин с 7 июля 1941 года до конца войны – на фронте. Демобилизовался в 1946 году. А.А. Андронов прилагал большие усилия, чтобы отозвать Сергея Александровича с фронта. По словам Гали Николаевны, Александру Александровичу удалось выхлопотать для Жевакина место в военном училище, но его занял другой претендент. На столе у кровати Гали Николаевны в числе портретов любимых и уважаемых ею людей стоял портрет Андронова.

Письма и открытки С.А. Жевакина Г.Н. Жевакиной:

«31/VII 41 г.

Милая мама!

Деньги можете тратить. Кроме тех, что лежат на дне ящика под книжками, в том же ящике, в учебнике Сушкевича "Основы высшей алгебры", лежит 100 руб. Я буду получать 750 руб. (уже получаю) и, вероятно, вскоре 25% надбавки. Налогами это не облагают, только заем. Так что все на еду; сыт по горло. Молока у нас в части (там хорошая столовая) нет, но сметану стакана 2 ем ежедневно. Чувствую себя прекрасно и почти свободно ("почти", потому что увольнительную для выхода за черту гарнизона получить довольно трудно), ем, купаюсь, хожу в кино. Конечно, это временно, пока у нас все не ограничивается.

Адрес отправителя: Калинин, Головинский вал, д. 15, Овчинниковы».

Письмо с курсов по подготовке связистов-радиотехников:

«Милая мама!

У меня крупная удача. Я ушел с курсов. Теперь я в радиомастерских радиотехником. На днях мы отправляемся на фронт. На курсах было ужасно. Я писал вам уже об этом, но упоминал там же и о своей избалованности. Дело однако совсем не в ней, ведь большинство воспринимало обстановку курсов еще лучше меня. Начать с того, что первый месяц мы голодали. Положено 650 г хлеба, но нас обворовывали повара и старшины (ведь нас было немного), и мы получали 450–500 (весов не было; хлеб отпускали без веса на глаз). На утро – похлебка с несколькими горошинами, на обед – она же, заправленная мукой. Второго не было. Ужин – чай. Результат – уже через 10 дней... тошнота, слабость, головокружения. Ну, и гоняли нас много километров: 15–20 каждый день. Состав курсов – какой-то сброд. Все друг у друга воровали, оставить ничего нельзя, что получишь – ешь тотчас или носи с собой. Половина курсантов – лет так по 45–50 – отупевшие, жадные сибирские крестьяне. Психология их – не то что крестьянская, хуже, не знаю, как назвать, кулацкая, что ли. И – непрестанные... дикие склоки, воровство. Из всех курсантов (а их около 40), по-моему, было только 2 настоящих человека.

В отношении постановки преподавания тоже что-то ужасное. Убогость, серость, тупость. Все эти слова, впрочем, недостаточны, даже по мне. Хорошо, что все кончилось. Случайно ведь. И какая удача! На новом месте сейчас отъедаюсь. Кстати: взял у д. Коли (Николай Николаевич Кравченко – старший брат Гали Николаевны. – *Ю. К.*) *книжечку с интересным заглавием: "Чем прокормиться в исключительных (!!) условиях". Мысль об улитках у меня была и раньше. Но вот слушайте: "осенью прекрасную пищу могут дать улитки, живущие на растениях и грибах". Улитки, несущие раковину, массами всегда употреблялись в пищу во Франции, Италии, Чехословакии. Их приготовляют особым образом с добавлением разных приправ. Но и просто изжаренные улитки очень вкусны, особенно если их предварительно обварить кипятком. В жареном виде они напоминают грибы, а в вареном – печенку. Улиток с раковиной можно есть и сырыми, но не имеющих раковины – так называемых слизней – обязательно нужно варить или жарить! А у нас в доме (в саду на Больничной) ведь такая масса улиток! Я помню, сколько мы собирали их в цветнике и потом давили. Милая мама! Отбросьте ложные предрассудки и ешьте их, вареными или жареными. Наверное, это вкусно и, уж конечно, питательно. Очень прошу Вас, попробуйте. Напишите мне об этом. Улитки могут заменить Вам мясо. Сам я в "исключительных условиях", когда мы находились в лесу (Сокольники), питался муравьиными яйцами и желудями (это тоже отмечено в книжечке) – и, конечно, толку от этого было мало. Ведь муравьиное яйцо не улитка! Вообще у людей под руками столько дополнительных источников питания. Мешает только собственная косность, предрассудки. Вспомните картофельные бунты при Екатерине II. В пищу очень хорошо употреблять и головастиков (их потрошить); Вы помните, какие они бывают крупные. Хороши также жареные беззубки (устрицы). Начал письмо 23; дописываю же сейчас только, т.е. уже 27. Вашу последнюю открытку не получил; а знаю, что на курсы мне она пришла. Нового нет ничего, разве что расстройство желудка (от соевой колбасы, наверное). Так что опять приходится поститься. Раза 3 был у д. Коли. Миша* (Михаил Александрович Яковлев – первый муж сестры С.А. Жевакина. – *Ю. К.*) *продукты так и не доставил. Сейчас они уже ни к чему, но прежде были бы очень и очень кстати – со дня на день ждем выезда. Здесь очень сытно, и я бы пожил бы и еще. Вот только желудок подвел. Писать мне пока подождите. Как только выедем, то получим собственный адрес. Я тотчас же Вам сообщу. Если есть что-либо*

спешное, пишите на д. Колю. Интересуюсь горьковскими и домашними новостями. Как д. Даня? (Даниил Николаевич Кравченко — младший брат Гали Николаевны. — *Ю. К.*) *Получил 650 р. денег. Я ведь от них отвык, обезденежел совсем. Целую всех.*

Сережа»

«23/IX 1941 г.

Милая мама!

Вчера получил Ваши открытки от 2 и 3 сентября. Из них видно, что Вы мой перевод на 500 р., посланный еще 23 августа, не получили. Напишите, так ли это. Будет обидно, если эти деньги пойдут на ветер. В Торжке меня скоро не будет, так как я просил комиссара откомандировать меня в другую часть, здесь же мне делать нечего. Пока продолжайте писать на Торжок. Об отъезде дам телеграмму. О своем положении я еще давно послал Вам подробную открытку (может быть, слишком подробную, значит, она не дошла). Писать же об этом сейчас уже не представляет интереса. Вообще, кажется, ряд открыток, посланных до письма, не дошел. (Сужу по тому, что просьба сообщить, получен ли перевод, оставлена без ответа.) "Теплые вещи", как пишут теперь часто в газетах, нужны и мне, но посылать их сейчас на Торжок не нужно. Становится холодно, и от этого плохо не только немцам. До сих пор мне было хорошо, только спать холодновато. Делать нечего; читаю немецкие романы да дежурю в красноармейской столовой. Через день бывает кино, и это позволяет скоротать длинный осенний вечер. Напишите, как военные дела Юры, кого взяли в армию, кто остался. Запас открыток подходит к концу, новых достать негде, так часто писать не приходится.

С. Жевакин. Привет всем»

«18/IV 1942 г.

Милая мама!

Книжку получил, большое спасибо. Наверное, с ней была послана и открытка, но в мои руки она почему-то не попала. Пишите пока по адресу: ППС 177, 209 ОБОС. Получили ли мое письмо? Я по-прежнему все еще жду назначения. Недавно ходил на несколько дней за сборкой телефонного кабеля. Нашли мало, но походили с удовольствием: весна, много солнца было. Дороги стали ужасны! Маслянистая грязь лежит слоем в метр и больше.

В деревне, где я живу, просто мучение стало ходить по улице. Так хочется, чтобы скорее все высохло. Чувствую себя прилично. Как Кира (Кирилл Александрович Яковлев — сын соседей из дома № 33 по улице Больничной, попал в плен к немцам. — *Ю. К.*), *не случилось ли с ним чего?*

Целую всех. Сережа»

«13/XI 1942 г.

Милые папа и мама!

Так давно нет от вас писем, что прямо становится непонятно. Как ни далеко я заброшен сейчас, письма должны все-таки идти. Товарищи получают письма из Москвы дней через 25—30. Может быть, я сам виноват, что сравнительно редко пишу. Ведь стоит одному письму потеряться, и 2 недели уже потеряны. Писать мне по адресу на обороте. Я здоров, у меня все по-прежнему. Здесь наступила настоящая осень, деревья почти голые, пасмурно, непролазная грязь. Такой грязи я нигде не видал, еле ноги поднимаешь, когда идешь, такие пуды висят. Перевел вчера 600 р. Напишите о ценах в Горьком, здесь стало все дорого. Иногда хожу на базар, чтобы выпить молока или купить яблок. Вы видите, что я сейчас в совсем мирной обстановке и безопасности. Пишите.

Сережа»

«11/XII 1942 г.

Милая мама!

Вы просите подробнее о себе. Но всякий раз, как это я делаю, письма почему-то не доходят. Во всяком случае, не стоит еще лишний раз искушать судьбу (вы понимаете — писем, конечно) описанием всяких подробностей. Одно могу сказать: чувствую себя хорошо, кормят прекрасно, настроение хорошее. Никакого сравнения с Москвой быть не может. Вообще, воспоминания о Москве останутся (я надеюсь на это), самыми черными из всего военного времени. Но и в них много комичного, смешного до такой степени, что комизм их воспринимается только теперь, задним числом, а и тогда он заставлял иногда смеяться. А рассмешить нас было не так легко, скорее это был настоящий «смех сквозь слезы». Вообще такое нагромождение нелепостей возможно только в тылу, да и то при редком стечении обстоятельств. Зато те несколько дней (можно даже сказать — часов), которые я провел у д. Коли (в это время я находился уже в резерве МВО; курсантом мне нечего было думать вырваться к родственникам), будут одними из самых приятных: домашний уют, диван с лампой и новыми журналами, кофе вечером у его милой соседки — все это так приятно вспомнить. Нужно бы написать ему, да все никак не соберусь. Если его семья не уехала, передайте ей и ему через нее мой самый горячий привет и благодарность. Иногда ужасно хочется конца войны. Всех очень обрадовали известия под Сталинградом. Так хочется пойти вперед. В этом году мы раньше начали; во что все это выльется, покажет зима. Вас интересует наш климат. Прежде всего немножко астрономии. Если у вас 22 декабря солнце стоит над горизонтом на 11°, то у нас в это время оно ходит под 23° — больше чем вдвое выше. На такой

высоте горьковское солнце будет только в конце марта. И день у нас на 1 $^1/_2$ длиннее. Темнеет в 5, светает в 7 (живем мы по московскому времени). До сих пор круглосуточная слякоть. Редко-редко немного подморозит в ясную ночь, обычно туман, моросящий дождь. Порядком надоела такая погода. С тоской вспомнишь Калининский фронт. Читаешь в сводках Информбюро: «Несмотря на буран, наша часть оседлала такую-то дорогу». Да, там сейчас настоящие снега, метели, бураны, настоящие леса на скованных льдом болотах. Здешняя природа мне не нравится. Но зябнуть здесь, конечно, не придется. Калининская область хороша в воспоминаниях. Если я находился бы там, в прежних условиях, я не против попасть на зиму туда опять. Но быть там, на передовой — бррр! Тут-то, по крайней мере, тепло, а это главное. Живем мы в летних нелепых постройках, отапливаемся железными печками. К утру становится холодновато. Здешний народ по-русски почти не понимает. Как-нибудь напишу о нем. До сих пор я знал его только по Лермонтову и всяким другим источникам такого же рода. Первые столкновения с ним (на базаре в Махачкале) показали, что нужно держать ухо востро. Вести себя с таким беззастенчивым нахальством вряд ли способна самая продувная русская бестия. Конечно, не везде они такие. Вдали от города, который их портит, встретишь настоящих лермонтовских Тамар, Зарем и Измаилов. Сейчас я живу в такой полудикой и гостеприимной семье. Ем чурек (кукурузные лепешки) и другие их кушанья, не подумайте только, что меню их разнообразно. Все вертится, в конце концов, около кукурузы. Здешние колхозники поражают красотой (в своем стиле, конечно) и тонкостью черт лица. Откуда столько породы у этих дикарей? С русскими их по внешнему виду никак не сравнить. А живут грязно и безалаберно. Мужчина, как правило, ничего не делает, все делается его женами (число жен доходит, бывает, до 7—8). Здешний бич — это вши. Как только все ложатся и тушат свет, так слышишь: начали чесаться. Чешутся прямо-таки со сладострастием. Я сам хожу каждый день за копну кукурузы и раздеваюсь там донага. Теперь я стал осторожен, и число насекомых на мне не более 3—5. А первый раз, неопытный, я укрылся каким-то их ковриком и на следующий день снял около 50 «бекасов». Я думаю, не стоит лишний раз повторять, что я сейчас в полной безопасности. Нас никто не обстреливает и не бомбит. Как-то вы живете в Горьком, спокойно ли у вас?

Посылаю в этом конверте нужную вам справку. О получении справки и письма сообщите. Еще интересуюсь, получили вы обратно посланные вами 250 р., посланные мною 600 р. и аттестат на 450 руб.? Привет всем. Очень хотелось бы, чтобы каждый из домашних написал и прислал чего-нибудь.

Сережа Ж.»

«14/VIII 1943 г.

Милая мама!

Было распоряжение отправить связистов с курса в Краснодар. Оттуда я попал сюда и нахожусь в резерве (радиотехник). На днях чуть не вылетел самолетом на Харьковский фронт, но почему-то отставили. Первые часы не хотелось ехать, а потом жалел, что не улетел. Меня обокрали, обмундирования нет, прямо стыдно ходить, и с деньгами неважно. (Получаю 550, около 300 идет на столовую Военторга.) А там я должен был получать около 1500 р., смог бы 1000 посылать вам (часть гвардейская, танковая). Но и так неплохо (т.е. в Москве). Выбраться домой вряд ли можно — не пускают. Попробую написать рапорт. Сегодня собираюсь поехать к Буковецкой, интересно ее увидеть, да и о деле узнаю. Д. Коля выглядит плохо. Опухают ноги. Он думал — от голода. Доктор говорит, что сердце; послал его на рентген. Скорее — сердце ни при чем. Я питаюсь сносно (далее неразб. — *Ю. К.*).*»*

«20/I 1945 г.

Милая мама!

Какие события! 12 числа началось наступление, и сейчас я в 40 км от немецкой границы. Наша часть заняла оборону на участке, где прорыва не делали, и только потом нас перебросили и ввели в прорыв. Сейчас движемся во 2-м эшелоне и никак не можем догнать передовые части — они от нас 40—50 км. Местность лесистая, и в лесах блуждает множество немцев — голодных, обмерзших, часто побросавших оружие. По краям лесных дорог валяются их трупы — расстреляли. Среди немцев паника — мощные линии обороны, созданные ими за последние месяцы у себя в тылу и о которых у нас столько говорили, они оставили без всякого сопротивления. Очень вероятно, что и пограничная линия обороны будет пройдена так же легко. Впрочем, когда вы получите открытку, это будет уже, наверное, сделано.

Целую. С. Жевакин»

Все, кто знал Сергея Александровича, помнят его рассказы о войне. Одну из записей его воспоминаний мы предлагаем вашему вниманию.

«За всю войну я не встретил ни одного солдата с высшим образованием (может быть, один раз). Обычно простые деревенские парни, возможно, сразу после школы».

О встрече с маршалом Г.К. Жуковым:

«Встреча произошла после форсирования Днепра и организации плацдарма на правом берегу реки. Немцы предприняли отчаянные попытки уничтожить плацдарм. Наступила темнота и вместе с ней критический момент для обороны, многие из нас уже вязали плотики, чтобы при случае плыть обратно. Прошел слух, что

Жуков переправился к нам и в большой палатке под берегом собирает командный состав — в основном лейтенанты. Так я увидел при свете коптилок Жукова и выслушал его просьбу продержаться до утра, а там должны подойти танки».

Сергей Александрович получил орден Красной Звезды (которым гордился), возможно, за эту военную операцию или за обеспечение связи во время танкового сражения.

С.А. Жевакин служил в танковой армии П.С. Рыбалко до ранения.

Сергей Александрович в свободное от боевых действий время постоянно читал научную литературу, в том числе на немецком языке, которым он хорошо владел.

«Лежу я как-то на кровати и читаю "Квантовую механику" на немецком языке, а через плечо заглядывает боец и говорит: "Сергей, что они там пишут?" Я ему: "Видишь здесь формулы — это научная книга". Не поверил. Пришел я, сунул руку под подушку, а книги нет. Оказалось, товарищ сдал ее для проверки в особый отдел. Хорошо, что начальник этого органа оказался приличным человеком и хода делу не дал».

Другая книжная история. Сергей Александрович таскал с собой чемодан с научной литературой. Однажды он уснул на угольной платформе, а чемодан положил под голову. Проснулся — чемодана нет. *«Сначала я расстроился, а потом представил себе, как они тащили его, предвкушая добычу, а потом их реакцию».*

Во время войны Сергей Александрович был дважды ранен. Но судьба сохранила ему жизнь. Он рассказывал: *«Приехал я к родственнице в Москву, а она спрашивает: "Сережа, а сколько раз ты ходил в атаку?" Глупая, если бы я это сделал хотя бы один раз, то был бы убит или тяжело ранен».*

Сюжет из повседневной жизни узла связи: *«Захожу в помещение, девки-связистки матерятся что было силы. Первое время меня это коробило. Однажды я позволил себе выразиться при них непечатно, а одна из девушек вдруг и говорит: "А Вам это не идет"».*

Сергей Александрович, вспоминая годы войны, говорил: *«Пожалуй, это было мое самое лучшее время».*

После войны: аспирантура — кандидатская диссертация (1949)

После демобилизации жизнь Сергея Александровича связана с аспирантурой и преподавательской работой в университете. К преподаванию он относился с трепетным чувством, всегда тщательно готовился к лекциям. На радиофизическом факультете он перечитал практически все курсы по теоретической физике и оставил о себе память в студенческой среде своими жесткими требованиями к знанию предметов. Надо сказать, что к себе он тоже был беспощаден.

Конец 1940-х годов — время становления радиофизики в городе Горьком — ознаменовался очень коротким по времени, но плодотворным сотрудничеством с Александром Александровичем Андроновым, который привлек внимание своего ученика к проблеме пульсаций переменных звезд.

Отзыв об аспиранте С.А. Жевакине

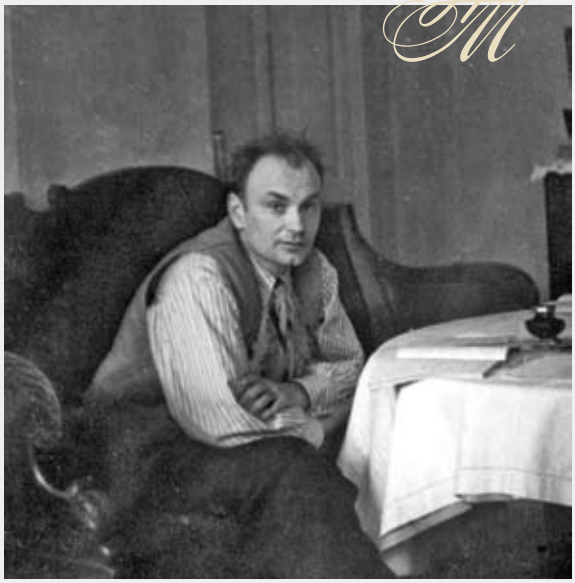
«Аспирант С.А. Жевакин в настоящее время оформляет законченную диссертацию на тему "Цефеиды и долгопериодические переменные звезды как термомеханические автоколебательные системы". Основные научные результаты этой диссертации изложены в двух заметках 1947 и 1948 годов, опубликованных в ДАН (Докладах Академии наук СССР. — *Ред.*): "Об автоколебаниях одной модели цефеид" (ДАН СССР. Т. 58. С. 385) и "Автоколебания водородно-ионизированного слоя как причина переменности цефеид" (ДАН СССР. Т. 62. С. 191). Проблема цефеид (периодически колеблющихся звезд) является одной из актуальных проблем современной науки, в которой скрещиваются вопросы астрофизики (теория внутреннего строения звезд), ядерной физики (кинетика ядерных реакций) и физики колебаний (теория автоколебательных систем). С.А. Жевакин рассмотрел упрощенную ("т.н. дискретную") модель цефеиды и для этой модели рассчитал амплитуду автоколебаний, поддерживаемых термонуклеарными реакциями при некоторых простейших предположениях о характеристиках последних. В частности он пришел к интересному результату, который позволяет подвергнуть сомнению представление о том, что причина звездной переменности типа цефеид лежит в термонуклеарных реакциях: амплитуда автоколебаний, полученная С.А. Жевакиным, оказалась в десятки раз больше наблюдаемой. Далее С.А. Жевакин сам выдвинул новый механизм поддержания автоколебаний цефеид, связанный с существованием у цефеид под фотосферой водородного слоя. Эту гипотезу С.А. Жевакин подверг теоретической разработке и показал возможность поддержания автоколебаний, связанных с существованием такого слоя.

Я считаю эти результаты весьма интересными и считаю возможным после окончательного оформления допустить диссертацию С.А. Жевакина к защите. Если учесть, что С.А. Жевакиным до поступления в аспирантуру была выполнена (совместно с М.М. Кобриным и А.П. Скибарко) ценная работа "Поглощение радиоволн ионосферой", которая была использована заводом № 326 при проектировании специальной аппаратуры и даже представлялась заводом на премию имени И.В. Сталина, то следует прийти к заключению, что мы имеем в лице С.А. Жевакина аспиранта с хорошим физическим образованием, на деле показавшего значительные творческие способности.

11/X 1948 г.

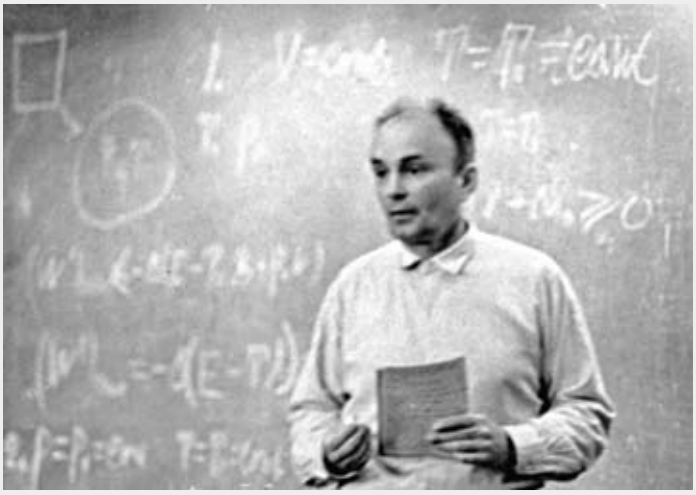
Зав. кафедрой теории колебаний А. Андронов»

В.С. Троицкий, ?, С.А. Жевакин и Д.А. Гудков на первомайской демонстрации. 1948 год



С.А. Жевакин. 1953 год

М.Т. Грехова и С.А. Жевакин. 1950-е годы



С.А. Жевакин на лекции. 1970-е годы

Среди участников VI Всесоюзного совещания по радиометеорологии: 1 — К.П. Гайкович, 2 — С.А. Жевакин, 3 — А.П. Наумов, 4 — В.М. Плечнов, 5 — А.В. Троицкий, 6 — В.С. Троицкий, 7 — М.Г. Кузнецова, 8 — В.А. Рассадовский. Таллин. 1982 год

Сотрудники НИРФИ — участники III Всесоюзной школы по распространению миллиметровых и субмиллиметровых волн в атмосфере. Слева направо: 1-й ряд — В.В. Строганов, А.П. Наумов, А.В. Соколов (ИРЭ АН СССР), С.А. Жевакин, Н.И. Фурашов; 2-й ряд — В.Ю. Катков, В.А. Вербус, Н.Н. Маркина, Ш.Д. Китай. Старый Салтов, Украина. 1989 год

Защита кандидатской диссертации «Цефеиды и долгопериодические переменные звезды как термомеханические автоколебательные системы» проходила на заседании ученого совета Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А.А. Жданова 16 июня 1949 года.

Докторская диссертация «Теория пульсационной звездной переменности»

«Первые мои работы по теории пульсационной звездной переменности начали публиковаться в 1952 году. Честно говоря, они не сразу встретили признание. Пришлось вновь и вновь выступать с аргументацией в защиту своей теории. В 1956 году состоялась защита докторской диссертации "Автоколебания переменных звезд". Лишь через 5–7 лет к выводам, подтверждающим результаты этой работы, пришли зарубежные ученые И. Кокс, К. Уитни, П. Леду, Н. Бакер, Р. Киппанхан, Е. Хоффмейстер, А. Вейгерт и др. По многим аспектам и с ними пришлось дискутировать. Приятно, конечно, что на последних двух съездах Международного астрономического союза (в Калифорнии и Гамбурге) теория получила уже общее признание. По предложению американских ученых я написал обзор своих работ по теории звездной переменности для ежегодника обзоров по астрономии и астрофизике. Он уже опубликован в первом томе. Поступило также предложение от издателя международной серии по физике и астрофизике – написать монографию "Теория пульсационной звездной переменности"».

Из беседы корреспондента «Горьковской правды» А. Лугинина с профессором С.А. Жевакиным (Горьковская правда. 1965. 16 ноября).

Полемика советских ученых по проблеме пульсации цефеид была весьма непростой.

«...Вся полемика между Д.А. Франк-Каменецким и С.А. Жевакиным напоминала шахматный матч между двумя гроссмейстерами. Она проходила в исключительно корректной, спокойной форме. Правда, один из противников был доктор наук, а второй только кандидат, и к тому же кандидату приходилось вести, хотя и не столь напряженную, борьбу с двумя другими докторами наук: Л.Э. Гуревичем и А.И. Лебединским. Один против трех! Борьба была, на первый взгляд, неравной.

С.А. Жевакин выдержал испытание... Подробно, пункт за пунктом, он разобрал все возражения против периферической теории пульсации цефеид и показал их несостоятельность, а затем столь же методично указал на основные ошибки конкурирующих теорий.

Д.А. Франк-Каменецкий... как истинный гроссмейстер... протянул своему сопернику руку, признавая свое поражение. Впрочем, признав ряд конкретных ошибок, Д.А. Франк-Каменецкий не считал возможным ставить крест на центральной теории пульсаций, собираясь провести в дальнейшем исследования в этом направлении. Но это ему сделать не удалось: его внимание привлекли другие задачи астрофизики. Не возвращались больше к теории цефеид и Л.Э. Гуревич с А.И. Лебединским.

А Жевакин, успешно защитив в 1956 году докторскую диссертацию "Теория пульсационной звездной переменности", публиковал одну работу за другой».

(Бронштэн В.А. Гипотезы о звездах и Вселенной. – М., 1974).

Из протокола заседания Совета НИРФИ от 6 октября 1965 года:

Повестка дня: О выдвижении работы С.А. Жевакина «Теория звездной переменности» на соискание Ленинской премии.

Выступление профессора М.М. Кобрина:

«Мне известно, что С.А. Жевакину пришлось выдержать длительную дискуссию с рядом советских и зарубежных ученых в борьбе за отстаивание правоты своей теории. Из этой борьбы С.А. Жевакин вышел победителем. В настоящее время, насколько я могу судить, теория С.А. Жевакина принята подавляющим большинством зарубежных и отечественных астрофизиков».

Выступление члена-корреспондента АН СССР А.В. Гапонова-Грехова:

«Цикл работ С.А. Жевакина по звездной переменности является крупным вкладом в отечественную астрофизику. Теория звездной переменности является одной из интереснейших и важнейших проблем астрофизики. Несмотря на то что этой проблемой в течение многих лет занимались такие крупные ученые, как Эддингтон, Джинс, Росселанд, Гамов, Хойл, Литтлтон и другие, лишь С.А. Жевакину удалось развить последовательную теорию автоколебаний переменных звезд. Эта теория позволила объяснить ряд весьма важных особенностей наблюдаемых эффектов; в частности, из результатов, полученных С.А. Жевакиным еще в 1954 г., вытекает необходимость изменения масштаба Вселенной (дальнейшее развитие астрофизики действительно потребовало изменения этой величины). Следует отметить, что работы С.А. Жевакина примерно на 10 лет опередили аналогичные исследования как в СССР, так и за рубежом...»

В начале 1966 года президиум Академии наук СССР присудил доктору физико-математических наук С.А. Жевакину за цикл работ по теории звездной переменности премию имени Ф.А. Бредихина за 1965 год.

Научная деятельность (1960–2001)

С.А. Жевакин в этот период работал в НИРФИ и преподавал на радиофизическом факультете университета.

Отдел № 11 НИРФИ под руководством С.А. Жевакина в 1961 году организовали по инициативе директора института Марии Тихоновны Греховой. Отдел занимался теоретическими и экспериментальными исследованиями распространения волн миллиметрового и субмиллиметрового диапазонов в атмосфере Земли.

В статье М.Т. Греховой «Открытие Жевакина», опубликованной в газете «Горьковский рабочий» (1966. № 28) по поводу выдвижения С.А. Жевакина на соискание Ленинской премии говорилось:

«...В 50–60-х годах радиотехника начала осваивать новые диапазоны радиоволн. Для решения вопросов многоканальной связи и проблем увеличения качества телевидения привлекаются кратчайшие волны длиной в 1 миллиметр и короче. Возникает ряд трудных задач, связанных с распространением этих волн в атмосфере Земли. И снова С.А. Жевакину приходится оставить свои многолетние исследования переменных звезд для решения поставленных перед ним теоретических и практических задач. Эти работы С.А. Жевакин ведет с присущими ему увлеченностью и глубиной, вскрывает ряд тонких и интересных эффектов.

Сейчас он работает параллельно в двух областях, далеко отстоящих друг от друга,– астрофизике и радиофизике. Его эрудиция, большая работоспособность и увлеченность наукой позволяют ему успешно вести исследования в этих двух направлениях».

Итогом работы явился обзор, выполненный С.А. Жевакиным и А.П. Наумовым. В нем рассмотрены теоретические и экспериментальные сведения о коэффициентах поглощения и преломления сантиметровых, миллиметровых и субмиллиметровых волн в земной атмосфере. При этом внимание акцентировалось на механизмах поглощения и преломления, обусловленных молекулами атмосферных газов.

С.А. Жевакин и его аспирантка А.А. Викторова выполнили работу, посвященную исследованию роли димеров, или кластеров водяного пара, т.е. двойных молекул, которые образуются при соударениях, в поглощении микроволн в атмосфере. Был рассчитан их вращательный спектр. С момента первой публикации прошло уже около полувека, а интерес к кластерам водяного пара только возрос. Эксперименты, проведенные сотрудниками ИПФ РАН под руководством М.Ю. Третьякова, подтвердили наличие димеров водяного пара в атмосфере Земли.

«Часть научной биографии Сергея Александровича связана с димером воды. Димер возник как гипотеза, позволяющая разрешить одну из серьезных проблем физики, связанную с избыточным поглощением излучения в атмосфере. Суть проблемы состоит в том, что суммарное поглощение во всех спектральных линиях всех атмосферных газов оказывается меньше экспериментально наблюдаемого поглощения. Особенно сильно отличие проявляется в промежутках между линиями. В миллиметровом диапазоне длин волн оно доходит до 10 раз. Это избыточное поглощение оставалось необъяснимым, несмотря на разработку все более и более совершенных форм резонансных линий. С другой стороны, было известно, что соударения между молекулами могут приводить к образованию двойных молекул, или димеров. Проанализировав имеющиеся данные, Сергей Александрович понял, что избыточное атмосферное поглощение может быть связано с образованием димеров водяного пара. Чтобы утвердиться в этой гипотезе, Сергею Александровичу потребовалось несколько лет напряженной работы и помощь А.А. Викторовой, которая была его аспиранткой. Работа завершилась яркими публикациями в весьма престижном научном журнале, издаваемом президиумом АН СССР, и в средствах массовой информации. Лондонская «Таймс», например, тогда сообщила, что, по мнению русских, димеры воды в атмосфере могут поглощать микрорадиоволны. После этого все начали искать димеры. Были затрачены большие средства и усилия, приведшие в том числе и к ложным открытиям, но это тема для отдельного рассказа. Удивительно, что, не зная о димере воды почти ничего, Викторова и Жевакин верно предсказали и линейную молекулярную структуру димера, определяющую общую частотную зависимость спектра димера, и интенсивность спектра, и даже то, что спектр напоминает квазипериодическую последовательность пиков. Квазипериодичной оказалась, однако, только часть спектра, но именно она почти полвека спустя, в 2012 году, сыграла решающую роль в экспериментальном доказательстве гипотезы Сергея Александровича. Показательно то, что, несмотря на значительные многократные усилия многих исследователей в разных странах мира, доказательство было получено фактически в том же исследовательском центре, где работал Сергей Александрович. Получено оно было физиками-экспериментаторами, хорошо знавшими Сергея Александровича и, по-видимому, вдохновляемыми его идеями».

М.Ю. Третьяков, к.ф.-м.н., зав. отделом микроволновой спектроскопии ИПФ РАН

В 1987 году С.А. Жевакин получил Государственную премию СССР. По официальным документам, он один из создателей радиотехники в миллиметровом и субмиллиметровом диапазонах радиоволн.

Самым последним увлечением Сергея Александровича была попытка описания поглощения микроволн в каплях дождя с использованием фрактальных подходов. На выполнение этой работы он, человек очень преклонного возраста, сумел получить грант Российского фонда фундаментальных исследований.

Сергей Александрович скончался на 85-м году жизни 21 февраля 2001 года.

Младший лейтенант С.А. Жевакин. 1945 год

Неординарность Сергея Александровича проявлялась и в манере поведения на научных семинарах, и в образных рассказах о событиях, участником или свидетелем которых он был. Обладателем уникальной магнитофонной записи голоса С.А. Жевакина является д.ф.-м.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИФМ РАН К.П. Гайкович, который беседовал с Сергеем Александровичем в 1998 году у себя дома, после успешной защиты докторской диссертации. Ниже приводится текст этой беседы, расшифрованный К.П. Гайковичем.

С.А. ЖЕВАКИН О ВОЙНЕ

К.П. Гайкович. Вы рассказывали как-то про ночное наступление Жукова?

С.А. Жевакин. Я попал на Великобукринский плацдарм (Букринский плацдарм на западном берегу р. Днепр в районе Великого Букрина. — *Ред.*). Вы что-нибудь слышали об этом? Армия Рыбалко и еще несколько армий захватили плацдарм. Я одним из первых был переправлен по понтонам, уже наведенным, через Днепр на этот плацдарм. Танки переправились. Это один из критических моментов моей жизни, но я тогда [все] воспринимал как-то очень просто, приниженно. Это большой плацдарм и большое событие — его замалчивают в нашей литературе! И сейчас будет ясно, почему.

Мы переправились, то есть Рыбалко тоже, очевидно, переправился, еще кто-то, ну и я. Жукова в это время не было. Он потом появился. Я знаю точно, я видел, как это было... Ночь наступила. А плацдарм, наверно, глубиной километра, может быть, три (его потом расширили) и в ширину, ну, может быть, десять километров.

И вот, немцы ночью начали наступление, пробуя сбросить нас в Днепр.

К.Г. Так это рядом с Киевом?

С.Ж. Да, 70 км южнее Киева (в 80 км юго-восточнее Киева. — *Ред.*). Мы Киев потом взяли, и стали киевские... (За боевые отличия в ходе Киевской наступательной операции 65 частей и соединений получили почетные наименования «Киевские». — *Ред.*)

К.Г. Самое трудное, наверно, было форсировать?

С.Ж. Форсировали не мы, пехота на лодках... Но вот немцы решили нас сбросить ночью. Я ничего не видел. Я у уреза воды, за горой. У всякой реки — обрыв, и вот я тут. Атака пехоты немецкой там где-то вверху. Стрельба большая. Я был в то время радиотехником танкового полка.

К.Г. У Вас боевая задача была — связь обеспечивать?

С.Ж. Ну да, с ремонтом радиостанций связи. Когда у нас начальника связи убили, меня назначили и.о. начальника связи.

Наступление... Если бы наша пехота не удержалась — то... Я вообще плаваю хорошо, но все-таки обмундирование, и потом, все время рвутся [снаряды] в Днепре — фонтаны.

К.Г. Это осень или лето?

С.Ж. Был сентябрь. Но еще теплое время. Это ничего, я переплыл бы Днепр — даже разговора нет. Но фонтаны [от разрывов] рыбу глушат — и нас бы так же глушили. Один командир бригады приказал сделать ему плот. На наших глазах сделали плот. Другой какой-то командир приказал плот изрубить — плот изрубили.

К.Г. А танки?

С.Ж. Нет, танков не было.

К.Г. А Вы, говорите, переправились?

С.Ж. Ну да, переправились, где-то заняли оборону. Я все-таки не танкист. Танкист — ужасная профессия! Пехотинец — ужасная профессия еще и потому, что их били и не давали им орденов. Я читаю в газете «За нашу Родину», что пехотинец ворвался в окопы, уничтожил 15 гитлеровцев и захватил 2 пулемета. Наградили его медалью «За отвагу». Если это правда, вы понимаете, что значит уничтожить 15 гитлеровцев, а?! Да тут же уничтожат тебя! И ему дали только медаль «За отвагу». Танкистам давали ордена — «Отечественной войны» либо еще что-то. Но били их так же.

Теперь про Жукова расскажу. Я лежу около окопчика на этом плацдарме, и вдруг вижу: по долине едут «виллисы» — штук семь, и над ними штук 7—8 самолетов. Понимаете? Я лейтенант, ничего не знаю, вообще говоря. Через два-три дня узнал: к нам приехал маршал Жуков.

И вот ночью командиров танков (я вместе с ними попал) собрали в большом шалаше с аккумуляторным освещением. Я [его] видел метров с двадцати. Он маленький! Жуков выступал перед нами, говорил: «Вам предстоит невиданное в истории наступление в пересеченной местности. Танковое. Ночное». Дня через два началось это наступление. У немцев все было пристреляно — там холмы и долины. Да, было объявлено экипажу: «Ворвешься в деревню — Герой Советского Союза». И они пытались, но их расстреливали — все пристреляно... В первый день мы потеряли половину машин...

К.Г. Сколько их было?

С.Ж. Двадцать одна. Это только в нашем полку. А на следующий день — все. В целом потеряли 700 танков, продвинувшись километров на 15. Это ничто!

Вот — неудачное наступление на Великобукринском плацдарме. А о нем, вообще говоря, не пишут. После [этого сражения] танки переправились на север. И вот уж оттуда, в обход, с запада нам удалось взять Киев. Танкисты: [одна] половина либо сгорела, либо убита, либо ранена, [другая] осталась целой. Нас — на переформировку. Снабжают машинами и танками — до целого. И снова такая же мясорубка.

К.Г. Может, Жуков под Берлином использовал этот опыт?

С.Ж. Под Берлином... Вот у меня медаль за взятие Берлина, но в Берлине я не был. Когда Берлин был взят, я был в 40 км южнее. Дней через пять нам объявили: экскурсия в Берлин. А я очень хорошо в это время проводил время на озере...

К.Г. С немками?

С.Ж. Немки были, да!

К.Г. Был случай, какой-то караул вас прихватил?

С.Ж. Да, караул прихватил. Я отправился на озеро в компании молодых немок. Не одна немка — наверное, четыре. Мы лежим, солнце, озеро, небо безоблачное. [С противоположного берега] озера приплыл какой-то тип и лежит в воде, слушает наш разговор. Потом уплыл обратно. Я вижу — двое идут вокруг озера к нам. Бежать тоже нехорошо. Я ничего не совершил такого. С немками — ну и что? Тривиальное явление. Появляются, предъявляют документы какие-то, уж не помню. У меня было удостоверение всегда с собой. Он мне говорит: «От этого народа надо держаться подальше».

Я, дурак, не поехал [в Берлин]. Вы понимаете, дурак! Я думал: «Чего я туда [поеду]?». Я не был в Берлине!

К.Г. Он был разрушен?

С.Ж. Разрушен. Там ничего интересного не было. Но все-таки можно было посмотреть рейхстаг, а теперь вам сказать, что я расписался на рейхстаге. А сейчас я могу только приврать.

К.Г. Но Вы рисковали все же?

С.Ж. Я знал, [что рискую]. По-немецки я бегло читаю, но боже упаси меня... Вот когда мы стали отступать, я увидел, сколько от немцев остается бумаги: газет, журналов, документов — уйма. От нас ведь, когда уходили, ничего не оставалось, никакой бумаги. Если у нас и были газеты, они очень быстро разрывались на [самокрутки]. От нас — ничего. От них — много. Газеты. В укромный момент я эти газеты собирал, [прятал] в кустах и, когда имел время, [там же и] читал. Читать [в открытую] было невозможно, нельзя!

У меня был случай. Я был в резерве, на курсах в [районе] Ессентуков. Отправился в Ессентуки, и в городской библиотеке взял несколько немецких романов на немецком языке. Разумеется, со штампом библиотеки. Это чрезвычайно важно! И вот они у меня на тумбочке лежат. Дня через два меня вызывают (изображает стук): «Вы читаете немецкие книжки. Откуда Вы знаете немецкий язык?» — «Я не только немецкий — я и английский знаю». Тут я лгал — английский я очень плохо знал, читать не мог. «А почему Вы читаете немецкие книжки? А русские не читаете?» Я говорю: «Да я и русские читаю!» Ну, отпустили.

К.Г. Повезло Вам, Сергей Александрович!

С.Ж. Или так. [Это уже в Германии было.] Ночевали мы с капитаном (имя неразборчиво. — *К. Г.*) — стерва отчаянная. Он своим подчиненным говорил: «Я тебя устре'лю!» Я знал, что у меня будет свободный вечер, пробежался по домам (они пустые) и взял там несколько немецких книжек. Кох (разумеется, не гаулейтер, а бактериолог) — биография, знаменитую книжку Вейля «Материя» на немецком языке (я жалею до сих пор, [что не оставил ее у себя]) — там одни формулы. Ну, и еще что-то. Значит, приношу [на квартиру] — и та же история.

К.Г. А как женщины в армии?

С.Ж. Я могу мелкий случай рассказать. Старший лейтенант С. Ну, у него если культура и была, то маленькая. Но все-таки старший лейтенант из Киева, радиотехник со средним техническим образованием. Ухаживал за женщинами. Никакого насилия, конечно, очень опытный, по-видимому, человек, любитель, ловкий. И вдруг я наблюдаю сцену, которая меня удивила. Все-таки он киевлянин. [В нашем полку] у сержанта и украинки была любовь... Сержант выходит от нее — и С. тоже туда лезет. Она его выгнала. Он, возмущенный, бьет себя по груди и говорит: «Я советский офицер! Я советский офицер!..»

Я могу Вам рассказать одно из моих ярчайших военных воспоминаний. Тут женщины есть, я просто опущу... — но Вы меня поймете. У меня был мой подчиненный — лейтенант Б. Я отклонюсь. Вы знаете, что по всей Германии были очереди? Вы знаете это или нет?

К.Г. Нет.

С.Ж. Я эти очереди видел, в них не вставал. И Б., мой лейтенант, в них не вставал никогда. Приехал к нам из [штаба] армии кто-то. Нас собирают. Он выступает: «Товарищи, товарищи, что вы пишете на Родину? Вот я вам сейчас зачитаю. Брат пишет сестре: “По всей Германии очереди, ты, конечно, понимаешь — я в них не последний!” Товарищи, что вы пишете на Родину?!»

К.Г. Что же это за очереди?

С.Ж. Ну, за женщинами. Слушайте, вообще все население — это женщины-немки. Мужчин не было, они или убежали, или в армии служили. Иди [в любой] дом — там свободная немка. Но устанавливалась очередь вот к этой немке. Мне известен только один случай, когда отдали под суд. За что? Какой-то полк расположился на привале. (Сам я этого не видел, но слышал). Сержант забежал в дом, ему уже все обрыдло, он вытащил немку [на улицу], и тут при всех хулиганский поступок произвел. Его отдали под суд, говорят, но что с ним сделали — не знаю. Ну, потому что хулиганство, Вы понимаете? <...>

Так вот, лейтенант Б. — только по любви. Никакого насилия! Только по любви. Вот мы, офицеры, лежим на солнышке, греемся. Я уж не помню, кончилась война или нет, но тут уж разница небольшая. И вдруг один из нас говорит: «А ты, Б., говорят, все с немками?» Мой Б. растерялся, глаза его заморгали. «Да, я <...>, но я с ненавистью!» Это одно из самых ярких впечатлений от войны. Для меня, по крайней мере. Со мной рядом убило много, но это как-то [привычно], ничего интересного.

К.Г. А вот у Твардовского: пух из перин летел по всей Германии?

С.Ж. Я не читал. Но поля по всей Германии были усеяны пухом. Отчего? У немок машин уже не было, бензина не было — ничего. Так вот, они себе какие-то коляски раздобыли и везли свой скарб и перины. А в перинах-то мало ли что может быть: и золото, и кольца... Пух из перин выпускали. Поля по всей Германии были покрыты пухом.

А однажды я читаю в газете «Красная звезда», либо «Правда». Корреспондент пишет, что они остановились в доме барона. А этот барон перед бегством в бессильной ярости выпустил пух из перин.

К.Г. У Твардовского этого нет. А вот про часы Вы рассказывали — как «уркали» там...

С.Ж. Это тоже. На войне у меня было много таких опасных положений. 40 км от Берлина. Уже все ясно. У нас два повара. Один другому говорит: «Идем, постреляем!» Это что значит? Деморализованные немцы бегают от дерева к дереву. И вот — идти их пострелять. Это не очень опасно. Опасно, но не очень.

К.Г. Они тоже отстреливались?

С.Ж. Ну, они деморализованные были. Уже все. И вот в это время нам велели ехать на полуторке на НП (наблюдательный пункт) — радио там. Мы поехали лесом. Леса под Берлином большие, но они все саженые. Мы едем. Пехота с нами. И вдруг из-за деревьев — зеленые шинели — много-много. Пехота побежала. Мы на полуторке встали, решили развернуться и тоже бежать. Но она заглохла. Мы вылезли и легли. У меня пистолет ТТ — это же не оружие! Несколько [пехотинцев] были с автоматами. Мы легли. Я испугался очень сильно. Неужели, думаю, это конец? Сейчас — все! Немцы в плен брать не будут, застрелят. Но, к счастью, пехота как-то удержалась, а эти деморализованные немцы (какая-то часть) сдались. Наши солдаты их окружили и у всех поснимали часы. И вот: «Ур, ур, ур, ур» — это, значит, часы [зазвучали]. Вот и все. Я был рядом. Но я не снимал эти часы.

Меня иногда спрашивают, было ли мародерство. Ну, на это я отвечаю так. Когда мы были на своей территории или на польской, послать на Родину мы ничего не могли — только треугольничек [письма]. Больше ничего. И что-нибудь взять нам было совершенно не интересно. Разве что взять и съесть тут же. [Что-то] другое нас не интересовало совершенно. Когда мы оказались в Германии, нам было объявлено, что рядовой может послать посылку [весом] 10 кг. Это первый раз в истории. А офицер низкого уровня (как я) — может 20 кг послать (в месяц). Я однажды набрал 2 кг и отослал по почте матери. Она была страшно перепугана: решила, что меня убили, а мои вещи прислали. Но я только одну посылку послал, а мог [бы] несколько послать, потому что много месяцев был [в Германии].

К.Г. Ну а как собирали — что приглянется?

С.Ж. Ну, во-первых, немцы все бежали. Пустые дома — заходи, делай что хочешь. У них уровень жизни был выше нашего. В деревне, где мы в основном [останавливались], обставлено... (Ну, мне стыдно сказать, но Вы обставлены хуже.) Потом немки узнали (они уходили — в лучшем случае запирали [дома], не

С.А. Жевакин (второй справа) с американскими союзниками. 1945 год

понимали), что мы делаем, и решили закапывать свое имущество в землю, перед тем как бежать. Слушайте, мы же все-таки не дураки! Все обзавелись стальными штырями — ходят, [ищут] и выкапывают. А однажды дежурю на узле связи, ко мне является ординарец и говорит: «Вас хочет видеть немка». (По-немецки я свободно говорю). Выхожу. Немка говорит, что закопала свои вещи, а солдаты их выкопали и они валяются [никому не нужные], и спрашивает меня: «Могу ли я их взять?» Я подхожу. Действительно выкопано: кружева, еще какая-то ерунда. Говорю: «Можете взять». Она взяла, меня благодарила.

К.Г. Расскажите про встречу на Эльбе.

С.Ж. Я был на Эльбе. Американцы туда попали, мы тоже. Никакого согласования предварительного — мы шли и они шли — встретились.

К.Г. Вы знали, что встретитесь?

С.Ж. Нет, но войны-то уже не было. Немцев окруженных нет. Американцы, особенно негры, очень понравились — какая-то физическая симпатия. Главное, глаза у них блестят, зубы. И угощают нас шоколадом, которого я не видел не знаю сколько времени. Шоколада у них страшно много. Они по нескольку плиток дают.

К.Г. А Вы им что — неудобно как-то, водку хоть?

С.Ж. Нет, водка ведь тоже... Я вот вам расскажу о водке. Скажем 43-й, 44-й год. Это мы воюем на нашей территории или в Польше. Добираемся мы до баков со спиртом. Каждый льет себе во фляжку. Но фляжка-то маленькая! В котелок, но не у каждого он есть. Надо уходить! А как оставлять добро? Каждый, сколько может, льет в себя. И лежат.

К.Г. Ну, неужели вам нечего было американцам предложить?

С.Ж. В первые месяц-полтора общение с американцами не было запрещено, и они приезжали к нам. У меня полуторка была в моем распоряжении, но стояла на приколе. Мы ездить на машинах не могли. Они за нами приезжали и увозили к себе. И там, значит, мы выпивали, ели — все, в общем-то, невкусно. Хлеб белоснежный, консервы — все американское.

К.Г. А девушки-то были?

С.Ж. Нет, девушек не было. Они [американцы] к нам приезжали. Мы их кормили гораздо лучше. У нас, конечно, никаких консервов не было, в лучшем случае — американские. Но это такое барахло. Но мы же тут хозяева. Тут же и свиньи, и коровы. Ведь вот, идешь по улице и видишь — мертвая свинья. А почему мертвая? У нее из спины вырезан кусок сала. А все остальное... Ну, мы жили очень хорошо: мясо, шампанское. Мне в распоряжение на месяц примерно дали склад французского шампанского. В первый день я выпил полторы бутылки. А потом уже... Вот они приезжают — мы их кормим — немецкой свининой, говядиной, что там еще...

К.Г. И это им нравилось больше, чем консервы?

С.Ж. Конечно, разговора нет!

К.Г. А как вы с ними разговаривали, по-английски?

С.Ж. Я мог разговаривать только по-немецки.

К.Г. А они?

С.Ж. Редко кто.

К.Г. А отношение было как к победителям?

С.Ж. Да, великая страна была!

Н.И. Жевакина (Оношко)

ЧЕЛОВЕК, КАКИХ МАЛО НА ЗЕМЛЕ

Н.И. Жевакина (1923–2013), жена Сергея Александровича

Я знакома с С.А. Жевакиным с 1948 года, но семейная жизнь наша сложилась не сразу, было много разногласий.

Впервые я его увидела на берегу Волги около деревни Зименки. После окончания первого курса партийной школы мы отдыхали в зименковском санатории, а он работал на полигоне НИРФИ. Однажды после завтрака я спустилась на берег, но наши уже уехали на ту сторону. На берегу было только трое молодых людей, приводивших в порядок дряхлую лодку. Я попросила их захватить меня с собой на тот берег. Один из них, высокий с открытым одухотворенным лицом, поразившим меня, спросил, умею ли я плавать и буду ли отчерпывать воду из лодки. Я сказала, что все умею, и мы поехали. На том берегу я присоединилась к нашим, игравшим в волейбол, молодые люди тоже. Высокий, запавший мне в душу, тоже обратил на меня внимание и чаще других бросал мне мяч. Потом все бросились купаться. Я плавала, ныряла с головой, кувыркалась, веселилась. Молодой человек тоже отлично плавал и сказал, что впервые видит женщину, которая так не боится воды. Я, чтобы еще больше отличиться, схватила мою подругу, которая совсем не умела плавать, и потащила ее в Волгу. Зайдя довольно далеко от берега, я почувствовала, что дно резко понижается. Подруга смеялась и крепко вцепилась в мою шею. Я пыталась разжать ее руки и освободиться, пока не очень глубоко, но ничего не могла сделать. Тут я совсем потеряла дно и ушла с головой под воду, подруга села мне на плечи. Я оттолкнулась от дна, вынырнула, глотнула воздуха и опять пошла на дно, вынырнула еще раз и встретилась глазами с этим молодым человеком. Он спросил: «Тонешь?» Я успела только крикнуть «да» и пошла ко дну. Но тут же почувствовала, как сильные руки схватили меня и вытащили на мелководье. Я еле оправилась от потрясения, больше мы уже не купались, а лежали на берегу, на горячем песке. Приближалось время обеда, и мы все уехали. Вечером, после ужина, когда мы всей группой стояли у столовой и думали, как провести вечер, я увидела моего спасителя в белых рубашке и брюках. Он спокойно вошел в наш круг, взял меня под руку и предложил прогуляться. С этого дня мы встречались каждый вечер и гуляли до самого отбоя. Исходили все березовые аллеи парка, спускались к берегу, любовались закатом и без конца говорили. Я узнала, что он аспирант — физик, написал уже диссертацию. Я рассказала ему о себе, что родом из Великого Новгорода, что попала сюда в эвакуацию с матерью, работавшей тогда счетоводом в селе. Мой отец умер до войны, а мать в марте 43-го года. После смерти матери меня из деревни, где я работала счетоводом, пригласили в райцентр Работки и на комсомольской конференции избрали первым секретарем райкома комсомола. В прошлом году я попросилась на учебу в партийную школу, чтобы получить высшее образование. Стипендия там была 1200 рублей — больше моей зарплаты. Сережа, мы уже перешли на «ты», удивил и рассмешил меня вопросом: «А что делают первые секретари райкома комсомола?» Я поняла, что он очень далек от общественной жизни. В даль-

нейшем всячески старалась уговорить его вступить в партию. Мне казалось, что человек, так увлеченный своей работой, с отличием окончивший физико-математический факультет университета, прошедший всю войну до Берлина и получивший орден Красной Звезды за участие в большом танковом сражении, где он обеспечивал связь, обязательно должен быть членом КПСС. Он, очевидно, придерживался своего мнения. Между тем путевка моя заканчивалась, и я готовилась к отъезду, думала пожить оставшиеся две недели в Работках у подруги. Вечером Сережа пришел радостный и сказал, что мне никуда уезжать не надо, он договорился со своим руководством и меня берут ночным сторожем, а он будет мне помогать. Меня это очень рассмешило, а он предлагал вполне серьезно и недоумевал, почему я отказываюсь. На другой день я уехала, а первого сентября он вечером пришел к нам в общежитие. Нас в комнате жило шесть человек, он всем понравился своей простотой и непосредственностью, но все считали его каким-то странным.

В Горьком мы встречались каждый свободный вечер, он мне показывал город, ходили в кино, театры. Тогда шло много итальянских фильмов: «Ночи Кабирии», «Нет мира под оливами» и др. Они ему очень нравились. Прошла зима, все получили распределения, уезжать из города в село не хотелось. Я ждала, что Сережа сделает мне предложение, уж очень нежно он ко мне относился. И, чтобы подтолкнуть его решение, я как-то сказала, что выхожу замуж, меня действительно уговаривал один из выпускников. Сережа молчал. Тогда я сказала: «Что же ты не женишься, а ходишь один, как медведь-шатун?» На это он мне ответил: «А ты сделаешь себе плохую берлогу». И мы расстались.

Школу я окончила с отличием, и мне предложили работать в областном комитете комсомола, заведовать отделом сельской молодежи. Это было лестное предложение, и я осталась в городе. Работа мне нравилась, коллектив был дружный, часто собирались в праздничные дни вместе. Единственное, что не совсем устраивало,— длительные командировки (до месяца) в города области.

Все было хорошо, но меня не покидала тоска о Сереже, желание хотя бы увидеть его. Как-то я набралась храбрости и позвонила ему домой. Он взял трубку, я отрешенным голосом сказала, что осталась в Горьком и если он хочет меня видеть, то пусть приходит в кремль к зданию обкома партии, я в шесть часов вечера к нему выйду. Ровно в назначенное время он уже был на месте, мне было видно из окна.

Так мы снова встретились и встречались каждый вечер, если я была в городе. Познакомила его со своими сослуживцами, он с интересом принимал участие в наших вечеринках. Сережа пел с нами комсомольские песни, танцевал и, думаю, не скучал, все к нему проявляли интерес. Ранней весной он, верный своему обычаю, появлялся в белых брюках, и моя подруга говорила: «Единственное светлое пятно на всей Свердловке — Сережа в белых брюках». Летом в выходные дни мы на весь день уезжали на Мочальный остров. Нам никогда не было скучно вдвоем. Вечером мы возвращались в город, и он вел меня в ресторан «Неаполь», был такой на улице Маяковского. Он заказывал полный обед и вино. Наевшись досыта, мы отправлялись гулять, чаще всего на Верхневолжскую набережную или на стадион «Динамо», если там не было игр, и сидели вдвоем на самом верхнем ряду.

Так незаметно шли годы, наше взаимное влечение, казалось, не уменьшалось. Я уже познакомилась с его родителями и часто у них бывала. Мама, Гали Николаевна, прекрасно играла на рояле. Она работала концертмейстером в театре оперы и балета, дочь Ирина — балерина и жена директора и дирижера театра П.М. Резникова. Другая его сестра — Ольда Александровна — была замужем за режиссером оперного театра в городе Фрунзе, тоже балерина. Единственный сын Ольды Александровны — Юра (от второго брака) жил с бабушкой в Горьком. Его дядя — Сергей Александрович — оказал на него большое влияние, он окончил радиофак и сейчас является доктором физико-математических наук и работает в ИПФ РАН.

Сережа работал в НИРФИ и одновременно преподавал в университете на радиофаке. Я в это время работала уже в городском комитете партии в отделе пропаганды (инструктором), ведала театрами, музеями, библиотеками и другими творческими организациями. Мне очень хотелось послушать, как Сережа читает лекции, и он меня однажды пригласил. Народу было много, его любили слушать. Я ничего из лекции, конечно, не поняла, но запомнила одну фразу: «Ну, а дальше совсем просто, как железо», после которой он начал опять быстро писать какие-то формулы. Не только мне нравился Сережа, в него были многие влюблены. Как-то раз, придя с экзаменов, он сказал, что получил от студентки письмо в стихах: «О цефеид, о цефеид, ты жжешь и манишь, как магнит, я жду свиданий, я жду лобзаний...» Я спросила, что же он ей ответил. Он отдал ей письмо обратно и сказал: «Больше вы мне таких писем не пишите». Я знала, что к нему домой, часто по вечерам, заходила сотрудница его кафедры то за лекцией, то за книгой и подолгу у него засиживалась, потом он шел ее провожать. Как-то раз я пришла с работы и нашла от него письмо, где было твердо и лаконично написано: «Нина. Я женился на Писаревой, живу у нее. Если можешь, прости. Сережа». Это было для меня крахом, не знала, как буду жить без него, не общаясь с ним. На другой день мне позвонила его мама и попросила обязательно к ней зайти. Она была очень мудрая женщина и понимала мое состояние. Я поколебалась, но все-таки пришла. Мы обнялись и долго плакали. Потом она меня успокоила, сказав, что жизнь прекрасна и я еще встречу

человека, а если надумаю выходить замуж, чтобы обязательно познакомила с ним, что я и сделала. Сережа в это время выехал в Китай, где преподавал физику в Пекинском университете.

Прошло более десяти лет, я вышла замуж за Василия Ивановича Касаткина, выпускника Высшей партийной школы, бывшего комсомольского и партийного работника. Через год у нас родилась дочь Анна.

С Гали Николаевной я не теряла связи, часто к ним заходила на улицу Больничную вместе с дочерью. В это время я уже работала директором университета марксизма-ленинизма, он располагался рядом со школой № 1, где училась Аня. О Сереже старалась не думать.

Однажды, зайдя к Жевакиным, увидела его сидевшим на веранде. Это был День Победы. Я его поздравила с праздником и спросила, счастлив ли он. На это он ответил, что, видно, счастья-то и нет. Его мама сказала, что он разошелся с женой и теперь живет у родителей. У него нашли туберкулезный плеврит, и он в скором времени уезжает в санаторий «Старая Пустынь» на два месяца. Квартиру он оставил бывшей жене и приемному сыну. Впоследствии мальчик связался с плохой компанией, и его нашли в подвале дома повешенным, ему было около тридцати лет. В то время как Сережа находился в Пустыни, неожиданно ночью от инфаркта умерла его мать. Все родственники, потрясенные ее внезапной кончиной, собрались на похороны. Мы с моим мужем, Василием Ивановичем, тоже были. Сережа очень переживал, еще на кладбище попросил меня прийти к ним вечером. Были одни родственники и несколько соседей, посидели, погоревали. На другой день Сережа вернулся в Пустынь и начал мне оттуда писать на работу письма о своем житье-бытье. Как-то раз мы с Юрой, Сережиным племянником, съездили к нему в санаторий. Он был очень рад нашему приезду, вернулись мы поздно, дорога была очень плохая. На следующий год, весной, Сереже предложили продолжить лечение в Шиморском. Летом, к концу пребывания на лечении, я приехала его навестить. Он не захотел там больше оставаться и, оформив документы, вместе со мной уехал в Горький, тем более что его лечение уже закончилось. Каждый день вечером после работы он встречал меня и уговаривал развестись с мужем. Но сделать это мне было очень трудно — мой муж меня очень любил и на развод не соглашался. Больших трудов мне стоило его уговорить, судью просила не задавать нам много вопросов. Василий вел себя на суде достойно, молчал. Нас развели. Уже через несколько дней мы с Сережей зарегистрировались, раздобыли курсовки в санаторий в Филипповку и вместе с Аней и нашей кошкой уехали.

Было лето, там была речка, где мы купались. Аня нашла себе подруг, Сережа играл в теннис, и мы хорошо провели время.

Вернувшись в город, мы удачно выменяли квартиру на Верхневолжской набережной, где проживаем по настоящее время. Квартира большая, уютная, в праздники у нас собиралось много гостей. Приходили родственники: Резниковы, молодые Куликовы — Юра и Лена, Леля, уже переехавшая из Фрунзе в Горький, родственники из Москвы; моя подруга М.К. Абрамычева — зам. зав. отделом обкома партии, А.Н. Соколова — директор ТЮЗа с мужем — известным журналистом и театральным критиком — С.А. Фихом, поэтесса В.А. Частикова — сотрудник газеты «Горьковская правда», главный инженер «Гипросельэлектро» — Л.Л. Хонин с женой. Бывали у нас В.С. Троицкий с женой, М.М. Кобрин, М.А. Миллер.

Каждое лето мы уезжали на курорт, вначале в Прибалтику (Сережа очень любил Юрмалу), а потом на юг — Сочи, Гагры, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки. Больше всего Сереже нравилось в Сочи, там были лучшие книжные магазины, в которые отдыхающие, как правило, не заходили. Он же был страстным книголюбом, большую часть свободного времени проводил за чтением, всю жизнь собирал книги и имел одну из самых больших домашних библиотек в нашем городе, в которой можно было найти книги из самых разных областей знаний: истории, литературы, искусства, физики, химии, медицины и многих других. Сережа был всесторонне развитым человеком, мог разговаривать с людьми разных специальностей на их языке, всегда интересовался событиями, происходящими в мире, знал несколько языков и был исключительно приятным собеседником. Он любил играть в теннис, плавать, подолгу гулял на свежем воздухе.

Так интересно прошли одни из лучших лет нашей совместной жизни.

Я решила своевременно выйти на пенсию, так как стала страдать гипертонией и головными болями, тем более что пенсия мне полагалась персональная, со

Книги... книги... книги... Библиотека С.А. Жевакина

всеми льготами. Моей мечтой было приобрести дом в селе Татинец, живописнейшем месте на берегу Волги, находящемся недалеко от города и всего в пяти километрах от села Работки, где жила моя подруга, бывшая учительница. Сережа вначале был категорически против, не хотел привязываться к одному месту, но Татинец ему нравился, и он согласился. К дому мы пристроили большую веранду, где можно было обедать и отдыхать. Из бывшего коровника сделали гараж, построили баню. Мы очень любили париться в бане, а после отдыхать в большом просторном предбаннике. В запущенном саду посадили плодовые деревья, кусты, ягодники. Сделали грядки, парник для помидоров. Сережа занялся рыбалкой, он был знаком с этим делом еще до армии. Купили лодку. Он всегда ездил на веслах, мотор не любил. Ловил на подпуск, и мы всегда были с рыбой. Дом наш стоял на главной улице села, и Сережа с независимым видом проносил мимо сидевших на лавочках женщин полное ведро рыбы. Я несла снасти. Многие не верили, что он хорошо ловит, и однажды соседка с усмешкой спрашивает, не продаст ли он рыбы? В тон ей Сережа ответил: «Можно». Другая тоже спросила, и он также: «Можно и Вам», и третьей так же ответил. Мы тогда продали шесть килограммов рыбы, больше над ним уже не подсмеивались.

Сережа любил и лес. Набирал много грибов, а ягоды, землянику, собирал в основном в рот, и нам так советовал.

Наш деревенский дом, как и квартира в городе, постепенно наполнялся книгами. От Горького до Татинца было 65 км по Казанскому шоссе. Мы выезжали в пятницу, во второй половине дня, машину он любил и водил хорошо, но в Татинец мы попадали только к ночи. Вначале мы заезжали в Старое Кстово — книжный магазин, потом в Новое Кстово — книжный магазин, затем в Работки — книжный магазин. Потом мчались мимо Татинца до Б. Мурашкина в книжный магазин, выезжая из Мурашкино, сворачивали направо до Княгинина — книжный магазин. И конечно, в Татинец приезжали в полной темноте. Но Сережа с огромным удовольствием выгружал по приезде новые покупки.

На другой день — рыбалка, купание в Волге. Ближе к осени мы ездили на остров, а там шиповник, калина, грибы.

Ни на какие курорты нас больше не тянуло.

Но когда Сережа стал часто терять сознание, от машины пришлось отказаться, и он приезжал ко мне в Татинец на «Ракете». Я встречала его на пристани в пятницу вечером и в понедельник утром провожала обратно на работу в Горький. Приступы стали случаться чаще, но он не хотел ложиться в больницу. В Татинце можно было вызвать «скорую помощь» из Работок, но, когда она приезжала, приступ уже кончался. Он начал падать на улице и в городе, но всегда отказывался от госпитализации.

С.А. Жевакин около скульптуры А.В. Кикина «Рыбак», для которой служил моделью. 1970-е годы

Удачливый рыболов

Последний раз длительный обморок у него случился на работе при входе в кабинет. Это было в октябре 2000 года. Он пролежал в Первой градской больнице до середины января 2001 года. Лечили его усиленно, ежедневно ставили капельницы, делали массаж, но лучше не становилось. Он начал терять память, речь. Все больше сказывались явления нарушения мозгового кровообращения, связанные с инсультом. В середине января его выписали домой. Продолжалось лечение и дома: капельницы, Юра (Ю.Ю. Куликов — племянник С.А. Жевакина), Лена (жена Юры. — *Ред.*) и Аня каждый день делали массаж ног и рук. Но он все чаще и чаще терял сознание... Говорил, что «цепляется за жизнь». Но болезнь прогрессировала... За неделю до смерти он как-то пришел в сознание и сказал мне ясным голосом, «что придется умирать, и скоро». Потом спросил, продолжаю ли я верить в Бога и молюсь ли? Сам он всю жизнь был атеистом, говоря, что «научно объяснить существование Бога нельзя». (В Татинце у нас старинная церковь, в которую я часто ходила. Там был очень хороший священник. По вечерам он выходил гулять, и я с ним подолгу беседовала. Сережа знал об этом и не возражал.) Я ответила Сереже, что молюсь каждый вечер и верую в Бога. Он сразу как-то просветлел, успокоился и сказал: «Значит, мы с тобой там встретимся?» Я подтвердила. Он затих и сказал, что поспит. Больше он не говорил и не ел несколько дней. На девятый день, в пять часов тридцать минут утра, он умер. Пришли Юра с Леной, помогли его одеть. Вот и все. В гробу он лежал торжественный и красивый. Я очень любила этого человека и прожила с ним счастливую и интересную жизнь. Подобных людей я никогда не встречала.

Моя семья: дочь Анна, зять Геннадий, внучка Нелли всегда были благодарны Сергею Александровичу за доброе, внимательное отношение и то влияние, которое он оказывал своей эрудицией на их развитие.

2006 год

...Я познакомился с Сергеем Александровичем в 1963 году студентом радиофизического факультета. Он читал нам курс термодинамики и статистической физики. Этот курс стал одним из краеугольных камней в моем образовании как физика. И дело не только в его важности, фундаментальности, но и в том, что читал его физик милостью Божьей. Именно таким был Сергей Александрович. Читал он обстоятельно, но слегка заикался, часто смотрел в блокнот, который был у него в руках. Несмотря на это, изложение увлекало, я слушал, не отрываясь, неотступно следуя внутренней логике его повествования. Физике нельзя научить только по книгам. Необходимо общение с человеком, который владеет физикой и несет в себе дух этого предмета. Огонь нельзя зажечь от фотографии огня. Нужен живой огонь.

...Я часто бывал у них дома и познакомился с семьей. Это были удивительные люди. В доме — большая библиотека. Сергей Александрович был страстным библиофилом. Он собрал множество редких и очень интересных книг, прекрасно ориентировался в книжном море. Разговаривая с ним, я всегда узнавал много интересного. Случалось иногда, что вместе мы посещали букинистов. Один из них, наш общий знакомый С.И. Богданов, был человеком столь интересным и колоритным, что о нем стоило бы рассказать отдельно.

...В старом доме Жевакиных на улице Нестерова была большая веранда, выходившая в сад. На этой веранде собирались домочадцы, друзья, знакомые. Беседы сопровождались чаепитием допоздна. Даже с наступлением осени, одевшись теплее, сидели и подолгу разговаривали на веранде. Сергей Александрович был знаток и любитель хороших вин. Нередко на веранде распивали не только чай. Каких тем мы только не касались. Говорили обо всем. Сергей Александрович, страстный, эмоциональный рассказчик, мог часами держать внимание собеседников.

...Сергей Александрович вспоминал, как он со своими результатами поехал к Льву Давидовичу Ландау. Ему хотелось узнать мнение выдающегося физика. Ландау принял его в коттедже, где жил, на верхнем этаже. В комнате был стул, стол, книжный шкаф и низкая тахта, покрытая ковром. Сергей Александрович сказал о цели приезда и начал излагать свою теорию. Когда он дошел до аналогии с двигателем Дизеля, Ландау сказал: «Знаете, я ничего не понимаю в дизеле...» «Да и я тоже», — заметил Сергей Александрович. «Вот видите, — продолжал Ландау, — я ничего не понимаю в дизеле, Вы ничего не понимаете в дизеле. Так о чем же мы будем говорить?» Разговор не получился.

...Сергей Александрович — участник Великой Отечественной войны. Среди его наград — медаль «За взятие Берлина». Его рассказы о войне незабываемы. Они поражали своей искренностью, неортодоксальностью. Его видение и оценки войны непредвзяты, честны, ярки.

...Сергея Александровича всегда отличало то, что он был самим собой. Немногие люди могут позволить себе такое. Чаще встречается стремление «казаться», выглядеть как кто-то или что-то. Он же жил с сознанием собственной ценности и не желал подделываться под то, что считалось достойным подражания.

Н.В. Дерендяев, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского

К 100-летию со дня рождения

А.Ф. Николаев. 1970-е годы

АРКАДИЙ ФЕДОРОВИЧ НИКОЛАЕВ
(1914–1987)

Аркадий Федорович Николаев родился 6 февраля 1914 года в семье рабочего – плотника Сормовской судоверфи. После окончания семилетней школы с 1929 по 1931 год работал слесарем и шофером на строительстве Нижегородского радиокомбината. В 1931–1936 годах – курсант Нижегородского (Горьковского) авиационного техникума гражданского воздушного флота. В 1936 году окончил техникум с отличием и поступил учиться в Горьковский индустриальный институт им. А.А. Жданова. Одновременно с обучением в институте работал на Горьковском автомобильном заводе им. В.М. Молотова инженером-техником (1937–1938) и ведущим испытателем и руководителем группы дорожных испытаний автомобилей (1938–1941). В 1940 году окончил Горьковский индустриальный институт им. А.А. Жданова по специальности «Автотракторные двигатели». Работая на автозаводе, Аркадий Николаев занимался автоспортом, испытывал гоночную машину ГЛ-1, принимал участие в автомобильных гонках. В 1938 году автомашину ГЛ-1 отправили на соревнования в Киев, главным судьей которых был Валерий Павлович Чкалов. Через полтора месяца после соревнований в Киеве, 21 октября, Аркадий Николаев установил свой первый всесоюзный рекорд скорости – 147,84 км/ч. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Николаев работал начальником испытательной станции авиационных моторов авиационного завода № 466 в г. Горьком. В 1945 году А.Ф. Николаев перешел на работу в Горьковский индустриальный институт им. А.А. Жданова, где до 1953 года работал начальником научно-производственного отдела (НПО) и одновременно преподавал по кафедре «Детали машин». С 1947 по 1950 год А.Ф. Николаев руководил рядом успешно реализованных разработок по заданиям начальника войск связи Советской армии, отмеченных государственными наградами. В 1950 году за разработку бурильно-крановой гидравлической машины БКГМ-АН он удостоен звания лауреата Сталинской премии. В 1953 году Аркадий Федорович назначен научным руководителем лаборатории механизации трудоемких работ на льдах и мерзлых грунтах. В этом году он защитил кандидатскую диссертацию, и ему присуждена ученая степень кандидата технических наук. В 1956–1960 годах биография А.Ф. Николаева тесно связана с экспедициями по освоению Северного и Южного полюсов Земли. В 1953 году кандидат технических наук А.Ф. Николаев участвует в полярных экспедициях Академии наук СССР. В 1956 году на дрейфующей станции «Северный полюс-6» в качестве главного конструктора он испытывал ледофрезную машину ЛФМ-1, предназначенную для строительства аэродромов на дрейфующих льдах Арктики. Особую гордость вызывает научный подвиг, совершенный группой исследователей

Антарктиды, в составе которой было несколько человек из Горьковского политехнического института. Поход санно-тракторного поезда к Полюсу недоступности — ярчайшая страница биографии А.Ф. Николаева. В 1957—1959 годах он участвует в 3-й Советской Антарктической экспедиции. 14 декабря 1958 года санно-тракторный поезд, начальником которого был А.Ф. Николаев, достиг Полюса относительной недоступности. Его имя значится на памятной доске, установленной на Полюсе недоступности Антарктиды. За антарктический поход А.Ф. Николаев в 1961 году награжден орденом Ленина и приказом министра морского флота СССР удостоен звания «Почетный полярник СССР».

В 1967 году А.Ф. Николаев защитил докторскую диссертацию, в 1968-м ему присуждена ученая степень доктора технических наук. В 1968 году приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР на базе лаборатории механизации трудоемких работ создано ОКБ по механизации разработки льда, снега и мерзлого грунта (ОКБ РАЛСНЕМГ), научным руководителем которого назначили доктора технических наук А.Ф. Николаева. Под его научным руководством создано около 50 новых высокопроизводительных машин. Машины демонстрировались на Международной выставке строительных и дорожных машин и средств механизации строительно-монтажных работ в Москве в 1964 году на ВДНХ СССР, где удостоены двух золотых и двух серебряных медалей. Разработанные в лаборатории механизации трудоемких работ и в ОКБ РАЛСНЕМГ машины отличались оригинальностью принципов действия и конструкций. А.Ф. Николаев автор 103 авторских свидетельств СССР и 11 патентов капиталистических стран, им опубликовано 180 печатных работ. В 1962 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР». Под его руководством сформировалась единственная в стране научная школа по конструированию и исследованию техники для разработки льда, снега и мерзлого грунта. А.Ф. Николаев подготовил 14 кандидатов технических наук. В 1972 году на базе ОКБ РАЛСНЕМГ создана кафедра «Строительные и дорожные машины», заведующим которой назначен доктор технических наук профессор А.Ф. Николаев. На кафедре была организована подготовка инженеров по специальности «Подъемно-транспортные, строительные и дорожные машины и оборудование» по дневной форме обучения с планом приема 50 человек. Многие выпускники специальности стали ведущими специалистами промышленности, дорожного строительства, высшего образования, государственного управ-

Вид на Волгу со стороны Великого Врага. 1940-е годы

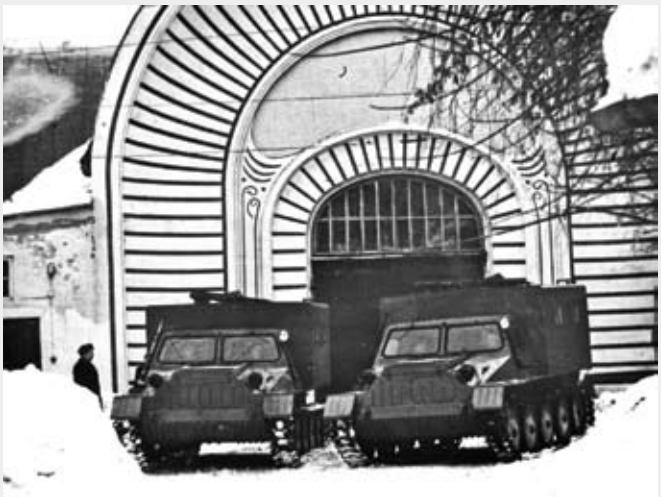
Дом Николаевых в Великом Враге. 1940-е годы

Испытание автомобиля ГАЗ-71 в окрестностях Великого Врага. 1937—1939 годы

А.Ф. Николаев. 1930-е годы

Семья Николаевых: Елизавета Николаевна, Людмила, Федор Ефимович (сидят), Аркадий (стоит). 1930-е годы

На переднем плане — Николаевы Наташа, Мария Васильевна, Аркадий Федорович, Андрей; на заднем плане — Красильниковы Василий Николаевич и Раиса Захаровна. 1960-е годы



Вездеходы около корпуса ОКБ РАЛСНЕМГ.
1970-е годы

Вывод вездехода из мастерской ОКБ РАЛСНЕМГ.
1970-е годы

Ледово-фрезерная машина ЛФМ-РВД-ГПИ-66.
1960-е годы

Ледово-фрезерная машина ЛФМ-РВД-ГПИ-66
(вариант). 1960-е годы

Бурильная машина на базе автомобиля ГАЗ.
1970-е годы

ления. В 1975 году А.Ф. Николаеву присвоили почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». В 1980 году ему присвоили ученое звание профессора кафедры «Детали машин», он награжден орденом Октябрьской Революции и нагрудным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР». Много сил и времени отдавал А.Ф. Николаев работе в партийных, общественных и научных организациях. Избирался председателем Горьковского областного Совета НТО, членом Горьковского обкома КПСС, Горьковского облсовпрофа, Всесоюзного Совета НТО, Научного совета АН СССР по фундаментальным проблемам перспективных транспортных средств. В 1973 году удостоен звания «Почетный член НТО СССР». Награжден грамотой и знаком Президиума ВЦСПС.

Умер Аркадий Федорович Николаев в 1987 году. Ученики А.Ф. Николаева, выпускники образованной им кафедры «Строительные и дорожные машины», которую Николаев возглавлял до 1984 года, продолжая его дело, и сегодня ведут разработки специальных машин. За время существования кафедры здесь было создано более 30 образцов новой техники.

http://www.nntu.ru

А.Ф. Николаев на Международной выставке строительных и дорожных машин и средств механизации строительно-монтажных работ на ВДНХ в Москве. 1964 год

Н.С. Хрущев на Международной выставке строительных и дорожных машин и средств механизации строительно-монтажных работ осматривает экспозицию машин ОКБ РАЛСНЕМГ на ВДНХ в Москве. 1964 год

Академия наук СССР
1957 г.

КОМПЛЕКСНАЯ АНТАРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ [КАЭ] ОТРЯД НАЗЕМНОГО ТРАНСПОРТА ДНЕВНИК № 1

Фамилия, имя, отчество исследователя — доцент *Николаев Аркадий Федорович*.
Начат 17 августа. Окончен 9 мая* 1958.
В случае нахождения утраченного дневника просьба вернуть по адресу: г. Горький, улица Фигнер, 24, кв. 2.

1957 год

17 августа

Бурильная машина для бурения льда толщиной до 12 м [эскиз]:

1) штанга составная стальная трубчатая с нарезкой по граням,
2) гайка каленая,
3) ленточн[ый] тормоз,
4) дополн[ительный] корпус,
5) направ[ляющая] труба,
6) реверс вр[ащения] штанги через окно КПП.

Данные бурильной машины для бурения льда на глубину 12 м (на ЛФМ-1):
1) глубина бурения — 12 м,
2) диаметр бура — 0,2 м,
3) число обор[отов] бура — 480 об/мин.,
4) подача штанги на 1 оборот — 0,005 м,
5) время бурения на глуб[ину] 12 м без учета потерь времени на удлинен[ие] штанги — 5 мин.

25 августа

«Антскаф» [эскиз] предназначен как средство индивидуальной защиты личного состава экспед[иции] при работе в Антаркт[иде] при т[емперату]ре ниже 50°С:

1) заборник воздуха с подогревом через проводниковую решетку,
2) смотровое окно с проводниковым подогревом,
3) выходное отверстие для выпуска воздуха после дыхания,
4) источник питания,
5) утепленный скафандр.

Тематический план НИР [научно-исследовательских работ] ГУСМП по 3-й КАЭ

1. Исследование вездеходных машин в условиях 3-й КАЭ.
2. Исследование процессов разработки льда в условиях Антарктиды с целью созд[ания] производ[ственных] машин для разработки льда.
3. Разработка техн[ических] требований на новую снегоходную машину высокой проходимости СВП.

23 ноября
Экспедиция вглубь Антарктиды

После подхода д/э «Обь» к припаю (припай — неподвижный морской лед, примерзший к берегу. — *Ред.*) в 47 км от обсерватории «Мирный» были начаты разведывательные работы трассы для разгрузки техники и грузов, топлива и научного оборудования в Мирный. Трижды я выходил с разведкой трассы от Мирного к «Оби» на тракторе, и от «Оби» к Мирному. 23 ноября 1957 года началась массовая разгрузка грузов. Грузы: самолетов 4 шт., сани — 12 шт., два трактора и три тягача — были выгружены с «Оби» на лед. Стояла ясная, не предвещающая никаких ухудшений погода. Но к вечеру вдруг налетел сильный шторм с пургой. Видимость снизилась до 50 метров. Было решено срочно убирать грузы обратно на корабль и что можно отводить вглубь припая и в Мирный. Я тремя тягачами весом 24 тонны каждый и с грузом 4,5 тонны срочно уходил по едва заметным следам к Мирному. Удалось погрузить на корабль два самолета и несколько саней. А в это время припай сильно разрушился, лед ломался на мелкие льдины. Трактор, 7 саней и самолет оказались плавающими на отдельных небольших льдинах.

* Месяц указан ошибочно. Записи в дневнике № 1 заканчиваются 9 марта. — *Ред.*
Публикация А.А. Николаева.

Теплоход «Обь» у припая в районе Мирного в Антарктиде. 1957 год

Отряд А.Ф. Николаева к походу вглубь Антарктиды готов. Мирный. 1957 год

Разгрузка теплохода «Обь». Мирный. 1957 год

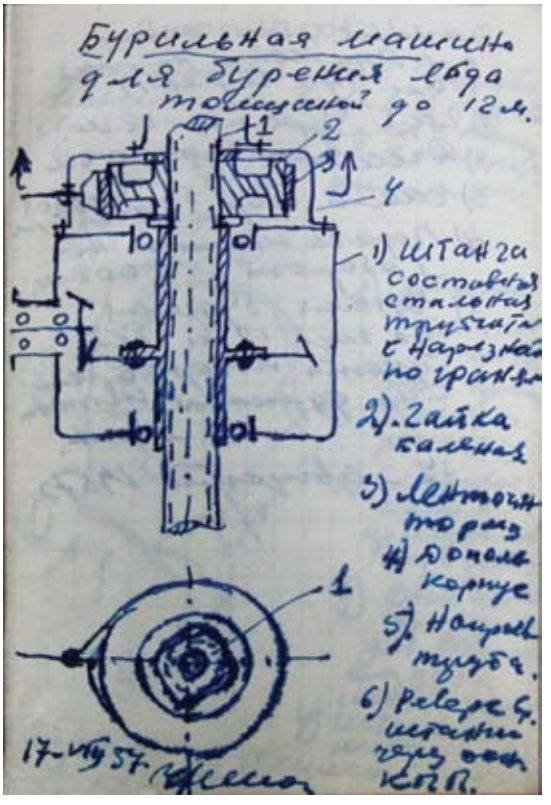
С риском были погружены с этих льдин один трактор и самолет. Один самолет Ан-2, один трактор и 7 саней гибли на глазах. На вторые сутки из Мирного я вылетел на ледовую разведку. Все, что могло утонуть из наших грузов, ушло на дно моря Дейвиса, и только 3 саней плавали на мелких льдинах среди битого льда и обломков айсбергов, пришедших в движение. Сани так и были оставлены на плавающих льдинах.

26 ноября

Вновь приступили к разгрузке.

17 декабря

Разгрузка 4 тыс. тонн различных грузов с «Оби» была закончена. Отряд наземного транспорта успешно справился с задачей. Все это время одновременно шла подготовка к походу внутрь Антарктиды. Готовились специальные балки (балок — легкий передвижной домик на полозьях, используемый для временного жилья, служебных надобностей. — *Ред.*) на 4 тягача, один камбуз, загружались сани различным научным оборудованием, продовольствием и топливом научных станций «Комсомольская», «Восток» и «Советская».



Эскиз бурильной машины. Страница дневника А.Ф. Николаева. 1957 год

Самолет на льдине. Мирный. 1957 год

25 декабря

Была закончена подготовка саней и поезда в целом. Я приказом начальника экспедиции был назначен начальником поезда для похода в экспедицию вглубь Антарктиды. Поезд — из 10 тягачей Харьковского завода и 20 саней цельнометаллических. Тягач мощностью 400 л.с. с канатным талем (таль — подвесное грузоподъемное устройство с ручным или механическим приводом. — *Ред.*). Гусеницы тягача уширены до 750 мм. Удельное давление на покров 0,30 кг/см^2. Каждый тягач загружен грузом оборудования, угля, запчастей по 4,5 т. На буксире по двое саней, груженных по 25 т каждые. Каждые сани весят 6 тонн (собственный вес). Все приготовительные работы окончены. Все сани выведены за пределы поселка Мирный и расположены на леднике.

26 декабря

В 9 часов утра начали собираться миряне около наших тягачей, для того чтобы принять участие в проводах. Вереница тягачей в 10 часов утра тронулась на ледник. Это около 2 километров от поселка. Там я выстроил колонну в сцепе с санями по три машины в ряду и головная машина впереди. Над головной машиной был высоко на мачте поднят государственный флаг. Проводить приехали много членов экспедиций 2-й, 3-й и «Морской» с «Оби». Перед строем тягачей были построены все члены похода. Я доложил начальнику

Эскиз антскафа. Страница дневника А.Ф. Николаева. 1957 год

[экспедиции] о готовности тронуться в путь. Стояла ясная солнечная погода. Температура – 2°С [ниже нуля]. Масса фотоаппаратов, киноаппаратов были запущены в ход. Американцы Кортритиг и Рубин также производили киносъемку. Толстиков открыл митинг, посвященный проводам экспедиции. С речью выступили Толстиков, Корт, Мин и я. Простились и, получив команду тронуться в путь, я скомандовал: «По машинам!» И, когда все тягачисты разошлись по машинам, я выстрелил из ракетницы, что означало начало движения. Огромная колонна вытянулась более чем на километр. Я ехал на головной машине, со мной штурманы Смирнов Дмитрий Иванович и Юра Авсюк, радист Фаенов Анатолий и два водителя – Донин Леонид и Сабитов Зураб. На 13-м тягаче также оборудован штурманский балок станции «Восток». Там штурман Агафоннников, радист Боронин и два водителя – Амосов и Чихичек. Всего в поезде 480 тонн полезных грузов. 150 тонн грузов поезда – топливо и (*неразборчиво*). А всего с весом самих тягачей, саней сегодня в движении находилось 900 тонн. Сразу же по выходе из Мирного с ледника начался крутой подъем в гору. На 8-м километре подъем уже составлял 360 метров над уровнем моря. Машины уверенно продвигались с тяжело груженными санями, и только одной машине пришлось помогать на крутом подъеме. Через 4 часа 30 минут подошли к 25 километрам, где высота составляла уже 560 м над уровнем моря. Здесь температура держится всегда 10–15°С [ниже нуля], и поэтому здесь организован склад продовольствия: мясо, рыба. И здесь же для нас были приготовлены запасы куриного бульона, котлет замороженных. Все это мы погрузили на сани и в свой склад. Приготовили в своем камбузе первый обед. Обед готовил врач станции «Советской» Константинов Володя, который с первых же дней начал осваивать камбуз. Поели все с большим аппетитом. Интересное, могучее зрелище здесь, в ледяной пустыне, представляет собою вид тягачей, построенных в огромное каре. Это целый город на санях и гусеницах. Чтобы не задерживать движение колонны, вышел на 10 тягачах дальше. Скоро пришли на 54-й километр, где у нас уже находилось четверо саней, груженных топливом в бочках, завезенных ранее. Здесь произвели дозаправку всех тягачей топливом и обнаружили на 14-й машине обрыв ленты (правой малой) ПМП. Пришлось вызывать Мирный и просить привезти ленту. Оставил с машиной № 14 штурманскую машину № 13 и вышел с 8 тягачами далее. Погода резко ухудшилась, началась пурга. Отойдя еще 25 км, на 76-м км от Мирного пришлось остановиться, причем колонна растянулась на 3 км. Оставив все машины на 75-м километре, вышли на первой штурманской машине обратно навстречу своим оставшимся тягачам. Оказалось, что машины застряли – в глубоком снегу зарылись гусеницами. Вытянули их и подошли к основной колонне. Пурга разыгралась редкая по силе, видимость в пределах одной машины. В таких же условиях были те две машины, которые остались на 54-м километре.

27 декабря

К концу дня удался просвет на 54-м километре, и туда прилетел самолет Перова и привез запчасти. Мы постоянно держали связь с нашей второй штурманской машиной. Только 28 декабря ночью в сильную пургу я получил запрос штурмана Агафонникова о разрешении на выход к нам по штурманским приборам. Дал разрешение на выход. 6 часов спустя по рации получили сообщение, что машины встали и далее идти не могут, не зная, где найти нас в такой совершенно непроглядной пурге. Взяли их на пеленг по нашей рации, запаслись продуктами и вышли на своей штурманской машине к ним. Мы не знали расположения как своей, так и их машины. С водителем Дониным и штурманом Смирновым Д.И. сели в кабину и поехали в темноту слепым походом по приборам (компасу). Куда едешь – совершенно неизвестно. Найти свой поезд можно было только по своим следам. Проехав таким образом 1,5 км, впереди слева по курсу увидели наши стоявшие машины. Товарищи Агафонников и радист Порокин (?) Ст.Вад., Чихичек были страшно обрадованы нашему появлению, развернулись на обратный курс и, еле стоя на ногах от сильного ветра, пошли с штурманом Смирновым по еле заметному следу, оставленному нашей машиной, и благополучно дошли до наших машин. Пурга продолжалась с прежней силой. Простояли еще сутки.

29 декабря

Потеряв всякое терпение на улучшение погоды, решили тронуться в путь по ранее намеченному курсу. Навстречу ветру с сильной пургой вышли наши машины, растянувшись на расстояние более двух километров. Предварительно я предупредил, собрав всех водителей, о соблюдении дистанции, сигнализации и связи. Установил порядок движения, всем было приказано зажечь красные фонари, расположенные на высоких мачтах и направленные назад. Сам я сел за рацию и, приказав трогаться, держал связь с каждой машиной на рации 10РТ. Каждый водитель имел в кабине рацию, докладывал о готовности к движению, о том, что он идет. Я запрашиваю о режиме работы двигателей и разности оборотов и слежу за темпом и режимом работы всех двигателей. Прошли таким образом 20 км. Остановились на завтрак. На одной машине (водитель Киреев) в кузове оборудован специальный балк-камбуз. Три часа ушло на приготовление пищи и завтрак. Врач – он же повар – Володя Константинов приготовил хороший завтрак-обед с первым и вторым.

30 декабря

После завтрака тронулись снова в путь. Огромная тяжесть 2 саней на прицепе каждого тягача приводит к частым остановкам: то у одного, то у другого рвались

Гараж и аэродром в Мирном. 1957 год

фаркопы прицепных устройств. Пришлось заменять, а когда нечем было заменить, ставили тросы. Прошли еще 33 км. После обеда, длившегося 3,5 часа, вышли вновь и уже 31 декабря остановились на завтрак, пройдя 50 км. Всего на 2 часа 31 декабря пройдено 181 км. Пурга продолжается, но просвечивает солнце. Сейчас готовится обед. Вся армада тягачей выстроилась, заняв широкий фронт необъятных просторов Антарктиды. Штурманы Смирнов и Авсюк, пользуясь появившимся солнцем, проводят длительные и многократные определения нашего местоположения и направления дальнейшего курса. Сегодня 31 декабря — последний день 1957 года. Приходит масса радиограмм поздравительных от близких и знакомых, от разных коллективов и предприятий. Прошли за 31 декабря 120 км, израсходовав по 1000 литров на машину. Это расход полный, со всеми работами по прогреву и работой вхолостую на стоянках. Температура воздуха — 16°С. Снежный покров стал твердым с большими заступами алебастрового типа. Идем на 2-й передаче. 5 машин прошли участок 84 км, израсходовав 550 л. Средняя скорость —10 км/час. Часть машин (5 тягачей) могут идти только на 1-й передаче, поэтому значительно отстали. Мы, прибыв на 250-й километр на 5 машинах, проводим профилактику и дозаправку машин. На камбузе готовится праздничный ужин в честь Нового года. К тому времени, когда подойдут остальные тягачи, будет готов обед. До «Пионерской» осталось 125 км. Надеемся завтра прибыть туда. Сегодня пролетал самолет и несколько скорректировал наш путь. Сейчас стоим на трассе у вехи из бамбука. В 23.30 подошли на 330-й километр. Всего 45 км нас отделяют от станции «Пионерской». Подошли все машины. Заведомо готовили закуску для встречи Нового года. Машины поставили в каре. Сильная поземка при ясном небе. Около камбуза были поставлены два складных дюралевых стола. На столе стояли маленькая елочка, украшенная всевозможными елочными украшениями, и несколько красных китайских термосов, наполненных спиртом. Закуска самая полярная: ветчина в банках, телятина и апельсины. Я открыл торжественный митинг, предоставил слово заместителю В.К. Бабарыкину по зачтению приветственных телеграмм, которые нам прислали многие коллективы к Новому году. После зачтения телеграмм я выступил с приветственной речью и провозгласил тост за здоровье, за встречу Нового года, за дальнейшие успехи в выполнении порученного задания. Во время всей церемонии шла киносъемка. И салют ракетой. Вся процедура длилась полчаса. После этого всем была команда «По машинам!», и тронулись в путь до «Пионерской».

1958 год

На утро 1 января мы были на подходе к Пионерской. Еще издали мы увидели высоко на мачте развевающийся флаг станции «Пионерской». В 3 км от станции мы передней штурманской машиной остановились для того, чтобы подтянуть всю колонну. Вдали ожидающие нас «пионеры» от нетерпения выпускали ракеты, приветствуя нас. Тронулись к «Пионерской» всей колонной. Навстречу нам вышел один из их представителей, механик... Повстречавшись с ним, мы посадили его

в нашу штурманскую машину и продолжили движение. Обошли аэродром и выстроили нашу мощную колонну машин. Сразу на «Пионерской» вырос целый город с штурманской машиной в середине и развевающимся государственным флагом на ее высокой мачте. Выйдя из машины, я с Бабарыкиным отправился с визитом на станцию «Пионерскую». Встретили нас весьма радостно. Для того, чтобы попасть в кают-компанию, нам пришлось открыть западню и спускаться глубоко вниз по вертикальной лестнице. Сразу попадаем в полутемный коридор, где раздеваемся. Тут же в одном углу живут два пингвина, завезенные еще (неразборчиво) с Мирного. Проходим в жилое помещение, где живут 4 «пионера»: начальник Павлов Сергей Алексеевич, радист Коля, механик Вася, аэролог и магнитолог Женя. После приветствий я связался по их радиостанции с Мирным и доложил Толстикову о нашем прибытии на станцию «Пионерскую». Толстиков поздравил нас с успешным прибытием. Далее выяснилось, что на одной из наших машин (№ 13 штурманской «Востока»), которая являлась замыкающей колонну, вышел из строя главный фрикцион (фрикцион — муфта для валов, передающая вращение посредством сил трения между прижимаемыми друг к другу деталями. — *Ред.*). Запросили телеграммой, чтобы прислали запасный. На следующий день дважды прилетал самолет, который привозил новую смену и их необходимое оборудование, но нам деталей так и не привезли. С последним самолетом [отправили] своего представителя — бородача водителя машины для ускорения. Получили радиограмму, что необходимые нам детали погружены в самолет, но вылета нет из-за плохой погоды. Начиналась сильная метель. Видимость исчезла. Поднялась неистовая пурга, которая длилась в общей сложности семь дней. Только несколько дней спустя, не видя выхода, нам было дано разрешение снять главный фрикцион с тягача, который находился на «Пионерской» от старой экспедиции. При неистовой пурге подогнали этот тягач к нашим машинам, соорудили подъемник и приступили к разборке тягача. Надо было вытащить из машины коробку передач с главным фрикционом весом 650 кг. Половина состава занималась креплением саней, сильно расшатавшимся за долгий путь. Работа протекала в невероятно трудных условиях. Дыхание спирала неистовая пурга, лицо заледеневало, ресницы и брови замерзали, и часто выдирались волосы вместе с шапкой, когда ее пошевелишь. Двое суток в пургу производили разборку, сборку машины и крепление саней. Когда было все кончено, на седьмой день получили сообщение, что к нам вылетел самолет. Видимость еще была плохая, и самолет при посадке подломил шасси. Мы получили радиограмму: «До прилета самолета не уходить и оказать ему помощь». Иначе надо было высылать второй самолет из Мирного с запчастями, но погода не позволяла этого. Как ни дорого было нам время (надо было уходить с поездом), пришлось принять все меры, чтобы оказать им помощь. У нас в поезде были аппарат электросварки, двигатель внутреннего сгорания и генератор. Но сварщика не было среди той молодежи водителей и состава штурманов, радистов и научных работников станции «Советской». Эту миссию предстояло выполнить только мне. Ан, установленный на санях, был весь покрыт снегом так, что издали это выглядело как снеговая глыба. Разгребли ее лопатами, завели паяльные лампы, отогрели, закрепили двигатель, приготовили все для сварки. Бортмеханик принес ногу шасси, но меня несколько беспокоила большая ответственность предстоящей сварки детали, изготовленной из легированной стали. При этом надо помнить, что я не дипломированный сварщик и электроды были взяты лишь для сварки крепления саней, но выхода не было. Попотел и заварил, да так здорово, что самому нравилось. Механик долго благодарил и [побежал] к самолету, хотя здесь не набегаешься — надо всегда помнить. Да об этом вспоминаешь сразу после пробега 5—6 шагов, что здесь высота 2700 метров и давление 518 мм ртутного столба вместо 760 мм рт. ст. на земле. Здесь долго варится мясо. У многих здесь понос — обычное явление. Выпить более 100 граммов нельзя — усиленный пульс, резкое изменение давления крови. Накануне нашего отъезда со станции «Пионерской» получили приглашение «пионеров» прийти к ним. Встретили нас старый начальник станции Павлов Сергей Алексеевич и новый начальник станции К.Н. Силин, Григорий Мелентьевич присутствовал и Бабарыкин, начальник станции «Советская». Ужин прошел в самой теплой, дружеской обстановке, разошлись очень поздно. На другой день после исправления самолета дал команду готовиться к отходу колонны. Пурга, видимость всего несколько метров. Предстояло идти с молодым штурманом Юрой Авсюком. Штурмана Частичника, который шел с нами до «Пионерской», я решил отпустить, и он улетел с последним самолетом. С этим же самолетом улетел и старый состав «Пионерской». Тепло распрощались с ними.

8 января

В 14.00 тронулись в дальний путь вглубь Антарктиды. Сразу же после выхода установили радиосвязь с каждой машиной, которые имели рации. Последней шла вторая штурманская машина № 13, которую, кстати сказать, переименовали в 3 [третью], отбросив единицу (уж очень много она доставляла нам неприятностей). Эта машина, оснащенная штурманским оборудованием и двумя рациями 10РТ и РСБ-70, должна была идти последней, замыкая шествие и сигнализируя о движении всех машин. Наша задача штурманской головной машины № 19 заключалась в том, чтобы прокладывать путь по неизведанным просторам Антарктиды и давать соответс[твующие] команды для движения. Иногда по радио я передавал команду двигаться на 1-й передаче или переходить на 2-ю переда-

чу, задавал режим работы двигателей или запрашивал каждую из машин — какой режим работы их машин, и соотв[етственно] исправлял. И так длится 10 часов подряд, пока не придем на новую стоянку, которую выбираем для приготовления обеда и заправки и профилактики машин. Обычно за головной машиной шла машина № 17, оборудованная камбузом на тягаче, и сразу же с приходом к месту стоянки ее водитель Саша Киреев и механик станции «Советской» Леша Зотов запускали двигатель камбуза, включали электроплиты общей мощностью 16 кВт, и доктор (он же повар) Константинов Володя начинал готовить обед. А в это время остальная колонна под контролем моей штурманской и штурманской № 13, замыкающей колонну, подходила к лагерю. С подходом начинался осмотр машин, уход за ними, заправка, смазка, подкрепление, в том числе и саней. К этому времени Володя обычно уже подготавливал обед. На все это уходило 3—4 часа. После обеда заступала новая вахта водителей, и снова в путь. Мне смены нет, поэтому приходится вырывать только немногие часы для сна. Беспокойство за все остается даже во сне, поэтому сон обычно бывает очень чутким — малейшее изменение ритма движения, остановка — немедленно просыпаешься, одеваешься на бегу и выскакиваешь на улицу, часто в пургу, туман без всякой видимости. И так день за днем. Все дальше и дальше вглубь материка. Все больше подъем. За сутки делаем в среднем 100 км, по 50 км за переход. Два раза в сутки даю диспетчерские донесения начальнику экспедиции в Мирный.

10 января

Сегодня прошли уже 210 км от станции «Пионерской». Всего от Мирного 505 км. Нас разделяют со станцией «Восток-1» всего 65 км, т.е. один переход. Сейчас один из перерывов. Готовится обед, машины уже подготовлены. После обеда пойдем в путь до станции «Восток-1». Сегодня получили много радиограмм с очень теплыми пожеланиями от отъезжающих на «Оби» и «Кооперации». Высота здесь уже 3200 метров, а далее она все увеличивается. И так до новой, еще никому не известной станции «Советской», которая должна быть нами открыта в районе [Полюса] относительной недоступности Антарктиды.

11 января

Прибыли на «Восток-1» в 19.40. Поезд растянулся на 30 км. Дорога тяжелая. Глубокие заструги. На застругах буксуют тягачи с тяжелыми санями. Приходится в этих случаях по нескольку раз сдавать назад сани на жестком движке до вторых саней, прикрепленных на мощных буксирных тросах. Затем сильным рывком пробивать себе дорогу через заструги. Иногда эту операцию приходится повторять 3—4 раза и более. При этом все, находящиеся в балках тягачей или прицепных саней, ощущают сильные толчки, заставляющие каждый раз просыпаться и хвататься за что попало, чтобы не упасть с нар. Станция «Восток-1» заброшена. Это была вынужденная зимовка экспедиции 1957 года. От нее остался только большой нанесенный бугор, огромные груды пустых бочек и довольно приличный аэродром, пригодный для посадки самолетов на лыжах типа Ли-2. На «Восток-1» к нашему приходу было заброшено небольшое количество бочек с соляркой, и перед самым нашим приходом прилетевший самолет выгрузил нам 5 ящиков яблок, ящик яиц и улетел. И конечно, к нашему приходу все это померзло. Но мы были рады и тому, что осталось. С приездом на «Восток-1» сейчас же начали разводить лампы АПЛ и варить в банках мерзлые яйца. С удовольствием ели привезенные болгарские яблоки. Началась кропотливая работа по профилактике машин, закреплению грузов на санях и заправка машин. По объяснению доктора В. Константинова, под воздействием высоты и малого атмосферного давления у многих, в том числе и у меня, расстройство желудка, ослабляющее весь организм.

На другой день, 12 января, вышли дальше. От «Востока-1» остается 230 км до станции «Комсомольской». Путь по-прежнему тяжелый: постоянный подъем в гору, заструги, снег сыпучий под небольшой коркой 50 мм твердого наста. Машины и сани оставляют колею 300—350 мм глубиной. Подъем от «Востока-1» длится 20 км, и превышение составляет 300 м.

13 января

Заструги уменьшились. Идем компасным курсом 267 без следов. Делаем переходы 40—50 км за смену, а это по 10—11 часов.

14 января

Погода ясная, постоянно светит солнце, оно здесь на 1655-м километре не заходит за горизонт. И что необычно для нас, приехавших из средней полосы Европы, солнце перемещается не слева направо, а наоборот, справа налево.

15 января

После остановки на обед вышли далее в путь до «Комсомольской». Показания спидометра — 1103 км. До «Комсомольской» осталось 120 км. Получили известие по рации с замыкающей штурманской машины № 13, что у нее вышел из строя главный фрикцион. [Трещина] кожуха соединительной зубчатой муфты. Дефект производства вследствие ослабления болтов крепления коробки перемены передач, не совсем надежно закрепленной. Без специального ключа на станции «Пионерской» это сильно осложнило дело. Оставшуюся на 30-м километре машину № 13 решили подтянуть на буксире, послав туда два тягача: один за тягачом

№ 13, другой — за санями № 13. Так, челночным способом, продолжали движение с постепенным подтягиванием то [машины] № 13, то саней до последнего перехода, когда осталось до станции «Комсомольской» 50 км. Здесь решил оставить две пары саней и всем поездом, в том числе с 13-м тягачом на буксире, двигаться до станции «Комсомольской».

Это продолжалось и 16 января.

17 января

В 11 часов 30 минут пришли на станцию «Комсомольскую». Еще издали, примерно за 7 км, к нам навстречу, сильно дымя, мчался тягач, оставленный на станции «Комсомольской» от прошлой смены. В 7 км произошла трогательная сцена встречи со знакомыми зимовщиками станции «Комсомольской» из состава нашей экспедиции. Они, пробыв здесь один месяц, были очень рады нашему приходу. Приехали вместе на станцию «Комсомольскую», доставив им четверо тяжело груженных саней. «Комсомольцам» пришлось много краснеть и извиняться перед нами за то, что в Мирном непомерно тяжело загрузили свои сани и плохо их закрепили. Они очень много доставили нам хлопот в дороге. Пришлось даже частично их разгрузить и без конца крепить.

С момента прибытия на станцию «Комсомольскую» началась хлопотливая работа по заправке машин, смене смазки, креплению саней. Я сейчас же отправился с начальником станции М.А. Фокиным на станцию доложить начальнику экспедиции о прибытии поезда на станцию «Комсомольскую». Доложив, тут же получил радиограмму из Мирного с теплым поздравлением о прибытии. Вскоре отправил два тягача, для того чтобы подтянуть двое оставленных на 50-м километре саней до станции «Комсомольской». Запросил также со станции «Мирный», чтобы с первым же самолетом выслали запасной кожух.

Станция «Комсомольская» ожила от прибывшего на ее территорию целого города огромных тягачей и саней с домиками. Вечером «комсомольцы» устроили нам теплый прием. Приготовили хороший ужин и все, что к нему прилагается. Выпили умеренно, много пить нельзя. Сказывается высота — учащенно бьется сердце, не хватает воздуха. На вечере присутствовал эстонский писатель, приехавший сюда ранее из нашей экспедиции.

На другой день, 18 января, к нам на «Комсомольскую «прибыли с Перовым на самолете Ли-2 Толстиков и Парфенов. Одобрили наш план пути далее преимущественно с одними тяжелыми санями на буксире за каждым тягачом, но с разбивкой поезда по двум направлениям. «Восток» и «Советская» ничего не получали, и решили направить сначала поезд из 7 тягачей и саней с грузами «Востока», а по возвращении идти на станцию «Советскую». Конечно, все это должно происходить в большой напряженности, учитывая, что путь много прибавляется, времени, доступного для движения, остается очень мало. Дружно принялись за переформирование поезда, заправку машин, крепление саней. Вызвали из Мирного одного газосварщика и нескольких плотников. На все это ушло трое суток. Решено, что оставшиеся 1 сани станции «Советской» мой заместитель, он же начальник станции «Советской», со всем оставшимся коллективом должен подготовить полностью к нашему возвращению со станции «Восток».

19 января

При передаче станции «Комсомольской» саней с грузом обнаружилась значительная недостача спирта в бочке, лежащей на санях. Устроил допрос некоторым. Водитель тягача № 14 сознался, что налил из этой бочки термос спирта и отказался назвать соучастников. Собрал весь личный состав тут же у машин, провел внушающую беседу и еще раз опросил об участниках. В итоге зачитал рапорт о необходимости вывезти в Мирный водителя Каптуева. Толстиков был также рассержен случившимся и приказал Каптуеву вылететь первым самолетом в Мирный.

20 января

В 12.30 вся колонна тягачей (7 шт.) с гружеными санями на прицепах были готовы к выходу на «Восток». Пришли проводить Толстиков, Парфенов, весь личный состав станций «Советской» и «Комсомольской». Последние приготовления, напутствия. Бабарыкин снимает киноаппаратом. Даю команду «По машинам!» и, поднявшись в люке штурманской машины № 19, даю зеленую ракету — сигнал к движению. Поезд вытянулся в одну колонну. Обходим аэродром и становимся на курс КК-255 к станции «Восток». В 21.00 пройдены первые 50 км. Остановка на обед, который нам готовит также Володя Константинов, врач, давший согласие поехать с нами до «Востока».

21 января

После обеда продолжаем движение. Устанавливаем четкий режим движения, несмотря на тяжелую дорогу. Колея становится все глубже — уже 40 см. Идем все семь машин по одному следу на 1-й передаче со средней скоростью движения 5,6 км/ч. Расход топлива на первой штурманской машине № 19, которая прокладывает путь, 10 литров в час, на остальных, идущих за нами по колее, — всего 6—7 литров. Идем все кучно. Дистанция 50—100 метров. Кругом безлюдная, необитаемая снежная пустыня. Заструги стали мельче, горизонт шире, но все еще чувствуется подъем. На показаниях спидометра 1394 км. КК-255. Гурии (гурий, гурей — темный маяк или мар, знак, сложенный

Санный поезд отправился в поход. 1957 год

на берегу из камней для приметы становища. — *Ред.*) и масса пустых бочек от предыдущего похода. Глубина колеи становится все больше — уже 450 мм. На остановке, пройдя 100 км от станции «Комсомольской» и уже находясь в балке машины, ощутили резкий толчок от взрыва. Выпрыгнув немедленно из домика на снег, чтобы выяснить, в чем дело, услышали звук уходящего самолета [и увидели его] вдали. О случившемся дал немедленно радиограмму в Мирный. Сообщили, что в этом районе наших самолетов не было.

22 января

Утром, пройдя 150 км от станции «Комсомольской», узнали потрясшую нас весть, что вчера на станции «Комсомольской» после нашего ухода оттуда погиб метеоролог станции «Советской» Коля Чугунов, отравившись газом. Все попытки откачать его ни к чему не привели. Он тем же самолетом вместе с Толстиковым и Парфеновым был отвезен в Мирный. Коля чудесный парень, проделавший вместе с нами тяжелый путь более тысячи километров. И так погибнуть нелепо... Послали Бабарыкину на станцию «Комсомольскую» радиограмму с глубочайшим соболезнованием. Прошли 200 км. Сейчас остановка на обед и дозаправку машин. На остановке провел испытание по определению тягового усилия тягача, необходимого для передвижения одних саней. Еще в Москве, в период подготовки экспедиции, направил к себе в Горький за тяговым динамометром на 20 тонн. И вот этот динамометр был привезен в Антарктиду на т/х «Кооперация», и только на «Комсомольскую» был доставлен на самолете.

Протокол испытания АГТ на тяговое усилие, необходимое для перемещения одних саней с грузом 23 т

Испытание проводили: Николаев, Милов. Тягач № 18. Сани, груженные бочками с дизельным топливом (72 бочки), тара, сепарация, металлическое крепление.

I. Цель испытания:

а) определить тяговое усилие, необходимое для буксировки по колее за тягачом одних саней металлических, имеющих собственный вес 6 т (удельное давление с грузом — 0,25 кг/см^2);
б) тяговое усилие, необходимое для буксировки этих саней при выходе из колеи;
в) тяговое усилие, необходимое для буксировки саней за тягачом, идущим по целине.

II. Проведение испытаний.

Тяговый динамометр был вмонтирован на специальных серьгах между дышлом саней и тросом лебедки.

1-й опыт был произведен по определению тягового усилия, необходимого для передвижения саней по

колее, проделанной двумя тягачами с гружеными санями на прицепе:
1) усилие трогания саней с места при подтягивании лебедкой составило 20 т;
2) установившееся тяговое усилие для передвижения саней по колее составило 5,5–6 т.

2-й опыт:
1) определение усилия на трогание саней с места при выходе из колеи. На целину усилие на трогание с места, замеренное динамометром, составило 22 т;
2) тяговое усилие при выходе саней из колеи на целину –11,5 т;
3) тяговое усилие при движении саней по неразрушенной целине – 6–7 т. При этом сани идут по поверхности снежного покрова, продавливая наст всего на 50 мм;
4) тяговое усилие при движении груженых саней за тягачом, идущим по целине – 6–7 т, глубина колеи – 0,4 м.

Выводы:
1) в глубине Антарктиды в районе станции «Комсомольской» и далее в связи с увеличением сыпучести снега и меньшей плотности наста возможно движение АТТ при буксировке только одних саней, имеющих собственный вес 6 т, удельное давление 0,25 кг/см^2 и груз на санях 23 т;
2) для более эффективного использования запаса тягового усилия целесообразно сани делать больше по длине 10 м. Ширину лыж целесообразно выполнять 600 мм при ширине гусеницы тягача 750 мм. Удельное давление необходимо иметь 0,20–0,22 кг/см^2.
3) целесообразно оснащать подошву лыж саней фторопластом;
4) клиренс достигает точек 0,6 м.

Показания спидометра 1288 км.

Испытания проводил Николаев.

23 января

Погода солнечная. Слабый ветер. Снежный покров относительно ровный. Наст значительно слабее. Прошли 250 км за станцию «Комсомольскую». Колея все увеличивается. Наша штурманская машина с тяжелым балком на прицепе идет только на 1-й передаче. Остальные 6 тягачей идут по колее за нами легко, иногда на 2-й передаче. Мы расходуем 10 литров на 1 км, сзади идущие за нами машины расходуют 7–8 литров. На 250-м километре от «Комсомольской» решил оставить один тягач с санями, с которых уже сняли топливо из бочек верхнего ряда. Оставшихся 35 бочек солярки хватит только на обратный путь. Сбросив пустые бочки с саней, решили построить из них гурию. Гурия получилась очень большая – в четыре ряда высотой. В самой верхней бочке пирамиды воткнули бамбуковую веху. Написали шуточную поэму в древнеславянском стиле о том, кто здесь прошел. Поэма на ротаторной бумаге 2 м длиной. Аккуратно ее свернули и запаковали в китайский термос, который привязали к вершине вехи. Водители 16-го тягача (6 человек) были переселены в другие машины. Тягач с этими санями оставили у гурии и пошли дальше в путь. Прошли 23 января 300 км.

24 января

Продолжаем движение. Снег становится все рыхлее. Солнце светит по-прежнему очень ярко. В движении находимся по 10 часов в смену. Затем остановка. Запускаем двигатель камбуза, смонтированного на одном из тягачей. Доктор Константинов готовит обед. Выделяю ему одного [человека] в помощь, для того чтобы почистить картошку. На обед уходит 3–4 часа. Затем продолжаем движение вновь. Я чередуюсь на вахте со своим флаг-штурманом Ю. Авсюком. 10 часов вахты в кабине весьма утомительны. Хуже всего то, что не хватает воздуха. Видимость через стекла плохая. Приходится открывать лобовые стекла. Холодно, а снизу из-под пола идет горячий воздух, в котором очень мало кислорода. Давление 460 мм рт. ст., проходим самое высокое место между станциями «Комсомольской» и «Восток». Температура – 35–37°С [ниже нуля] . Прошли 400 км от станции «Комсомольской». В походе на «Восток» участвуют:

1) тягач № 19 – Донин, Сабитов;
2) тягач № 14 – Шеркунов, Гуменюк;
3) тягач № 18 (оставил на 450-м километре) – Милов, Задворкин;
4) тягач № 16 (оставил на 200-м километре) – Паршин, Степанкин;
5) тягач № 17 – Киреев, Боронин;
6) тягач № 20 – Савельев, Золин;
7) тягач № 13 – Чихичек, Иванов.
Николаев, Авсюк, Агафонников, Фаенов, Барыкин, Константинов, Ягодкин.
Всего 21 человек.

25 января

Прошли 450 км от станции «Комсомольской». Остается до «Востока» 100 км. Они очень ждут и не раз уже связывались с нами и говорили об этом. Сейчас 20 часов. Производим заправку машин и готовим обед. Решаю оставить здесь тягач № 18 с санями и топливом для обратного пути. 50 освободившихся бочек выбросили с саней. Организовал аврал. Из всех бочек выкачали остатки топлива и заполнили три бочки. Пустые бочки откатили в сторону и построили большую гурию. Тронулись в дальнейший путь.

26 января

Прошли 510 км. Остается до «Востока» 35–40 км. Последняя остановка, просматриваем машины. Ча-

сто ломаются пальцы гусениц. Готовится обед. После обеда тронемся, и сегодня должны быть на «Востоке». Началась сильная пурга, поземка. Видимость плохая. Температура – 36°С [ниже нуля]. Все ближе и ближе «Восток». Уже связались с ним по радио. Там ждут с нетерпением. И вот из кабины в тумане при плохой видимости уже вдали еле различимо темное пятно станции. Всей колонной подходим ближе. На станции заметно оживление, маленькие фигурки бегают между постройками. Взвились в воздух многочисленные ракеты. Мы со всех тягачей даем ответный салют ракетами. Штурман Ю. Авсюк забрался на кабину, я стою в люке. Подходим ближе. Зимовщики «Востока» бегут нам навстречу. Происходит трогательная встреча. Все с фотоаппаратами. Зимовщиков здесь 12 человек разных национальностей... Подходим к станции. Над главным входом зимовщики вывесили огромный лозунг на красном полот[нище]: «Привет участникам героического похода Мирный–"Восток"». Зимовщики устроились с большим комфортом: много помещений, радиорубка, метеостанция, машинное отделение – два двигателя (2ЧА и 4ЧА) работают поочередно, кают-компания, камбуз. Магнитный павильон глубоко под снегом с проходами к стану. По прибытии на станцию сейчас же были организованы стрижка поголовная и баня. Чудесная баня, особенно после того, как месяц не мылись. Пока стриглись, мылись, беспрерывно передавался концерт – записи на магнитофоне. Все намылись, сменили белье, а в это время готовился обильный обед с закуской и, конечно, немного выпить, несмотря на высоту 3800 метров. Все тридцать человек (тридцать три. – *Ред.*) уселись за один большой стол в кают-компании. Меня просили открыть празднество. Я выступил и сказал: «Сегодня исполнился ровно месяц с тех пор, как мы вышли из Мирного и прибыли на "Восток"...» День рождения Фаенова. Вечер прошел в очень теплой обстановке. Спали все очень крепко. Проснувшись, я увидел по часам, что уже спали 8,5 часа, и стал всех будить. Даем задания по подготовке к выходу. На профилактику машин, заправку их всех топливом. На перегрузку своих поездных грузов ушло часов 6. В это время на станции готовили обед. Сытно пообедали, просмотрели кинофильм Жакета, и, провожаемые зимовщиками под салют ракет, в 4 часа утра 28 января тронулись в обратный путь. Через 8 часов уже сделали 100 км и остановились, для того чтобы пообедать и взять с собой оставленные здесь, на сотом километре, сани. Заправили с них. Оставшееся топливо водители погрузили на сани, и тронулись...

29 января

Продолжаем движение. За смену 10 часов делаем 100 км. На 200-м километре из пустых бочек построили огромную гурию. У одной бочки выбили дно, залили в бочку остатки грязной солярки, водрузили бочку высоко на гурию и подожгли. Долго еще после нашего ухода высоко в прозрачном воздухе Антарктиды был виден столб черного дыма, выходивший из подожженной бочки.

30–31 января

Продолжаем движение. В сутки проходим 200 км. На 400-м километре от станции «Комсомольской» на тягаче № 18 лопнул выхлопной коллектор. Заменить его не представлялось возможным. Пришлось тягач № 18 буксировать на всем этом участке. Возвращаемся на «Комсомольскую», имея 7 тягачей и двое пустых саней.

31 января на подходе к «Комсомольской» еще издали увидели некоторое оживление в лагере. За 15 км сделали остановку, подтянули свою колонну и двинулись к станции. Навстречу нам со станции в черных клубах дыма на предельной скорости двигался тягач (один из оставленных там). За 0,5 км до встречи увидели салют ракет, выпускаемых из тягача. На тягаче ехали несколько человек наших водителей, начальник станции «Комсомольской» Фокин Михаил Алексеевич и Бабарыкин, который стоял в люке кабины и снимал киноаппаратом наш подход. Мы со всех машин дали салют ракетами. После встречи вместе отправились к станции, где уже дали салют ракетами.

1–2 февраля

На станции «Комсомольской» мы были тепло встречены. К нашему приходу все сани станции «Советской» были уже подготовлены. Необходимо было тщательно подготовить тягачи. К нашему приходу были завезены самолетом необходимые нам продукты. Самолетами из Мирного продолжали забрасывать топливо в бочках на обратный путь. Интересное зрелище, когда огромный самолет Ил-12 проходит около станции на предельно низкой высоте 5–10 м и выбрасывает из люка одновременно две бочки с дизельным топливом. Бочки с бешеной скоростью устремляются за самолетом, много раз ударяются о снег, подпрыгивают выше самолета и наконец останавливаются. К сожалению, 5–10% из них разбиваются вдребезги.

3 февраля

В 2.30 наконец все приготовления были закончены. Задерживала машина № 20, у которой отказал генератор. Пришлось менять его, а температура – 46°С [ниже нуля]. Сутки работы уже подходили к концу, но тем не менее, не теряя времени, надо было выходить, когда 20-я машина была подготовлена. Еле переводя дыхание, пошел по машинам будить только что прилегших водителей. Но у 20-й машины надо было еще заменить 20 штук пальцев гусениц. И вот всех

водителей собрал у 20-й машины и предложил всем помочь забивать пальцы. Работа очень тяжелая, принимая во внимание, что все это происходит на высоте 3600 м при 45°С [ниже нуля]. Каждый, и я в том числе, по очереди подходил и бил кувалдой по пальцу гусениц. В 2.30, когда все на станции спали (кроме начальника Фокина М.А., который не спал до нашего выхода), я вышел перед строем машин, выстрелил из ракетницы, Фокин дал несколько ракет ответных. После прощания с Фокиным я на своей штурманской машине тронулся [в путь]. Пошли по компасу в юго-западном направлении от станции «Комсомольской» туда, где еще не ступала нога человека, в район Полюса недоступности. КК-302. Поезд вытянулся в одну большую колонну. Все шли за нами по глубокому следу. След за нами в начале движения составлял 0,45 м, за последними машинами — 0,55 м.

В составе колонны:
1) штурманская № 19, балок;
2) тягач № 11, топливо, з/ч;
3) тягач № 12, два балка, уголь;
4) тягач № 13, топливо;
5) тягач № 15, два балка, уголь;
6) тягач № 16, топливо поезда;
7) тягач № 17, камбуз, хозгруз;
8) тягач № 18, топливо поезда.

Только пройдя 50 км, т.е. через 10 часов движения, сделали первую остановку. Остановившись, дал первое донесение Толстикову: «Прошли 50 км. Все в порядке. После обеда будем продолжать движение». Беспрерывно светит солнце, но перемещается низко над горизонтом справа налево. Кругом ослепительный снег с совершенно незаметными подъемами и спусками. Когда смотришь кругом, то кажется, что в любую сторону подъем. Поверхность снега имеет наст, который удерживает человека, а далее [под ним] сухой сыпучий рыхлый снег. Плотность его уменьшается на поверхности 100 мм. Плотность снега на 50-м километре составляла 0,4 по отношению к воде, на «Комсомольской» — 0,42—0,45. В этих районах поверхность снежного покрова несколько отлична. Она напоминает по характеру крупную рыбью чешую с отдельными мелкими ракушками и рваными мелкими выступами. Уже много дней нашего пути. 7—10 дней стоит безветренная погода, иногда поземка. Колея становится глубже: за нашей машиной — 0,5—0,55 м, сзади колонны — 0,6 м. Взял динамометр, чтобы измерить тяговые усилия. После обеда, который готовили 5,5 часа в нашем камбузе, вышли далее. На вахту вступили отдохнувшие водители.

4 февраля

Прошли 100 км. Температура — 42°С [ниже нуля]. Давление уменьшается, трудно становится дышать. Идем на подъем. Давление 460 мм. Камбуз совсем отказывается работать. Двигатель едва тянет и положенных 220 В напряжения не дает, всего 170 В, а стало быть, еле греет. На приготовление обеда уходит очень много времени. Рельеф снежного покрова тот же. Когда проходили 170-й километр, вахтенный радист Толя Фаенов доложил мне, что самолет Ил-12 с Перовым на подходе к нам, будет бросать на парашютах своевременно не доставленные нам грузы. Приказываю остановиться, выхожу из машины и вижу низко летящий самолет. Открывается его люк, и рядом с машиной при едва раскрывшемся парашюте падает длинный ватный мешок. Быстро смотав парашют, [его и сброшенные] два мешка картошки убираем в балок. Самолет делает второй заход и выбрасывает второй парашют. В нем два ящика пальцев гусениц. Пальцы у нас часто летят. Приходится то и дело их менять. Уже извели 5 ящиков (в ящике 35 шт.). Пальцы для этих районов надо калить как можно меньше. Они почти не изнашиваются, но от мороза часто ломаются. Самолет сделал третий заход, помахал крыльями и ушел к Мирному.

5 февраля

Приближается мой день рождения, 6 февраля. Получил за последние дни много теплых телеграмм от родных и друзей с поздравлением. Прошли 150 км. Давление еще меньше — 459 мм. Это уже около 4000 м. Камбуз отказывает. Пришлось готовить обед в камбузе станции «Советской», где стоит дизель 2ЧА и генератор 10 киловатт. Чтобы быстрее пообедать, готовим обед в каждой машине на обычной чугунной печке вагонного типа. Жарим лук с маслом и картошкой, разогреваем мясные консервы. Температура — 42°С [ниже нуля]. Появились новые явления на последнем перегоне. Было два случая, когда тягач № 17 и сани тягача № 19 без каких-либо оснований глубоко тонули (на 1,5 м) в рыхлом снегу. Приходилось вытаскивать лебедками и двумя тягачами. Что это — осадка снега, может, в трещине, или просто осадка рыхлого снега? Сказать трудно. Так и доложил Толстикову, и продолжили движение. В составе поезда следующие грузы:

1) балок «Советской» за № 19 — 20 т;
2) два балка по 12 т — 24 т;
3) топливо, вспом[огательные] грузы — 25 т;
4) два балка по 12 т — 24 т;
5) уголь — 9 т;
6) хозгрузы — 25 т;
[всего] —128 т [127];
7) топливо поезда, трое саней и вспомогательные грузы, запчасти, АПЛ и т.д. — 50 т.
Всего состав поезда — 178 т [177].
Личный состав — 27 чел.

Прошли 202 км. Координаты: широта — 75°, долгота — 94°35'. Дано задание идти в юго-западном направлении от станции «Комсомольской» на 80° южной

Ремонтные работы во льдах Антарктиды. 1957 год

широты, 80° восточной долготы. Сегодня 5 февраля 1958 года. Расстояние от станции «Комсомольской» 200 км. Температура воздуха – 42°С [ниже нуля]. Координаты: широта – 75°43', долгота – 94°35'. Плотность снежного покрова – 0,33. Снежный покров ровный. Наст с небольшими выступами. Толщина наста – 80 мм. След от человека на насте – 40–50 мм. Колея за первой машиной, тягачом весом примерно 30 т, при удельном давлении 0,3 кг/см^2 составляет 0,5 м. За 5–6-й машинами колея – 0,6–0,65 м.

Протокол испытания на определение тягового усилия, необходимого для буксировки саней, от 5 февраля 1958 года.

Место испытания: Антарктида, 200 км от станции «Комсомольской», координаты: широта – 75°43', долгота – 94°35'.

Цель испытания: замерить тяговое усилие, необходимое для буксировки саней.

Проведение испытаний: для проведения замеров к фаркопу саней, имеющих собственный вес 6 т и полезных грузов 22 т, был закреплен тяговый динамометр с предельным усилием 20 т. С другой стороны динамометр был закреплен за трос лебедки тягача. Замер проводился с одними санями указанного веса 28 т: 1) при трогании их с места и движении по колее, 2) при выходе на целину, 3) замер тягового усилия, необходимого при движении саней с полезным грузом весом примерно 30 т (сани хозгрузов «Советской»).

Результаты измерений:
I. 1) усилие, необходимое для трогания саней весом 30 т (24 т полезного груза), составляет 20–22 т (по колее глубиной 0,5 м);
2) усилие, необходимое для буксировки саней указанного веса по колее глубиной 0,5–0,6 м, – 6 т (5,5);
3) усилие, необходимое для вытягивания этих саней из колеи глубиной 0,5 м на целину, составляет 12 т.

II. Замеры на санях с хозгрузами 6 + 27 = 33 т:
1) усилия трогания – 22–25 т с резкого рывка;
2) усилия, необходимые для вытягивания саней из колеи глубиной 0,5 м, – 12–14 т;
3) усилие, необходимое для буксировки этих саней по колее глубиной 0,5 м, – 7–7,5 т;
4) движение этих саней неустойчиво – при достижении усилия 7,5 т тягач буксует, что свидетельствует о том, что при плотности снега 0,33 максимальное тяговое усилие, которое может развить тягач весом 30 т при удельном давлении 0,3 кг/см^2, – 7,5 т.

Выводы:

1) при движении тягача весом 30 т при удельном давлении на снежный покров 0,3 кг/см^2 по снегу, имеющему плотность 0,33, максимально полезный груз на санях при удельном давлении 0,3 кг/см^2 составляет 27 т, или общий вес 33 т. При меньшем весе движение может производиться более устойчиво;

2) целесообразно для надежного движения по указанному снежному покрову а) уменьшить удельное давление тягача за счет уширения и удлинения гусениц,

б) уменьшить удельное давление на снежный покров саней за счет уширения и удлинения саней. При этом можно увеличить грузоподъемность саней до 40 т полезного груза.

Испытание проводили: водители 1) Паршин, 2) Золин, 3) Якимчук, 4) Боронин (рация). Руководил испытаниями Николаев.

6 февраля

Прошли 250 км. Координаты: широта — 76°13', долгота — 93°22'. Температура — 39°С [ниже нуля], ночью — 46°С [ниже нуля]. На машине № 12 вышел из строя главный фрикцион, сгорел упорный подшипник № 60722. Выделил бригаду — Донин, Паршин, Ерохин, Милов, Гуменюк — для разборки машины и замены подшипника. Пришлось провести большую разборку, снять капот, радиатор, балку вентилятора КПП, заменить подшипник и, наконец, кропотливо провести центрирование КПП с главным валом двигателя. Все это на морозе до 40°С [ниже нуля]. Работу выполнили менее чем за сутки. В этот день, 6 февраля, мой день рождения, получил много поздравительных телеграмм от друзей. В 5 часов меня пригласил состав станции «Советской» к ним в балок отметить этот день. Доктор Константинов приготовил все необходимое. Бабарыкин от имени всех собравшихся человек десяти, свободных от вахты, очень тепло поздравил и преподнес как подарок книгу «Возрождение» с теплой надписью за подписями нескольких человек. Долго еще этот день отмечали. Потом вся бригада, закончившая сборку (центровку я закончил сам), пришла поздравить меня. Закончили [праздновать] поздно вечером и вышли в поход далее. Вышли все в норме, и все прошло благополучно. Сделали за смену 10 часов 55 км. Парфенов запросил мои соображения по вопросу поведения машин похода и пожелания для изготовления новых антарктических машин.

7 февраля

Прошли 300 км. По спидометру 346 км. Координаты: широта — 76°38', долгота — 92°38'. Температура — 40°С [ниже нуля]. Давление — 455 мм. Солнечный день, снежный покров ровный, небольшие заструги. Передал Парфенову замечания по машинам и необходимые соображения по созданию новых антарктических машин. Всего 25 пунктов. Отрываем шурфы на глубину 1,2 м. Устанавливаем, что снег имеет слоистый характер с годовыми образованиями 10—12 см. Плотность снега 0,34 по отношению к воде. Замерено снежным плотномером.

8 февраля

Прошли 370 км. Координаты: широта — [не указаны], долгота — [не указаны]. Температура — 46°С [ниже нуля]. Давление — 455 мм. Остановка на обед. Очень плотным сравнительно стал снежный покров. Колея за 1-й машиной — 0,25 м, за последней, 8-й — 0,5 м. Поверхность снега в мелких застругах (завитушках). Плотность снега — 0,44.

9 февраля

Прошли 426 км. Температура воздуха — 47°С [ниже нуля]. Давление — 455 мм. Плотность снега резко снизилась — 0,32. Колея за 1-й машиной — 0,55 м, за поездом — 0,6 м, за отдельным тягачом на разворотах — 0,8—1,2 м. Снег очень рыхлый. Заправились. Оставили еще одни сани с 30 бочками топлива на обратный путь. Из пустых 35 бочек построили гурию 5-этажную и звезду диаметром 25 м из 37 бочек — знаки главным образом для самолетов. Дал телеграмму Толстикову. Он очень заволновался из-за рыхлости снега и низкой температуры. Дал распоряжение на подбор площадки для строительства станции. После обеда продолжаем движение. Решил выдвинуть станцию не менее чем на 550 км, о чем поставил в известность Толстикова. Тут же он сообщил телеграммой: «Вы молодцы. Так держать. Толстиков». Готовлю планы строительства станции и аэродрома профилактики и ремонта машин. На стоянке провел испытание на определение тягового усилия.

Результаты испытания

Балок «Советской» на узких лыжах общим весом приблизительно 12 т, имеющий клиренс 450 мм, требует тяговое усилие по колее 6,5—7 т. Тягач в состоянии развить [усилие] в сыпучем снегу 7,5 т. По колее тягач обеспечивает тягу одного балка волоком надежно, при выходе на целину буксует.

Вывод

Тягачи должны иметь меньшее удельное давление на снег, т.е. 0,25 кг/см². Уширить и удлинить гусеницы. Сани старого типа непригодны. Сани новые необходимо делать длиннее на грузоподъемность до 40 т, уменьшить удельное давление до 0,25 кг/см² за счет уширения и удлинения лыж. Клиренс увеличить до 0,7 м. Лыжи оснастить фторопластом. Свои соображения по новым машинам послал Парфенову для передачи в Москву [неразборчиво].

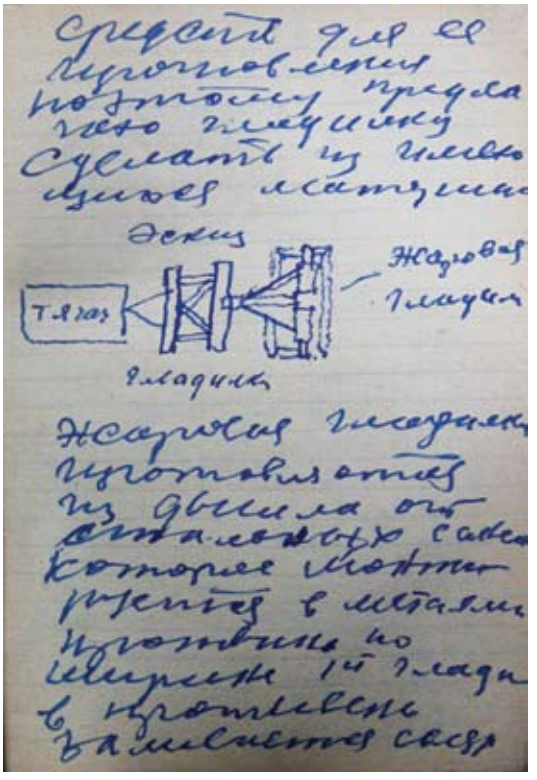
В порядке подготовки к строительству аэродрома на станции «Советской» предлагаю сделать в Антарктиде в районе Полюса недоступности ледовый аэродром на снегу, для чего необходимо сделать жаровую гладилку по прилагаемому эскизу. Жаль, что нет надлежащего оборудования и средств для ее изготовления, поэтому предлагаю гладилку сделать из имеющих-

ся материалов. Жаровая гладилка изготавливается из дышла от стальных саней, которое монтируется в металлический противень по ширине одной глади. В противень заливается солярка и закрывается направляющим кожухом для направления пламени горящей соляры на снежную укатанную поверхность. Противень изготавливается из 3 бочек, у которых выбиваются днища, бочки разрезаются по длине. Три такие полосы склепываются в замок, и борта отгибаются. Дышло к противню закрепляется хомутами. Кожух также изготавливается из полос от бочек. На станции «Советской» надеюсь изготовить такую гладилку и построить ледовый аэродром.

За эти сутки сделали второй переход. Прошли 480 км. [Координаты:] широта – 77°58', долгота – 89°16'. Температура – 45°С [ниже нуля]. Остается последний переход.

10 февраля

Температура – 48°С [ниже нуля]. Идем последний переход. Оставил двое саней на трассе: первые – на 200-м км, вторые – на 450-м км. Идем на восьми тягачах, перераспределив имеющиеся 8 саней, в том числе 5 балков. Последний переход [поезд] веду сам вместо штурмана, выбираю площадку для станции. Толстиков уже давно на 400-м километре давал указания, что если будет трудно, то оставить станцию и срочно возвращаться на «Комсомольскую». Его очень напугало мое сообщение о большой сыпучести снега на предыдущих этапах, что вызывало большую колею после тягачей: 1,0–1,2 м местами. Нашел возможным передвигаться дальше. Снег по-прежнему рыхлый, иногда перемежается справа небольшими участками более плотного снега. По-прежнему кругом равнина с очень небольшими склонами. Высота от «Комсомольской» все время, хотя и мало заметно, повышается. Прошли на последнем этапе 75 км, что соответствует 555 км от «Комсомольской», а по спидометру равно 3000 км общего пробега нашего тягача. Я решил остановить поезд, вышел [перед] своей штурманской машиной, выстрелил из ракетницы, забросив ее высоко вверх, и тем самым известил всех о конце нашего похода, что здесь и будет станция «Советская» (широта – 78°24', долгота – 87°35'). Машины по мере подхода собирались вокруг штурманской, выскакивали, одеваясь на ходу, все участники экспедиции. Дали общий салют ракет и вместе с Бабарыкиным приступили к разбивке площадки. Сразу же определили, где должна быть площадка станци[онного] аэродрома. Созданные мной перед этим строительные бригады сразу приступили к своим работам. Бригада Долина: Милов, Иванов, Задворников, Юрченко – приступили к ремонту тягача № 18, у которого вышел из строя главный фрикцион. Это уже третий случай. Бригада Бабарыкина и приданные ему 9 человек тягачистов принялись расставлять балки станции и строить вспомогательные



Эскиз жаровой гладилки. Страница дневника А.Ф. Николаева. 1958 год

помещения. Бригада Малинова в составе Боронина, Фаенова, Агафонникова принялась за разбивку площадки радиомачт и их установку. Я с бригадой из 5 человек приступил к строительству аэродрома. Разбили площадку длиной 2,2 км, шириной 45 м. Начали проводить уплотнение этой полосы гусеницами двух тягачей. Это уплотнение гусеницами проводили в течение двух дней, а затем укатку этой полосы с помощью гладилки... Не было листовой стали, чтобы изготовить жаровую гладилку для создания ледового аэродрома. Бочки, разрубленные для получения листовой стали, оказались непригодными для этой цели, так как при разрезании лопались на морозе по кромкам, как стекло.

11 февраля

Температура все ниже. Ночью – 58–60°С [ниже нуля]. Высота – 3750 м, давление – 452 мм. Но тем не менее дружно ведутся строительные работы. Подняли первую радиомачту, составили жилые балки, образовавшие внутри большой коридор, который надо застраивать. Начали наводить полы, потолки, перегородки. Все это с теплоизоляцией в два слоя твердой деревоплиты, сверху теплоиз[оляционных] щитов – брезент и фанера. Делали из расчета еще более низ-

ких температур. Устинов, Юрченко продолжают укатывать аэродром гладилкой. Отдельные бугры срезаем гусеницами тягачей и движением гладилки поперек полосы. Закончили ремонт тягача № 17. Поставили на морозе новый главный фрикцион. Помогла лампа МП-44, которую запустили и рукав теплого воздуха направляли в моторное отделение.

12 февраля

Прилетел первый самолет на станцию «Советскую». Летчик В.М. Перов на самолете Ил-12. Сбросил на парашюте недостающие стройматериалы. Больше идет теплоизоляции, еле пролезали в люк самолета, иногда зацепляются. Был случай, когда парашют зацепился за самолет, оборвались стропы и плиты полетели, рассыпаясь в воздухе без парашюта. Кусок парашюта так и болтался под фюзеляжем самолета. 8 заходов делал самолет на сброс. Наконец бросил заветный мешок с письмами. Все полярники поезда и станции бегом, падая, устремились к этому мешку, раздавались радостные возгласы получивших письмо с далекой родины. Самолет улетел. Собрали сброшенные грузы и приступили к дальнейшей работе по строительству. Получается компактное, но просторное помещение станции. Своя электростанция, радиостанция, метеостанция, жилые балки, просторные коридоры. Установили печи и т.д.

13 февраля

Продолжали строительство. Снова прилетел самолет, который должен сбросить антифриз в бочках для станции и бензин нам, поезду. Самолет Ил-12 заходит, [ориентируясь] на разложенный на снегу костер, и с высоты 5—10 метров через люк сбрасывает одновременно две бочки. Бочки устремляются за самолетом со страшной силой, описывая пологую траекторию, затем, как бомбы, ударяются о снег, вырывают воронку и продолжают с огромной быстротой скакать на расстоянии примерно 100 м, пока не остановятся. И тут выясняется, что бочки с бензином стоят с развороченным дном, все содержимое из них вылетело. Антифриз в 100-литровых бочках оказался цел. Пришлось сообщить самолету эту печальную весть и просить снова бросить. Все работают, несмотря на сильный мороз, с большим энтузиазмом.

15 февраля

Утром сообщили об окончании строительства аэродрома и готовности принять самолет Ли-2 на посадку. Приходила масса поздравительных телеграмм, в том числе от большого совещания в Ленинграде: «Все собравшиеся на совещание во дворце полярники шлют горячие поздравления». Подписано замминистра, гл. сек. [неразборчиво] коллегии. Много поздравлений с «Оби». Работы по строительству заканчиваются. Получил радиограмму открывать станцию поднятием флага, не дожидаясь прилета самолетов. Температуры 55—60°С [ниже нуля] пугают летчиков летать на «Советскую».

16 февраля

До обеда проводим окончание строительных работ. Утром собрал всех на короткий митинг, чтобы мобилизовать на быстрейшее окончание работ. Доктор Володя Константинов в это время уже готовил торжественный обед. В коридоре установили печку и натопили помещения. Отпустив на 0,5 часа всех для подготовки к торжественной церемонии, я заканчивал оформление фасада станции. Написали вывеску: «Антарктическая научно-исследовательская станция “Советская”». Заключили ее в рамку и повесили над входом. Побрившиеся полярники подходили в ожидании торжества и обеда. Приказал всем выходить на площадку перед станцией около радиомачт и построил весь личный состав станции «Советской». Затем выступил с короткой речью о завершении трудного похода, строительстве станции, о готовности ее к открытию, пожелал счастливой зимовки, успешной работы составу станции и счастливого возвращения на родину. Провозгласил здравицу за Родину, подхваченную криками «Ура!» и бросанием шапок. Затем в 16.30 раздалась команда поднять флаг, и дал салют ракетой, после чего все экипажи из всех ракетниц дали салют. Высоко в небе разгоревшиеся ракеты чертили белые дуги. Одна из ракет, вернувшись по круговой траектории, пробила флаг, сделав в нем обожженное отверстие. После этого он стал нам еще дороже. Вслед за государственным флагом подняли флаг — подарок пионерского отряда Оханского детского дома (г. Оханск Пермского края. — *Ред.*). Сразу же после окончания церемонии вошли в построенную нами станцию. Там уже был накрыт стол с вином и хорошими закусками. После 50-градусного мороза как приятно было видеть длинный празднично украшенный стол в теплом помещении. Быстро разделись. Мы с Бабарыкиным заняли два стула в конце стола. Я провозгласил тост за Родину и счастливую зимовку, успешную их работу и быстрейшее наше возвращение в Мирный. После этого Бабарыкин передал трем лучшим экипажам машин подарки пионеров Оханского детского дома — три пионерских галстука Донину, Чихичеку, Паршину, которые тут же их повязали. Вскоре завели магнитофон с хорошей записью. Затем пели русские песни, и наконец совершенно неожиданно Маликов включил магнитофон со свежей записью пропетых песен. Многие узнали свои голоса и реплики. После всего этого смотрели кино «Весна». Вечер прошел в самой теплой дружеской обстановке среди жестокого мороза, на большой высоте и [при] низком давлении. Послали с Бабарыкиным ряд телеграмм, извещающих о пуске станции, о поднятии флага.

17 февраля

До полудня заканчивали мелкие работы и проводили профилактику машин: меняли пальцы гусениц, много потратили времени на прогрев машин. Масло в двигателе застыло, как асфальт, и нечего было думать запускать машины или трогаться с места без длительного предварительного прогрева. Наконец, только к позднему вечеру все было закончено. Это было в 23.30 17 февраля. Подготовили машины к походу, настало время прощания. Здесь при обжигающем морозе невдалеке от станции состоялось трогательное, сердечное прощание. После этого я выстрелил из ракетницы, дав команду «По машинам!». Одновременно из всех ракет поезда и станции был дан салют.

18 февраля

Ночью при зашедшем впервые за горизонт солнце поезд тронулся в дальний обратный путь. Необходимо уходить как можно скорее. Надвигалась полярная ночь. С каждым днем понижается температура. За первый же 10-часовой переход прошли 115 км. Шли на 2-й и 3-й передачах, увлекая за собой одни сани со станции «Советской». На стоянке температура – 53°С [ниже нуля]. Готовим обед и выходим далее. Езда на 2-й и 3-й передачах по задутой колее. Страшное дело, бросает в балках с невероятной силой, спать трудно, но ехать надо, несмотря на усталость и невероятное желание спать. За второй переход в этот день прошли еще 115 км и дошли до оставленных здесь саней с топливом на обратный путь. На этом месте у нас сделана огромная гурия из пустых бочек и огромная звезда из 50 бочек. Вновь освободившиеся бочки также дополняем для более четкого изображения звезды, они здесь надолго останутся памятником, там, где не ступала нога человека.

19 февраля

Прошли 350 км. Остановились на обед у вторых саней, оставленных с топливом на обратный путь. Готовится обед. Производим заправку машин и освобождаем бочки от оставшегося топлива для того, чтобы построить еще гурию. Спешим, спешим. Температура – 55°С [ниже нуля] подгоняет.

20 февраля

Утро, 6 часов. Прошли 45 км. Остановка на обед. Снег стал заметно плотнее. Уже 4 часа продолжается ночь. В балке без света ничего не видно. На время обеда включили свет от аккумуляторов. Часто ломаются пальцы гусениц. Гусеницы, затягивающие пальцы перекалены – хладоломкость. Ломаются болты крепления маховика.

21 февраля

Ночью прибыли на станцию «Комсомольскую». Температура – 50°С [ниже нуля]. Еще издали увидели над станцией «Комсомольской» сигналы ракет. Зимовщиков здесь всего четверо, пятого – метеоролога Игоря отправили на операцию аппендицита. Встретил нас весьма радушно начальник станции Михаил Алексеевич Фокин. По прибытии на станцию «Комсомольскую» дал телеграмму в Мирный. Надеюсь задержаться здесь на минимум времени. Но надо заправить машины, сделать профилактику, а главное, также восстановить два тягача для будущего весеннего похода – № 14 и 18. На тягаче № 18 поломан выхлопной коллектор. Его посылал в Мирный для сварки, но они прислали другой коллектор и передок [неразборчиво] тали вместо правого прислали левый. Пришлось снимать со старого тягача прошлых экспедиций, а это очень трудно, тем более при 50–55°С [ниже нуля]. «Комсомольцы» предложили на другой день после нашего прихода помыться в бане. Натопили баню, где можно одновременно мыться двоим. Очень чисто, помылись с большим удовольствием. Миша Фокин, Павлик наперебой с большим вниманием ухаживали. Пробыли на станции «Комсомольской» двое суток. После аврала за торж[ественным] ужином попрощались и отправились заводить машины. Зимовщики станции Комсомольской провожали [нас] салютом ракет. Отправились в дальнейший поход. Толстиков дал распоряжение помочь с разборкой аварийного самолета на трассе нашего похода и детали доставить в Мирный.

24 февраля

Прибыли на промежуточную станцию (где нет зимовщиков от «Востока-1»), что в 230 км от станции «Комсомольской». Здесь имеется аэродром, и было к нашему приходу заготовлено топливо – солярка.

Утром 25 февраля к нам прилетел самолет Ли-2 (пилот Перов), привез бригаду авиамехаников, которые пойдут с нами к самолету для его демонтажа. Вышли к самолету 25 февраля. Перед этим на «Востоке-1» произвели заправку машин, навели порядок с бочками. Много бочек пришлось выдергивать тягачом глубоко из снега. Отремонтировали передутый аэродром. С бригадой в 4 человека прилетел ст. инженер авиаотряда экспец Николай Васильевич Беруников, которого мы поместили в своем балке. Это у нас уже будет 6-й человек на четыре спальных места. Также уже и в двух других балках сильное уплотнение. Но как говорится: «В тесноте, да не в обиде». Ребята не обижаются.

26 февраля

Подошли к месту аварии самолета. Он лежал прямо на трассе, распластав свои крылья по снегу. Снег

Аборигены Антарктиды. 1958 год

Координаты

«Мирный»: широта — 66°33'08'', долгота — 93°00'58'';
«Пионерская»: широта — 69°41', долгота — 95°30';
«Восток-1»: широта — 72°09', долгота — 96°35';
«Комсомольская»: широта — 74°05', долгота — 97°29';
«Восток»: широта — 78°27', долгота — 106°52';
«Советская»: широта — 78°24', долгота — 87°33'.

Удивительное рядом. 1958 год

А.Ф. Николаев в Мирном. 1958 год

«Мы видим только несколько миль неровности снега, окруженные неясным волнистым горизонтом. Но мы знаем, что позади этого горизонта лежат сотни тысяч миль, которые не могут предложить никаких перемен утомленному глазу. Известно, что там нет ничего живого — ни дерева, ни куста, кроме ужасного безжизненного пространства снега. Так было бесчисленное число лет, и мы, маленькие человеческие букашки, отправились, чтобы пересечь эту ужасную пустыню. Может быть что-либо ужаснее, чем это молчаливое бесконечное пространство, над которым проносятся ветры?»

Р.Ф. Скотт. Дневник

Отряд наземного транспорта 3-й комплексной Антарктической экспедиции под руководством А.Ф. Николаева. 1957—1959 годы

А.Ф. Николаев около колонии пингвинов в районе Мирного. 1958 год

здесь очень плотный. Разрабатывать его можно только ж[елезной] лопатой и ломом. Самолет сильно задут снегом. Авария произошла по досадному недоразумению, когда вылетели два опытных летчика «Востока-1» — Ф.Я. Иванов и Н.П. Григорьев. По ошибке топливный кран был установлен на бак, где было очень мало бензина. Самолет шел на высоте 150 м. Перекрыть кран не успели. Сделали вынужденную посадку прямо без лыж на нижнюю плоскость самолета, которая была сильно помята, погнуты винты. Самолет к дальнейшим полетам не пригоден. Решено снять с него все оборудование и двигатели. Бригада авиамехаников и весь состав поезда 1,5 дня занимались демонтажом этого самолета и погрузкой его оборудования на сани поезда.

28 февраля

От самолета до станции «Пионерской» 200 км. Пришли на станцию «Пионерскую» вечером. Мороз — 35°С [ниже нуля], ветер 20 м/сек, поземка. Зимовщики: начальник станции Силин, [Григорий] Мелентьевич и магнитолог, Губанов, врач, оказавшийся здесь радист Женя, механик Емельяков — вышли встречать, стреляли из ракет. Поставили машины неподалеку от станции «Пионерской». Станция под снегом, на поверхности только радиомачты, приборы метеостанции и один тягач — неисправный, используется как жилой балок, установленный на поверхности над занесенными 3-метровым слоем снега жилыми домами станции. Идти против ветра почти невозможно, сразу обмерзает лицо. Приходится закрывать все лицо и идти часть [пути] спиной к ветру. Наша специальная одежда типа КАЭ сильно продувается, особенно в местах швов. Явно ощущается каждая дырка, каждый стежок тонкой иглы машинки. На станции нас очень тепло встретили, угостили хорошим обедом и чаркой водки. Обедали в две смены. Сразу же после обеда посмотрели два кинофильма: «Фанфан-тюльпан» и «Вечерняя серенада». Сидеть в маленькой комнатушке пришлось очень плотно. К нашему приходу на станцию «Пионерскую» было заброшено на самолетах необходимое нам количество солярки — 40 бочек по 250 л, спецбочки из-под продукта Р-9 с обручами. Эти бочки не разбиваются при сбрасывании с самолета. Но двойные пробки этих бочек, сильно поржавевшие и застывшие на морозе, очень трудно отворачивались. У нас ушло два дня на профилактику и заправку машин в исключительно трудных условиях мороза и сильного ветра. Когда, наконец, все было готово, отправились в дальнейший путь в 18.40.

Ночью 2 марта вышли из «Пионерской». Показания спидометра — 4069 км. Видимости нет, идем вслепую. За первый же переход прошли 130 км. Шли на 2—3-й передачах по застругам, кидает неимоверно. Сижу в кабине за штурмана. Участок очень трудный, впереди ничего не видно, оставил все попытки разглядеть что-либо впереди, поэтому задраили окна кабины. Смотрю только на стрелку репитера компаса. Идем куда-то в пространство. Иногда тягач вдруг взметается ввысь, налетев на высокую застругу, затем бросок вниз — и так почти через каждые 50 метров броски разной силы, но чаще такие, что усидеть даже в кабине стоит больших усилий. На беду часто перегорают лампы сигнальных фонарей на высоких мачтах. Останавливаться боюсь, чтобы следующие за нами машины не налетели. Сбавляю ход, вылезаю на крышу и пытаюсь разглядеть сзади идущие машины. Затем миганием света фар останавливаю и собираю все машины поезда, спрашиваю ребят: «Как дела?» Жалуются, что ничего не видно — [мешают] дым и конденсат паров, подхватываемые попутным ветром. Ребята едут стоя, высунувшись в аварийные люки, и управляют ногами. Так и пришлось продолжать движение, но все-таки не обошлось без аварии. При одной из остановок тягач № 16 налетел на сани тягача № 12. При ударе все находящиеся в балке тягача № 16 полетели с нар. Но, к счастью, обошлось без жертв. На очередной стоянке сделали дополнительный свет задних фонарей, убрали стекла габаритных огней и продолжили движение.

4 марта

Пришли на подходы к Мирному. Так как был вечер, по радио нам передали, чтобы мы заночевали на 25-м километре от Мирного в районе мясного склада. В Мирном очень беспокоились, как мы пройдем район трещин, который располагается до сотого километра. Следов каких-либо мы не видели. Продолжали движение в этом районе по компасу, каждую минуту ожидая какой-либо неприятности — провалиться в трещину. Примерно на 60-м километре от Мирного, двигаясь ночью 4 марта, высоко в небе вдруг увидел яркие огни прожектора летящего самолета. Как выяснил по радио нашей экспедиции, Толстиков дал задание летчику Перову тренироваться в ночных полетах и заодно разыскать нас. Увидев наш поезд, Перов сделал круг над нами и бросил осветительные огни. Яркий белый свет повисшей на парашюте ракеты ярко осветил поезд и все близлежащие окрестности. Самолет подтвердил взятое нами направление и улетел к Мирному. Мы продолжили движение. Остановившись на 40-м километре, чтобы собрать все машины поезда и заодно долить топливо, мы из трех бочек сделали «олимпийский» огонь. У одной бочки с остатками солярки вырубили дно, слили туда все остатки загрязненной солярки из других бочек и водрузили эту бочку на две поставленные одна на другую, при помощи сухого бензина зажгли содержимое. И вот среди темноты этого безграничного снежного пространства загорелся яркий огонь, срываемый в сторону сильным ветром. Уйдя от этой стоянки, мы еще долго наблюдали одиноко горящий огонь далеко позади нас. При-

ближаясь к Мирному, мы пропустили мимо веху подснежного склада и остановились тогда, когда далеко впереди увидели красный огонек радиомачт Мирного. Это был 13-й километр от Мирного. Когда мы вышли из машин, увидели вдали на горизонте огромнейшие пространства моря с блестящими при свете луны айсбергами и огоньки Мирного, все ощутили ни с чем не сравнимое чувство облегчения, близкого отдыха и благополучного завершения нашего похода. Здесь уже дышалось легко, значительно теплее, и виден след недавно проходивших здесь тракторов. Сообщив Толстикову, что мы находимся на 13-м километре, мы здесь заночевали. Спали безмятежным сном и были разбужены утром [5 марта] приехавшим на вездеходе Парфеновым для встречи нас. Вскоре, пока мы собирались, подошла еще одна машина с моим замом Бурхановым, и мы тронулись в путь к Мирному. Шли под гору на большой скорости. Еще на подходе к Мирному мы увидели много зимовщиков, уже ожидающих нашей встречи. В воздух взвилась масса разноцветных ракет. Я ехал стоя, высунувшись из аварийного люка, и давал ответные выстрелы из своей ракетницы. Подъезжая к поселку, я увидел приготовленную ярко оформленную трибуну и много зимовщиков Мирного с фотоаппаратами, остановился около трибуны, собрал личный состав поезда, и среди окруживших нас зимовщиков дал команду «Смирно!», и отдал рапорт начальнику экспедиции Толстикову о выполнении задания и благополучном возвращении. После этого Толстиков поздравил нас и расцеловал. Вслед за этим мне предложили подняться на трибуну вместе с Толстиковым, профессором Бугаевым — секретарем парткома, главным инженером Парфеновым, заместителем начальника Остреком. Толстиков, Бугаев, Парфенов выступили с приветственными речами, затем выступил я с ответной речью. После митинга нам предложили сразу же пойти в баню. Уже были приготовлены для нас комнаты с застланными чистым бельем кроватями. После бани устроились по своим местам. В столовой-камбузе был организован банкет по случаю нашего прибытия. Я выступил с ответными тостами. Банкет прошел с большим праздничным подъемом.

6—8 марта дни безмятежного отдыха. Я поселился в отведенной мне небольшой отдельной комнате в доме № 15, занимаемом моим отрядом. В эти дни получил много поздравительных телеграмм. Было очень приятное чувство исполненного долга.

9 марта

Приступили к разборке имущества поезда и наведению порядка с трансп[ортом]. За наше отсутствие многое было запущено. Территория сильно захламлена и взрыта огромными замерзшими глыбами, буграми. Наладив бульдозеры, приступили к расчистке территории. В первую очередь на краю ледяного барьера решил устроить площадь для стоянки всей нашей техники транс[портного] отряда, а для этого надо было разровнять и засыпать целые овраги замерзшего снега. На это ушло несколько дней. Затем на выровненной большой площади ледяного барьера разместили в одну линию до 30 машин — тягачи, «пингвины», вездеходы, тракторы и свыше тридцати саней и двадцать волокуш. Построенной площади присвоили мое имя. По своей инициативе наделали фанерных указателей на палках, запрещающих проезд по площади, с указанием объездов. Но я, выполняя план-схему размещения складов горючего и техники Мирного, эту площадь назвал площадью Тягачистов. Так она вошла в историю Мирного на его картах. За короткое время нам удалось преобразить поселок Мирный, расчистить всю его огромную территорию, выгладив гладилкой площадь, с которой ветер сдувает каждую снежинку, предохраняя машины от задувания снегом. Мы приступили к подготовке к новым походам, а для этого необходимо прежде оборудовать гараж ремонтной мастерской. Надо сказать, что все это было в крайне запущенном состоянии и совершенно не приспособлено...

Приготовления к пересечению Антарктиды...

17 марта

Доклад В.А. Бугаева на ученом совете

1. Холод в Антарктиде.
Ледники, моря являются аккумуляторами холода.
2. Антарктида разбита на 4 квадрата. Мирный — в 4-м квадрате.
3. До МГГ мы знали об исследованиях Антарктиды по ее побережью. Начиная с МГГ, начали проникать в глубь материка.
4. Появление американских станций: «Южный полюс» — январь 1957, «Литл-Америка» — 1957 год, «Мак-Мердо» — 1958 год.
5. Фукс прошел из «Литл-Америка» к «Южному полюсу».
6. Ценность изучения Антарктиды, по данным наших станций значительно выше.
7. «Пионерская» (с 1956), «Комсомольская» дали много ценного в наблюдении Антарктиды.
8. Для изучения Антарктиды намечены ряд зон:
а) береговая; б) зона подъема; в) зона ледникового плато; г) зона купола; д) зона шельфов; е) зона оазисов.
9. «Литл-Америка»: средняя температура зимой — 40°С [ниже нуля];
«Пионерская»: февраль — 30°С [ниже нуля], апрель — 48°С [ниже нуля], июль — 50°С [ниже нуля], сентябрь — 38°С [ниже нуля].

ЭТИ РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ МУЗЕИ...

1 августа 2013 года на Соборной площади г. Арзамаса торжественно открылся Музей русского патриаршества, который является филиалом Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Директором музея стал архимандрит Тихон (Затекин). В экспозиции представлены документы и прочие экспонаты, повествующие об архипастырском служении патриархов Никона, Сергия (Страгородского), Алексия I, Пимена, Алексия II и Святейшего патриарха Кирилла. Одновременно здесь показана история городского магистрата.

В декабре 2013 года открылся музей истории евреев в Нижнем Новгороде «Листая времени страницы...». Во время презентации музея все увидели, как разнообразны его разделы. Одни стенды посвящены возникновению общины, другие — раввинам Нижнего Новгорода. Несколько стендов демонстрируют жизнь и быт общины в XIX веке. Но больше всего сведений из прошлого, XX века. В музее можно узнать об участниках Великой Отечественной войны, малолетних узниках гетто, о тех, кто представлял цвет интеллигенции Нижнего Новгорода: учителях, врачах, деятелях искусства.

В г. Стокгольме на Торговой площади действует Нобелевский музей. Информация сконцентрирована в небольших залах. Есть зал, посвященный жизни Альфреда Нобеля. Интересна выставка, где представлены личные вещи лауреатов или предметы, имеющие отношение к их «нобелевской» работе.

В Женеве существует музей «Швейцарцы за рубежом». Он посвящен судьбам тех швейцарцев, которые стали известными за пределами своей родины. В музее имеются экспонаты, относящиеся к общей истории России и Швейцарии.

Центральный пограничный музей ФСБ России в Санкт-Петербурге отметил свое столетие. Это уникальное историческое собрание раритетных экспонатов: оружие, обмундирование, знаки отличия, конское снаряжение, средства борьбы с контрабандой.

В небольшом поселке Краснолесье Нестеровского района Калининградской области расположен Виштынецкий эколого-исторический музей, организованный по общественной инициативе группы единомышленников. Его экспозиция повествует об истории и природе Виштынецкой возвышенности — одного из уникальных уголков Калининградской области.

Немецкий музей клинков находится в старинном городе Золингене. Здесь собраны образцы бронзового века, мечи древних готов и франков, античное оружие периода Римской империи, клинки Средних веков, эпохи Возрождения, времен Французской революции 1789—1799 гг., Наполеона Бонапарта, Третьего рейха и изделия современных мастеров.

С 1960 года существует в Красноярске Музей геологии Центральной Сибири. Из скромного хранилища образцов природного камня музей превратился в крупный научно-учебный геологический центр, один из лучших в Сибири и на Дальнем Востоке. В его запасниках 35 тысяч предметов: редчайшие по красоте и природному совершенству минералы, образцы ценнейших руд, окаменелые останки древних предков флоры и фауны нашей планеты.

В июне 2004 года в г. Тамбове открылся «Музей греха», основателем которого был врач-патологоанатом Ю.К. Щукин. Его экспонаты — емкости с заспиртованными человеческими конечностями, органами и эмбрионами, иллюстрирующие последствия пагубных человеческих пороков: пьянства, наркомании, курения и т. д. При входе в хранилище висит табличка с надписью на латыни: «Это место, где мертвые учат живых».

МУЗЕИ. СОБИРАТЕЛИ. КОЛЛЕКЦИИ

Мой друг Юдифь Израилевна Левина

Подвижник. Труженик. Романтик

Первый на музейном квартале

Славный род купцов Облаевых

«По дому графини неспешно пройдусь...»

Две достойно прожитые жизни

Незнакомая гжель

Фестиваль «Научный музей в XXI веке»

Гравюры Мидова

Т.П. Гусева и ее время

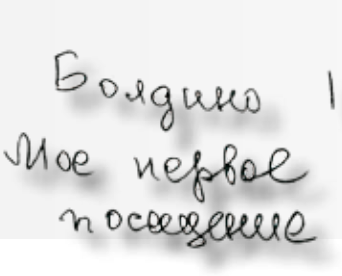
В. Хазов. Беседка сказок

БОЛЬШОЕ БОЛДИНО

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши…

А. С. Пушкин

МОЙ ДРУГ ЮДИФЬ ИЗРАИЛЕВНА ЛЕВИНА



Н.О. Рябина

1974 год. В СССР готовятся широко отметить 175-летие А.С. Пушкина. Неожиданно звонит моя подруга и говорит: «Ты тоже никогда не была в Болдине? Давай съездим туда в эти выходные дни на торжество. На работе у моей мамы кто-то был оттуда в командировке, сказал, что идет грандиозная подготовка. И ночлег нам там, похоже, обеспечен. Едем?» И мы поехали.

Среди ночи поездом Горький—Пенза прибыли на станцию Ужовка. Начало июня. Светает рано. Станция представляла собой старое деревянное строение. Рабочая неделя позади, посевная в разгаре, а потому избушка эта полным-полна народу. Духота. До первого автобуса до Болдина еще несколько часов. Вдруг кто-то от двери крикнул: «На Болдино есть желающие?» — и мы рванули на улицу.

Предстояло ехать почти 40 км в вымазанном липкой землей кузове открытого грузовика, мчавшегося со страшной скоростью. Вцепившись в борта руками, стиснув зубы и приседая на ухабах, мы, наконец, на рассвете влетели в спавшее село. Впечатлений уже было хоть отбавляй — чего только стоили зайцы и лось, пересекшие дорогу до Болдина.

В самом селе практически перед каждым домом стояли огромные цветущие деревья сирени, именно деревья, — белой, бледно- и темно-лиловой. Они производили впечатление колоссальных букетов, воткнутых в землю. Вокруг масса цветущих одуванчиков. Погода отличная. Так праздник для нас уже начался.

Идти по имевшемуся адресу в незнакомый дом неприлично рано, музейная калитка заперта, и мы с рюкзачками с трудом протиснулись через какую-то щель дощатого забора в парк пушкинской усадьбы. Барский дом, горбатый мостик, пруды, беседка, дерновая скамья, старые ветлы... Увиденное привело в восторг и помогло забыть о бессонной ночи. На одной из аллей телевизионщики налаживали аппаратуру, на другой мы столкнулись со стройной женщиной средних лет, строго взглянувшей на нас сквозь стекла очков: «И кто здесь у нас уже бродит?» Ее недовольство было оправдано: на территорию парка и дома-музея в такую рань вход для посетителей был еще закрыт. У нас с собой была кинокамера, мы что-то промычали в ответ, показав на нее, и уверенно двинулись по тропе. Продолжения разговора, слава богу, не случилось — даме с лицом типичного научника было явно не до нас, она обходила владения и хозяйским взглядом проверяла, все ли в порядке. Это была ОНА! Яркое солнце поднималось все выше и выше. Официальная калитка музея была все еще заперта, но туристы за ней, снаружи, уже толпились в ожидании открытия.

Наталия Орестовна Рябина — к.т.н., доцент Нижегородского филиала Университета Российской академии образования.

Мы с трудом нашли заветную дыру в заборе (потом я пользовалась ею еще несколько лет), выбрались на улицу и явились в гостеприимный болдинский дом, где нас накормили и откуда мы отправились уже основательно знакомиться с селом, музеем, каким-то новым для нас миром и, как в дальнейшем выяснилось, даже с самим А.С. Пушкиным.

День был насыщен множеством событий и прошел очень интересно: открытие вотчинной конторы, на котором выступила директор Юдифь Израилевна Левина; праздник в Лучиннике, где на сцену один за другим выходили известные поэты; вечерний концерт в ДК, куда мы попали только благодаря хозяевам нашей квартиры; знакомство с окрестностями... На улице был развернут прекрасный книжный базар (хорошие книги в свободной продаже в те времена были большой редкостью), где, среди прочих, мы купили и небольшой очень четкий путеводитель, написанный Ю.И. Левиной.

К понедельнику мы вернулись домой счастливые и потрясенные всем пережитым. Даже не верилось, что столько впечатлений получено всего за двое суток.

Через день я провожала в командировку своего старшего друга Нину Ивановну Шарун, заместителя директора Горьковского художественного музея. Мы стояли на платформе у вагона ленинградского поезда и я взахлеб рассказывала ей о Болдине, где она к тому времени еще не побывала, но намеревалась это сделать: «Меня при каждой встрече на совещаниях приглашает приехать Юдифь Израилевна, директор музея». В этот момент к вагону легкой походкой подошла... Юдифь Израилевна (!), дамы радостно обнялись — им, давно симпатизировавшим друг другу, предстоял путь до Ленинграда, как оказалось, в одном купе! Юдифь Израилевна ехала на празднование пушкинского юбилея в Ленинград. «Побываю дома», — сказала она не очень понятную для меня тогда фразу. Нина Ивановна нас познакомила. Я сказала, что только что вернулась из Болдина. Юдифь Израилевна вскоре должна была возвратиться из командировки и на пару дней по музейным делам задержаться в Горьком. Состоялся наш краткий диалог:

— Я обычно останавливаюсь в гостинице «Россия».

— А я живу в соседнем доме.

— Обязательно зайдите ко мне!

— С удовольствием!

Через несколько дней вечером я была у нее в гостиничном номере. Туда же пришли сестры Нина и Валя Погорельские, с которыми с того памятного дня началась и наша с ними дружба (забегая вперед скажу, что Юдифь Израилевна любила и умела дарить людям людей, потом я это наблюдала многократно, и теперь то и дело, спрашивая себя, откуда знаю того или иного своего доброго знакомого, с благодарностью вспоминаю, что нас познакомила Юдифь Израилевна).

На следующий день она была у меня в гостях, а впоследствии практически всегда останавливалась в нашем доме. Мы стали близкими друзьями, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте.

Начались мои частые поездки в Болдино. Первая из них была в компании с Ниной Погорельской (Феоктистовой), которая уже давно дружила с Юдифью Израилевной и останавливалась в ее квартире. О болдинском жилище Юдифи Израилевны хочется рассказать подробнее.

На территории музейного парка стоял одноэтажный дом с двумя входами с торцов. В одной половине дома жили сотрудницы музея Люба Малышкина и Надя Борисова. Позднее они получили в Болдине жилье, а здесь поселилась приехавшая на работу Тамара Кезина. В другой половине дома жила Юдифь Израилевна. Ее три небольшие комнаты шли анфиладой. Первая — столовая, она же кухня; вторую можно было бы назвать гостиной; третья, совсем крошечная, — спальная, где умещалась только узкая кровать. Какая же здесь была красота, сколько вкуса чувствовалось в нехитрой обстановке и ее расположении! Столовая — это большой стол посередине со стульями вокруг него и плита в углу, но всякий раз какой-то яркий штрих оживлял комнату. Особенно запомнился виденный здесь неоднократно по летам казариновский глиняный кувшин с букетом некрупных подсолнухов (подсолнечное поле было обычно поблизости от Лучинника). На стенах — акварели В. Калинина с болдинскими пейзажами. Определенный колорит вносили присутствовавшие здесь, как правило, две хозяйские кошки, о которых Юдифь Израилевна трогательно заботилась и после своего отъезда из Болдина (была соответствующая договоренность с музейщиками об их кормлении, а в традиционных посылках из Ленинграда для знакомых сельчан были и непременные продовольственные вложения для ее четвероногих).

Всех своих гостей и просто зашедших на минутку с каким-нибудь незначительным вопросом (а к директору, живущему на музейной территории, по разным поводам кто-то заходил практически круглосуточно) она пыталась усадить за стол, накормить или хотя бы напоить чаем.

Эти годы даже в областном центре, г. Горьком, были почти голодными. Продукты мы годами возили из Москвы. При этом горожане удивлялись, что приезжавшие в город из села находили что-то в горьковских магазинах и, груженые, везли какие-то консервные банки к себе домой. Вспоминаю, как однажды Юдифь Израилевна поведала мне о своей знакомой, вышедшей замуж за иностранца и переселившейся в какое-то европейское государство. Рассказывая о брачном контракте (понятие для нас в те годы весьма туманное) этой пары, Юдифь Израилевна, смеясь, сказала: «Представляешь, по контракту он будет еженедельно закупать продукты. Я бы на ее месте такое удовольствие, как посещение магазинов, ни за что не уступила!»

Н.О. Рябина и Ю.И. Левина. Болдино. 1970-е годы

Юдифь Израилевна, пережившая блокаду, умела приготовить что-то замечательное из подножного корма — из упавших на землю яблок, из шампиньонов, росших в парке и считавшихся у местных жителей поганками, и т.д. Она всегда переживала за своих сотрудниц-девчонок: если у нее зарплата составляла порядка 80 рублей, то у них на 20 рублей меньше. Бывало, что, когда я приезжала, она, отварив, обжаривала на большой чугунной сковороде мои любимые макароны и говорила, например, следующее: «Наташка, позови девчонок — они наверняка голодные сидят. Готовить им и лень, и нечего. На той неделе в магазин завезли туфли. Они, конечно, купили, а это на всю их месячную зарплату».

Помню, как кто-то приехал на работу в музей по распределению. Во второй половине дома жить уже было негде, и новые сотрудники должны были снимать углы в частных домах. Условия жизни трудные, зарплата мизерная, с едой проблемы. Приезжаю вскоре — новой сотрудницы уже нет. «Я ее отпустила, — говорит Юдифь Израилевна, — здесь ведь не каждый может жить и работать. Написала, что необходимости в сотруднике нет, пусть дают свободный диплом». При этом необходимость в сотрудниках, конечно, была, и она рисковала, что после подобных открепительных талонов молодых специалистов ей уже не пришлют.

Но вернемся к описанию квартиры — вернее, второй комнаты. По одной стене — окно, напротив — нечто вроде тахты. Две другие стены от пола до потолка заняты книжными стеллажами, собранными из аккуратно выструганных сосновых досок. Кроме книг, здесь было много чудесной хохломы, гипсовая головка Нефертити. На полу и тахте — яркие домотканые половики, выполненные на домашних станочках местными мастерицами. Здесь же старенький проигрыватель и чудесные пластинки. Вспоминаются зимние сумерки. Мы вдвоем с Юдифью Израилевной или кто-нибудь еще в нашей компании. Она ставит пластинку, и Б. Окуджава нам поет: «Виноградную косточку в теплую землю зарою...» «Мне здесь очень нравится зимой, — говорила Юдифь Израилевна. — Смотри, никакой грязи, какая черно-белая графика за окном!»

Когда я приезжала в Болдино, мы в любое время года и при любой погоде совершали дальние прогулки, бродили по перелескам, любовались далями. Кстати сказать, в замечательной книге А.М. Цирульникова «Рождается в Болдине слово» (Нижний Новгород, 2007), в дарственной авторской надписи моего экземпляра которой есть слова: «На память о встречах в Болдине “левинской” поры», среди прочих причин, побудивших Юдифь Израилевну поехать в Болдино («причина личного порядка; наивная уверенность, что в деревне я смогу спокойно делать свою работу без вмешательства районного начальства — здесь я жестоко ошиблась» и др.), есть и пункт «любовь к природе» — это из ее письма автору книги, датированного декабрем 2003 года.

Я уже упомянула о том, что Юдифь Израилевна пережила ленинградскую блокаду. Она говорила, что они с мамой и старшей сестрой выжили только потому, что в полуподвале дома, где они жили (Адмиралтейская набережная, 12), уже тогда, в войну, располагался небольшой продовольственный магазин (я его еще застала в 70—80-х годах), около двери которого, на стульчике, они по очереди дежурили, и таким образом им удавалось отоваривать практически все хлебные карточки.

Пора сказать, что Юдифь Израилевна, родившаяся в 1918 году в Симферополе, еще в дошкольном

возрасте с семьей приехала в Петроград. Окончив школу и педагогический институт им. А.И. Герцена, работала в Пушкинском Доме АН и во Всесоюзном музее А.С. Пушкина. Вместе с ленинградским архитектором Татьяной Николаевной Воронихиной делала (1961–1963) экспозицию музея в Большом Болдине. Эта работа потребовала нескольких приездов в село. Путь был долгий, с несколькими пересадками. В это время, по ее словам, даже и мысли ни у кого не было, что ей предстоит здесь работать. Вскоре возникла проблема с кандидатурой директора: кто-то хотел здесь работать, но его не утверждали; кого-то хотели, но он, понимая, какая суровая жизнь предстоит, не соглашался. Ей предложили реализовать такой вариант: она едет в Болдино на полгода – год, за это время находят директора, и она возвращается в Ленинград. Возникал вопрос выписки из ленинградской квартиры и прописки в Болдине, но Юдифь Израилевна поставила условие – расставаться со старой пропиской она не намерена: «Живет же С.С. Гейченко в Михайловском, а прописан-то он где?» Так прописка на Адмиралтейской набережной осталась в ее паспорте до последнего дня жизни.

При отъезде в далекое Болдино Юдифи Израилевне было что терять. Чего только стоило расположение дома: две минуты ходьбы налево – и ты у Медного всадника, пять минут направо – и ты у Эрмитажа. Об удобствах в Ленинграде и отсутствии оных в болдинском доме я даже не говорю. Только попав в квартиру на Адмиралтейской, я, кажется, почувствовала и прочувствовала тот Санкт-Петербург, о котором читала у классиков: непривычное убранство подъезда, огромная прихожая, по которой мальчик-сосед катался на трехколесном велосипеде, большие комнаты, высоченные потолки, широченные подоконники, массивные двери, старый буфет, большой обеденный стол и тяжелые стулья с высокими спинками вокруг него, Нева под окном…

Итак, Юдифь Израилевна приехала в село на полгода, а проработала больше 10 лет. Как-то в ответ на мои слова, что, наверное, поначалу в Болдине совсем тяжело ей было, она сказала, что пару раз, когда еще не обрела нижегородских друзей и не находила поддержки у руководства, было желание собрать сумку и бежать на автостанцию. Справедливости ради надо сказать, что в высоких инстанциях со временем у Юдифи Израилевны появилось несколько единомышленников – мне очень жаль, что я сейчас не могу вспомнить имена этих людей.

Не имея своей семьи, уйдя с головой в работу, обучив музейному делу своих сотрудниц, образовавших костяк коллектива (Л.М. Малышкина, Т.Н. Кезина, Т.В. Королева, Н.А. Борисова), добившись того, что болдинский музей-заповедник стал одним из ведущих пушкинских центров страны, распланировав работу музея на много лет вперед, она, несмотря на пенсионный возраст, поработала бы еще в музее несколько лет. Однако появилось чье-то решение отправить Юдифь Израилевну на заслуженный отдых. Наша общая с ней знакомая однажды доверительно поведала мне одну из версий этой отставки – кстати сказать, весьма реальную для того времени. Якобы некий высокий гость, побывав в Болдине, резюмировал: «Все хорошо, но почему музей великого русского поэта возглавляет человек не русской национальности?» Мне тогда сразу вспомнился рассказ Юдифи Израилевны о каком-то заседании актива Болдинского района, на который она была приглашена и где среди прочего состоялся отчет об итогах прошедшей переписи населения. При этом, смеясь, сказала она, была зачитана фраза типа: «“Русских – столько-то, украинцев – столько-то, татар – столько-то и т.д., евреев – один”. И все обернулись в мою сторону».

Будучи весьма демократичным человеком, Юдифь Израилевна всегда легко входила в контакт с самы-

Болдинский хор в гостях у Ю.И. Левиной. 1970-е годы

Передача Горьковского телевидения с участием Болдинского хора (справа – Ю.И. Левина). 1970-е годы

А. Варламов. В Лучиннике праздник. Болдинский хор. 1982 год. http://fotki.yandex.ru/

ми простыми и даже малограмотными людьми и без напряга, естественно находила общие темы для разговоров. Она говорила, что многому у них учится. Достаточно вспомнить, что знаменитый на всю страну Болдинский фольклорный хор, состоявший из сельских пенсионеров, часто собирался по ее инициативе у нее дома. На столе картошка, капуста, огурцы и т.п. Кроме пения, здесь шли задушевные разговоры «за жизнь». При этом она была со своими гостями на равных. «Послушай, Израилевна!», – обращались к ней старушки-хористки. А однажды Юдифь Израилевна откровенно сказала мне: «У меня со всеми музейщиками хорошие отношения, но в Болдине я все могу рассказать только одному человеку – Александре Васильевне. Это мой большой друг, я с ней по многим вопросам советуюсь».

А.В. Алексеева – одна из участниц хора, необычайно приветливая и доброжелательная. Ростом она была выше всех хористок, а потому приметна в кадрах художественного фильма «Храни меня, мой талисман», который снимался в Болдине и в канву которого этот коллектив весьма органично, на мой взгляд, встроен. Александра Васильевна знала множество сказок. (Известной в селе сказочницей была ее бабушка.) Не случайно в академическом сборнике «Песни и сказки пушкинских мест» (1979) серии «Памятники русского фольклора» сказки Большеболдинского района Горьковской области записаны именно в ее пересказе. Образование Александры Васильевны – два класса церковно-приходской школы. Она ни разу не уезжала за пределы своего района до тех пор, пока Юдифь Израилевна не организовала выезды хора в Горький, Москву и Ленинград. Она сопровождала хор в этих поездках, и при мне часто она и участницы хора наперебой с юмором вспоминали о всевозможных смешных эпизодах этих путешествий. Чего только стоили рассказы о том, как они сходили с эскалатора в метро! Вспоминается удивительная речь Александры Васильевны, ее диалектная лексика: «туды», «ишшо», «плошшадь», «церква» и т.д. Юдифь Израилевна говорила мне: «Да, она малограмотная, но какая внутренняя культура!» (Моя дружба с Александрой Васильевной продолжалась и после отъезда Юдифи Изра-

илевны из Болдина. Она была дружна и с сыновьями Александры Васильевны — Евгением Ивановичем и Николаем Ивановичем Алексеевыми, получившими высшее медицинское образование. Знаю, что Евгений Иванович впоследствии приезжал в Ленинград с дочерью и останавливался у Юдифи Израилевны на Адмиралтейской набережной).

Так или иначе, окончательный отъезд из Болдина состоялся (до него была поездка уже не работавшей Юдифи Израилевны на некоторое время в Ленинград и возврат в Болдино). Уезжала она тяжело. Представив, что она с вещами войдет в автобус рейса Болдино—Горький ОДНА, и автобус тронется, увозя ее оттуда НАВСЕГДА, я поняла, что ДОЛЖНА быть рядом. Наступил тот самый день. Мы вошли в автобус. Под его окнами со стороны, где мы сидели, стояло несколько десятков человек — музейщики, хор, знакомые сельчане. Многие что-то несли на память или съестное на дорогу. Случайно этим же рейсом ехал Е.И. Алексеев — это несколько разряжало обстановку. Помню наш разговор с Юдифью Израилевной о том, кому сесть около окна. Решили, что сядет она, потому что ТАК НАДО в связи с приходом провожавших, но ей смотреть в окно было тяжело...

После возвращения Юдифи Израилевны в Ленинград я, уже подружившись с музейщиками, иногда бывала в Болдине и всякий раз писала ей о своих впечатлениях от этих поездок. Вот цитата из ее письма от 7 июля 1983 года: «Милая Наташенька! Чувства, испытанные тобой в Болдине, мне знакомы, потому и не еду более туда, — как на поминки по себе...»

Но вернемся ко времени работы Юдифи Израилевны в болдинском музее. Как научником ею сделано было немало, и это оценено пушкинистами. В некрологе журнала «Нижегородский музей» (2009. № 18), составленном бывшей сотрудницей музея, филологом В.Ю. Белоноговой, читаем: «Огромный опыт музейной работы и творческая энергия Ю.И. Левиной способствовали тому, что в далекое нижегородское село... пришла настоящая столичная музейная культура... Под ее руководством открывались новые объекты заповедника, выпускались книги. При ее непосредственном участии рождались научные традиции Болдинских чтений, филологической конференции, которая ежегодно собирает ученых-пушкинистов со всей России и из-за рубежа...» Из-под пера Ю.И. Левиной, кроме путеводителей, вышло несколько книг, в том числе «Болдинские рисунки А.С. Пушкина», «Обитель дальняя трудов. Болдино», множество статей. Мне очень дороги подаренные ею экземпляры этих публикаций с теплыми дарственными надписями.

Можно сказать, что работала она почти до последнего дня — письмо редактору «Болдинских чтений» Н.М. Фортунатову написано ею за две недели до кончины. Ее последняя публикация, насколько мне известно, это статья «По воспоминаниям и письмам известных пушкинистов с конца 1940-х годов по 1976 год» в «Болдинских чтениях» 2009 года. В ней приводятся цитаты из адресованных ей писем академика М.П. Алексеева и Т.Г. Цявловской.

Издавая некоторые свои книги в Волго-Вятском книжном издательстве (г. Горький), Юдифь Израилевна имела возможность близко познакомиться с редактором Ириной Васильевной Сидоровой. Они стали близкими друзьями. Ирина Васильевна нередко бывала у Юдифи Израилевны (и в Болдине, и в Ленинграде), а Юдифь Израилевна — у Ирины Васильевны в Горьком. Очень интересным, ярким и известным в нашем городе человеком был муж Ирины Васильевны Юлий Иосифович Волчек — культуролог, театровед, кинокритик. Дружбой с этой семьей Юдифь Израилевна очень дорожила. Благодаря ей дом этих людей стал близким и для меня.

Приглашая тех или иных людей в Болдино, Юдифь Израилевна старалась, чтобы пребывание в селе было им приятно. В дни конференций и пушкинских праздников вечерами, после заседаний, гости музея не были брошены на произвол судьбы (не надо забывать, что в те годы болдинская гостиница, мягко говоря, оставляла желать лучшего). Юдифь Израилевна смеялась: «Я и директор, я и жена директора». Она приглашала приехавших пушкинистов, поэтов, актеров, телевизионщиков к себе домой за накрытый стол с угощениями собственного приготовления. Когда только она все успевала!

Помимо научной работы, у нее было немало и хозяйственных музейных забот. Одно содержание парка чего только стоило! Бывая изредка в музее в последние годы, я вижу следы бездумной, на мой взгляд, деятельности в барской усадьбе.

Вспоминаются переживания Юдифи Израилевны: дереву больше 100 лет, на сильном ветру может рухнуть; как продлить его жизнь? Или другая большая проблема — подернулись ряской болдинские пруды. Вижу в доме у нее книгу по ихтиологии — оказывается, какой-то консультант посоветовал в этой ситуации разводить в пруду толстолобика. Но прав ли он? Надо удостовериться!

А однажды, приехав в наш дом, Юдифь Израилевна обратилась за консультативной помощью к моей маме, опытному бухгалтеру. Оказалось, что музейный бухгалтер в каком-то вопросе некомпетентен. Юдифь Израилевна погрузилась в бухгалтерию и задавала точные вопросы, демонстрируя достойную осведомленность в бухгалтерском деле.

Насколько помню, Юдифь Израилевна всегда интересовалась политикой, в частных разговорах высказывала свои несогласия с «линией партии». «Но Вы же член КПСС», — усмехнулась я как-то. И она рассказала мне историю своего вступления в партию. На работу в музей она приехала беспартийной, но вскоре стала замечать, что некоторые вопросы, напрямую касавшиеся музея, решаются в райкоме партии

Слушая Болдинский хор...

У меня в квартире
60-70° гг.

без нее. Юдифь Израилевна подумала, что чисто политически, для пользы дела, ей необходимо вступить в ряды КПСС. «Оказалось, что это вступление ничего не дало, меня там не слышат — что хотят, то и делают», — заметила она с грустью.

Здесь же хочется вспомнить, как, уже будучи на пенсии, Юдифь Израилевна ездила в Польшу по приглашению своих живших там знакомых. В то время за пределы страны наши соотечественники выезжали еще довольно редко. Собираясь в поездку, она была явно на подъеме, ожидая увидеть много интересного. Я с нетерпением ждала ее приезда и позвонила ей в день возвращения. На мой вопрос о впечатлениях Юдифь Израилевна грустно ответила: «Лучше бы я не ездила. Сравнивала жизнь людей там и в СССР и пришла к выводу, что у меня жизнь украли».

Несомненно, молодым сотрудникам музея, работавшим под ее руководством, крупно повезло в плане их профессионального роста. Это доказано их дальнейшей деятельностью. Так, Л.М. Задоркина (Малышкина), утвержденная на должность директора музея после скоропалительного увольнения Юдифи Израилевны, около двух лет достойно возглавляла коллектив вплоть до назначения на этот пост Г.И. Золотухина. Период этот был непродолжительным, но весьма ответственным — на это время пришлось начало работ во Львовке, и Любовь Михайловна справилась с возложенными на нее обязанностями. А Т.Н. Кезина, впоследствии зам. директора по научной работе и зав. музейным филиалом «Усадьба Львовка», стала экспозиционером высочайшей квалификации, лауреатом Пушкинской премии Нижегородской области и Национальной премии «Культурное наследие».

Постепенно все сложилось так, что я вошла в круг друзей музея. Если удавалось, то в числе других (также молодых тогда) желающих побывать на пушкинских праздниках приезжала в Болдино за один-два дня до его начала. Хотелось помочь музейщикам в многочисленных предпраздничных делах. Наряду с рутинной работой Юдифь Израилевна доверяла мне, например, составление букетов из полевых цветов и их расстановку в комнатах барского дома. Занятие невероятно приятное! При этом, конечно, требовалось чувство меры: нельзя «перегрузить» ни каждый букет в отдельности, ни их общее количество. А однажды мне было доверено промыть комовский памятник А.С. Пушкину, появившийся в те годы в усадьбе. Так что мы, друзья музея, отличались от «рядовых» экскурсантов и, несомненно, были тем горды: одно дело — «на фоне Пушкина снимается семейство», другое (поднимай выше!) — сидеть на одной скамье с Александром Сергеевичем на пьедестале!

После отъезда Юдифи Израилевны в Ленинград было еще несколько ее приездов в Горький. Я жила уже в другой квартире. Она останавливалась то у меня, то у И.В. Сидоровой. Иногда я приезжала в Ленинград

Ю.И. Левина, А.В. Алексеева, Н.О. Рябина. Болдино. 1978 год

и, как правило, останавливалась у нее. Бывало, что во время моих пребываний на Адмиралтейской набережной неожиданно «вваливался» кто-то из Болдина. Она, казалось, была всем рада. Они с сестрой всех кормили и всех устраивали на ночлег. Если мы долго не виделись, то разговаривали по телефону и писали друг другу длинные письма (теперь этот жанр ушел из жизни). Письма Юдифи Израилевны всегда заканчивались, кроме подписи, лаконичным рисунком вереницы пляшущих человечков. Этим рисунком даже при минорном настрое письма она как будто говорила мне: «Не унывай — все будет хорошо!» В последние годы жизни писать письма от руки ей иногда бывало затруднительно, и она их печатала на машинке, но и тогда каждое письмо заканчивалось нарисованными от руки танцующими фигурками.

Вспоминается, что однажды, еще работая в музее, Юдифь Израилевна обратилась с просьбой: к ней едет из Ленинграда в гости сестра, желательно заранее купить ей билет на автобус до Болдина. В то время я еще не была знакома с Валерией Израилевной. «Возможно, Валерия Израилевна понравится тебе не меньше, чем Юдифь Израилевна», — сказала моя подруга Н. Феоктистова, знавшая обеих сестер. Действительно, впечатления от знакомства и последующего общения с Валерией Израилевной незабываемы. Она была на семь лет старше Юдифи Израилевны, но до какого-то времени это не было заметно. Красивая, стройная, стремительная, четко организованная, остроумная, лаконичная и очень точная в высказываниях, она производила весьма сильное впечатление на людей. «Валя — человек действия, а я созерцатель», — говорила мне Юдифь Израилевна неоднократно.

Химик по образованию (кроме того, за плечами было еще и музыкальное училище), она систематически публиковала аннотации на статьи разных авторов в соответствующем всесоюзном реферативном журнале. Работая в одном из ленинградских НИИ, уже в весьма солидном возрасте (явно за 70 лет) в должности ведущего инженера, она, смеясь, как-то сказала мне: «На работе меня называют “бегущий” инженер». Несмотря на свой возраст, она не только никогда не отказывалась даже от самых тяжелых командировок, но и участвовала в институтских спортивных соревнованиях, субботниках и пр. «А как же, — услышала я в ответ на мое удивление. — Если я продолжаю работать, то должна участвовать во всех мероприятиях коллектива». В комнате у Валерии Израилевны стоял большой концертный рояль, на котором она изредка в моем присутствии прекрасно играла. У нас с ней со временем установились дружеские отношения. Об этой удивительной женщине можно было бы писать отдельно. Сейчас речь о Юдифи Израилевне, но ничего не сказать здесь о Валерии Израилевне, старшей ее сестре, нельзя уже хотя бы потому, что после возвращения Юдифи Израилевны в Ленинград они жили вдвоем.

Когда Валерия Израилевна за несколько лет до своей кончины стала совсем беспомощной, заботу о ней

IX Пушкинский праздник.
Болдино, июнь 1978 года

Антокольский, Елисеев
и я

полностью взяла на себя Юдифь Израилевна, которой в это время было уже за 80. Мне удалось в это время вырваться на несколько дней в Санкт-Петербург (сама я в эти годы из-за домашней ситуации была невыездной). На сей раз остановилась я, естественно, не у них (иначе для сестер были бы лишние переживания о том, хорошо ли я устроена), но ежедневно приходила в их дом на несколько часов. Теперь часто вспоминаю наше тройственное общение тех дней (примерно в то же время из Екатеринбурга приезжала навестить Левиных и Л.М. Задоркина (Малышкина), и с какой же радостью сообщила мне тогда об этом Юдифь Израилевна по телефону!). Их быт в то время был не из легких. Помнится, Юдифь Израилевна то и дело пребывала в поиске подходящей помощницы по хозяйству. Проблем хватало. Головы у обеих были светлыми, и они, конечно, очень трезво оценивали свою бытовую ситуацию, но с каким достоинством держались и излагали мне каждый вечер свои нехитрые просьбы по поводу «купить-принести», когда я уходила «до завтра»!

Здесь надо сказать добрые слова в адрес их питерских дальних (близких не было) родственников, которые с готовностью откликались при малейшей просьбе о помощи, но которых Юдифь Израилевна старалась беспокоить лишь в крайних случаях.

Звонила я в эти годы Юдифи Израилевне еженедельно. Однажды телефон не ответил и продолжал молчать в течение двух или трех дней. Получилось так, что никаких других телефонных номеров для выяснения обстановки у меня в то время не было. Наконец, все прояснилось. Оказалось, что Юдифь Израилевна дома (на улицу она в это время уже не выходила) поскользнулась и упала, сломав шейку бедра. «Но ты не думай, Наташка, ничего плохого не будет: меня прооперировали, я буду делать гимнастику и обязательно встану — мне же надо ухаживать за Валей!» И она встала! Причем довольно скоро. Сила ее воли, проявлявшаяся, несомненно, и раньше, на сей раз потрясла всех, знавших ситуацию. Когда я увидела ее через некоторое время уже после смерти Валерии Израилевны, то заметила, что она чуточку прихрамывает — вот и все внешние последствия.

Юдифь Израилевна была очень творческим человеком во всем. Например, в моем доме она завела «книгу отзывов», куда, приезжая, заносила свои остроумные записи (к сожалению, при переезде тетрадь затерялась), а в своем болдинском жилище она повесила плакат: «Пришелец от цивилизации! Не забывай — здесь нет канализации!» Другой пример — она разработала потрясающий, насколько мне известно, сценарий свадьбы (произошедшей еще до нашего знакомства с Юдифью Израилевной) сотрудницы музея Л.А. Чесновой, о которой очевидцы вспоминают по сей день. Мне же довелось быть в числе гостей на свадьбе Л.М. Малышкиной и А.И. Задоркина, где Юдифь Израилевна читала свои стихи, написанные к этой дате и привнесшие в торжество большое оживление. (В настоящее время Л.А. Чеснова успешно работает в музее писателей Урала; А.И. Задоркин работал в заповеднике

Ю.И. Левина среди сотрудников на веранде дома-музея перед отъездом из Болдина. 1978 год

и болдинской школе. Жизненные обстоятельства обеих пар сложились так, что сейчас, продолжая дружить, они живут в Екатеринбурге. Год назад все мы, встретившись в этом городе, поминали Юдифь Израилевну добрым словом там, на Урале).

Я уже писала, что общение с Юдифью Израилевной мне многое дало, расширило круг общения. Появились не только новые интересные знакомые, но и замечательные друзья. Чего только стоило знакомство и последовавшая многолетняя дружба с Ириной Евгеньевной Гибшман, праправнучкой А.С. Пушкина, длившаяся до самой ее кончины, — общение у Юдифи Израилевны на Адмиралтейской набережной и в Болдине, ее приезды в мой дом, наша встреча в ее квартире в Архангельске... Говоря об Ирине Евгеньевне, нельзя не отметить, что это была яркая личность, и это никак не зависело от того, чьей родственницей она являлась. Ирина Евгеньевна, преподавая французский язык, заведовала кафедрой иностранных языков в Архангельском педагогическом институте. Весьма начитанная, она всегда была в курсе литературных новинок, при этом прекрасно знала творчество своего великого предка и внимательно следила за публикациями в пушкиноведении.

13 марта 2008 года Юдифи Израилевне исполнялось 90 лет. Празднование было намечено на выходной день, с тем чтобы на нем могли присутствовать все приглашенные. Правда, она поделилась со мной, что хотела бы видеть за столом и еще кого-то, но число посадочных мест ее ограничивает.

Здесь хочу заметить, что Юдифи Израилевне всегда было небезразлично, в каком состоянии пребывает ее жилье. Уже после смерти Валерии Израилевны и незадолго до своей кончины Юдифь Израилевна добровольно пережила ремонт той комнаты, в которой проводила большую часть времени, и радовалась чистоте и новым обоям. Если принять во внимание все составляющие ситуации (недавнюю смерть родного человека, преклонный возраст, большие габариты комнаты и вполне приличное ее предремонтное состояние), то нельзя в очередной раз не восхититься этим человеком!

За юбилейным столом собралось 12 человек, среди которых, кроме питерских родственников и одной

бывшей сотрудницы, были и друзья. Так, кроме двоих из Нижнего Новгорода (я с подругой, давно знавшей Юдифь Израилевну), приехали Наташа Богомолова (некогда работавшая с ней в болдинском музее) из Пскова, Лия Аронович (поэт и давний друг Юдифи Израилевны) из Дзержинска и Керстин Олофссон (филолог и переводчик) из Стокгольма.

Юдифь Израилевна была в отличном настроении, много шутила — чувство юмора она не теряла до глубокой старости. Было много цветов, воспоминаний, веселья, стихотворных поздравлений. Она не без гордости демонстрировала нам поздравление полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе, доставленное ей накануне. С явным удовлетворением восприняла она и мой рассказ, изложенный ниже.

Однажды я, будучи куратором студенческой группы Нижегородского педагогического университета (НГПУ), привела ребят на книжную выставку, посвященную одной из табельных дат А.С. Пушкина. Несколько лет назад подобные выставки из богатого библиотечного собрания НГПУ по тем или иным поводам организовывались весьма часто, экспонаты снабжались приложенными к ним аннотациями — свидетельство огромной научной работы вузовской библиотеки. На сей раз было выставлено, конечно, немало книг, связанных с болдинским периодом жизни А.С. Пушкина и музеем. Неожиданно для меня проводившая экскурсию директор библиотеки Т.А. Ефимова, представляя публикации Ю.И. Левиной, заговорила о Юдифи Израилевне, о том, что, наряду с деятельностью всем известного С.С. Гейченко, много сделавшего для заповедника на Псковщине, была и подвижническая деятельность директора болдинского музея на Нижегородской земле. Как же я была благодарна экскурсоводу! В самом деле, внимания «сверху» болдинскому заповеднику уделялось явно меньше, чем заповеднику в Пушкинских горах, а потому оценка результатов работы Ю.И. Левиной из уст директора библиотеки (которая, как оказалось, не знала Юдифи Израилевны лично) была заслуженной.

После юбилея Юдифи Израилевны мы с ней уже не встречались, но наши телефонные разговоры были регулярными.

15 октября 2009 года родственники Юдифи Израилевны сообщили мне о ее кончине. Такие известия всегда неожиданны и застают людей врасплох. Получилось так, что из Нижнего Новгорода поехать на похороны смогла только я. Ото всех нас, нижегородских, болдинских и екатеринбургских друзей, была огромная корзина со множеством крупных красных гвоздик в красивой зелени и траурной лентой.

Юдифь Израилевна была верна себе и на этот раз — подарила знакомство с замечательной Т.Р. Мазур, которая и предложила мне написать о Юдифи Израилевне. А в Петербурге для меня появился новый нерадостный маршрут — к могиле Ю.И. Левиной на Смоленском кладбище...

К. Олофссон (филолог, переводчик, Стокгольм), В.И. и Ю.И. Левины. Санкт-Петербург. 1999 год

Горбатый мостик: времена года

Весна

Осень

Лето

Зима

Фотографии с сайтов photosight.ru, http://tut-oleg.narod.ru/boldino/, http://www.bboldino.ru/

Г.И. Золотухин. 1970-е годы

ПОДВИЖНИК. ТРУЖЕНИК. РОМАНТИК

(ИЗ ЗАПИСОК МУЗЕЙЩИКА)

Т.Н. Кезина

В жизни музея-заповедника «Болдино» было два периода, когда во главе него находились личности, сами по себе составлявшие целую эпоху. Оба раза это переломные моменты в его истории. С 1967 по 1976 год директором музея была Юдифь Израилевна Левина; в 1979–2000 годах – Геннадий Иванович Золотухин. (При этом их деятельность, связанная с заповедником, не ограничивалась периодом директорства и занимала в целом более продолжительное время.) Мне посчастливилось работать и с Левиной, и с Золотухиным.

С Геннадием Ивановичем связана почти вся моя музейная биография. Он мой учитель, единомышленник и очень близкий – по жизни и по духу – человек. О нем и о годах работы с ним я могу говорить как свидетель и участник всего, что происходило в этот важнейший период истории заповедника.

Тамара Николаевна Кезина работала в музее-заповеднике А.С. Пушкина в 1976–2001 и 2004–2009 годах. Лауреат Пушкинской премии Нижегородской области (1999). Лауреат Национальной премии «Культурное наследие» (2009).

Можно смело утверждать, что не будь этого человека, не было бы ныне и музея-заповедника «Болдино» в том виде, в котором он теперь существует. При нем полностью восстановлен комплекс болдинской усадьбы, сложилась новая концепция заповедника, по сути, определилось его будущее. Безусловно, все сделанное – итог огромного труда множества людей. Но Геннадий Иванович Золотухин был постоянным, неизменным координатором этих общих усилий, генератором идей. За ним всегда было первое и последнее слово. Он умел всякий раз охватить проблему во всей ее значимости и сложности, пропуская каждое решение через свой мозг и сердце. Это была личность такого масштаба, и вклад этого человека в развитие музейного дела является столь значительным, что, не сомневаюсь, наше профессиональное сообщество должно больше узнать о нем. Тем более что при жизни сам он об этом совершенно не заботился и только чуть иронично улыбался, когда его называли вторым Гейченко.

Он принадлежал к когорте музейщиков, ушедшей на наших глазах – энтузиастов, бессребреников, людей с гипертрофированным чувством ответ-

ственности, пренебрегавших собственным здоровьем, личным благополучием, элементарным жизненным комфортом, если того требовали интересы дела. Это были последние романтики и в то же время реалисты-практики, не чуравшиеся самой тяжелой и неблагодарной работы, люди с твердым нравственным стержнем, каждый — настоящий патриот своего музея, да и своей страны, конечно, ведь вся их жизнь была подчинена сохранению самого ценного в историческом наследии России: ее культуры, ее живой души и памяти.

Г.И. Золотухин приехал в Болдино в 1979-м. К этому времени болдинский музей-заповедник уже прошел путь в тридцать лет, и его судьба с самого начала складывалась очень трудно. Невольно начинаешь сравнивать ее с судьбой другого пушкинского заповедника, знаменитого Михайловского: уже в 1920—1930-е годы оно пользовалось особым вниманием правительства и реальной научно-методической помощью, идущей из самого Пушкинского Дома, из Ленинграда (продолжительное время музей существовал непосредственно под его эгидой). Разрушенный во время войны, этот заповедник в считанные годы был восстановлен буквально из пепла — конечно, благодаря огромным усилиям таких подвижников, как С.С. Гейченко, но также благодаря вниманию и финансовой поддержке властей республиканского и всесоюзного уровня. Михайловское стало заповедником-гигантом по площади (около 700 гектаров) и центром проведения всех пушкинских торжеств, быстро завоевало славу самого посещаемого из литературных мест в масштабах всей страны. Между тем Болдино, по своему значению в творческой биографии Пушкина не уступающее Михайловскому, Болдино, где поэт пережил наивысший творческий взлет и которое в течение трех столетий было пушкинской вотчиной, где уцелел, в отличие от Михайловского, подлинный дом Пушкиных, где с XIX века сохранился усадебный парк, а с XVIII — каменная церковь, построенная дедом поэта, — то самое Болдино еще долгое время пребывало в забвении. Правда, еще в 1929 году решением Наркомпроса был объявлен заповедником парк — и, по крайней мере, это уберегло его от угрозы уничтожения, но никакого заповедного режима здесь, конечно, не соблюдалось — фактически он стал типичным парком культуры и отдыха. А в 1930-е годы под флагом борьбы с религией началось разорение болдинской церкви, продолжавшееся в течение последующих двадцати лет — в результате была разрушена большая часть храма. В барском доме надолго обосновалась сельская школа, и даже к 150-летию со дня рождения Пушкина, которое отмечалось в 1949 году, под музей был отдан лишь флигель — бывшая крепостная контора, где силами Горьковского исторического музея была подготовлена небольшая литературная экспозиция, посвященная жизни и творчеству Пушкина. Это и был первый пушкинский музей в Болдине. Открывали его в торжественной обстановке. 150-летний юбилей поэта праздновался здесь широко, при стечении едва ли не всего населения района, в присутствии известных пушкинистов и потомков Пушкина. Но начинать свою работу музею пришлось в очень тяжелых условиях, к тому же не имея профессионально подготовленных кадров. Его директором был назначен бывший учитель ботаники Филипп Ефимович Краско, в штате музея числилось всего несколько человек, и выживать приходилось за счет средств, получаемых от подсобного хозяйства.

Только в 60-е годы наступил тот поворотный момент в истории Болдина, когда провинциальный мало кому известный музей стал наконец соответствовать ко многому обязывающему званию пушкинского заповедника. Честь этого преображения, безусловно, принадлежала прежде всего Юдифи Израилевне Левиной. В начале 1960-х годов Министерство культуры РСФСР поручило Всесоюзному музею Пушкина (ВМП, г. Ленинград) кураторство над болдинским музеем. Будучи сотрудником ВМП, Ю.И. Левина создавала экспозицию в открывшемся после реставрации болдинском доме, а в 1967-м стала директором музея-заповедника и находилась на этом посту в течение десяти лет. При ней заповедник обрел качественно иной уровень музейной культуры. Тогда же в Болдине начали проводиться пушкинские праздники и научные конференции — ныне всем известные «Болдинские чтения». Музей обрел известность далеко за пределами области. Но при этом далеко не все обстояло благополучно. Было понятно, что перед заповедником должны открыться новые перспективы, а между тем возможности его дальнейшего развития перекрывались скудным финансированием, отсутствием внимания властей и явно недостаточным штатом сотрудников. Врезалось в память принадлежавшее одной из чиновниц тогдашнего Министерства культуры РСФСР сравнение болдинского музея-заповедника с нелюбимым ребенком в семье пушкинских музеев — это было уже на моей памяти, в конце 1970-х.

На рубеже 1970—1980-х годов повеяло ветром перемен. В преддверии 150-летия Болдинской осени — тогда, в самой читающей стране, где имя Пушкина в самом деле было национальным символом и средоточием всенародной любви, значимость этой культурной даты достаточно хорошо осознавалась — началась подготовка специального правительственного постановления по пушкинскому Болдину. Музею было предложено подготовить собственную программу развития на долгосрочную перспективу. Обязанности директора в музее в это время, уже в течение двух лет, исполняла Л.М. Малышкина, бывшая в то же время главным хранителем. Талантливый музейщик и преемница Ю.И. Левиной, она, однако, не собиралась оставаться на директорском посту, и руководство областного управления культуры занялось поисками подходящей кандидатуры, что было делом нелегким. Болдино, несмотря на свой поэтический ореол, все-таки находи-

лось в 250 км от областного центра, к тому же любого городского жителя могли отпугнуть тяжелые бытовые условия, низкая зарплата. Надежда на то, что музею повезет во второй раз, как было в 1960-х, и в Болдино приедет профессионал и энтузиаст, способный встать в такой ответственный момент во главе заповедника, была слишком призрачной. И все-таки произошло именно так. Наверное, в самом деле не бывает ничего случайного в этой жизни, и в какие-то решающие моменты в нужное время и в нужном месте оказывается человек, которому надлежит выполнить то, что предназначено ему судьбой. Этим человеком стал Геннадий Иванович Золотухин.

Его детство и юность прошли вблизи Воронежа в живописнейшем местечке Рамонь — бывшей усадьбе князей Ольденбургских с обширным парком и замком в неороманском стиле. Помню его рассказы об этом замке, о густых заповедных лесах, о реке Воронеж с чистейшей водой и бобровыми запрудами. Он принадлежал к поколению детей войны. В 1941-м десятилетним мальчишкой уходил с толпой беженцев из горевшего Воронежа вместе с матерью и маленьким братом. (Отец с первых дней войны ушел на фронт.) Вспоминая то время, он рассказывал, как они бежали по открытому полю, под бомбежками. На его глазах людей разрывало на куски. Он сам был контужен во время первой бомбежки, еще в Воронеже. Эвакуацию пережили в Удмуртии. Как только Воронеж освободили от немцев, вернулись домой, в Рамонь. Оканчивая школу, в романтических мечтах он видел себя моряком, но не отличался крепким здоровьем (сказались последствия контузии) и решил поступать в Одесский кораблестроительный институт. Через год институт все-таки оставил — понял, что это не его стезя. Выбрал историко-филологический факультет Воронежского университета — и на этот раз в своем выборе не ошибся. После университета — Крым, работа в государственном архиве. С 1960-го он — инспектор по музеям Крымского управления культуры, в его ведении все музеи Крыма: литературные, художественные, краеведческие. Это был совсем не типичный чиновник — человек некабинетный, предпочитавший живое дело, очень независимый, умевший отстаивать свою точку зрения. Достаточно сказать, что, работая в этих структурах, он оставался беспартийным, так же как и всю последующую жизнь. Конечно, это не способствовало карьере и вызывало настороженное отношение начальства, но давало возможность поступать в соответствии со своими убеждениями, а не по указке сверху. Тогда, в Крыму, он с бесстрашием боролся за сохранение исторических памятников, которым грозило уничтожение в годы хрущевского правления, не лучшие для отечественной культуры. Потом с увлечением и страстью взялся за создание музея Александра Грина в Феодосии, хотя творчество этого писателя, стоявшее за рамками соцреализма, мягко выражаясь, не очень пропагандировалось в то время. Музей Грина был создан им вместе с художником С. Бродским — необычный по замыслу и воплощению музей морской романтики, сразу полюбившийся тысячам посетителей. Несколько лет он был его директором, но жизненные обстоятельства сложились так, что пришлось оставить Крым и переехать в город Горький.

В журнале «Нижегородский музей» (2013, № 25) была опубликована заинтересовавшая меня статья (или скорее эссе) о музеях Крыма, написанная по впечатлениям поездки, предпринятой членом редколлегии П.А. Семеновым. В числе других автор пишет и о музее Александра Грина в Феодосии. Среди иллюстраций я вдруг увидела так хорошо знакомую мне фотографию с изображением одной из комнат гриновского литературного музея — каюты капитана Геза. На ней в интерьере каюты — Геннадий Иванович Золотухин. Рядом с фотографией — оставленное им в мае 1974-го пожелание музею и его сотрудникам. Не могу не привести его — настолько оно волнует своей искренностью: «Уйдут одни, придут иные... А музей есть и будет — это самое главное. Сегодня музей лучше, чем вчера. Завтра он будет еще лучше. С годами, как и человек, он станет богаче и сильнее. Будут бури и рифы на пути. Но никогда не повторится то невероятно трудное, но такое захватывающее время, когда в ярости и столкновениях рождались вдохновенные импровизации. Да хранит Музей и всех вас Фрези Грант, Бегущая по волнам». Сколько мудрого светлого чувства в этом благословении друзьям и коллегам и своему детищу — любимому музею, который он уже навсегда отпускал в свободное плавание. Впереди было пять лет работы в музее А.М. Горького, а потом — Болдино.

Он приехал в апреле 1979-го. Я хорошо помню этот день. Немногочисленный персонал музея прилип к окнам, когда новый директор вошел в усадебную калитку — высокий, уверенно и широко шагающий по двору. Во всей его фигуре была прямо-таки юношеская легкость, не вязавшаяся с его сорока восемью годами (о его возрасте все уже были осведомлены). Первое впечатление от встречи с ним: импульсивный, удивительно непосредственный, с живым интересом ко всему окружающему, быстрый, стремительный в движениях. Вспоминаю, как приехавшая однажды в те годы известная оперная певица Ирина Богачева, общаясь с ним, воскликнула, засмеявшись: «Вы же итальянец, итальянец!» Внешне — полный антипод Юдифи Израилевны с ее сдержанной, с налетом петербургского аристократизма, манерой держаться. В отличие от нее он в своей музейной практике ранее не был связан с пушкинской эпохой и этим вызвал поначалу несколько настороженное отношение к себе коллег из других пушкинских музеев и ученых-пушкинистов, объединенных ежегодно проводимыми «Болдинскими чтениями». Он воспринял это спокойно, никому ничего не доказывая, и вскоре возникшая было напряженность исчезла. В нем рассмотрели

В музее Александра Грина. Нач. 1970-х годов

человека с универсальным складом ума, открытым для всего нового, впрочем, весьма осведомленного и в области пушкинистики. Вообще сфера его интересов никогда не была ограниченной. Прежде всего, конечно, он был историком, и не только по образованию: сказывался и опыт архивной работы, и то, что в Крыму общался с маститыми археологами, не раз наблюдал процесс археологических раскопок. Он был историком до мозга костей — по широте знаний, по складу мышления, умению оценить современную ситуацию, наложив ее на историческую ретроспективу, наконец, по удивительной способности очень живого восприятия исторического прошлого. Особым предпочтением для него была история Франции, большой затаенной любовью — Париж, карту которого помнил наизусть еще со студенческих лет (но где так и не пришлось побывать). Очень любил и прекрасно знал французскую живопись — здесь для него не было ничего выше импрессионистов. Всегда сокрушался, что Бог не дал ему таланта художника, но то, что жило подспудно в генах, проявилось в его дочери Веронике Шевчук. Она стала известной художницей, ее персональные выставки уже неоднократно устраивались в Симферополе и Киеве.

Он очень хорошо знал русскую литературу, тонко чувствовал поэзию. До Болдина ему ближе всего было начало XX века: Блок, Волошин, вообще Серебряный век как явление. В прозе — Бунин, Лесков; высоко ценил Горького, но самой большой любовью все-таки всегда оставался Бунин. (Романтику Грину в его душе принадлежало особое место — в самом затаенном, заветном ее уголке.) Если задаться вопросом, что значил для него Пушкин до приезда в Болдино, то, наверное, можно ответить следующее: как и для нас всех, Пушкин был мерилом и исходной точкой всего — и в нашей культуре, и в личном духовном пространстве, интерес к его личности и творчеству был совершенно естественным. В какой-то момент произошло профессиональное пересечение с пушкинской темой, это было связано с перспективой открытия пушкинского музея в Гурзуфе — он как инспектор по музеям занимался подготовкой соответствующих материалов. Поверхностно подойти к этому не мог, он никогда не был человеком поверхностным — шла речь о профессиональных занятиях или об увлечениях; уже тогда он много прочитал, и не только о южном периоде биографии Пушкина. Безусловно, ко времени приезда в Болдино он уже достаточно хорошо знал труды

Л.М. Малышкина и Г.И. Золотухин

крупнейших пушкинистов, а по приезде сюда посчитал делом чести изучить все, что было написано наиболее значительного в пушкинистике последних лет. Спустя буквально несколько месяцев он уже был вполне сведущ в этой области, хотя времени на чтение, казалось бы, не было вообще, и, может быть, только навык скоростного чтения и его прекрасная память способствовали этому.

Громада дел обрушилась на нового директора с первых дней. Он приехал именно в тот момент, когда выяснились настоящие масштабы урона, нанесенного заповеднику минувшей аномально холодной зимой 1978/79 года: катастрофически пострадал усадебный парк. Фруктовый сад, занимавший все куртины между аллеями (всего более пятисот яблонь) вымерз полностью, пострадало около половины других деревьев. Вырубки, корчевание, расчистка от сухостоя и возобновление посадок — с этого начиналась его работа на директорском посту. И одновременно — подготовка документов к предстоявшему правительственному постановлению по Болдину. Этим он начал заниматься еще до приезда сюда, как только получил предложение стать директором заповедника. Прежде всего необходимо было досконально изучить историю болдинской усадьбы, осмыслить значение Болдина не только в творческой биографии Пушкина, но и шире — как родовой пушкинской вотчины, и только на основе этого выстраивать свою концепцию дальнейшего развития заповедника, перспективную программу реставрационных работ. Едва начинавший работу на директорском посту, он не полагался всецело лишь на собственную точку зрения, обсуждал наиболее важные вопросы со своим небольшим коллективом, особенно часто советовался с Любовью Михайловной Малышкиной — не только потому, что она была его предшественницей, еще их сближали сходство темпераментов, горячий энтузиазм, всегдашняя готовность драться за интересы музея. Удивительно, что он буквально с первых дней работы в Болдине проникся такими неподдельными патриотическими чувствами к этому месту и к самому музею, словно с ним была связана вся его жизнь. Будучи убежден в чем-то, он действовал очень решительно и никогда не боялся брать на себя полную ответственность за свои решения. В то же время ему важно было чувствовать поддержку единомышленников, работать в команде. Этот дух сотворчества мы ощутили на себе уже в первый год работы с Геннадием Ивановичем, когда нам пришлось собственными силами готовить большую выставку к юбилею Болдинской осени. До сих пор вспоминаем с радостным чувством то время нашей молодости, увлеченность общим делом и дружескую, почти семейную атмосферу, царившую в нашем маленьком коллективе, где заводилой и душой общества неизменно становился Геннадий Иванович. Разницы в возрасте, существовавшей между нами, мы не чувствовали. Он заразительнее всех смеялся, рассказывал полуфантастические истории из своей прошлой крымской жизни, обожал мистификации.

Это замечательное чувство юмора он сохранил до конца своей жизни, как и удивительную, почти мальчишескую непосредственность. С улыбкой вспоминаю смешной эпизод — это было едва ли не в самый последний год, накануне 8 Марта. У нас с Геннадием Ивановичем был общий кабинет, каждый сидел за своим столом. К нам заглянула сотрудница бухгалте-

рии и сообщила, что мне надлежит зайти к ним, чтобы получить 100 рублей, положенные всем женщинам к празднику. Едва закрылась дверь, как Геннадий Иванович тут же поднялся со своего места. «Подожди», — прошептал он тоном заговорщика, и не успела я сообразить, в чем дело, как он, не снимая очков, укутался почти до глаз в мой теплый платок, прихватил неизменную свою палку, на которую опирался при ходьбе, и вышел. Дверь бухгалтерии находилась почти напротив нашей; из-за его спины я наблюдала, что будет дальше. Он постучал палкой о косяк, приоткрыл дверь и, просунув голову, дребезжащим голосом проговорил: «Где здесь сто рублей дают за то, что женщина?» Несколько секунд внезапно наступившей полной тишины разрядились громким хохотом. Звонче всех смеялся довольный организатор розыгрыша. Еще запомнилось, как в самом начале знакомства с ним кто-то из сотрудников спросил, приходилось ли ему бывать где-нибудь за границей (тогда это не было столь обычным делом, как сейчас). Он утвердительно кивнул. «Вы, наверно, знаете, что под Черным морем проложили тоннель, вот по нему мы и ходили в Турцию» — это было сказано с таким серьезным выражением лица, что на какие-то мгновения мы почти поверили, прежде чем опомнились и оценили его шутку. Потом все быстро привыкли к его манере шутить, представлять в юмористическом свете разные жизненные ситуации, мгновенно придумывать и убедительно рассказывать небылицы в духе барона Мюнхгаузена и научились отвечать ему в тон. И юмор очень помогал нам в дальнейшей жизни — с ним легче было преодолевать и трудности быта, и рабочие нагрузки, в которых не было недостатка.

В 1981 году было принято давно ожидаемое правительственное постановление по Болдину. Начинать необходимо было с исследовательских и проектных работ. Геннадию Ивановичу стоило больших трудов добиться привлечения к этим работам московского института «Спецпроектреставрация», который располагал лучшими специалистами в этой области, но был буквально завален заказами крупнейших российских музеев-заповедников. Энтузиазм и настойчивость дали свои плоды — договор с институтом был подписан. Вернее, договоров было несколько: на проект реставрации барского дома, на проект реставрации церкви Успения, на разработку Генерального плана и проекта охранных зон. Всесоюзное объединение «Леспроект» удалось подключить к подготовке документации по реставрации парков в Болдине и Львовке. Горьковские реставрационные мастерские начали проектные работы по утраченным строениям болдинского усадебного комплекса, в связи с чем возникла необходимость археологических раскопок, которые затем велись в течение нескольких сезонов. Параллельно шла подготовка рабочей документации по очистке прудов, благоустройству территории и т.д. И директор музея не просто контролировал исполне-

Перед началом археологических раскопок во дворе усадьбы

Коллектив музея-заповедника. 1980-е годы

ние всех этих работ, он был полноправным соавтором проектов. Представленные ему тома документации покрывались обильной правкой, многочисленными замечаниями, возвращались на доработку. Иногда это даже приводило к обострению отношений с исполнителем, но, как правило, только на первом этапе. А затем такая требовательность дотошного заказчика невольно начинала вызывать уважение. Невозможно было не заметить, как наши партнеры из «Спецпроектреставрации» или из «Леспроекта» заражались его неравнодушием, как и для них Болдино становилось чем-то своим, близким. Отношение Геннадия Ивановича к проектному этапу работ не было формальным — он придавал ему очень большое значение и считал, что проектные материалы — это одновременно и научная основа реставрации, и «несгораемая» база данных обо всех объектах заповедника, которая будет востребована и в будущем. (Сейчас все это является важнейшей частью архива музея: помимо объемистых папок с эскизными проектами и рабочими чертежами, в этих материалах содержатся полные исторические сведения об объектах заповедника, отчеты о результатах натурных исследований, заключения экспертов самого высокого уровня.)

С самого начала у Геннадия Ивановича сложились четкая концепция заповедника и программа действий. Признаюсь, мы, сотрудники музея, уже поработавшие здесь какое-то время, не сразу приняли его полную решимости позицию: усадебный комплекс должен быть полностью восстановлен. Нам казалось, что если постройки усадьбы не уцелели до наших дней, то, возможно, и не нужно сооружать так называемые новоделы, ограничившись тем, что сохранилось: домом, парком, вотчинной конторой (хотя последняя, нужно сказать, во время реставрации 1970 года была обновлена почти на 90 процентов — таким ветхим оказалось состояние старых бревен). Позднее мы убедились, насколько Геннадий Иванович был прав. Ведь, заявляя о необходимости воссоздания всего усадебного комплекса, он не просто следовал по принятому пути, обычному для других литературных заповедников. И он не считал восстановление этих построек лишь самоцелью: вот кухня, конюшня, людская — и они восстановлены, потому что они были. Он понимал, насколько важно выделить то самое мемориальное пространство, которое обозначат эти вновь вставшие по периметру двора деревянные строения — в сущности, именно эта территория да еще прилегающий к ней с юго-западной стороны участок, примерно до нынешней дерновой скамьи, являлись при Пушкине собственно усадьбой. (Земля по северному берегу усадебных прудов была присоединена чуть позднее, в конце 1830-х годов. И примерно с этого же времени ведет свое начало парк.) А ведь это самое мемориальное пространство даже «не читалось» до реставрации 1980-х годов: его нарушали поздние посадки тополя, здесь находились музейная теплица и жилой дом для сотрудников (где еще около десяти лет пришлось прожить самому Геннадию Ивановичу). Таким образом, и подлинный памятник — господский дом Пушкиных — существовал вне исторической среды. И пусть у музея не было точных сведений о том, как именно выглядели те самые усадебные постройки (сохранились лишь поздние фотографии барской кухни), но

размеры и конфигурация их фундаментов, установленные в результате археологических раскопок, изучение соответствующих аналогов позволили в конце концов архитекторам Горьковских научно-реставрационных мастерских предложить музею проекты, убеждавшие своей достоверностью. В 1980-х — начале 1990-х годов были восстановлены барская кухня, баня, людская, конюшня с каретником, а несколько позже — два примыкающих к забору усадьбы дома бывшего «попова порядка».

Очень нелегко вырабатывались общие принципы реставрации усадьбы. Мы не могли ориентироваться строго на пушкинский период: усадьба — живой организм, в течение XIX века менялись ее облик, границы. В конце концов было принято единственно правильное решение — придерживаться исторического принципа в этом тонком деле. Это значило, во-первых, уделить особое внимание выявлению и сохранению планировочных элементов и уцелевших — иногда почти в первозданном виде — отдельных фрагментов усадебного и приусадебного ландшафта, восходящих к пушкинскому времени. Во-вторых, в целом сохранить усадьбу такой, какой она дошла до нас — и как редкий образец дворянской усадебной культуры XIX столетия, и как родовая усадьба Пушкиных, окончательно сформировавшаяся к началу XX века, когда она перешла от последних владельцев в собственность государства.

В течение двух лет — с 1986-го до июня 1988-го — продолжалась реставрация главного усадебного дома. При обследовании выяснилось, что во время предыдущей реставрации начала 1960-х годов оказалось забито строительным мусором подполье (вероятно, в то время просто не мог нормально осуществляться надзор за ходом работ из-за невозможности регулярного сообщения с научно-реставрационными мастерскими, находившимися в г. Горьком). Результатом стало интенсивное гниение нижних венцов, приведшее к аварийному состоянию дома. Из-за этого теперь объем работ оказался значительно больше, чем предполагалось вначале. Помню публикации в областных газетах и возмущенные письма в адрес музея. Каких только упреков в свой адрес мы не получали в то время: одни нас обвиняли в том, что мы затягиваем сроки реставрации и не успеваем к 10 февраля 1987-го (тогда отмечалось 150-летие со дня смерти Пушкина). Другим, наоборот, почему-то казалось, что реставрационные работы ведутся в спешке и недостаточно тщательно. Вот уж в чем музей нельзя было упрекнуть! Разве могли мы не осознавать всей меры ответственности за этот дом, самый ценный памятник пушкинской усадьбы? Да и только ли в ответственности дело? Наверное, лишь музейщикам, тем, кто много лет провел в стенах одного из таких вот старинных особняков, понятно, насколько родными становятся эти стены, как срастаешься с ними душой и их память становится твоей памятью, и как об этом доме болит сердце — как может болеть только о близком человеке.

Геннадий Иванович обладал редкой способностью очень спокойно реагировать на выпады слишком рьяных критиков и откровенных недоброжелателей — а этого хватало всегда. Было и недовольство начальства, но он никогда не отказывался от того, в чем был убежден, не боялся лишиться своего кресла (правда, это кресло тогда, в отличие от новых времен, меньше всего было похоже на царский трон). Он был не лучшего мнения о своем характере, считал, что не способен быть достаточно дипломатичным, что порой слишком резок, не умеет сдерживать свои эмоции. Вместе с тем при всей своей импульсивности и горячности в самые ответственные моменты становился настоящим мудрецом — мог быть абсолютно равнодушным к интригам, не шел на поводу личных обид, вообще пренебрегал всем суетным во имя главного. А главным были судьба музея, интересы дела. И так было всегда, тем более когда речь шла о важнейших для заповедника объектах, таких как дом-музей.

Реставрация дома коснулась всех его объемов и конструкций, от фундамента до кровли. Одной из главных заслуг Геннадия Ивановича было то, что ему удалось добиться организации Болдинского реставрационного участка. Он существовал в системе Горьковских научно-реставрационных мастерских, но имел свою материально-техническую базу, своего прораба — А.И. Плохову и бригаду рабочих. Костяк этой бригады составляли представители плотничьих династий, унаследовавшие местные традиции своего ремесла, что было очень важно. В процессе реставрации дома пришлось заменить некоторые бревна в нижних венцах — эта работа была особенно сложной и ответственной. В каждом случае дожидались заключения комиссии из «Спецпроектреставрации», стараясь максимально сохранить подлинный сруб, особенно когда получили новые подтверждения мемориальной подлинности дома. С самого начала мы придавали первостепенное значение уточнению даты его постройки, что было вполне объяснимо.

Банька — одна из построек усадебного двора

Дом-музей во время реставрации 1980-х годов

Еще в 1960-х годах принимавший участие в реставрационно-проектных работах по болдинскому дому С.Л. Агафонов, уже тогда авторитетнейший горьковский архитектор-реставратор, датировал его строительство началом XIX века. Но в последующие годы эта датировка подверглась сомнению и возобладала другая точка зрения — о более позднем происхождении памятника. Сторонники этой версии оставались непоколебимы даже тогда, когда известный архивист Н.И. Куприянова обнаружила документ 1830 года с указанием размеров болдинского дома, и эти размеры совпали с существующими (исключая флигель-пристрой, о более позднем происхождении которого было известно). Апеллировали к высказыванию племянника поэта А.Л. Пушкина, который заявлял в свое время, что «болдинский дом ведет свое начало с 1840-х гг». При этом не учитывалось, что, во-первых, высказывание относилось к концу XIX века и, во-вторых, являлось достаточно бездоказательным — никаких веских аргументов он не приводил, да, видимо, и не искал их, удовлетворившись расплывчатыми свидетельствами некоторых стариков, смутно помнивших, что дом был другим. Что значили эти свидетельства, стало ясно, когда в 1980-х, предприняв всестороннее обследование по дому, в том числе применив последние методы дендрохронологического анализа, реставраторы нового поколения пришли к выводу: в истории дома было три этапа строительства. Основные объемы первого этажа, за исключением флигеля-пристроя, они датировали рубежом XVIII—XIX веков, мезонин — 1840-ми годами, флигель — 1890-ми годами. Значит, при Пушкине дом и в самом деле выглядел по-другому: он был меньше, не имел мезонина, однако это тот самый дом — в том смысле, что он сохранил те самые стены, те самые комнаты с их первоначальной планировкой, в которых жил Пушкин. Нужно ли говорить, какое значение имело для всех нас подтверждение того, что наш музей существует в мемориальных стенах, что это — «те самые квадратные метры» (выражение гения мультипликации, режиссера Андрея Хржановского, который побывал в музее как раз в то время, когда еще велись исследования и не было до конца понятно, в какой степени дом сохранил первоначальную основу. «Это уже не важно, — говорил он, — важно, что Болдинской осенью все происходило вот здесь, на этих самых квадратных метрах!»).

Потом началась работа над экспозицией дома-музея. Я, в то время зав. экспозиционным отделом, сидела над планами и сценарием будущей экспозиции, в течение нескольких лет занималась поиском необходимых экспонатов, время от времени выезжала в Ленинград для работы в Пушкинском Доме и встреч с автором архитектурно-художественного проекта экспозиции Татьяной Николаевной Воронихиной. Она приезжала в Болдино, и мы располагались обычно прямо в нашем жилом домике в усадьбе. Отчетливо встает перед глазами картина: лето, открытые окна, комната завалена планшетами. На большом столе, принесенном из музея, листы ватмана с эскизами. Над ними склонилась Татьяна Николаевна. Рядом — Геннадий Иванович. Как только выдается свободный часик, он прибегает к нам, ему очень интересно все, что связано с подготовкой экспозиции. В душе он прежде всего экспозиционер, и никакая другая работа не доставляет ему такого удовольствия. В перерывах мы пьем чай на этом же столе, и мне очень нравится слушать их разговоры. Между ними есть какое-то духовное родство, они хорошо понимают друг друга. Речь их касается то каких-то воспоминаний (они почти ровесники и помнят одни

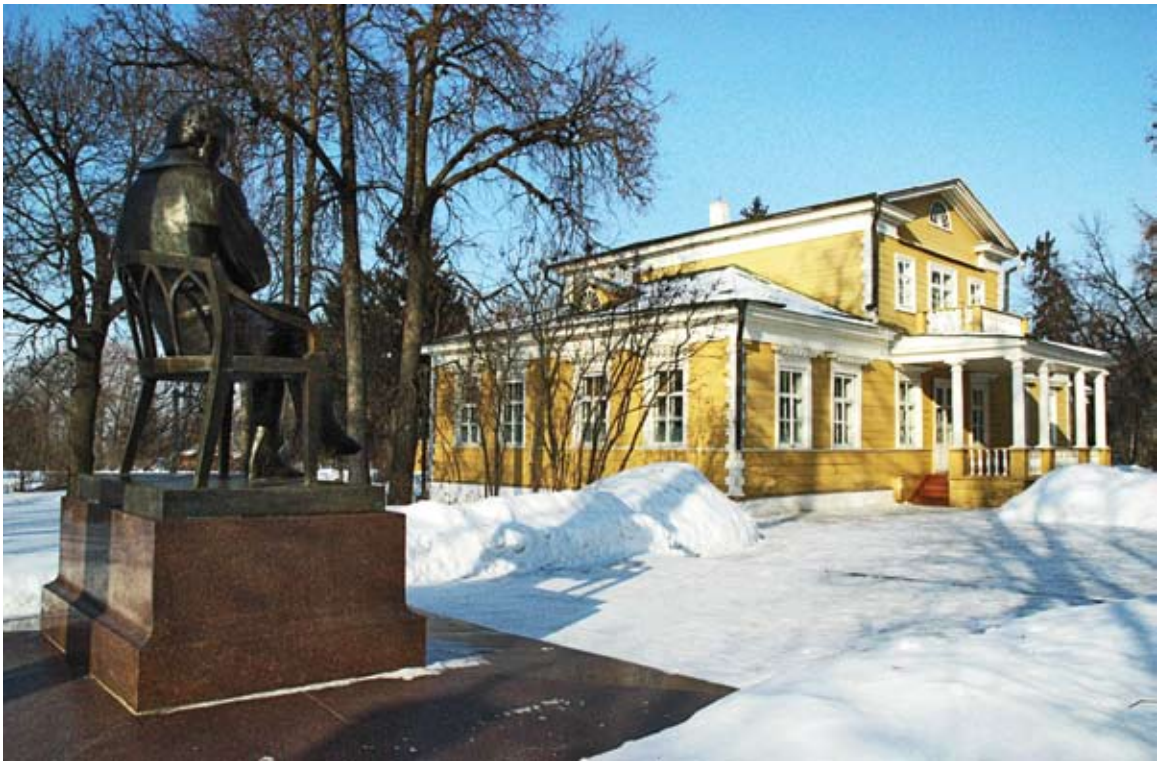
С праправнучкой Пушкина И.Е. Гибшман. 1980-е годы

и те же времена, одни и те же события), то общих знакомых — ведь вся жизнь Татьяны Николаевны тоже связана с музеями и музейщиками. Вот она начинает рассказывать, как создавалась главная экспозиция Всесоюзного музея Пушкина в 1960-е годы. Тогда ее удивляло, почему в разделе, посвященном предкам поэта, было так много материалов, связанных с Ганнибалами, и фактически замалчивалась история рода Пушкиных. Потом она поняла: по идеологическим соображениям не полагалось подчеркивать, что поэт происходил из столь древнего русского дворянского рода; ганнибаловская линия представлялась, видимо, как-то демократичнее. Помню, еще они говорили о том, что, возможно, по той же причине столько лет находилось в немилости наше Болдино (вотчина Пушкиных) в сравнении с процветающим Михайловским (вотчиной Ганнибалов). И хотя теперь уже наступали другие времена и менялась идеология, еще сохранялась инерция все той же расстановки приоритетов.

Геннадий Иванович одним из первых заговорил во весь голос о значимости темы пушкинского рода для болдинского заповедника. Он и здесь мыслил как историк, рассматривая многовековую судьбу рода Пушкиных в общем русле исторического пути, пройденного Россией. Собственно, именно так это ощущал и сам поэт, которому нить, связывавшая с поколениями предков, давала чувство причастности к русской истории, чувство родины и с годами становилась для него все важнее. Именно в Болдине, своей родовой вотчине, он переживал это особенно остро.

Как никто другой, Геннадий Иванович понимал необходимость восстановления болдинской церкви, памятника, непосредственно связанного с историей пушкинского рода: ее строил дед Пушкина, и произошло так, что освящена она была в год рождения самого поэта. (В этом есть что-то символическое: один из древнейших дворянских родов, уходивший корнями к истокам русской истории, исполнил свое главное предназначение — дал миру величайшего гения России, и тогда, в 1799-м, звон колоколов родового храма словно возвестил об этом.)

К моменту реставрации от здания церкви оставалась лишь главная, собственно храмовая часть нижнего яруса с алтарем. Еще в начале 1960-х годов она была подведена под кровлю и здесь разместилась районная библиотека, в 1970-е годы здание передали музею, но речь о восстановлении церкви в те времена никто еще и не решался заводить. Геннадий Иванович решился. И еще до начала перестройки, грянувшей в середине 1980-х, ему удалось получить принципиальное согласие властей и включить пункт о реставрации храма в планы заповедника на двадцатилетнюю перспективу — это было почти невероятно. История восстановления церкви — это самая долгая и многотрудная история, которой отмечен период масштабных реставрационных работ в заповеднике. И если реставрация дома, восстановление усадебных построек, работы по парку проводились в относительно благоприятных условиях — до начала 1990-х годов финансирование в необходимых объемах все-таки осуществлялось, то практические реставрационные работы по церкви пришлись как раз на 1990-е. По счастью, в целом уже был готов проект реставрации. Музею повезло, что его автором стал один из лучших, несмотря на свою молодость, архитектор института «Спецпроектреставрация» А.П. Меркулов. (Он же — и главный автор проекта реставрации дома.) Что такое 1990-е годы —



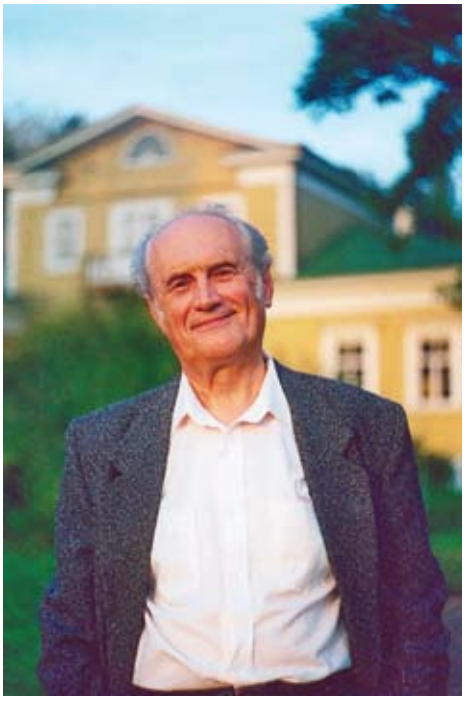
Дом-музей А.С. Пушкина в Болдине. Начало XXI века

объяснений не требует. Годами музей вообще не получал денег на реставрацию (как, впрочем, и по другим статьям расходов. Как и все в то время, мы сидели «на голодном пайке», не по одному месяцу без зарплаты). И все-таки вопреки всему работа по восстановлению церкви шла — медленно, с большими перерывами. Сначала укрепили фундаменты, потом началась кладка стен разрушенной части храма. Когда стены вывели на высоту карнизов, Геннадий Иванович не поддался соблазну вместо положенных белокаменных обойтись дешевыми бетонными карнизами — а его усиленно убеждали в благоразумности такого решения. Снова последовал перерыв в работах, но зато в конце концов удалось дождаться очередной порции ассигнований, заключить договор на поставку белого камня, найти специалистов-резчиков. В 1997 году в музей приехала комиссия Министерства культуры России. Члены комиссии высказали немалое удивление тем, что было сделано в последние годы. При этом сразу стало понятно, что в оставшиеся два года министерство едва ли собирается расщедриться, а значит, завершение реставрации церкви оказывается под срывом. Помню, какой разговор состоялся тогда в кабинете директора в присутствии руководителей района. После выступления замминистра Н.М. Скегиной, смысл которого

Около болдинской церкви Успения во время реставрации (справа — Г.И. Золотухин).

Церковь Успения

Ни



Г.И. Золотухин

Разбирая архив Геннадия Ивановича, я нашла фотографию: вид усадьбы после реставрации сверху, что называется, с высоты птичьего полета. (К сожалению, не знаю, как именно она была сделана.) Я сравнила ее с общим планом аэрофотосъемки, напечатанным в буклете начала 1980-х годов. Это сравнение делает особенно наглядным произошедшие перемены: на территории, примыкающей к барскому дому, имевшей ранее вид довольно обширной поляны со случайной древесной растительностью и несколькими чужеродными постройками, снова четко прорисовался план усадебного двора, возникли на своих исторических местах прежние строения, четкая архитектурная доминанта — Успенская церковь — придала завершенность всему комплексу усадьбы. Фотокамера не захватила еще один важный объект — на противоположной, западной границе усадьбы в 1999 году была поставлена памятная часовня. На этом месте когда-то стоял первый православный храм в Болдине — во имя Архангела Михаила, построенный в начале XVII века далекими предками поэта, получившими эти земли в вотчину. Неподалеку находился и «боярский двор». Геннадий Иванович всегда мечтал отметить мемориальным памятным знаком это место, откуда «есть пошло Болдино». В его архиве сохранились папки с проектными материалами по часовне, среди них — составленная им обширная историческая справка, подборка различных изображений памятников храмового деревянного зодчества — возможных аналогов будущей часовни, какой она представлялась ему.

сводился к тому, что заповедник выглядит накануне пушкинского юбилея весьма достойно и можно успокоиться на достигнутом, встал Геннадий Иванович. Он не собирался успокаиваться и произнес настолько страстную и аргументированную речь в пользу того, что к 200-летию Пушкина болдинский храм должен быть восстановлен, чего бы это ни стоило, что пытавшаяся вначале возражать госпожа Скегина вдруг рассмеялась: «Ну и хитрец ваш Золотухин! Кто же мог подумать, что он начнет восстанавливать церковь в такое время! А теперь что же остается делать? Для всех нас будет позором, если к юбилею не закончим». Тем не менее прошел еще год, прежде чем вопрос с выделением необходимых средств был решен. Завершать реставрацию пришлось в более чем сжатые сроки. Иначе как всем миром здесь уже было не успеть — и район, и область объединили свои усилия и рабочие ресурсы. Авральный режим не всегда благоприятствовал качеству работ. Геннадий Иванович переживал это с болью в сердце, но ситуация не оставляла вариантов — было понятно: после юбилея денег на церковь уже никто не даст. Мало кому верилось, что это возможно, но 6 июня 1999 года зазвонили колокола болдинского храма. И пожалуй, это было главным событием того дня, сообщившим особое светлое настроение праздничным торжествам, проходившим в пушкинском Болдине.

В генеральный план развития заповедника, который разрабатывался в 1980-х годах, — конечно же, при самом активном участии директора музея — было внесено несколько новых экскурсионных маршрутов, и прежде всего от Болдина до Львовки — второй пушкинской усадьбы, сохранившейся в округе. Однако общая ситуация 1990-х годов не позволила и думать о том, чтобы провести полноценные реставрационные работы во Львовке и открыть там музей. Тем не менее Геннадию Ивановичу все-таки удалось обеспечить подготовку проекта реставрации львовского усадебного дома. В середине 2000-х, уже уйдя с директорского поста, он контролировал и направлял ход реставрационных работ. Я, в тот период зав. филиалом во Львовке, знала, что в сложные моменты всегда могу обратиться к нему за советом. Он никогда не отказывался поехать вместе со мной на место реставрации. Приближаясь к дому, мы обычно слышали уважительное: «Старый директор приехал» — и к нам подходили рабочие. Несмотря на возраст и больные ноги, он взбирался по приставной лестнице на второй этаж, вникал в очередную реставрационную проблему, помогал найти ее решение. Когда реставрация дома была закончена, он принял самое заинтересованное участие в оформлении экспозиции. Это было нашей давней мечтой — открыть здесь музей литературных героев по болдинским «Повестям Белкина»: уж очень отве-

чала вся атмосфера этого уединенного поэтического уголка сюжетам и настроению пушкинских новелл из усадебной жизни. Многие скептически относились к идее создания такого музея. Но практически сразу после открытия популярность нового экскурсионного маршрута стала очевидной — насколько мне известно, так остается и по сей день.

В последние годы Геннадий Иванович по-прежнему был постоянно загружен делами: будучи заместителем по научной работе, занимался организацией «Болдинских чтений», подготовкой музейных изданий, всегда участвовал в оформлении новых выставок, много сил уходило на текущую «бумажную» работу. Не хватало времени на главное, чем ему хотелось бы заняться, — собрать и систематизировать свои записи, размышления по поводу важнейших проблем по истории и реставрации музейных объектов, наконец, просто написать воспоминания о минувших десятилетиях своей работы в заповеднике. Признаюсь, мне это казалось досадно, но, когда я заводила об этом речь, он отвечал: «Не переживай. Всегда найдется тот, кто напишет, но не всегда найдется тот, кто сделает. А мы с тобой сделали все, что могли, на сто процентов».

Он старался не придавать значения проблемам со здоровьем — привык за долгие годы обращаться к врачам только в самых крайних случаях. Когда обратился к ним в последний раз, в июле 2008-го, оказалось слишком поздно: он провел полмесяца в больнице, перенес операцию, но не выдержало сердце. Мало достойно прожить свою жизнь на этой земле, нужно уметь с достоинством уйти из нее. Он не просто с поразительным терпением переносил боль, не просто не проявил ни малейших признаков малодушия, слабости, ожесточения или отчаяния. Он уходил с просветленной душой и любовью к тем, кого оставлял по эту сторону бытия. Только однажды — это была самая тяжелая бессонная ночь — забывшись, тяжело застонал, а очнувшись, сказал мне: «Знаешь, я видел себя на кладбище кораблей». Тенью из прошлого пришел этот образ. Закончился бег парусника по просторам, казавшимся когда-то безбрежными, — он был то воодушевленным и радостным, то полным испытаний. Но, может быть, где-то там, в ином мире, продолжает плыть, сверкая парусами, не подвластный разрушительной силе времени и стихий гордый корабль, хранимый ею, Фрези Грант, Бегущей по волнам.

Болдино. 2014

Фотографии из фондов музея-заповедника А.С. Пушкина в Болдине

В. Хазов. Болдинские дали

ГОРОДЕЦ

Селится счастье, как добрая птица,
Полон в избе им каждый венец.
Доброю птицей над Волгой гнездится
Маленький город – Городец.

Юрий Адрианов

Городецкий краеведческий музей. http://gorodmuseum.ru/

ПЕРВЫЙ НА МУЗЕЙНОМ КВАРТАЛЕ

А.Н. Еранцев, З.С. Коновалова

Сегодня Городец по праву может считаться нижегородской музейной столицей. В центре исторической части города, так называемом Музейном квартале, открыто уже семь муниципальных музеев. Каждый из них неповторим, уникален. Однако главным хранителем истории города остается Городецкий краеведческий музей. Как и 90 лет назад, его основные функции — сохранение, изучение и популяризация памятников старины.

Артем Николаевич Еранцев — главный экскурсовод МБУК «Городецкий историко-художественный музейный комплекс» (ГИХМК).

Зинаида Сергеевна Коновалова — ученый секретарь МБУК ГИХМК.

Уже можно назвать закономерностью появление повышенного интереса к своей истории в трудное для народа время. Этот интерес у многих проявляется на уровне инстинкта самосохранения. Любое общество, как охотник в лесу, чтобы не заблудиться, должно оглядываться назад.

В судьбе краеведческого музея отражаются общие черты, характерные для истории музейного дела в нашей стране.

Музей в Городце был создан в первые годы после Октябрьской революции — сложное, переломное время. В 1918 году в одной из комнат Народного дома была развернута музейная экспозиция. С февраля 1920 года музей располагается в особняке купца Ивана Петровича Облаева на бывшей Купеческой улице, который занимает по сию пору.

Как и в других городах, музей в Городце основан по инициативе общественности. Большая заслуга в организации Городецкого музея принадлежит его первому директору Константину Павловичу Смирнову — представителю городецкой интеллигенции, учителю, сыну священника. Труды К.П. Смирнова высоко оценил хранитель Московского Румянцевского музея Г.П. Георгиевский, посетивший Городец в октябре 1919 года. В книге записей посетителей музея он оставил лестный отзыв о работе своего коллеги: «Нахожу первые шаги Городецкого музея удачными, размещение систематичным и правильным. Будущее за ним совершенно обеспечено. Дело находится в опытных и любящих руках».

В основу музея легли собрания местных коллекционеров. Современники отмечали, что «сам Городец уже в целом есть музей». Накануне революции здесь сложились прочные традиции частного собирательства, были крупнейшие коллекции книг, икон и другой старины, собранные купцами-старообрядцами Г.М. Прянишниковым и П.А. Овчинниковым.

В первые годы его работы, на волне общественного подъема, музею была создана основа для развития. В 1919 году советская власть выделила под музей купеческий особняк, изыскала средства на приобретение музейных коллекций. В собрание музея были переданы ценнейшие экспонаты, в том числе шкафы Г.Е. Токарева-Казарина, часы с движу-

К.П. Смирнов

щейся картинкой, украшающие его экспозицию и сегодня.

К сожалению, в 1920–1930-е годы не удалось сохранить все богатства, которыми располагали город и музей. Не только из Городца, но и из многих местных музеев России самое ценное вывозилось в центральные музеи. Из Городца – прежде всего иконы и книги. Оценить все вывезенное не представляется возможным. По архивным данным, только в 1938 году из музея было изъято 12 икон XVII века и икона Святой Троицы XVI века. Многое было утеряно безвозвратно: согласно поступавшим разнарядкам многие изделия из серебра и цветных металлов сданы в переплавку, а книги – в макулатуру.

Но музей выстоял. Сегодня в его коллекции, собранной не одним поколением городчан, более 16 тысяч экспонатов. Среди них есть и такие, которые отличают наш музей от других краеведческих музеев области: рукописные и старопечатные книги, изделия декоративно-прикладного искусства, археологические древности XII–XIV веков.

Такое богатое собрание не только сделало музей привлекательным для туристов, но и позволило ему стать культурным центром Городца. Сегодня краеведческий музей – не только объект туристического показа, но и центр сохранения историко-культурного наследия родного края. Эта задача не может быть решена без формирования исторического самосознания городчан. И у музея здесь большие возможности.

В 1987 году в краеведческом музее открылась выставка «Средневековый Городец». Как ни парадоксально звучит, но до 80-х годов XX века в краеведческом музее древнего Городца, в музее, созданном еще в начале XX века, не было отдельной экспозиции, посвященной древнерусскому периоду. Вся дореволюционная история Городца «благополучно» умещалась в одном зале. Древний Городец представляли всего 18 подлинных экспонатов. Это были находки, переданные Игорем Александровичем Кирьяновым, заложившим в 1954 году на территории древнего Городца несколько шурфов. Средневековые предметы терялись среди разнообразного иллюстративного материала (гипсового бюста Юрия Долгорукого, манекена воина в восточных доспехах, живописной картины «Городецкая крепость», макета древнего Городца и др.).

Такая ситуация тем более удивительна, что еще в XIX веке «крестьянин-археолог» Петр Данилович Дружкин проводил раскопки в районе Городца. По сохранившимся отчетам известно, что в 1878 году на антропологическую выставку им было отправлено 4 ящика находок. К сожалению, нам неизвестен даже их список. Не попали в краеведческий музей и материалы раскопок московского археолога Александра Филипповича Медведева. Он работал в нашем городе в 1960 и 1962 годах и открыл миру Городец как памятник археологии. В нашем музее остались публикации А.Ф. Медведева о раскопках в Городце, а сама коллекция была передана в областной музей.

Создание экспозиции по средневековому Городцу стало возможным, после того как в музей была передана коллекция, собранная в результате многолетних раскопок, проходивших в Городце с 1978 года под руководством кандидата исторических наук Татьяны Владимировны Гусевой. Именно эти находки и легли в основу археологической выставки краеведческого музея.

Эта выставка – самое яркое подтверждение древности города, и с ее появлением городчане понесли в музей древние находки. Не была напрасной и большая разъяснительная работа Т.В. Гусевой среди жителей улиц, где проводились раскопки.

Городчане стали воспринимать родную землю как памятник истории и считать ценным, достойным внимания то, что в ней находят. Среди вполне заурядных древнерусских вещиц в руки местных жителей попали настоящие раритеты. И большая удача, что они оказались в собрании музея. Огромную ценность имеет найденный Мошкиными на улице Загородной княжеский шлем. Не менее дорога нам переданная молодым городчанином Владимиром Дуниным вислая актовая печать Александра Невского. Украшением археологической коллекции стала найденная на берегу Волги нашим земляком Юрием Мятовым золотая подвеска. Она была изготовлена в знаменитой технике зерни еще в домонгольский период.

Уникальные экспонаты помогают формировать историческое самосознание жителей Городца. Большой

Шкаф Г.Е. Токарева-Казарина. Городецкий краеведческий музей

интерес посетителей музея вызывает княжеский шлем, найденный на огороде. Почему шлем, покрытый серебром и украшенный золотом, оказался в земле на окраине средневекового города? Кто был его хозяином? Ответить на эти вопросы мы не можем, но твердо знаем, что князь был не робкого десятка. Вмятина на лобовой части шлема свидетельствует — с врагом он встречался лицом к лицу.

Актовая печать Александра Невского с изображением всадника на одной стороне и спешившегося воина на другой напоминает о высоком политическом статусе древнего Городца. Город — это не просто крепость на Волге, но крупный военно-административный центр, столица удельного княжества, княжеская резиденция, где имелся свой архив, где принимались важные политические решения. А может быть, печать заставит задуматься о том, как немного было на Руси таких талантливых полководцев и государственных деятелей, как Александр Невский, причисленных «за святость жития» к лику святых.

Воспитывать уважение к предкам, а значит, и любовь к Родине помогают не только уникальные экспонаты,

В.Л. Янин на Городецких чтениях. 24 апреля 1991 года

но и типичные для той или иной эпохи предметы, представленные в музейных залах. Разнообразные тематические выставки музея — словно страницы иллюстрированной летописи Городца. Пройдя по залам музея, можно оценить высокий уровень искусства народных мастеров, своеобразие быта городецкого купечества, особенности старообрядческой культуры, героизм городчан в суровые годы Великой Отечественной войны...

Музей призван сделать исторический материал живым, рассказывающим современникам о чем-то важном, ценном. Решить эту задачу помогают такие формы музейной работы, как экскурсия, лекция, конференция.

В зале археологии краеведческого музея регулярно проходят тематические экскурсии «Средневековый Городец по материалам археологических раскопок» и «Городец в эпоху Александра Невского». Такие экскурсии и лекции вызывают большой интерес у школьников, студентов и всех неравнодушных к родной истории.

С 2011 года при краеведческом музее работает лекторий «История Городца: между фактом и вымыслом». Среди городчан нашлось немало тех, кто, отложив все свои дела, вот уже третий год и в лютый мороз, и под палящим солнцем приходит на ежемесячные занятия, которые ведет почетный гражданин г. Городца Т.В. Гусева.

Другой популярной в Городце формой исторического познания стали научные конференции. Первая была организована краеведческим музеем совместно с Нижегородской археологической службой в 1991 году. В 2012 году прошли VII Городецкие чтения. И каждый раз в зале много жителей Городца. Городчане оказались готовы воспринимать не только сладкозвучные легенды, но и научные доклады. Сборники материалов чтений, проводимых в музее, пользуются спросом.

Каждая новая конференция, новая встреча с известным ученым способствовали повышению у жителей города интереса к истории родного края. Памятен для сотрудников музея и городчан приезд на первые Городецкие чтения в апреле 1991 года Валентина Лаврентьевича Янина — академика, известного археолога. Запомнился нам и визит в музей легендарного путешественника Тура Хейердала. Весть о его приезде собрала в стенах музея большое число городчан, устроивших зарубежному гостю чрезвычайно теплый прием.

Жители города сегодня и сами пытаются собирать материал, проводить исследования, обобщать знания по истории своего города, своей семьи. Поэтому музей выступает инициатором не только научных, но и студенческих, ученических конференций, встреч краеведов.

Становление исторического самосознания во многом связано с духовно-нравственным воспитанием и культурой. На рубеже XXI века краеведческий музей участвует в возрождении православных традиций.

На памяти музейных сотрудников еще живы воспоминания, какой отрицательный резонанс вызвала выставка православных икон к 1000-летию Крещения Руси. В 1988 году горком партии оказался не готов воспринять инициативу музейщиков. Выставку рекомендовали убрать. К счастью, прошло немного времени, и музей смог представить свою коллекцию памятников древнерусской живописи без оглядки на политическую конъюнктуру.

Главной святыней, хранящейся в краеведческом музее, является икона Феодоровской Божией Матери с чудесами. История этого экспоната достойна отдельного рассказа. Увы, не сохранились подробности поступления иконы в музей. С середины XX века она была представлена в экспозиции своей оборотной стороной. Там изображена панорама Феодоровского монастыря, поэтому икона служила иллюстрацией разрушенной обители — легендарного места смерти в Городце князя Александра Невского. Только в 1987 году икона стала экспонироваться лицевой стороной во вновь созданном зале археологии. Икона органично смотрелась рядом с древними экспонатами — потемневшая от времени, она казалась ровесницей Городца.

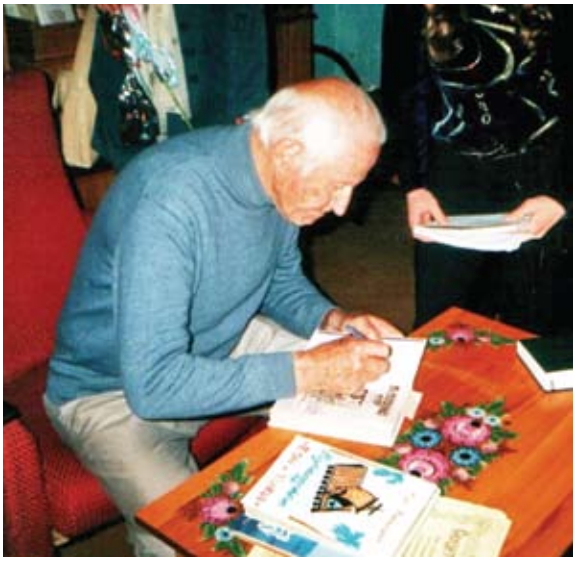
С конца 90-х годов сотрудники музея и жители Городца были свидетелями почитания музейного списка Феодоровской Божией Матери как чудотворного образа. Перед иконой стали проводиться православные

молебны: сначала раз в году, потом каждую неделю. В 2006 году по инициативе благочинного Городецкого округа протоиерея Владимира Чугунова и директора краеведческого музея, заслуженного работника культуры РФ Веры Викторовны Бровиной при музее была создана часовня.

В ней все желающие имели свободный доступ для моления перед Феодоровской иконой. Несомненно, особое почитание городчанами образа Богородицы способствовало возобновлению Городецкого Феодоровского мужского монастыря.

В годы возрождения православия краеведческий музей стал организатором многочисленных встреч городчан со священнослужителями. На протяжении многих лет наш желанный гость — член Союза писателей РФ, протоиерей Владимир Чугунов. С 2012 года вновь работает при музее православный лекторий. Занятия по практическому богословию «Что должен знать человек о Боге» ведет руководитель миссионерского отдела Городецкой епархии иерей Алексий Червяков.

Краеведческий музей принимает активное участие в деле сохранения исторической памяти о святом благоверном князе Александре Невском. Заметным событием в общественной жизни Городца стала всероссийская научно-практическая конференция «Александр Невский и его эпоха», посвященная 780-летию со дня рождения великого полководца и государственного деятеля. Конференция была организована по инициативе краеведческого музея в 2000 году.



Тур Хейердал в Городецком краеведческом музее. Май 2001 года

В апреле 2007 года по благословению архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия в музее прошла региональная конференция, посвященная богословским и культурологическим аспектам истории городов, связанных с именем Александра Невского. Конференция состоялась благодаря общим усилиям районной администрации, краеведческого музея и Городецкого благочиния.

В 2007 и 2009 годах Городецкий историко-художественный музейный комплекс выступил одним из организаторов научно-практических конференций Александро-Невские чтения. Они дали стимул исследователям еще раз обратиться к выдающейся фигуре Александра Невского, оценить ее великий масштаб, глубже понять роль его личности в прошлом и настоящем России.

В научно-просветительской и экскурсионной работе тема Александра Невского была в то время наиболее актуальна. Сотрудники краеведческого музея проводили лекции, консультации, готовили материал в СМИ. По итогам этой работы подготовлено научно-популярное издание «Александр Невский и Городец. Живая связь в веках». В нем раскрыты главные исторические события и факты, объединяющие жизнь великого государственного деятеля и города на Волге.

По инициативе Городецкого историко-художественного музейного комплекса (создан несколько лет назад на базе краеведческого музея и его филиалов) в 2009 году прошел районный историко-краеведческий конкурс учащихся «Александр Невский — имя России». В нем приняли участие 23 из 29 школ района. По итогам конкурса 29 апреля в музеях комплекса прошла районная конференция учащихся. Она оказалась очень представительной (около 100 участников и гостей), запомнилась разнообразием тем и высоким уровнем докладов.

С окончанием всероссийского празднования «Александровских дней» сотрудники краеведческого музея продолжают популяризировать духовное наследие этого выдающегося исторического деятеля. Ежегодно для учащихся школ района проводятся тематические занятия, посвященные жизненному подвигу Александра Невского. В 2012 году со студентами педагогического колледжа была проведена читательская конференция «Образ Александра Невского в художественном слове». Для школьников разработано занятие «Путь к святости», где рассказывается о памятниках православной культуры эпохи Александра Невского и их влиянии на духовно-нравственное воспитание современного человека.

У каждого музея есть свой образ, свой дух. Краеведческий музей не сменил своего адреса и не изменил замыслу своих основателей: он по-прежнему остается главным хранителем истории Городца, каким был создан много лет назад.

Бывший дом И.П. Облаева-младшего. Фото 1920-х годов

СЛАВНЫЙ РОД КУПЦОВ ОБЛАЕВЫХ

А.Н. Еранцев, Л.А. Климова

В истории городецких купеческих фамилий есть много интересных страниц. Одни оставили по себе память своим богатством. Например, Кузнецовы, Сотины, Шадрины, Митюковы, Лапшины, Лемеховы отстроили красивые и добротные дома, украшающие город и поныне. Другие, в частности И.А. Нозринский и И.К. Лазутин, вписали свои имена в историю исключительной благотворительностью и меценатством. На щедрые купеческие пожертвования содержались земские школы, гимназии, богадельни, приюты. Кто-то прославился как талантливый заводчик или фабрикант: владельцы механических заводов К.В. Кузнецов и Рязановы, судостроители братья Дерюгины и Я.К. Колов, пряничники Бахаревы и многие другие. Были среди нашего купечества и люди высокой культуры, к числу коих в первую очередь стоит отнести П.А. Овчинникова.

Лидия Андреевна Климова – научный сотрудник МБУК ГИХМК, краевед, почетный гражданин Городца.

В ближайшем родстве с семейством Овчинниковых была знаменитая городецкая купеческая фамилия – Облаевы. Купеческий род Облаевых широко известен в Городце с конца XIX века. Как говорили местные старожилы, Облаевы были «на славе»: владельцы механического завода, лесопилен, мельниц, судостроители, хлеботорговцы.

Родоначальником купеческой династии Облаевых был Петр Федорович – выходец из крепостных крестьян. Удачная женитьба в конце 1870-х годов на Варваре Корниловне Сотиной из Николо-Погоста, дочери зажиточного крестьянина-тысячника, строителя пристаней, торговца зерном, помогла Петру Федоровичу использовать свои капиталы и приданое жены для строительства лесопильного завода в заливе пониже затона, где распиливался лес для судостроения, а также на продажу в Астрахань.

Петр Федорович и его сыновья Иван-старший, Федор, Иван-младший имели несколько судов и владели мельницами в Ташкенте, Тетюшах, Городце. Зерно доставлялось с низовья Волги, перемалывалось на своих мельницах и продавалось оптом в Городце, Сокольском, Костроме и других поволжских городах.

В 1896 году Петр Федорович и его старший сын Иван Петрович за 25 тысяч рублей приобрели судостроительный и механический завод К.В. Кузнецова. Новые хозяева продолжили постройку паровых машин. Кроме них, завод Облаевых сделал целиком несколько небольших пароходов. Не прекратили Облаевы и изготовление литых чугунных крылечек. У дома № 78 по ул. Орджоникидзе до сих пор сохранилось типичное «кузнецовское» крыльцо с такой надписью: «Механическаго завода П.Ф. и И.П. Облаевых в селе Городце 1898 года».

П.Ф. Облаев (1837–1918)

Паровая мукомольная вальцовая мельница П.Ф. Облаева в Городецком затоне. Построена в 1885 году, сгорела в 1903-м

Буксирный пароход Облаевых «Раб»

По воспоминаниям старожилов, «заводом Облаева постройка пароходов продолжалась до 1903 года, так как в этом году умер его хозяин Иван Петрович Облаев-старший, а сын его Александр Иванович, оставшись молодым, неподготовленным к ведению какого-то бы дела, работы на заводе сокращал, а в 1906 году совсем завод закрыл...».

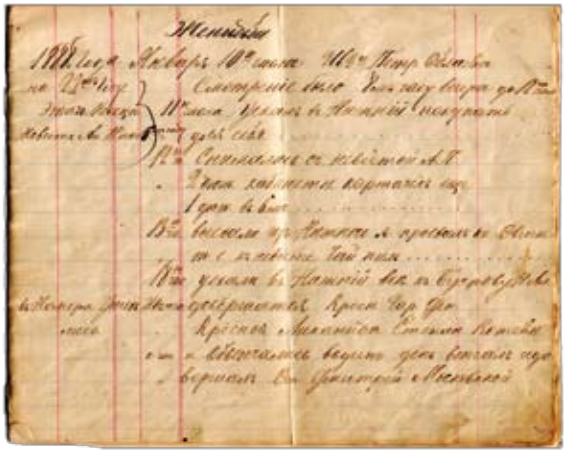
Историю последних лет работы завода Облаевых в Городце, равно как и дату его полного закрытия, проследить затруднительно. Предприятие работало, по крайней мере, до осени 1906 года, так как в материалах Балахнинского уездного земства упомянуто производство на этом заводе сельскохозяйственных машин.

Однако предприятие Облаевых так и не смогло выйти из затяжного кризиса. О печальной его судьбе рассказал в 1909 году корреспондент «Волгаря»:

«При новых хозяевах завод хотя и значительно опустился, но все-таки имел немало заказов, работал сравнительно хорошо, давая кусок хлеба слесарям и литейщикам, которых в то время, вместе с рабочими других цехов, насчитывалось более 200 человек. Позднее завод Облаевых выпустил две винтовые шхуны: “Туча” и “Буря”, принесшие предпринимателям порядочный убыток. После таких трудных, но неудачных заказов завод заметно стал падать, и рабочие – группа за группой – начали отправляться домой с расчетом. Вскоре умер заводоуправитель И.П. Облаев, оставив предприятие на руках отца, жены и малолетнего сына, сидящего еще на школьной скамье. Однако и после смерти Облаева завод кое-как влачил свое су-

Мельница Облаевых в Ташкенте

И.П. Облаев-младший (1866– 1933)



Первая страница из дневника И.П. Облаева-младшего

А.П. Облаева (1873–1919)

ществование, давая заработки нескольким десяткам рабочих, но затем стал падать и, наконец, превратился в богадельню, причем рабочие только едва-едва могли заработать свое жалованье, не говоря уже о доходах заводовладельца.

Видя бесцельность такой работы, А.И. Облаев года два назад сказал: “Что попусту колеса вертеть? Тоска одна”. Незадолго перед тем в самое холодное зимнее время сгорела паровая механическая мельница, принадлежащая тем же Облаевым. Таким образом, сотни рабочих оказались без всякой работы, без всяких средств и расползлись кто куда...»

Видимо, в 1910-е годы завод Облаевых уже не работал. Неизвестно, что стало со старыми корпусами завода и заводским оборудованием. Из всех заводских строений сохранилось лишь двухэтажное кирпичное здание, приготовленное К.В. Кузнецовым для несостоявшегося ремесленного училища и занятое сегодня классами средней школы № 1.

В числе первых в Городце Облаевы построили для себя пароход «Ташкент» в стальном корпусе в кустарных мастерских, о которых говорили в округе. Это судно после революции 1917 года было национализировано, как и другие суда, и переоборудовано большевиками в военное судно. Штурвальная рубка, надпалубные каюты и котельные кожухи были защищены металлическими листами толщиной 5/16 дюйма, а в августе 1918 года на судно «Ташкент» было поставлено вооружение: одно орудие (47 мм) в корме и шесть пулеметов.

В конце сентября 1918 года согласно оперативной сводке Волжской военной флотилии о боевых действиях под Казанью судно «Ташкент» погибло, защищая молодую Советскую республику.

Облаевы, как и большинство городецкого купечества, не забывали о благотворительных обязанностях. Забота о здоровье жителей Городца выразилась в оказании помощи больнице. Во время холеры 1891–1892 годов предоставили бесплатно постельное белье для больных холерного барака, давали пищевое довольствие со своих мельниц. В 1892 году в Городце было открыто благотворительное попечительство, и Облаевы пожертвовали 2000 рублей.

В 1896 году попечителем Городецкой больницы на 6 кроватей, «открытой в ознаменование чудесного избавления Их Императорского Величества и Августейших детей Их от опасности во время крушения Их Императорского поезда», был избран Федор Петрович Облаев.

В 1897–1898 годах была вынесена благодарность о полезной деятельности попечителю больницы Ф.П. Облаеву, который сделал капитальный ремонт. В 1901 году он отремонтировал квартиру врача.

В 1903 году Балахнинское уездное земство поблагодарило купца Ф.П. Облаева за пожертвование 500 рублей на устройство водопровода в больнице.

Облаевы входили в попечительский совет мужской и женской прогимназий. Два года они бесплатно предоставляли несколько комнат для женской прогимназии в здании на ул. Купеческой (ныне отделение

Алексей Облаев (1908 г.р.)

Лидия (1899 г.р., слева) и Мария (1903 г.р.) Облаевы

Центрального банка РФ). Позднее выделили место под строительство гимназии на территории своего закрытого механического завода (ныне средняя школа № 1).

В начале XX века Облаевы — одна из наиболее богатых фамилий Городца. Согласно своему положению они перебираются жить на самую престижную улицу — Купеческую.

В 1906 году Петр Федорович купил у наследников купца Ильи Кондратьевича Лазутина участок вместе с двумя недостроенными каменными зданиями на углу улиц Купеческой (Ленина) и Никольской (МОПРа). Здесь поселился со своей семьей Иван Петрович Облаев-младший. Он был хорошо образован, скромен, даже застенчив. Получив от отца в наследство две мельницы (одну из них в Саратове), мучные склады, буксирный пароход, вел оптовую продажу муки, зерна через своих управляющих.

Женат был Иван Петрович на дочери знаменитого купца-коллекционера и собирателя древних книг Анне Петровне Овчинниковой (1873—1919).

Знаменательно, что дневник И.П. Облаева-младшего начинается с таких строк:

«Женитьба. 1888 года. Января 10-го числа Ив. Петр. Облаева на 22 году. Невесте Ан. П. на 16-м году. Смотрение было [в] 8-м часу вечера до 12 час. ночи. 11-го числа уехал в Нижний покупать для себя. 12-го снимались с невестой А. П. 2 дюж[ины]. Кабинетн[ых] карточек еще 1 дюж[ину] в 6 м[ест]. 13-го выехали из Нижнего Я проехал ко Овч[инниковым], т.е. к невесте. Чай пил. ...18-го уехали в Нижний все к Бугрову Н. Ал. В номера. У него и венчались. < ... > Обвенчались воедин день. Венчал и довершал от[ец] Дмитрей Московской...

19-го выехали из Нижнего утром [в] 6-м часу. Я ехал с невестой и теткой. <...> Проехали к нам в дом все [в] 1-м часу дня. Встречали на крыльце с хлебом папаша. <...> К иконам прикладывались и хлебу и молились. От нас уехали вечером и я уехал провожать...

25-го пон. была свадьба.

26. ездили с визитом весь день до вечера.

Кончилось все благополучно».

Супруги жили в любви и согласии, и в этом счастливом браке воспитали шестерых детей: Михаила, Марию, Лидию, Николая, Веру и Алексея (всего родилось одиннадцать детей, пятеро умерли в младенчестве).

История распорядилась так, что в этом доме Облаевы жили недолго. Октябрьская революция 1917 года круто изменила жизнь семьи.

В первые послереволюционные годы на долю Облаевых выпали тяжелые испытания. 30 июля 1918 года в Тетюшах умирает глава семейства — Петр Федорович Облаев. 19 октября 1919 года у Ивана Петровича-младшего умерла жена Анна Петровна, 25 октября — его родная сестра Мария Петровна Рукавишникова (жила в доме напротив, там сегодня находится «Детский музей на Купеческой»). В декабре того же года пропала без вести Верочка, младшая из его детей — ей было всего 9 лет...

В.В. Бровина и Г.А. Облаев с портретом П.Ф. Облаева. 2007 год

С приходом советской власти в Городце уже в 1918 году началась национализация. У богатых купцов отобрали не только недвижимость, но и описали все имущество в домах. В архивах сохранился список мебели и утвари Ивана Петровича, которые бывший хозяин был обязан беречь как народное достояние до особого распоряжения. В 1919 году новая власть решила забрать и сам дом Облаева. На втором этаже бывшего купеческого особняка разместили музей, на первом — библиотеку. Планировка дома как нельзя лучше соответствовала музейной экспозиции: это единственный дом в Городце, в котором комнаты располагались по кругу.

10 марта 1919 года волостным исполкомом «было заслушано отношение Городецкого уездного дома-музея от 4 марта 1919 года за № 95 об определении дома Облаева под библиотеку-читальню и музей». На этом заседании волисполком постановил: «предоставить под библиотеку и музей дом Облаева по Ленинской улице, а Облаева переселить в дом его, находящийся на Штате (село Штатное. — *Ред.*), проживающему там Стрельникову жилищной комиссии подыскать квартиру».

Когда точно Облаевы оставили свой дом на Ленинской улице, неизвестно. Перевозка их имущества должна была быть осуществлена за счет музея. «Если же наряд лошадей не будет дан, — говорилось в уведомлении музею, — то граждане останутся на своих квартирах». Переезд музея в собственное здание затягивался. В помещении Народного дома музей оставался вплоть до декабря 1919 года.

Иван Петрович Облаев-младший с многочисленной семьей переехал в отцовский дом в сельцо Штатное (ул. Михеева). В феврале 1920 года в бывшем купеческом особняке на Ленинской улице уже работала музейная выставка. В этом доме Городецкий краеведческий музей размещается по сей день.

1 июня 2006 года музей посетил Глеб Алексеевич Облаев (1942 г.р.) — внук бывшего хозяина дома. Он является последним носителем родовой фамилии, хотя семейство потомков купца Петра Федоровича Облаева велико: Ступины, Егоровы, Першины, Буровы — в Москве, С.-Петербурге, Туапсе, Нижнем Новгороде. В краеведческий музей Г.А. Облаев приезжал не раз, но поездка того года была особенная — вместе с ним сюда приехала его троюродная сестра Ольга Александровна Бурова, внучка Евдокии Петровны Облаевой.

О.А. Бурова тщательно собирает историю своего рода, копию генеалогического древа она передала в музей. Ольга Александровна осталась в восторге от музея, его коллекций. И, хотя она никогда не была в этом доме ранее, здесь ее не покидало ощущение чего-то близкого и давно знакомого.

Фонды краеведческого музея пополнились в тот день уникальными экспонатами из собрания потомков Облаевых: старопечатными книгами, фотографиями, открытками, расшитой накидкой на подушку и др. Все это было торжественно передано Глебом Алексеевичем директору музея В.В. Бровиной.

В ответном слове Вера Викторовна сказала, что в наше время это особый случай: потомки купцов не претендуют на свой фамильный дом, а напротив — всячески помогают музею, пополняя его фонды щедрыми и поистине бесценными дарами.

Гости посетили все залы музея, прошлись по Музейному кварталу, погуляли по Городцу, побывали в домах, принадлежавших роду Облаевых,

сфотографировались у памятника купечеству и пообещали еще раз приехать в город своих предков.

Очередной, четвертый визит Г.А. Облаева в Городец состоялся летом 2007 года. О нем очень тепло написала корреспондент «Городецкого вестника» Нина Михайловна Дмитриевская в заметке под названием «Открытка на старый адрес»:

«Есть в облаевском доме особый уют и таинственный запах — веков аромат... В нем в самом деле уютно всем: и людям, и экспонатам. Дух теплого купеческого дома, где почти девяносто лет назад поселился Городецкий краеведческий музей, как и дым Отечества, и сладок, и приятен.

Для Глеба Алексеевича Облаева это и дух родового гнезда, ведь дом этот принадлежал когда-то его деду Ивану Петровичу Облаеву-младшему.

Г.А. Облаев на пенсии, живет в Москве, а на днях он в очередной раз приезжал в Городец. На этот раз он приехал вместе со своим семейством: супругой Ритой Александровной, дочерьми Анной и Ольгой, а также внучкой Ириной...

Приехал не с пустыми руками: привез в подарок музею дорогие семейные реликвии: фотографии, письма, открытки, дневниковые заметки — те, что долгие десятилетия бережно хранились в его собственном архиве, а теперь станут достоянием нашего краеведческого.

Ах, эти старинные картонные фотографии с лицами людей из далекой эпохи, эти письма и дневники, описывающие домашнее бытие и события городской жизни — все то, что должно было кануть в Лету — а поди ж ты, не пропало, потому что чья-то душевная забота их сберегла.

Мы спросили Глеба Алексеевича, не жаль ли ему расставаться с такими сокровищами, и услышали в ответ:

— Конечно, нет. Я доволен, что они будут в доме деда. Ведь мои дети и внуки этих людей не знают, так пусть останется память здесь, в музее.

Память... Она никогда не бывает безоблачной. Жизнь Глеба Алексеевича сложилась: инженер-механик по образованию, он работал на ответственных должностях в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР, в Совмине СССР, в аппарате Правительства СССР, а в последние годы — в Министерстве природных ресурсов и Комитете РФ по водному хозяйству. Государственный советник II класса, Глеб Алексеевич Облаев имеет прямое отношение к осуществлению берегоукрепительных работ возле Городца.

В доме деда он испытывает сложные чувства. Ведь Облаевы были поражены в правах, и родители Глеба, хотя и рассказывали о Городце, не приезжали и не возили сюда сына, боясь, что это как-то отрицательно повлияет на его судьбу.

Наверное, они были правы. Зато сегодня внук, приезжая в дедушкин дом, всегда встречает радушный прием наших музейщиков. Оно и понятно: наследники добротных купеческих особняков обычно пытаются вернуть свою собственность, здесь совсем другой случай — Глеб Алексеевич активно помогает музею.

Вообще потомки этой славной купеческой фамилии верой и правдой служили своей стране: кто-то погиб в Великую Отечественную, кто-то был кадровым военным, кто-то работал в органах внутренних дел, а кто-то по праву считался классным поваром в студенческой столовой.

Родительский дом — начало начал. В него всегда хочется вернуться.

— Дед Иван Петрович умер в 1933 году, а я родился в 1942-м, в Горьком, — рассказывает Глеб Алексеевич. — Я никогда в этом доме не жил и даже не уверен, что мой отец родился именно здесь, а не в Штатах (сельцо Штатное, ныне улица Михеева. — *Н. Д.*). Наверное, дед любил этот дом, купленный у Лазутиных, берег, перестраивал под себя. Хорошо, что и сегодняшние хозяева относятся к нему очень бережно.

Среди нынешних даров Глеба Алексеевича есть одна открытка с четким адресом: село Городец, Ниж. губ., господину Ивану Петровичу Облаеву.

Она вновь доставлена по старому адресу, словно и не было этих долгих, бесконечно долгих лет...»

Глеб Алексеевич Облаев со своей семьей во дворике музея. 4 июля 2007 года. Фото Н.А. Дмитриевской

«ПО ДОМУ ГРАФИНИ НЕСПЕШНО ПРОЙДУСЬ...»

ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ КОЛЛЕКТИВА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Главный дом усадьбы графов Паниных в Городце с воротами. Фото 2013 года

Т.В. Фролова, Н.Г. Калягина, М.Н. Еранцев

В старой части Городца, на высокой набережной реки Волги, находится усадьба графов Паниных, построенная в середине XIX века. Она является одним из четырех памятников архитектуры и градостроительства федерального значения в Городце. Единственная дворянская усадьба в нашем городе. В этом интересном доме сейчас располагается музей «Дом графини Паниной».

Тамара Вячеславовна Фролова – зам. директора МБУК «Городецкий историко-художественный музейный комплекс».

Нина Геннадьевна Калягина – научный сотрудник МБУК ГИХМК.

Максим Николаевич Еранцев – научный сотрудник МБУК ГИХМК.

«Изумительный музей-открытие, поистине жемчужина красивого, старинного милого провинциального города»; «Удивительный и завораживающий музей! Возвращает в старину, из которой сложно уже возвращаться в наш мир»; «Здесь сохраняется не только история, но и сам дух народа. Удивлены и очарованы атмосферой русской старины»; «Совершенно потрясающие экспозиции. Просто уникальное собрание. И, главное, удивительная атмосфера, создаваемая сотрудниками музея». Эти слова наших посетителей из книги отзывов, пожалуй, самая лучшая характеристика небольшого музея «Дом графини Паниной».

Музей располагается в главном здании бывшей дворянской усадьбы 1847 года постройки. Усадьба является памятником архитектуры и градостроительства федерального значения и федеральной собственностью, что усложняет ее эксплуатацию, накладывает определенные ограничения и требования.

Здание действительно выигрывает как объект показа для туристов. Вы не сможете пройти мимо этого дома, обязательно полюбуетесь на ворота, украшенные большим резным навершием, на котором изображен графский герб. В музее вы увидите подлинное навершие ворот, которому, как и зданию, 167 лет, и познакомитесь с историей усадьбы и рода Паниных.

Нам повезло со зданием. Усадьба интересна с научно-исследовательской точки зрения. У нее богатая история. Возникновение городецкой усадьбы графов Паниных относится к эпохе правления Екатерины II. В 1767 году императрица совершила путешествие по Волге на галере «Тверь». В составе ее свиты были братья Орловы – Григорий и Владимир. В числе других городов высокие гости посетили и Городец. В 1772 году городецкие земли из числа дворцовых были пожалованы Екатериной II графу Григорию Орлову. Вскоре по купчей эти земли перешли его брату Владимиру.

В 1831 году после кончины Владимира Григорьевича Орлова земли унаследовала его дочь Софья, состоявшая в браке с Никитой Петровичем Паниным. С 1841 года в права наследства вступил их сын граф Виктор Никитич Панин. Именно он распорядился в 1845 году выстроить в Городце дом для

Навершие ворот усадьбы графов Паниных в Городце. Фото 2013 года

управляющего вотчинами. Только один раз в августе 1861 года в связи с отменой крепостного права приезжал в Городец Виктор Никитич всего на несколько дней. В архивных документах есть упоминание об этой поездке.

Последней владелицей городецкого имения в 1899 году стала внучка Виктора Никитича — Софья Владимировна Панина. В историю России она вошла как выдающаяся благотворительница, общественный деятель, первая женщина-министр в мировой истории.

Этот богатый исторический материал подтолкнул нас к исследованиям, что вылилось в участие с докладами на различных научных конференциях в Городце, Нижнем Новгороде, на Международном научном коллоквиуме в Москве («Мыслящие миры российского либерализма: графиня С.В. Панина»). После многолетней скрупулезной работы было разработано родословное древо графов Паниных — теперь один из экспонатов нашего музея. Личность и судьба С.В. Паниной привлекает сегодня внимание многих образованных людей. Так, на базе музея «Дом графини Паниной» прошла совместная с Высшей школой экономики конференция «Жизнь и судьба “красной графини” С.В. Паниной».

Когда мы получили это здание в 2004 году, нам и не верилось, что все получится, поскольку здание находилось в плачевном состоянии: неотремонтированные залы, разрушавшиеся фундамент и цоколь. Мы прошли огромный путь по реставрации этого объекта, были и слезы, и скандалы, и огорчения. Сейчас здание преобразилось, заиграло. Еще многое предстоит сделать, и мы надеемся на поддержку из федерального бюджета.

Тяжело было в начале: мы долго и упорно зарабатывали себе имя как среди профессионалов, так и среди гостей города. За восемь лет работы количество посетителей увеличилось в несколько раз. Приятно узнавать, что некоторые туристы посещают наш музей во второй и даже в третий раз, а иногда специально привозят детей или родственников.

В 2012 году мы выиграли первый конкурс на премию главы администрации Городецкого муниципального района «Всему начало здесь» среди муниципальных музеев Городца сразу в двух номинациях: «Лучшая экспозиция» и «Лучшая научно-исследовательская работа».

Мы согласны с Вешенским манифестом: нельзя превращать музей только в досуговое или развлекательно-«креативное» заведение. Хотя времени на научную работу почти не остается и на сотрудниках музея лежит большая экскурсионная нагрузка (туристов в Городце никто не отменял), научная работа для нас обязательна. Мы, несмотря на современное бедственное финансовое положение, всегда стараемся участвовать в семинарах и научных конференциях, на которые нас приглашают. Например, выступали на Александро-Невских чтениях во Пскове, на конференциях в Москве и Нижнем Новгороде, посвященных реставрации и охране объектов культурного наследия.

Дом графини Паниной изначально задумывался как художественный музей Городца. Открыл он свои двери в мае 2005 года. В музее сохраняется уникальное историко-культурное наследие: коллекция старинного женского костюма, книжное собрание, произведения живописи. При этом круг интересов нашего музея необычайно разносторонний: дамские шляпки и... станки, мундиры и... оленьи рога. Мы плодотворно работаем с художниками, мастерами народных промыслов и коллекционерами. Выставки фотографий — наша давняя мечта. Два проекта с фотографами были осуществлены, и мы надеемся на продолжение. Коллектив старается поддерживать художественный профиль музея.

Несколько лет подряд сотрудники музея обращались к мастерам Городецкой иконописной мастерской с просьбой предоставить свои работы для выставки. Но мы предполагаем, а Бог располагает. Неожиданно для себя в 2012 году мы получили согласие иконописцев. Свободного экспозиционного зала на тот момент не было. Ради такого случая освободили рабочий кабинет. Маленькая комната с одним окном (бывшая девичья) превратилась в домашнюю молельную комнату. Накануне Рождества открылась выставка «Богу — во славу, душе — во спасение».

У наших гостей всегда есть повод посетить наш музей вновь. Ежегодно в Доме графини Паниной организуется 5—6 новых оригинальных выставок. С успехом

Фрагмент экспозиции «История костюма». Фото 2014 года

Фрагмент экспозиции «Музыкальная гостиная». Фото 2014 года

прошли выставки: «В старину живали деды» (о культуре пития на Руси), «Мундиров строгих красота», «И дамских шляпок модные поля...», «Звонкое диво» (коллекция колокольчиков), «Изюминки большого пирога», «Неси меня в страну оленью», «Эх, дороги...».

Постепенно у нас появилось увлечение историко-бытовыми экспозициями. Иногда один только экспонат рождает желание воссоздать атмосферу, в которой он существовал. Так, на выставке «Когда зажигаются елки» рядом с елочными игрушками разных десятилетий появились коньки, лыжи, санки-финки, даже новогодние подарки военных лет... Здесь же можно было посмотреть новогодние мультфильмы 1950–1980-х годов и услышать знакомые с детства песни.

Развивает художественное направление работы музея сотрудничество с музыкантами. С первых дней у нас действует музыкальная гостиная. Радуют горожан камерными концертами преподаватели и студенты Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки – наши большие друзья, солисты Нижегородской филармонии и городецкие исполнители.

Неизменным успехом пользуются основные экспозиции: красивейшая «Русский традиционный и городской костюм», интерактивные «Музыкальная гостиная», «Повелители времени» (старинные часы из трех частных коллекций), уникальная «Рукописная и старопечатная книга», поражающие воображение «Секреты старинного утюга», «Весы и безмены». Во многом нам очень повезло: коллекции у нас редчайшие. Проявить фантазию во временных экспозициях позволяет отдельный выставочный зал.

Мы отдаем себе отчет, что нам не хватает современных технических средств, мультимедиаоборудования. Но и Москва не сразу строилась. Мы и не сторонники большого количества экранов, компьютеров и прочего в музейной экспозиции, – все-таки это здание старинной дворянской усадьбы.

При этом, когда позволяет направленность, мы стараемся сделать выставки «живыми», дополнить их музыкой и видеорядом. Если позволяет тематика, то можем немного отойти от музейных канонов построения экспозиции. Используем нетрадиционные решения, например применяем тканевые драпировки, разноуровневые подиумы и подставки... Кстати, к этому нас подтолкнула всеобщая музейная бедность, невозможность ремонта помещения в данный момент. Как говорится в старинной пословице: «Голь на выдумку хитра».

Мы радуемся, когда наши идеи находят свое воплощение, – посетители реагируют, откликаются на музейные задумки. Они превращаются в детей: пытаются понюхать пряник-игрушку на новогодней выставке «Когда зажигаются елки» или со слезами и ностальгией выходят с выставки «Космос как предчувствие» (1960-е гг. в СССР), и с выставки «Эх, дороги» (о том, как путешествовали в старину) со словами: «Попали

Фрагмент экспозиции «Повелители времени». Фото 2012 года

из современности в сказку, детство». Эмоциональный отклик посетителей для нас очень важен и дорог.

Нужно отметить еще одну специфику музейной работы именно в Городце. На небольшой, в общем-то, территории разместилось семь музеев. Отсюда довольно жесткая конкуренция. В случае с музеем «Дом графини Паниной» административный ресурс не помогает. Мы сами вынуждены проявлять фантазию, креативность и даже русскую смекалку. «Как попашем, так и попляшем». Многие специалисты и посетители нашего музея отмечают, что выставки — это изюминка нашего музея.

Со временем мы поняли и еще одну положительную сторону экспозиционной работы. Очень много экспонатов мы получили именно после проведения наших выставок. Сначала люди дают экспонаты во временное пользование. Затем, услышав положительные отклики, увидев предметы в музейном зале, осознают, что предметы музею более необходимы (тем более что дети и внуки уже не так заинтересованы в сохранении фамильных реликвий). Владельцы начинают передавать экспонаты на постоянное хранение. Таким образом, мы пополняем и расширяем наши коллекции.

В планах — персональная выставка известного нижегородского художника Сергея Юрьевича Сорокина (кстати, уже вторая), интересный проект с местными фотографами «С любовью к городу родному: Городец глазами фотографов» (посетители смогут увидеть на фотографиях старый и новый Городец) и выставка, которая с необычной стороны расскажет о деревянной игрушке.

Конечно, один из плюсов музея «Дом графини Паниной» — его интерактивность. Многие экспонаты мы имеем возможность продемонстрировать в действии. Такая возможность появилась благодаря предметам из частных коллекций. Можно не только посмотреть, но и послушать, «покрутить», задействовать. Может быть, поэтому нас часто сравнивают с первым частным музеем в России «Музыка и время» (г. Ярославль).

В последние годы, с приходом в музей Максима Николаевича Еранцева, оживилась работа с детьми. Появилось много детских интерактивных программ. «Жили-были два кита, или Сказ о том, как киты заплыли в Городец» — познавательная интерактивная экскурсия-игра, которая знакомит с историей графской усадьбы, музеем и его отдельными коллекциями. «Скачет сито по полям...»: сказка в лицах по мотивам произведения К.И. Чуковского «Федорино горе». В сказках часто самые простые предметы оживают, становятся главными героями. Музейные экспонаты тоже могут ожить и поведать увлекательные истории. В игровой форме дети знакомятся с предметами крестьянского быта XIX—XX веков: с медными тазом и кастрюлей, чайником и сковородой, с чугунными утюгами, а также с ухватом, ситом и Самоварищем. Занятие «Три девицы под окном...» по мотивам сказок А.С. Пушкина наглядно показывает, как выглядела красна девица в русской сказке. В нашем музее можно увидеть те самые старинные русские наряды, которые превращали женщин в цариц. Эти костюмы отражают традиции и духовную культуру русского народа. Дети знакомятся с прекрасными образцами различных видов вышивки, с разнообразием художественной обработки ткани. Занятие «Горячий друг — помощник верный, или Секреты старинного утюга» интересно всем: и взрослым, и детям. Кто-то впервые узнает, что утюги были и чугунными, и латунными, и бронзовыми, даже деревянными! Урок-экскурсия «Красота старинных книг» вызывает интерес и у ребят любого возраста, и у взрослых. Рукописная книга — уникальное явление в русской культуре. Богатству духовного содержания старинной книги соответствует ее рукотворное убранство. Замысловатые заставки, фантастические инициалы словно приглашают к неторопливому чтению-размышлению. На занятии можно не только увидеть подлинные рукописные книги, но и побывать в роли книгописца. Для учащихся среднего и старшего школьного возраста проводятся образовательные экскурсии: «Русский традиционный костюм — зеркало народной культуры», «Книжная и духовная культура села Городца XVIII — начала XX в.», «Старинные русские меры веса и длины».

Конечно, коллектив музея — это наш плюс, наша сила. Все — от научных сотрудников до смотрителей — люди энергичные, нескучные, неравнодушные, грамотные специалисты. Весь коллектив активно участвует

в работе музея, начиная от замысла построения экспозиций до проведения интерактивных программ. И, что еще очень важно, это люди, говорящие на одном языке, как говорится, «выросшие в одной песочнице». У сотрудников Дома графини Паниной отношение к своему музею не казенное, как к месту работы, скорее как ко второму дому. И дом нам благодарен и все возвращает сторицей.

Смотрители, они же кассиры, первыми встречают наших гостей, и трудно переоценить их вклад в общее дело. Как нам написали в отзыве нижегородцы: «Замечательный коллектив, атмосфера, располагающая смотреть и видеть, слушать и слышать».

Причем коллектив настолько неравнодушный, что в 2012 году даже открыли мастерскую смиркинского гончара Петра Мерлухина. Скажем прямо, направление не по нашему профилю. Где гончары, а где дворянская усадьба. Но очень захотелось поддержать практически последнего мастера этой в прошлом гончарной деревни. Теперь мы проводим интерактивные занятия по гончарному промыслу.

Научный сотрудник Нина Геннадьевна Калягина с первых дней работает в Доме графини Паниной. Большой специалист своего дела, профессионал, удачное сочетание опыта и энергии, по хорошему «педант», что немаловажно в музейном деле. А от посетителей можно часто услышать, что ее экскурсии слушают как сказку.

Максим Николаевич Еранцев — незаменимый работник, также научный сотрудник, талантливый педагог со стажем, работающий с детской аудиторией, компьютерный дизайнер, разработчик афиш, электронных презентаций и слайд-шоу.

Руководитель музея Тамара Вячеславовна Фролова — человек необыкновенной энергии, обладает прекрасными организаторскими способностями и умеет видеть на несколько шагов вперед. На ее плечах почти вся работа по сохранению и развитию музея.

Многие специалисты знают, что музейные заботы никогда не заканчиваются (пока одно доводишь до ума, второе и третье начинают требовать к себе настоятельного внимания). Мы постоянно что-то совершенствуем в музее. Но следует учитывать нашу специфику небольшого провинциального музея — очень маленький коллектив (всего шесть человек на 425 кв. м). Мы и экскурсоводы, и экспозиционеры, порой смотрители, даже носильщики-грузчики в одном лице. Кстати, недавно побывав в Москве в крупном музейном центре, в Дарвиновском музее, от его директора, Анны Иосифовны Клюкиной, мы узнали, что проблемы у всех одинаковы. Только грузы различаются: одни переносят граммофоны, книги и витрины, а другие — чучела слонов, жирафов и прочее.

Друзья музея, практически внештатные сотрудники — наша надежда и опора. Вот лишь маленький список добрых дел: М.В. Федосеев помог раздобыть и перевезти рояль для музыкальной гостиной, Н.Ф. Поляков для кабинета-библиотеки — старинный письменный стол и музыкальные действующие экспонаты для выставки «Граммофон и К°», а Г.И. Шигина подтолкнула нас к созданию родословного древа графов Паниных. И еще много просто добрых и верных друзей у музея «Дом графини Паниной».

У нас есть общие мечты. Например, завершение реставрации, включение музея «Дом графини Паниной» в маршрут посещения теплоходных круизов, приобретение манекенов, витрин — всего не перечесть. А у Максима Николаевича Еранцева мечта персональная: русская печь (хотя бы макет) для проведения интерактивных занятий. У Нины Геннадьевны Калягиной мечта заветная: закончить составление библиотечного каталога и заняться научным изучением книжного фонда. У руководителя музея «Дом графини Паниной» мечта давняя — открыть информационно-туристический центр (сити-инфо).

Конечно, мы задали себе высокий темп в жизни: несколько новых выставок в год, участие в конференциях и семинарах, разработка новых программ и т.д. Порой появляется усталость от насыщенности и разнообразия музейной жизни. Иногда тяжело осознавать, что, сколько бы мы ни старались двигаться вперед, а государству, власти мы по-прежнему почти не нужны. Нас, как утопающих, бросили, а там уж — кто выплывет. Но проходит время, возникают новые темы, идеи, и мы вновь бросаемся в работу. А наградой нам за это — любовь и благодарность посетителей. Ведь в итоге мы работаем для них, а не для власти предержащей.

На пятилетии Дома графини Паниной С.П. Чуянов, известный нижегородской журналист, сказал так о нашем музее: «Музейщиками и их помощниками создано настоящее чудо. Прекрасные залы, прекрасные выставки. Во всем чувствуется соразмерность, здесь отогревается душа. Когда неспешно идешь по панинскому дому, по его небольшим комнатам с замечательными экспонатами, чувствуешь, что в каждом из них живет любовь, бережное отношение к истории, к человеческой судьбе».

А ведь многие посетители отмечают, что в нашем музее есть душа. Для нас это оказалось главным. Пусть не хватает лоска нового ремонта и мультимедийных средств. Не всегда новый, красивый, «глянцевый» музей находит отклик в сердцах посетителей. В наш музей идут не за глянцем. Один из слоганов музейного рекламного буклета звучит так: «Если вы хотите окунуться в атмосферу XIX века, проникнуться завораживающим очарованием старинной барской усадьбы, рады будем видеть вас в музее “Дом графини Паниной”. И действительно, посетив наш музей, вы погружаетесь в мир старого провинциального города, дворянской усадьбы и отогреваетесь душой.

Уважаемые читатели!

Я хочу вас познакомить с одним из постоянных авторов нашего журнала – Юрием Марковичем Коссым. Несколько странно звучит – знакомство с постоянным автором, не правда ли? Но вам действительно знакомы его статьи (№ 17 – «О музеях истории городского транспорта, или Об истории этих музеев», № 23 –«Старейший трамвайный маршрут»), и уверена – немногим знаком их автор. В журнале даны очень короткие сведения о нем: «Профессор Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета» – и все.

Ю.М. Коссой

Старшему поколению читателей наверняка известно словосочетание «Коссой Юрий Маркович — руководитель Горьковского трамвайно-троллейбусного управления» (ТТУ). Руководящих организаций в городе Горьком было гораздо меньше, чем сейчас, поэтому фамилии их руководителей запоминались... Он возглавлял эту ответственную городскую службу в 1964—1987 годах, когда мы передвигались по городу Горькому не в юрких маршрутках, а в степенных вагонах электрического транспорта и, как помнится, всюду успевали вовремя...

Ю.М. Коссой родился в Одессе в 1926 году, его детские и школьные годы проходили в Москве, Башкирии и Казахстане. Он — участник Великой Отечественной войны (в 1941 году подростком работал на строительстве оборонных сооружений под Смоленском, был контужен). Юрий Маркович обязательно добавляет: «Непосредственно в боевых действиях участия не принимал». После школы продолжал образование в институте военных инженеров транспорта в Новосибирске, окончил Московский строительный институт, получил диплом инженера-строителя по специальности «Промышленный транспорт», по распределению в 1949 году попал на ГАЗ, и вся его дальнейшая жизнь была связана с городом Горьким — Нижним Новгородом.

Занимая крупный пост в системе городского жизнеобеспечения, он сумел стать не только авторитетным и уважаемым руководителем, но и научным работником, кандидатом технических наук (в 1965 году защитил диссертацию в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта по профилю своей работы). С 1968 года преподавал в Горьковском строительном институте, сначала по совместительству, а затем полностью перешел на преподавательскую работу. Он стал профессором кафедры градостроительства, действительным членом Академии жилищно-коммунального хозяйства.

Пересказывать биографию Юрия Марковича нет намерения: любая поисковая система в Интернете представит ее довольно полно, стоит только набрать «Коссой Юрий Маркович»...

Указатель его 250 работ по специальности, среди которых есть несколько монографий и учебных пособий, занимает несколько страниц убористого печатного текста. Чуть короче список наград, и их перечислять мы не будем, достаточно взглянуть на парадный фотопортрет... Упомянем только, что он — почетный гражданин города Нижнего Новгорода (2001) и дважды лауреат премии Нижнего Новгорода (1998, 2005).

Последняя отметка в трудовой книжке Ю.М. Коссого сделана в 2012 году. Только что для него «трудовая деятельность»?

Я возвращаю вас к статье из журнала «Нижегородский музей» (№ 17), посвященной истории музеев электротранспорта. Насколько профессионально, по-музейному, пишет он о задачах и проблемах этой группы музеев. Не каждый музейный сотрудник, в чьи задачи входит организация деятельности музейного учреждения, способен так точно и квалифицированно сформулировать свои цели, задачи и методы работы.

Еще в период работы в ТТУ в 1981 году вышла первая его книжка для детей «Трамвай идет по городу»... Это было началом литературного творчества Ю.М. Коссого.

В 1996-м увидела свет очередная его книга «Ваш друг трамвай. 1896—1996». Нелишне добавить, что книга к настоящему времени выдержала три издания. В ней соединились и дотошный исследователь, и талантливый рассказчик, продемонстрировавший любовь к главному объекту рассказа и глубочайшее уважение к людям, объединенным работой с этим видом транспорта. В тексте — имена организаторов и руководителей движения, имена людей, обеспечивавших ежедневную бесперебойную работу сложной транспортной системы, список лиц, отмеченных государственными наградами и почетными званиями. В книге много иллюстраций, в том числе портреты тех, кого когда-то мы привычно называли знатными людьми. Попробуйте поискать среди них портрет самого Юрия Марковича. Это вам не удастся. Только на групповых снимках изредка можно обнаружить его изображение небольшого масштаба...

Всего Юрием Марковичем, кроме уже упомянутых научных работ, было написано и издано 27 книг: 9 книг для детей и 18 сборников стихов и рассказов.

В 2013 году в Нижнем Новгороде увидели свет две книжки стихов «Контактный провод» и «Перерыв на улыбку». Каждая страница последней из названных книг, как и задумано автором, действительно вызывает улыбку добрым и остроумным содержанием и игрой рифм...

Третья новинка 2013 года носит длинное название: «Читаю... смотрю... слушаю. Драматическая комедия ошибок. 363 примера с комментариями». В предисловии к первому изданию (а это издание — второе) автор так объясняет появление этого произведения: «Автор этой книги не критик и не исследователь журналистского творчества. Он не рылся в старых подшивках, не ходил по библиотекам, не искал факты, нужные ему под заранее поставленную задачу. Он просто внимательный читатель, слушатель и зритель, в какой-то мере коллекционер, который вдруг неожиданно, иногда просто случайно, только в тех газетах и книгах, которые он читал (покупал, выписывал и т.д.), а также в радио- и телепередачах находил эти самые факты и складывал их до поры в свою копилку... Для него — если позволить себе такую нескромность и допустить, может быть, слишком громкие фразы — стремление к чистоте языка, грамотности в выражении мысли, достоверности фактов и простой добросовестной информации было очень близким, рискну сказать, личным переживанием».

Добавим, что Юрий Маркович некоторое время учился экстерном на филологическом факультете МГУ и ГГУ, а с 1960 года является членом Союза журналистов России.

Разными способами можно говорить об эрудиции людей. Можно размахивать руками и взволнованно твердить: «Он так много знает!..» Юрий Маркович дает нам возможность сказать о его эрудиции другим способом. Обратимся к некоторым цитатам из газет, приведенным в книге «Читаю... смотрю... слушаю...»

10 октября 2005 г.

«У жителя Нижнего Новгорода Егора появился реальный шанс... сократить дорогу из одного города в другой... Сделать это можно будет с помощью фуникулера... создано специальное предприятие “Нижегородские канатные дороги”... начались работы по проектированию будущего “воздушного моста”».

Канатная дорога («воздушный мост») и фуникулер — разные транспортные средства. Вагон фуникулера движется по уложенным по земле рельсам, вагон (вагончик и т.д.) — по канату (тросу), подвешенному на опорах.

19 октября 2007 г.

«...княгиня Дашкова, президент академии, принимает решение организовать в 1768 г. три экспедиции».

Дашкова была директором Петербургской академии наук и президентом Российской академии с 1783 по 1796 год. Могла ли она принять решение в 1768-м?

13 января 2011 г.

«“Горьковский башмак” получают деятели науки, культуры, искусства, литературы, которые, кроме всех прочих достоинств, демонстрируют самоиронию, “люди с солнцем в крови”, по образному выражению владельца легендарного башмака».

Владелец башмака, что очевидно из его названия, — М. Горький. Так. А как же теперь Ростан (в переводе Щепкиной-Куперник)? «Дорогу гвардейцам гасконским. / Мы дети одной страны. / Мы все под полуденным солнцем / И с солнцем в крови рождены».

23 июня 2006 г.

«На правой стороне груди... уже образовался приличный “иконостас” наград. Кроме двух орденов, он удостоен еще медалей «За трудовое отличие», «За доблестный труд», «За трудовую доблесть», «В память 850-летия Москвы».

Все эти медали (да, по-видимому, и два упомянутых ордена) образуют «иконостасы» на левой стороне груди.

Этими примерами из «драматической комедии ошибок» мне просто хотелось подчеркнуть эрудицию Юрия Марковича.

В предисловии к этой книге автор назвал себя «коллекционером» печатных курьезов. Необычная коллекция, не правда ли? Склонность к коллекционированию была свойственна ему с детства. Сначала, как у многих мальчишек, это были камни, монеты, марки... Затем пришли другие объекты коллекционирования, в том числе и такие необычные, как ошибки, искажающие смысл текста. Может быть, именно страсть к коллекционированию дала ему возможность добиваться многого в жизни, ибо, как утверждал А.М. Горький, ссылаясь на И.П. Павлова, собирательство помогает вырабатывать рефлекс цели...

Прошло уже несколько месяцев 2014 года... Что же сейчас на рабочем столе Юрия Марковича? Конечно, рукопись новой книги. «Не знаю, как Вы, но я очень люблю трамвай...» — говорит он. Это будет еще одна книга о трамвае...

В последнее время телевидение, без которого трудно теперь представить нашу жизнь, поставляет все новые и новые варианты приключений Шерлока Холмса. Некоторые высказывания этого героя невольно запоминаются: «Видите ли... мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите... Человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет... инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке...»

Автор пока ничего не рассказывает о своей новой книге, но вы, наверное, не удивитесь тому, что в новой книге о трамвае и его истории предполагается упоминание и «Слова о полку Игореве», и переписки Дениса Фонвизина, и цитаты из Диккенса, а из мозгового чердака памяти извлекаются отобранные и систематизированные сведения, нужные для этой любимой темы...

Творческих удач Вам, уважаемый Юрий Маркович!

Н.Ф. Жадаева

ДВЕ ДОСТОЙНО ПРОЖИТЫЕ ЖИЗНИ

Ю.М. Коссой

У моих давным-давно уже взрослых детей было, как, впрочем, и у всех, два дедушки. Оба родились еще в далеком позапрошлом столетии. По-разному сложились их жизни, хотя и было в этих жизнях немало общего. Они не были ни знаменитостями, ни какими-либо выдающимися личностями, но пути-дороги, отведенные им судьбой, все непростые перипетии, на этих путях встречавшиеся, прошли достойно. В чем-то их биографии были, пожалуй, даже типичны для своего времени. Может быть, именно этим они интересны. И я хочу рассказать о них. Тем более что сейчас, на четырнадцатом году XXI века, вряд ли это сможет сделать кто-нибудь другой.

Мой отец Марк Владимирович Коссой родился 1 января (по новому стилю) 1900 года в белорусском городе Гомеле. Отец его работал на бойне, его обязанностью — обязанностью бойца, именно так называлась профессия — была самая первая операция процесса превращения быка в говядину: удар большим деревянным молотком по черепу между рогов. Кроме обычной зарплаты, бойцу полагалась еще часть требухи убитого быка. А жена его из этой требухи пекла пирожки с ливером и продавала их с лотка на гомельском базаре. Я так подробно говорю об этом не столь уж важном факте, потому что ему, этому факту, предстояло сыграть свою зловещую роль в памятном 1937 году. А пока маленький Марк рос, учился, впрочем, учиться долго ему не пришлось, он окончил лишь приходское училище (не церковно-приходскую школу, а именно приходское училище, была и такая форма начального образования). В семье росли четверо детей, но получить образование удалось лишь одному старшему брату, рано ушедшему из жизни в результате несчастного случая.

Я не могу достоверно рассказать, где трудился отец в дореволюционные годы. Память сохранила лишь смутное воспоминание о Гомельском паровозном депо — естественно, из рассказов отца. А о послереволюционном периоде, начиная с 1918—1919 годов, могу говорить более уверенно, подкрепляя эти воспоминания документами.

В 1918 году Марк Коссой защищал молодую советскую власть в партизанском отряде от гетмана Скоропадского и эсера Стрекопытова. В январе 1919 года он стал членом РКП(б) и бойцом 1-го Гомельского пролетарского коммунистического батальона. В составе батальона отец участвовал в походе на Варшаву. В июле 1920 года батальон был разбит белополяками, выжившие попали в плен, в Белостокский пересыльный лагерь, а потом в Щелково под Познанью. В числе военнопленных были и М.В. Коссой, и командир (он же комиссар) батальона В.С. Селиванов. В.С. Селиванов рассказал об этом в своих воспоминаниях в 1940 году, а М.В. Коссой в апреле 1922 года, будучи уже курсантом Гомельской совпартшколы, написал стихи под названием «Польский плен». Вот несколько строк:

...Хлеба в сутки нам давали
Ровно детский кулачок,
На обед нам выдавали
Только брюквы черпачок.
Не имели мы постели,
Не имели табаку.
Из-за сильного скопленья
Спали все на одном боку...
...На работу выгоняли,
По плечам ходили плетки,
Нам на ноги надевали
Деревянные колодки...

Как известно, в 1921 году узники Щелковского лагеря военнопленных подняли восстание, сумели организовать массовый побег и перейти через границу. В их числе был и отец.

Теперь мы знаем о десятках тысяч, замученных в лагере, расстрелянных и погибших в ходе восстания и побега. Именно о них эти несовершенные по форме и глубоко волнующие своим содержанием строки.

Пришло время нам... Да нет, не нам, а властям предержащим, которые, признав за истину геббельсовскую фальшивку, покаялись перед поляками за так называемую катынскую трагедию, давно пора предъявить панам свой счет за загубленные жизни красноармейцев — военнопленных Щелковского концлагеря.

Семнадцать дней после возвращения отец, как и его товарищи по переходу границы, провел в тюрьме. Семнадцать дней шла строгая проверка. В результате ее М.В. Коссой был освобожден, восстановлен в партии и направлен на работу в ЧК. В 1922 году окончил губернскую партшколу. В течение пяти лет — на партийной работе в Гомеле, Клинцах, Суроже, Херсоне, Одессе. Затем был назначен директором Одесской чаеразвесочной фабрики. В 1929 году его перевели в Москву, он работал в аппарате Московского обкома ВКП(б) инструктором, а затем зам. заведующего отделом промышленности.

Страна в эти годы готовилась решать задачи индустриализации. Нужны были свои инженеры, свои командиры производства. И партия направляла коммунистов на учебу в специально созданные отраслевые академии. Промышленная академия, в которую направили отца в числе других, была учебным заведением особого типа. Ведь на первый курс пришли многие, не имевшие систематического школьного образования. В дипломе «инженера-технолога — организатора по производству и обработке сплавов цветных металлов» (М.В. Коссой получил его в 1935 году) наряду с общетехническими и специальными дисциплинами перечислены и такие, как русский язык, средняя математика (так у автора. — *Ред.*), география. Кстати, примерно в эти годы секретарем парткома академии был Н.С. Хрущев, а на одном из факультетов училась Н.С. Аллилуева. Выпускники академии получали назначения директорами самых разных промышленных предприятий. Так, близкого друга отца по академии (Лагученко, если память не изменяет) направили в Серпухов руководить фабрикой металлической игрушки. М.В. Коссой стал директором оборонного завода № 17 в подмосковном Подольске.

Однако работал он в этой должности менее двух лет.

Шел 1937 год. 16 мая бюро Подольского горкома ВКП(б) рассматривало персональное дело директора завода № 17 М.В. Коссого. Он обвинялся в «разгоне специалистов, зажиме критики, затягивании выполнения важных заказов, вредительстве». Конкретно назывался срыв выполнения планов четырех месяцев 1937 года. Бюро горкома исключило М.В. Коссого из партии, присовокупив к обвинению еще и сокрытие социального происхождения из семьи мясоторговца (так квалифицировали бабушкины пирожки с ливером). Его сняли с руководящей работы и направили рядовым инженером на завод № 46 в Кунцеве. А насчет «срыва планов» через полстолетия (в 1989 году) заместитель секретаря парткома Подольского электромеханического завода (бывшего завода № 17) Н.Д. Лапай и директор заводского музея трудовой славы С.Г. Шахина говорили, а потом и писали мне, ссылаясь на воспоминания старых рабочих: «Именно в те годы, активно поддерживая стахановское движение, завод постоянно выполнял и перевыполнял месячные планы».

В ночь с 1 на 2 декабря 1937 года в московской квартире отец был арестован Кунцевским райотделом УНКВД по Московской области. А я узнал об этом лишь утром 2 декабря.

Об этом я всегда вспоминаю, когда сегодня вижу на экране телевизора в многочисленных фильмах и сериалах, посвященных тому времени, кадры ареста: перепуганных плачущих детей, выбрасываемое из шкафов и ящиков белье, валяющиеся на полу книги и так далее. Мама рассказывала мне, что, остановившись перед закрытой дверью (мы занимали трехкомнатную квартиру), старший группы, производивший арест и обыск, спросил: «А что у вас здесь?» И законопослушная мама со словами «Тут спит сын» уже взялась за дверную ручку, но он остановил ее: «Что Вы, не нужно, не нужно пугать ребенка». А на мамины слова: «Но там есть оружие» (на стене действительно висел подарок отца — мелкокалиберка ТОЗ-8), спокойно ответил: «Ну что ж, привезете к нам завтра». Так вот.

И еще одна деталь. Кузнецов, начальник Кунцевского районного отдела НКВД по Московской области, в октябре 1938 года тоже был арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в день вынесения приговора 26 февраля 1939 года.

Этот факт, как и все, касающееся последних месяцев жизни отца, стал мне известен из материалов уголовного дела, с которым удалось ознакомиться после нескольких настойчивых обращений в Управление КГБ по Москве и Московской области, Московский областной и Центральный комитеты КПСС, Комиссию ЦК КПСС по вопросам реабилитации.

Дело открывается постановлением об избрании меры пресечения («содержание в Таганской тюрьме»), подробной анкетой и автобиографией. В двух последних документах ответ на вопрос о социальном происхождении («из мещан») другой рукой исправлен («из торговцев, отец торговал мясом»). Первый допрос состоялся 5 декабря. Основной интерес — к переходу границы. Сначала возвращение военнопленных из польского концлагеря деликатно называется «незаконным переходом границы». Потом появляется «переход границы с неизвестными целями». И наконец, «переход границы с целью шпионажа». Соответственно меняется и характер вопросов: «Признаете ли вы себя виновным?» Ответы не меняются: «Нет, не признаю». «Нет, не признаю». И вдруг допросы прекращаются. А может быть, и не прекращаются. Во всяком случае за полтора месяца документов в деле почти не прибавилось. Можно предположить, что допросы проводились, мягко выражаясь, методами, не подлежавшими протоколированию. Но уже в протоколе первого после перерыва допроса 10 февраля 1938 года зафиксировано признание участия в контрреволюционном заговоре, борьбе против линии партии, попытках срывать военные заказы. На следующем допросе через пять дней в протоколе записано: «...признал себя виновным в шпионской деятельности, подтвердил факты вредительства по срыву производства». В обвинительном заключении все это приводится как основа обвинения и указывается, что «обвиняемый, который теперь находится в Лефортовской тюрьме, признал себя виновным по статье уголовного кодекса 58 пункт 7 и пункт 11». Постановлением комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 19 февраля 1938 года М.В. Коссой был приговорен к расстрелу.

Самого приговора в деле, предъявленном мне для ознакомления, нет. Однако уже упоминавшаяся С.Г. Шахина, которая по поручению парткома завода еще в январе 1989 года просматривала дело в Комиссии по реабилитации, хорошо запомнила этот скорбный документ. «Сама читала, — как говорила она мне, — приговорить к высшей мере наказания —

расстрелу с исполнением в трехдневный срок». Я знакомился с делом только через два с половиной года — в июне 1991-го.

Не было в нем приговора. А был в простом синем конверте листок тонкой, почти папиросной бумаги с машинописной копией выписки из акта, стандартного бланка, куда чернилами были вписаны фамилия, имя, отчество и даты. И короткая беспощадная строчка: «Приговор приведен в исполнение 14.04.38». Почти через два месяца.

В 1957 году в ответ на мои многочисленные запросы я получил официальную справку из Военного трибунала Белорусского военного округа о том, что дело пересмотрено, приговор отменен за отсутствием состава преступления и М.В. Коссой полностью реабилитирован. А в начале 1959 года Московская областная контрольно-ревизионная комиссия КПСС сообщила, что состоялась реабилитация в партийном порядке. М.В. Коссой был восстановлен в партии с сохранением стажа.

В музеях трудовой славы Подольского ордена Трудового Красного Знамени электромеханического завода им. 50-летия Октября и Барнаульского ордена Ленина станкостроительного завода им. 60-летия СССР в конце 50-х годов появились стенды, посвященные памяти бывшего директора (часть цехов завода № 17 в 1941 году была эвакуирована в Барнаул).

Место захоронения отца так и остается неизвестным. Ответственный сотрудник УКГБ по Москве написал прямо: «...Такие сведения отсутствуют. Можно лишь предположить, что это произошло в Москве». В свидетельстве о смерти, выданном Тушинским отделом ЗАГС, в соседних строчках сообщается: «причина смерти — расстрел», «место смерти — не установлено».

Петр Павлович Мельников, отец моей жены, родился 8 июля (по новому стилю) 1898 года в семье безземельного крестьянина на Кубани. Родители его батрачили у более зажиточных односельчан. А в 1896 году отец Петра Павловича был призван на военную службу и дослужился до чина урядника. В 1907 году многодетная семья переехала в Среднюю Азию. П.П. Мельников получил неплохое по тем временам образование. В 1909 году он окончил Самаркандское железнодорожное училище, в 1913-м — Ташкентское четырехклассное городское училище, в январе 1917 года — Ташкентскую учительскую семинарию. Февральскую революцию 1917 года встретил курсантом военного училища. Уже в июле того же года в чине прапорщика выехал на Юго-Западный фронт. В ноябре был ранен и после излечения демобилизован.

Работал в городе Мерв (теперь Мары, Туркмения), а затем в Ташкенте учителем и заведующим школой до августа 1919 года, когда был мобилизован в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В армию П.П. Мельников пришел уже коммунистом — в том же 1919 году в дни партийной недели он был принят в ряды партии. Подготовленность и опыт школьного учителя пригодились и в армии. Был преподавателем полковой школы, помощником командира курсантской роты и преподавателем в Бухарском военном училище, заведующим полковым клубом. После демобилизации в 1923 году получил назначение на должность заведующего железнодорожной школой на станции Мерв. С тех пор жизнь П.П. Мельникова была неразрывно связана с железной дорогой. Он прошел по служебной лестнице путь от заведующего школой до начальника службы просвещения дороги, а в 1934 году был избран председателем дорпрофсожа (так сокращенно именовался дорожный комитет профсоюза рабочих железнодорожного транспорта). Когда же железнодорожные школы, еще в 1930 году переданные Наркомпросу, снова вернулись в ведение Наркомата путей сообщения, по его личной просьбе он был назначен начальником отдела школ Ашхабадской железной дороги. В эти же годы Петр Павлович был членом Центрального исполнительного комитета Туркменской ССР, членом президиума ЦК профсоюза рабочих железных дорог Средней Азии. Сохранился пожелтевший листок бумаги, наклеенный на плотную подложку — выписка из приказа Наркомата путей сообщения от 29 августа 1936 года: «За передовую стахановско-кривоносовскую работу на железнодорожном транспорте наградить знаком “Почетный железнодорожник” Мельникова П.П.»

А 17 декабря 1937 года П.П. Мельникова арестовали органы НКВД Турмении. Правда, ему «повезло» — уже в феврале 1939 года он был освобожден в связи с прекращением дела. Он ничего не рассказывал об этом периоде своей жизни. Иногда лишь показывал неизвестно как сохранившийся «сувенир» — шахматы, сделанные из хлебного мякиша.

После освобождения П.П. Мельникова назначили старшим референтом начальника Ашхабадской железной дороги. В 1943 году награжден медалью «За трудовую доблесть», а в 1947 году в составе группы специалистов его направили в Кишинев на восстановление железной дороги в освобожденной от фашистов Молдавии. Там и остался. Много лет работал в должности начальника группы контроля Одесско-Кишиневской, а затем Молдавской железной дороги. Был удостоен высоких государственных наград: орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.».

Умер Петр Павлович в 1968 году и похоронен на кишиневском кладбище «Дойна». Увы, теперь за границей.

Вот две биографии. Две судьбы. Две жизни, достойно прожитые настоящими советскими людьми. Они — почти ровесники — никогда не знали друг друга, хотя в памяти своих потомков им стоять рядом. Две обычные судьбы — две из множества подобных, которые по праву живут в нашей общей памяти.

ФЕСТИВАЛЬ «НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ В XXI ВЕКЕ»

Мероприятия фестиваля популярной науки проходили на трех площадках Нижнего Новгорода: в Приволжском филиале Государственного центра современного искусства («Арсенал», Кремль, корпус 6), в музее науки ННГУ «Нижегородская радиолаборатория» (Верхневолжская наб., 5) и в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Фестиваль состоял из научно-популярной выставки и параллельной программы.

В «Арсенале» в течение месяца демонстрировались интерактивные экспонаты для детей из Троицкого музея науки «Физическая кунсткамера», авторский проект Евгения Стрелкова по истории науки «Чемоданы Иосифа Гамеля» и science-art-экспозиция работ ведущих российских художников этого направления Дмитрия Булатова и Алексея Чебыкина (Калининград), группы «Куда Бегут Собаки» (Екатеринбург), Дмитрия VTOL Морозова (Москва).

В музее «Нижегородская радиолаборатория» посетители могли ознакомиться с историей развития отечественного радиовещания, а также с новой экспозицией, посвященной применению радиофизических методов в медицине и биологии, актуальным научным направлениям исследований мозга.

Столь разные проекты фестиваля реализованы учеными, художниками и сотрудниками музеев при поддержке программы «Научный музей в XXI веке» фонда «Династия». За 8 лет существования программы созданы десятки разнообразных экспонатов, красивых, интересных, познавательных, которые можно и нужно трогать руками.

Авторы стремились, чтобы их произведения были научно точными, современными, впечатляющими и интересными зрителям разных возрастных категорий.

Неотъемлемой частью выставки были лекции для взрослых и открытые уроки, экскурсии, интерактивные занятия и научные шоу для школьников, на которых победители конкурса «Научный музей в XXI веке», авторы проектов из разных городов России, а также специально приглашенные ученые и популяризаторы науки в увлекательной форме рассказали о биологии, физике, химии, современной технике, технологиях и высокотехнологичном искусстве.

По http://www.ncca.ru/

Музей науки «Нижегородская радиолаборатория»

Экспозиция «Доктор Радио»

Экспозиция «Образ мозга»

Д. Булатов, А. Чебыкин (Калининград). Инсталляция «То, что живет во мне»

Е. Стрелков. «Чемоданы Иосифа Гамеля»

Инсталляция «Поля 2.1». Творческое объединение «Куда Бегут Собаки» (Екатеринбург)

На выставке была возможность увидеть свой «образ мыслей»

Фото П.А. Семенова

Скульптура «Семья».
Оксана Талагаева. 1987 год

НЕЗНАКОМАЯ ГЖЕЛЬ

Копилка «Кот».
Юлия Петлина. 1990-е годы

Н.Б. Федотов

Незнакомая гжель?! Как такое возможно?! Что может быть неведомого и невиданного в гжельской керамике, давно ставшей одним из наиболее узнаваемых символов русского народного искусства? Без сомнения, всем нам хорошо известна выдержанная в приметной сине-белой цветовой гамме фарфоровая посуда Гжели. Разве можно что-то добавить к этому знакомому с детства образу? Оказывается, можно, и Павловский исторический музей решил это доказать.

Шкатулка «Бантик».
Эльвира Зинонова.
2000 год

Николай Борисович Федотов – директор МБУК «Павловский исторический музей», член Союза журналистов России.

В марте 2014 года в залах музея работала выставка, посвященная творчеству мастеров современной гжельской майолики. Что такое майолика? Покрытая глазурью красноглиняная керамика. Какое отношение она имеет к гжели? Самое непосредственное. Дело в том, что именно с майолики, или, как говорили в те времена, ценины, и начиналось во второй половине XVIII века знаменитое керамическое производство. Гжель изначальная отличалась от привычной нам ныне и своим внешним видом. В ту стародавнюю эпоху гончары Подмосковья еще не применяли пришедшее в Россию из Голландии (а туда из средневекового Китая) сочетание белого фона с яркой росписью синей кобальтовой краской. Мастера XVIII столетия по-прежнему предпочитали традиционное для керамики допетровской Руси многоцветье: по белому полю оловянной эмали писали узоры сразу четырьмя цветами – лилово-коричневым, синим, зеленым и желтым.

Так откуда же пошла гжель и как случилось, что сейчас мы знаем под этим названием совсем не то, что разумели под гжельской посудой в период становления промысла?

Село Гжель впервые упоминается еще в 1339 году в завещании великого московского князя Ивана Калиты. Позднее, в XVII веке, под Гжелью стали понимать лесистую местность в верховьях маловодной речки Гжелки, на территории которой были разбросаны три десятка сел и деревень, издавна принадлежавших сначала царской династии московских Рюриковичей, а затем и сменившей их на престоле императорской фамилии Романовых. Местные крестьяне отнюдь не случайно забросили земледелие, предпочтя ему гончарный промысел. Глинистые почвы Гжельской волости Бронницкого уезда Московской губернии никогда не славились высокой урожайностью, зато прекрасно подходили для изготовле-

ния нехитрой крестьянской посуды. Развитию гжельского гончарства способствовала и близость первопрестольного града, открывавшая перед деревенскими умельцами необъятный московский рынок.

Сделать шаг от заурядных горшков и плошек к популярной среди горожан той поры художественной майолике жителям Гжели помогла работа на основанной в Москве в первой половине «осьмого на десять» столетия «Трубочной и ценинной фабрике» купца Афанасия Гребенщикова. Возвращаясь из Москвы домой, гончары приносили в родные места позаимствованные на столичной мануфактуре приемы и технологии. Однако, заимствуя чужое, гжельцы не теряли своего, сочетая западноевропейскую майоликовую технику с традиционно русскими сюжетами в росписи. Именно тогда был сформирован привычный нам ассортимент керамики Гжели — квасники и кумганы, всевозможные тарелки и чашки, солонки и супницы, а также разнообразная мелкая пластика. Неизвестные деревенские мастера сумели усовершенствовать производство ценинной посуды, разработав собственный рецепт эмали, отличавшийся от гребенщиковской отсутствием мелких трещин и приятным глазу белым цветом теплого оттенка. Можно смело сказать, что во второй половине XVIII века, в эпоху расцвета гжельской майолики, не только зародилась громкая слава подмосковных гончаров, но и сложились многие традиции, отличающие современную Гжель от других центров производства российской художественной керамики.

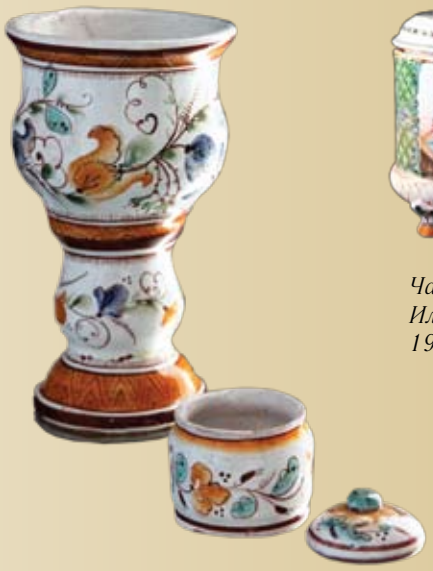
Золотой век гжельской майолики закончился к началу XIX века, когда в окрестностях деревни Минино были найдены залежи светло-серой глины, превратившейся в основу для нового гжельского материала — полуфаянса. Упростилась форма сосудов, ушла в прошлое нарядная «пятицветка», сменившаяся широко известной ныне росписью синим кобальтом по белому фону. Победа полуфаянса над майоликой объяснялась не только сменой художественных вкусов — взамен пышного, вычурного барокко пришел строгий, аскетичный классицизм. Главным фактором, предрешившим поражение ценинной посуды, была дешевизна полуфаянса. И в самом деле, вместо четырех красок в росписи стали использовать только одну, а белая эмаль майолики сменилась бесцветной, а то и просто росписью по черепку.

В первой половине XIX века Гжель все глубже и глубже втягивалась в круговорот капиталистических отношений. Кустарей сменили мануфактуры, полуфаянс — фарфор из привозного сырья, а место изделий с гжельским колоритом заняли подражания продукции ведущих рос-

Фляжка «Сирины».
Антонина Нечаева. 1999 год

Супница.
Ирина Григоренко. 1989 год

Чашка «Сирин».
Илья Строгин.
1994 год



Кубок (1980),
солонка (1979).
Вера Седачева

сийских и западноевропейских фабрик. Во второй половине XIX столетия и вовсе наступил кризис. Объемы местного керамического производства падали, а наиболее известные среди гжельских предпринимателей — прославленные фарфоровые фабриканты Кузнецовы и вовсе подались искать удачи в чужие края, строя заводы где угодно, но только не в родных местах: под Калугой, Тверью, Новгородом, а то и в далекой Риге.

Как ни странно, в этот нелегкий для Гжели период некоторые из местных мастеров стали предпринимать попытки возрождения майолики. Вот только работать этим энтузиастам пришлось уже не на гжельской земле, а в керамической мастерской Строгановского училища в Москве и в расположенном неподалеку от Сергиева Посада селе Хотькове (позднее именно здесь возникло прославленное Абрамцевское художественно-промышленное училище).

Противоречивыми выдались для Гжели первые десятилетия советской власти. Закрытие частных предприятий сочеталось в 1920—1930-х годах с подъемом многочисленных артелей, а грубые, блиставшие разве что полным отсутствием художественного вкуса поделки соседствовали с творческими поисками заезжих московских художников.

Подлинное воскрешение старинного промысла началось только в послевоенные годы трудами искусствоведа, научного сотрудника Государственного исторического музея А.Б. Салтыкова и работавшей в Научно-исследовательском институте художественной промышленности художницы Н.И. Бессарабовой. Возрожденная гжельская керамика создавалась на базе художественного языка полуфаянса начала XIX столетия, правда, с применением другого материала — фарфора. Вот так в середине XX века и возник привычный для наших современников образ гжели.

А что же майолика? Александр Борисович Салтыков задумывался и об ее восстановлении, но столкнулся с отсутствием необходимых для этого красок и эмалей. Практическая работа по возрождению майоликового производства началась в Гжели уже после смерти ученого, в 1970-х годах. Именно тогда в небольшой деревне Трошково, на базе завода «Гжельский гончар», вошедшего в 1972 году в качестве филиала в знаменитое на весь Советский Союз производственное объединение «Гжель», и появилась возглавлявшаяся Владимиром Александровичем Петровым творческая группа по майолике. Чуть позднее, в начале 1980-х годов, в соседней деревне Фенино возникла еще одна творческая группа мастеров по майолике, руководителем которой стал выпускник Абрамцевского училища (а ныне заслуженный художник России) Николай Борисович Туркин.

Закипела работа, и вновь, как встарь, в сине-белую, словно зимнюю, фарфоровую палитру ворвалось весеннее многоцветье майолики. В густой зеленой траве забегали рыжие охотничьи собаки, зашагали по сельским улицам степенные разноперые петухи, занялись

Коробочка «Овца». Николай Туркин. 2002 год

Скульптура «На базаре». Оксана Талагаева. 1987 год

Скульптура «С козой». Марина Коваленко. 1989 год

Скульптура «Корова лежит». Юлия Петлина. 1990-е годы

Масленица в деревне Рязаново

Блюдо «Во Гжель прилетел». Эльвира Зенонова. 2012 год

Декоративная тарелка «Сирин». Илья Строгин. 1999 год

Декоративная тарелка «Весна». Валентина Чепрасова. 2013 год

Скульптурная композиция. Антонина Катасонова. 2010 год

Скульптура «Ветер». Валентина Чепрасова. 2014 год

повседневными делами цветасто разодетые деревенские модницы. Мир гжели ожил и стал цветным.

Задачи перед энтузиастами восстановления майоликового производства в Гжели стояли сложнейшие. Нужно было не просто возродить старинную технологию росписи, а найти подходящую глину, подобрать рецепты красок и эмалей. Прежде всего нужно было обрести собственную дорогу в творчестве, отыскать мотивы и сюжеты, способные превратить полузабытое наследие XVIII века в современное искусство. И это не все. Нужно было еще пробить путь к сердцам знатоков и любителей народных художественных промыслов, убедить столичных искусствоведов в том, что вот такая, непривычная для них гжельская керамика тоже имеет право на существование. А ведь поначалу от Н.Б. Туркина и его коллег в Союзе художников РСФСР просто отмахивались: «О чем вы нам тут говорите?! Гжель синяя!»

Отношение изменилось после того, как в 1989 году в Москве, в Центральном доме художника, состоялась юбилейная выставка «Гжель. 650 лет». Майолику из Фенина и Трошкова заметили и оценили специалисты, ею заинтересовались коллекционеры.

Настоящим триумфом творческих групп В. Петрова и Н. Туркина стала прошедшая в ноябре 1992 года во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства выставка «Майолика Гжели». Теперь уже никому не пришло бы в голову поставить под сомнение существование нового направления в старинном искусстве гжели.

Вскоре последовало и государственное признание. Указом Президента РФ от 27 мая 1996 года Государственную премию за 1995 год в области изобразительного искусства наряду с ведущими фарфористами Гжели получила и мастер художественной майолики, участница фенинской творческой группы Юлия Ивановна Петлина.

Увы, творческие удачи художников-керамистов совпали с началом трудностей экономических. Народным художественным промыслам оказалось очень непросто приспособиться к новым, рыночным реалиям и падению интереса со стороны государства. Постепенно стала сдавать свои позиции и гжель, вроде бы вполне коммерчески успешная даже в 1990-х годах. Колесо истории покатилось в обратную сторону: на смену крупным промышленным предприятиям пришли кустари-одиночки. Особенно сильно пострадала в изменившихся условиях майолика, дорогая технологически и изначально не рассчитанная на массовое тиражирование. К началу XXI века было закрыто сначала фенинское, а затем и трошковское производство.

Скульптура «Спящий котик». Николай Туркин. 2004 год

Так что же осталось? Остались мастера, начинавшие профессиональную карьеру в Трошкове и Фенине и доныне продолжающие работать с майоликой. Остались коллекции гжельской майолики второй половины XX века, находящиеся не только в частных руках, но и в крупнейших государственных музейных хранилищах нашей страны — Государственном историческом музее, Государственном Русском музее, Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, Государственном музее керамики в усадьбе Кусково. Осталась увековеченная в специальной и популярной литературе слава одного из наиболее значительных и интересных экспериментов в истории народных художественных промыслов России.

Теперь эта слава докатилась и до наших краев. Впервые на Нижегородской земле на протяжении месяца посетители Павловского исторического музея могли увидеть произведения сразу одиннадцати мастеров гжельской майолики, ранее работавших в составе как трошковской, так и фенинской творческих групп: Ирины Григоренко, Эльвиры Зиноновой, Антонины Катасоновой, Марины Коваленко, Антонины Нечаевой, Юлии Петлиной, Веры Седачевой, Ильи Строгина, Оксаны Талагаевой, Николая Туркина и Валентины Чепрасовой. Широким был хронологический охват экспозиции. Самые ранние работы на ней датировались 1979 годом, а наиболее поздние были расписаны в январе 2014 года. Среди представленных изделий — декоративные тарелки и панно, подсвечники и шкатулки, кувшины и плакетки, пасхальные яйца и малая скульптура. Главное же, что бросалось в глаза, — это редкое разнообразие художественного почерка авторов. В отличие от фарфора гжельская майолика с ее экспериментальным характером и отсутствием массовых тиражей позволила керамистам сохранить свое лицо, свое уникальное видение традиций гжели. Гжельские мастера майолики — яркие индивидуальности. Практически невозможно перепутать их творения между собой. Но нет и ощущения разнобоя, художественной анархии. Все работы объединяет общность материала и технологии, общность сюжетов, общность художественной традиции.

И может быть, самое важное. Гжельская майолика — это искусство праздника, искусство хорошего настроения. Она не на словах, а на деле пробуждает лучшие струны человеческой души. Ее хочется смотреть вновь и вновь, восхищаясь талантом людей, способных создать из вроде бы обычной красной глины чарующую нетленную красоту.

Болдинский этюд.
Иллюстрация к книге стихов
Ю. Адрианова «Звенья времени». 1976 год

Ю.А. Адрианов и Н.П. Мидов.
Фото Н. Адриановой. 1980-е годы

ГРАВЮРЫ МИДОВА

Вступление в июнь. Иллюстрация
к книге стихов Ю. Адрианова
«Звенья времени». 1976 год

Иллюстрация
к книге стихов Ю. Адрианова
«Звенья времени». 1976 год

Николай Павлович Мидов родился в г. Горьком в 1932 году. Окончил ГХУ (1954–1960) и ЛВПХУ им. В.И. Мухиной (1960–1964). График. Работает в области станковой графики и книжной иллюстрации, офорта и линогравюры. Член Союза художников России с 1975 года. С 1964 года – участник областных выставок. Экспонент зональных («Большая Волга», 1974, 1980, 1985, 1998, 2003), республиканских (Москва, 1980, 1985) и всероссийских (Москва, 1999, 2000) художественных выставок. Персональные выставки: Нижний Новгород, 1992, 2002. Лауреат премии города Нижнего Новгорода (1997).

Нижний Новгород. Прощание славянки. 2001 год

Храм Кузьмы и Дамиана на Рождественской улице

Гравюры художника Николая Павловича Мидова высокопоэтичны, наполнены динамикой жизни и глубоким философским размышлением. В них прозрачная чистота, ясность, точная ритмика и тональная цельность штрихового заполнения листа. В течение многих лет Н.П. Мидов успешно сотрудничал с местными и центральными книжными издательствами, иллюстрируя главным образом поэтические сборники. Поэтичность мышления самого художника перенесена в станковые гравюры, посвященные Нижнему Новгороду.

А.В. Сайкина,
народный художник РФ

Нижегородский банк

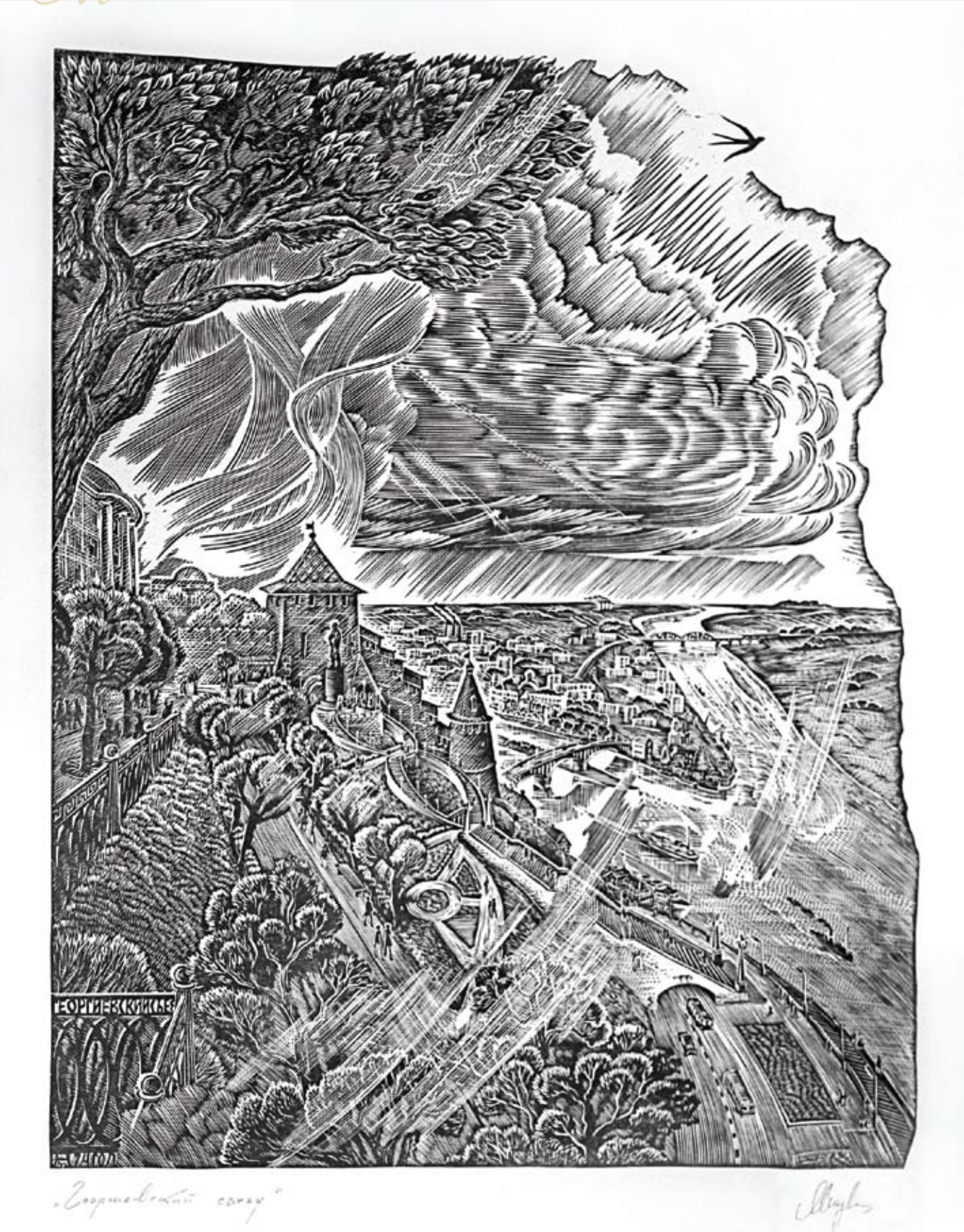
Бег времени

Воложка. 1980 год

Гравюры Н.П. Мидова символически воплощают идею преемственности поколений, где историко-культурное прошлое и видение будущего, органично сливаясь, живут в настоящем. Произведения художника, выполненные на высоком профессиональном уровне, стали своеобразной визитной карточкой Нижнего Новгорода. Панорамные виды старинного города завораживают. На всем протяжении творческого пути Николай Павлович последовательно воплощает лики Нижнего Новгорода, призывая сохранить его эстетическое своеобразие и неповторимость. Его гравюры стали культурным достоянием нашего региона.

А.А. Сериков,
доктор социологических наук,
руководитель проекта
«Рождественская сторона»

Горький. Зеленский съезд. 1985 год



Георгиевский съезд

Закат над Волгой

Над рекой

Николай Павлович Мидов — один из ведущих графиков Нижегородского областного отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» (член Союза художников России с 1975 года). С 1970 года — участник всероссийских, региональных, областных и персональных выставок. Как признанный мастер-иллюстратор Н.П. Мидов оформил свыше 30 книг, главным образом поэтических сборников и краеведческой литературы. Иллюстрировал книги известных нижегородских авторов Ю. Адрианова, Б. Пильника, В. Шамшурина, московских поэтов Г. Регистана, Л. Щипахиной. Н.П. Мидов занимается в основном станковой печатной графикой. Его офорты, линогравюры посвящены неповторимому архитектурно-ландшафтному облику Нижнего Новгорода. Он создал свой стиль художественного высказывания, позволяющий передать метафоричность создаваемых образов. В современный городской мотив вписаны зримые приметы ушедших эпох и подсказанные фантазией художника грядущие постройки и ансамбли. Символические детали усиливают философское содержание работ. Отточенное мастерство гравюрной техники позволяет художнику убедительно и достоверно передавать авторский замысел. Тонкие штрихи, в причудливом разнообразии заполняющие листы, помогают ощутить поэтическую наполненность произведений. Н.П. Мидов пользуется большим авторитетом в профессиональной среде. Творчество его хорошо знакомо и любимо нижегородцами, оценивается специалистами как оригинальное, содержательное и высокопрофессиональное.

И. Сафронова, заслуженный художник РФ

Нижний Новгород

Церковь Иоанна Предтечи на Ивановском съезде

Река

Гравюры Н.П. Мидова отличаются особой рукотворностью, сделанностью, завершенностью. Серебристые графические листы художника пронизаны добрым светом созидания. Они призывают зрителя войти в мир полноты человеческого бытия, осмыслить особую красоту и неповторимость старинного города, в котором мы живем.

П.П. Черникович,
народный
художник РФ

Храм-памятник священникам, расстрелянным на Мочальном острове (проект)

Дождь

Гравюры из собраний Н.П. Мидова, Л.Л. Крайнова-Рытова, Л.И. Помыткиной

Т.П. ГУСЕВА И ЕЕ ВРЕМЯ

Т.П. Гусева. 1930-е годы

Л.И. Помыткина

Жизнь каждого из современников проносится по эпохе с разными скоростями: для одних замедленно и прямолинейно, для других — стремительно, с головокружительными виражами. Художественная логика может сконцентрировать в произведении — картине, скульптуре, музыкальной композиции, книге — огромные отрезки времени с его катаклизмами и откровениями. Жизнь проецирует время на личности художников в соответствии с их дарованиями. И сгустки творческой энергии, вобравшие в себя суть той или иной эпохи, преодолевают рубежи столетий и несут людям эмоции и знания ушедших и утраченного.

Лариса Ивановна Помыткина — искусствовед, член правления Региональной общественной организации «Нижегородский центр поддержки и развития музеев», заслуженный работник культуры РФ.

Заслуженный художник РФ Тамара Петровна Гусева (1918—2002) — живописец, керамист, сценограф. Как и многие из тех, о ком рассказано в этом очерке, свой первый духовный опыт, импульс к художественному расцвету Т.П. Гусева получила на Нижегородской земле, щедро отблагодарив ее своим искусством.

Наше общение началось в 1979 году. Тогда в Горьковском государственном художественном музее (ГГХМ, ныне НГХМ) возникла идея создать групповую выставку авторитетных художников-нижегородцев, проживавших в Москве и Ленинграде. Поручили сформировать эту выставку автору этих строк, поскольку я занималась покупкой картин (тогда у государства находились для этого средства!) и неплохо знала столичную среду. Сразу же обратилась за помощью к москвичам Евгению Анатольевичу Расторгуеву и Тамаре Петровне Гусевой. Этот удивительный семейный дуэт, слитный, нерасторжимый (в письмах подписывались Расторгусевы), соединил две творческие личности, которые подпитывали друг друга, не заслоняя индивидуальность. У каждого было свое поле самовыражения. О заслуженном деятеле искусств Е.А. Расторгуеве, художнике с мировым именем, напечатано свыше десяти монографий и альбомов, а также не счесть статей в газетах, журналах, каталогах, в том числе о совместных с Т.П. Гусевой выставках. Отдельных публикаций о Тамаре Петровне мало. В основном они отражают московский период ее художественной деятельности. Между тем вся ее жизнь пронизана служением искусству и во многом показательна. Однако именно нижегородский период определил широкий спектр ее творческих устремлений.

Итак, наша история началась 35 лет тому назад. Мы составили список десяти художников, успешных, популярных (достаточно назвать имена Ф.С. Богородского и Т.А. Мавриной). Все они охотно откликнулись, во-первых, потому, что наш музей имел солидную репутацию, во-вторых —они были лично знакомы с Расторгуевыми, знали их художественный вес и доверяли им. У всех было одно условие — издание каталога. Сейчас не объяснить, почему любое печатное издание о художниках

в то время встречалось в штыки. Нужно было иметь самые высокие подписи и грифы, пройти «литование» — цензуру, получить разрешение на бумагу. В стране работали огромные бумкомбинаты, но бумага была в дефиците. Помню, один из редакторов разводил руками и говорил: «Вот пройдет съезд, если поменяется начальство, то...» Чтобы получить разрешение на печать, нужно было это начальство ловить, «сидеть у дверей» — как говорили москвичи. Все это понимали и... создавали круговерть, в которой тонули замыслы. В доказательство приведу следующие документы и письма.

В Госкомиздат СССР.
Главному редактору
художественной литературы
т. Сахарову А.Н.

Уважаемый Андрей Николаевич!

Горьковский государственный художественный музей, Горьковская организация Союза художников РСФСР совместно с Московской организацией Союза художников РСФСР скомплектовали выставку произведений художников — уроженцев Нижнего Новгорода—Горького (членов МОСХ), которая должна экспонироваться в г. Горьком.

Просим Вас оказать содействие организаторам выставки издать на базе издательства «Советский художник» каталог, афишу и пригласительный билет выставки. Тираж 500 экземпляров. В издательство «Советский художник» с аналогичной просьбой обратились правление СХ СССР и правление СХ РСФСР.

Начальник Горьковского областного
управления культуры
А. Трухманов

Т.П. Гусева пишет: «Сейчас весь материал отдан в издательство, ничего больше заменять и доснимать нельзя. Фотопортрет Ф. Богородского взяла у Софьи Владимировны (жены. — *Л. П.*). У Мавриной взяла портрет и два фото работ (оба — Городец), из Ленинграда Ведерников прислал два фото и две работы, Степанова — пересняли, Каманин все заменил. Мы с Е.А. Расторгуевым были у Горяинова и у его заместительницы (издательство “Советский художник”). Позади хождение по инстанциям, “ловля” подписей и согласований, отбор материала в мастерских, “диалоги” с наследниками, фотографирование». И все это в основном легло на плечи Тамары Петровны. Каталог был сдан в печать, и началась череда каких-то закулисных странностей. Если бы это был единичный случай! Все наши скудные знания об искусстве советского периода связаны с некими запретами, лукаво нигде не обозначенными: «не рекомендуется». Роскошный проект рассыпался.

В минуты отчаяния Тамара Петровна сказала одну из своих мудрых максим: «Знай, что все, что ты доброго сделала, однажды тебе пригодится!» Пригодилось — и не однажды. И пусть мини-выставка на страницах журнала станет благодарной памятью обо всех ее участниках, о наших талантливых художниках-нижегородцах.

Живая связь с Нижегородской землей так или иначе пульсировала в представленных на выставке произведениях искусства — в живописи, графике, керамике, то определяя основную тенденцию творчества авторов, то выявляя какую-то существенную его грань. Непременная тяга к родным местам у художников становится духовной потребностью. Именно незабываемые чувства, первичные впечатления детства и юности формируют в человеке понятие Отчизны, светлыми образами отлагаются в его памяти.

Так, у Т.А. Мавриной (1902—1996) неизбывное восхищение «родным мирозданием», русскими городами с древними постройками, пестрой, снующей толпой началось в старинном Нижнем Новгороде, где каждое лето шумела ярмарка, теснился разноликий народ на пристанях. Безусловно, раннее знакомство с богатейшими народными промыслами обусловило самобытность мавринского художественного языка, стилистическую близость к приемам народного искусства.

Национальным чувством исповедальности проникнуты пейзажи маленьких приволжских городков Т.П. Гусевой. Архаический ритм домиков Городца, их согласованность, уютность передают очарование старинной жилой архитектуры, хранят неразрывную связь времен.

Прошлое Городца весело и празднично живет на полотнах и в керамике его уроженца Е.А. Расторгуева (1920—2009). Провинциальные франтихи, молодцы в картузах, продавцы всяких поделок напоминают персонажей городецких прялок, зазывных ярмарочных вывесок. При всей шутейной гипертрофированности героев Расторгуева, порой рискованной отвлеченности в их живописном и пластическом решении, они несут в себе отсвет глубоко личных впечатлений и тем самым сохраняют чувство человеческой и художественной правды. Уважительная трактовка в сочетании с игровой основой близки эстетике народных мастеров. Современное художественное осознание ее животворной сущности особенно проявилось в его развеселом «шутейном Городце».

В Городце родился и Александр Семенович Ведерников (1898—1975), один из основателей знаменитого объединения «Круг художников» в Ленинграде. Он был тонким поэтом Волги. В его акварелях передана щемящая лирика тихих заводей, туманных речных рассветов, полдневной Волги с неторопливым ходом речных судов. В натурных пейзажах 1930—1940-х годов мастерски достигается соответствие природных тональных отношений и немногословия деталей.

Волжский городок Васильсурск был местом ежегодного весенне-осеннего спасения Константина Нико-

ХУДОЖНИКИ-ЗЕМЛЯКИ

Т.П. Гусева. Парусник. 1930-е годы

В мастерской Т.П. Гусевой.
Л.И. Помыткина, Т.П. Гусева,
Е.А. Расторгуев. 1981 год

Т.П. Гусева. Городецкий узорный шкаф

Т.П. Гусева. Городец

Е.А. Расторгуев.
Из цикла «Городецкие фантазии».
Даритель. Дама в шляпе. Ефим с Больших вод.
Шамот, металл, соли, высокий обжиг

С.М. Каманин

С.М. Каманин. На берегу Волги

А.П. Полюшенко. Август. 1963 год.
http: artlib_gallery/

А.П. Полюшенко

С.А. Павловский

С.А. Павловский. Утро космической эры. Мозаичное панно на станции Московского метрополитена «Добрынинская». 1967 год

Ф.С. Богородский

Ф.С. Богородский. Братишка

К.Н. Степанов. Васильсурск. 1972 год

К.Н. Степанов

Н.А. Маркин

Н.А. Маркин. Эскиз к фильму «Вечный зов». Погрузка патронов

Т.А. Маврина

Т.А. Маврина. Городец. 1967 год

Т.А. Маврина.
Рогачевское шоссе. 1969 год

А.С. Ведерников. Горький. 1930-е годы

А.С. Ведерников

лаевича Степанова (1927–1980) от мосфильмовских стрессовых нагрузок и столичной толкучки. Мало кто из его земляков-нижегородцев знает, что он был художником-постановщиком таких известнейших картин, ставших классикой отечественного искусства, как «Сорок первый», «Бег», «Дачники», «Пес Барбос и необычный кросс». Не склонный к быстрым превращениям старинный Васильсурск становился для художника идеалом устойчивого бытия, дарующего драгоценное состояние духовного сосредоточения.

Не менее известны фильмы другого волжанина Николая Александровича Маркина (1921 г. р.), художника-постановщика таких популярных фильмов, как «Вий», эпопеи «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов». Успех его «сибириады» во многом обусловлен юношескими воспоминаниями о Чкаловске (Василевой Слободе), знанием уклада жизни русского села. Одним из самых значительных, но, увы, редких событий в культурной жизни Нижегородской области стало приобретение Чкаловской картинной галереей эскизов к кинокартинам, рисунков Н.А. Маркина и полотен еще одного известного уроженца Чкаловска Сергея Михайловича Каманина (1915–2002), педагогический опыт которого во Всесоюзном институте кинематографии (ВГИК) связан с неизменным «поступлением» лирического вдохновения от летних поездок на родину.

Если большинство участников выставки вошли в большое искусство после учебы в столичных вузах, то Андрей Павлович Полюшенко (1911–1985) свои первые успехи испытал в городе Горьком. Картина «Снег идет» молодого художника в 1940 году на Всероссийской выставке была удостоена первой премии Всекохудожника. Своеобразные пейзажи А.П. Полюшенко стали экспонентами выставок во многих странах мира.

Мало кто знает имя уроженца Балахны Серафима Александровича Павловского (1903–1989). Еще будучи студентом ВХУТЕИНа, он создал первые в послереволюционной России фрески в Доме культуры Городца. В дальнейшем стал крупным теоретиком, практиком и организатором монументального искусства, был председателем Всесоюзного художественно-технологического экспериментального совета Художественного фонда СССР. Его камерные полотна кажутся фрагментами тонких, изысканных по цвету фресок.

Особый раздел выставки предполагался как ретроспектива произведений Федора Степановича Богородского (1895–1959) одного из самых ярких художников-нижегородцев. Написанные в разные годы, они давали представление о различных жанровых привязанностях этого жизнелюбивого человека, художника, общественного деятеля, с именем которого связаны первые шаги изобразительного искусства XX столетия в Нижнем Новгороде. Впоследствии, куда бы ни забрасывала его необыкновенная судьба, он непременно приезжал в город Горький домой, чтобы подобно Антею прикоснуться к родной земле. Столь же патриотично Богородский относился к своим землякам-художникам, оказывая им всемерную помощь. Не случайно биографии пяти участников выставки связаны со ВГИКом, художественный факультет которого он организовал, а затем и руководил им в течение 20 лет. Т.П. Гусева, выпускница ВГИКа, знала всех лично и их объединила. Так что эта ретроэкспозиция на страницах нашего журнала – еще и дань памяти Тамары Петровны Гусевой.

Детство ее состояло из запахов и звуков. Т.П. Гусева родилась в Петрограде в 1918 году. Почти сразу же семья переехала в Нижний Новгород, куда отца, торгового агента, перевели на Нижегородскую ярмарку. Много радости детскому взору представляла ее пестрота. Запомнились узбеки в нарядных костюмах, украинки в венках. В балаганах выступали боксеры, демонстрировались «мертвые головы», веселили петрушки. Но основной притягательной силой обладал Главный ярмарочный дом. Там стояли невероятно вкусные запахи. Рядами теснились мешки с орехами, стояли лотки с пряниками, коврижками, другими сладостями. Отец занимался сбытом керамики вплоть до закрытия ярмарки в 1928 году. В доме находилось множество ваз с цветной поливой. До ярмарки добирались по плашкоутному мосту на трамвае с колокольчиком, а обратно до Элеватора – мечты всей детворы. По обоим берегам Оки пахло рыбой, порой весьма дурно.

Детские и юношеские годы прошли на Полевой (ныне ул. Горького) в доме деда. В воспоминаниях многих, в том числе Т.П. Гусевой, Нижний Новгород предстает как колоритный провинциальный город со всем набором его примет. Мерное цоканье копыт по булыжной мостовой и скрип лошадиных повозок нарушались шумным выездом пожарной команды с трубачом и брандмейстером Чаплиным. На углу играла шарманка. По дворам ходили стекольщики, трубочисты, каждый громко предлагал свои услуги. Всех перекрикивали татары-старьевщики со своими мешками. В немыслимых горловых звуках трудно было угадать: «Старье берем!» Позднее в детство вошла музыка. Одна из соседок пела в церковном хоре в Петропавловской церкви и брала девочку с собой, так что Бортнянского Т.П. Гусева знала с детства. По выходным рядом в саду (Кулибинском) играл оркестр. Но больше привлекало домашнее музицирование. Какие замечательные тогда были дворы! Вечером сходились в эти «патио» все жильцы. В соседнем доме жил дирижер Николай Александрович Кузьмин. Он и создал любительский оркестр. Отец Петр Васильевич играл на мандолине. В большой семье Полюшенко все, кроме сына Андрея, были музыкальными мастерами – чинили духовые инструменты и прекрасно на них играли.

Еще одно увлечение осталось на всю жизнь – театр. Родители вместе с соседями снимали ложу бенуара в драмтеатре. По воскресеньям там утром шли детские спектакли: «Снегурочка», «Хижина дяди Тома»,

«Конек-горбунок». В Дом работников искусств постоянно приглашала балерина — жена художника Н.В. Павинского. В училищные времена главным стал оперный театр. У студентов был постоянный абонемент.

По сути, театрален был весь город. Кремль с его «шекспировскими руинами» (Т.П. Гусева), средневековые башни, «Охотничий домик» на Откосе. Вечно меняющейся и неизменной декорацией восходов и закатов был сам невероятный по красоте пейзаж — слияние Волги и Оки с лугами на горизонте. Т. Гусева вспоминала: «Смотрю на Юона и Кустодиева и вижу **мой** Нижний Новгород!»

В ряду разнообразных интересов пришло и настоящее призвание. Как часто в искусстве бывает — по принуждению. Сосед Андрей Полюшенко (да, да, тот самый, упоминаемый выше народный художник РСФСР) часами (!) заставлял позировать для своих портретов. Он старше на семь лет, строг и лишь временами разрешал посмотреть работу и даже объяснял что к чему. А. Полюшенко учился с 1924 по 1928 год в частной студии Сергея Павловича Соколова, окончившего Академию художеств в 1897 году. Прекрасного образования хватило на всю жизнь.

Интерес к художеству укрепился в школе им. Н. Баумана на Варварке, где был хороший учитель рисования Н.И. Титов. Он отметил дарование Т. Гусевой и постоянно вывешивал ее работы на доску. Также стала ходить в кружок к Николаю Андреевичу Колоярскому — скульптору, одному из организаторов Горьковского отделения Союза художников (ГОСХа). А тут еще на Свердловке — Большой Покровке, главной прогулочной улице города, в витринах магазинов постоянно выставлялись картины местных художников. Заметим, что в 1930-е годы культурная жизнь в городе бурлила: спектакли, выставки, концерты — билетов было не достать. Через номер газеты печатали обширные рецензии. Но профессионального учебного заведения не было.

Поэтому, когда в 1935 году в газете «Горьковская коммуна» напечатали объявление об открытии Горьковского художественного училища (ГХУ), Т. Гусева сразу же подала заявление. Ее приняли. Кое-какие художественные навыки были сформированы, она заметно отличалась общим развитием: в доме школьной подруги В. Шварц познакомилась с книгами по искусству и богатым собранием иллюстраций.

Т. Гусева попала в младшую группу для начинающих. В нее входили такие известные впоследствии художники, как нижегородцы А.Г. Варламов (народный художник РФ), А.И. Маркеев (руководитель студии при Дворце культуры им. В.И. Ленина), А.А. Кундин (преподаватель первой художественной школы), М.М. Корбатов; москвичи Е.А. Расторгуев, И. Мартынов (дизайнер Торговой палаты), Б. Никитин (художник студии им. М. Грекова). (Подробно о ГХУ см.: Нижегородский музей. 2012. № 23.)

Первый год шел рисунок. Вел его Н.В. Павинский. Тамара Петровна вспоминает: «Павинский вел себя как барин. Садился нога на ногу — и пилил, и зудил. На II курс пришел Анатолий Васильевич Самсонов, ставший Учителем на всю жизнь. Мы даже не представляли, как нам повезло. Молодой, спортивный, в сером костюме и неизменной кепке. Чем-то был похож на Жана Габена. Он воспитывал художественное видение. Он ставил чудесные натюрморты и учил "не перечислять" предметы, а уловить их взаимосвязь, переводить в цветовые массы, владеть общей тональностью холста. Самсонов заставлял себя чувствовать не учеником, а художником, много работать, читать». А.В. Самсонов воспитывал особое художественное трудолюбие — писать не от случая к случаю, а постоянно, воспринимать свое призвание как служение. По этим заповедям Т.П. Гусева жила-творила всю свою жизнь.

Была еще и чудесная студенческая жизнь с посещением театров по студенческим билетам. Знаменитый режиссер Борис Александрович Покровский разрешил однажды писать этюды из ложи дирекции. Ставились и свои домашние спектакли. Часто праздничные вечера проводили в музыкальном училище. Студент Давид Ашкенази играл на рояле во время концерта и потом на танцах. Выступал и Борис Мокроусов. Ездили на экскурсии в Москву и Ленинград. Несмотря на все трудности, учились с упоением.

Когда училище перевели в Канавино, на Совнаркомовскую, добираться приходилось на двух трамваях. «Иногда, особенно зимой, мы ходили пешком через скованную льдом Оку и Похвалинский съезд. На реке стояли запряженные в сани заиндевелые лошади. На сани грузили вырубленные голубые льдины для погребов. Шли большими группами. Парни несли наши этюдники», — писала в одном из писем Т.П. Гусева.

Здесь стоит сделать некое отступление о том, что никогда она не упоминала. По воспоминаниям ее соучеников, Тамара выделялась из группы, как тогда говорили — из «интеллигентной семьи». Большинство ребят приехали из пригородов или из области, и их общее развитие хромало. Она всегда была, как говорится, «одета». Мать, Людвика Иосифовна — полячка с петербургскими корнями, хорошо шила, вышивала по своим эскизам, впоследствии шила костюмы для наших театров. Страдала, когда разрушили католический костел на Студеной. Однажды, подойдя к дочери, положила на ее сердце руку и сказала: «Бог, он всегда здесь». Запомнилось на всю жизнь. Согласно классификации И. Бунина Тамара Петровна принадлежала к категории «женщина милая», которую поэт ставил выше всех. Дело не только во внешнем облике (привлекательность), но прежде всего в неизменной, неизбывной доброжелательности. У нее был дар общения с людьми: природное обаяние и ум. При моем резком неприятии кого-либо советовала: «Умей превращать врагов в друзей!» Больше не пришлось

Студенты Горьковского художественного училища (крайняя справа — Т. Гусева, 3-й справа в 1-м ряду — А. Варламов). Петергоф. 1936 год

встретить человека с такой чистой внутренней гармонией: практичность («На мне еда, посуда и моральный дух») — и романтическая приподнятость над потоком жизни, трезвый взгляд на события — и умение извлекать из них «плюсовую» составляющую. Еще была в ней некая прозрачность души. Меня к ней безудержно тянуло.

Возвращаюсь к училищной поре. На последних курсах А.В. Самсонова несколько оттеснили приехавшие из Ленинграда окончившие Академию художеств Н.А. Карренберг и М.Ф. Лисенков. Последний преподавал рисунок и композицию. На диплом ставились темы согласно академическим установкам. Т.П. Гусевой предложили написать картину «Максим Горький среди грузчиков». Тамара Петровна видела А.М. Горького в 1936 году. Студентов пригласили на встречу с писателем в драмтеатр. Несколько суховатая по живописи, картина была грамотно выполнена, диплом получил отличную оценку. Об общем высоком уровне первых выпускников ГХУ писали даже в центральной газете «Известия» (1940). На защиту дипломов, а для города Горького это было событие, пришли художники, искусствоведы, сотрудники художественного музея. Среди них Михаил Петрович Званцев. (О М.П. Званцеве см.: Нижегородский музей. 2008. № 15. 2013. № 26.) Он и секретарь ГОСХ А.В. Илевский, искусствовед, после защиты долго беседовали с Т. Гусевой и пригласили ее работать в Горьковском художественном музее. Согласилась на условии, что будет заниматься творчеством.

Музей Тамара знала хорошо. В первый год ГХУ размещалось в соседнем здании, в бывшей молельне Сироткиных. Многие занятия были в его залах. Запомнилась приветливость его директора А.С. Ястржемского. В музее проходили выставки, заседало правление ГОСХа, на общие собрания художников привлекали и старшекурсников. Музей был своим домом. Жарким летним днем 1940 года Тамара Гусева под большим зеленым лопухом, вместо зонтика, переступила порог художественного музея и... попала в иной мир. Оказалась она в нем не случайно.

Коллекция музея сформировалась превосходная. Но в его руководстве не было стабильности. Недолго, в начале 1920-х годов, во главе художественного отдела исторического музея стоял Л.В. Розенталь, затем директором стал художник, преподаватель Нижегородского художественного техникума (НХТ) А.С. Ястржемский. Его сменил А.И. Иконников. После раздела с историческим музеем снова пригласили А.С. Ястржемского. В 1937 году он уехал

в Москву. На его место назначили старого большевика А.Н. Преображенского. Его вскоре репрессировали, как и И.Н. Дружинина. Был еще некий Зонненберг. В 1938 году председатель ГОСХа В.М. Соколов недолго руководил музеем, его сменил директор художественного фонда А.М. Каманин. Художники понимали значимость музея, но беда в том, что он был им в нагрузку к основным обязанностям. На музейной жизни эта неустойчивость в руководстве, конечно, отражалась, но все знали, что на самом деле негласно во главе музейного коллектива стоял искусствовед Михаил Петрович Званцев. Назначить его директором не могли, потому что в листке по учету кадров в графе социальное положение значилось: «из дворян». По условиям того времени почти обвинительное заключение. «Органы» его тоже не оставляли в покое.

В 1940 году в музей пришла Галина Антоновна Александровская, из партийного резерва, энергичный, устремленный человек, и возглавляла музей до 1959 года. Она сделала упор на активизацию музейной деятельности и обновление кадров. Последнее поручила М.П. Званцеву. Настоящий музейщик, он «видел» людей, их возможности и способности. Потому и выбрал Т. Гусеву, предугадав в молодой задорной девушке настоящего труженика искусства. Т.П. Гусева называла Михаила Петровича одним из главных своих учителей.

Чуть раньше в том же 1940 году и также по приглашению Званцева пришел в музей Виктор Эрминингельдович Мичурин. Причудливое отчество озадачило молодую сотрудницу и раззадорило — она повесила на его стол этикетку с его именем и вскоре произносила его без запинки. В.Э. Мичурин был одним из самых образованных людей в Горьком. Он окончил Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК) в Москве, знал немецкий и французский языки. Преподавал в педагогическом институте и институте иностранных языков. Семья Мичуриных внесла большой вклад в развитие нижегородской культуры. Его дед М.К. Мичурин был основателем и бессменным руководителем Общества любителей художеств, отец — известный архитектор и художник. Зловещая печать времени не обошла В.Э. Мичурина. В 26 лет он был арестован: «В 1930—1933 годах сидел в одиночке по обвинению в участии в нелегальных собраниях» (из личного дела). Попросту молодые выпускники ВГЛК собирались вместе, читали стихи, обсуждали новинки литературы.

Вообще в музее собрались колоритные фигуры. Все говорили об искусстве. М.П. Званцев рассказывал о Шереметевых, Волконских, о своих знаменитых тетках Е.Н. Званцевой и оперной певице В.Н. Петровой-Званцевой. Москвичка Надежда Константиновна Кондратьева, муж которой строил балахнинский завод, лично знала многих известных людей. Ее брат, тенор, пел вместе с Ф.И. Шаляпиным. В гимназии училась вместе с Генриэттой Гиршман (модель В.А. Серова). «Она хорошо себя несла. Леночка Балина (в НГХМ портрет В.А. Серова. — *Л. П.*) была очень известная, модерновая, совсем не походила на купчиху». Во время развески картин, стоя наверху лестницы, пел арии М.П. Званцев, а романсы — лектор Розмаринский. Библиотекарь Анна Михайловна следила за чтением книг Тамары, рекомендовала их последовательность. Все разговоры, рассуждения, замечания образовывали молодого члена дружного коллектива. Впоследствии она благоговейно произносила: «Музейная среда».

Г.А. Александровская потребовала от научных сотрудников создания главного документа музея — каталога. Во главе с М.П. Званцевым все участвовали в научной деятельности по его созданию. Каталог музейного собрания ГГХМ вышел лишь в 1949 году. Среди его создателей значится имя Т.П. Гусевой. Вообще первый год был насыщен событиями. Он стал началом ее творческой деятельности. В 1940 году состоялась выставка пейзажа, организованная ГОСХом. На ней экспонировались две работы Т.П. Гусевой: «Плоты» и «Осенний этюд».

Директор также была озабочена состоянием произведений. Иконы были свалены с давних времен и не разобраны. Из Государственной Третьяковской галереи (ГТГ) вызвали Баранова, который провел их квалифицированный разбор. Реставратор из ГТГ С.С. Чураков выполнил укрепительные работы лестничных панно. Но состояние многих картин требовало постоянного внимания своего, местного реставратора. Именно как зарекомендовавшего себя художника Т.П. Гусеву отправили в Государственный Русский музей на полуторамесячные курсы реставраторов. Там она занималась «Портретом неизвестной» из фонда «Б» (вспомогательного). На картине кто-то острым химическим карандашом прочеркнул нос, глаза, подбородок. По технологии преподававшего тогда старика немца использовала старые белила и акварель из тюбиков на старом пигменте. Все казалось таким захватывающе интересным. Вернулась, окрыленная, домой... за 10 дней до начала войны.

В августе состоялась выставка, посвященная В.П. Чкалову. К ней горьковские художники готовились давно. Ее героико-патриотический пафос был как никогда востребован временем.

Война смешала все планы. Ввиду стремительного наступления немцев Горький стали готовить к обороне. Решено было в музее разместить «штаб армии». В сентябре 1941 года началась эвакуация коллекции в Новосибирск. Почти без сна сотрудники музея писали инвентарные карточки, паковали фарфор. Картины ГГХМ и часть прибывшей коллекции ГТК паковали московские специалисты во главе с С.С. Чураковым. Большие картины (холсты сняли с подрамников и завернули в трубки на деревянных валах) были перенесены в ТЮЗ

Сотрудники Горьковского художественного музея и художники (2-я справа – Т.П. Гусева). 1940 год

и оперный театр. При погрузке на баржу один из ящиков упал в воду. С.С. Чураков восстанавливал краски на белых от воды картинах парами керосина. Т. Гусева помогала ему в воссоздании цвета картины И.Ф. Гроота «Дикие кошки». Вместе с Г.А. Александровской ящики отправились в Сибирь. М.П. Званцева призвали в армию, весь остальной штат распустили.

Т.П. Гусеву направили в поселок Шарью Горьковской области преподавать рисование в школах. В конце 1942 года помещение музея освободили. Тамару Петровну назначили исполняющей обязанности директора музея. Помимо нее, в музейном штате состояли Н.К. Кондратьева и заведующая несуществующими фондами Е.К. Евлампиева. В суровую зиму 1942 года главным был вопрос отопления: начали лопаться трубы. Тамара Петровна прорвалась на прием к первому секретарю обкома ВКП(б) М.И. Родионову. Диалог: «Нам некому помочь. Нас в музее две старухи и я». – «Вот до чего дожили – пионеры руководят музеем!» Отопление подключили к соседнему учреждению. И снова к Родионову обратилась Тамара Петровна с совсем уже необычной просьбой. На музей был распределен один паек на троих. Гусева была молода и жила дома, а вот другим приходилось туго. У Н.К. Кондратьевой на фронте погибли муж и сын, заболела Е.К. Евлампиева. Она решила расстаться с семейной реликвией – портретом ее отца Н.К. Евлампиева кисти Николая Ивановича Фешина. Условия поставила по тем временам просто дикие: 2000 рублей, паек, талоны на хлеб. Т.П. Гусева уговорила М.И. Родионова, добилась почти невыполнимых требований. С ней считались! Как тут не говорить о роле личности в историях. В данной истории была спрятана одна интрига.

В Горьком хорошо знали Николая Константиновича Евлампиева (1866–1936). Он один из основателей Горьковского союза художников, педагог, автор книг по теории изобразительного искусства. Окончил Казанскую художественную школу (1895–1899) и педагогические курсы в Академии художеств в 1915 году. В 1904–1905 годах он заведовал иконописной мастерской в слободе Мстера. На лето к нему приехал товарищ по казанской школе Николай Иванович Фешин, ученик И.Е. Репина. Он взял в Академии художеств академический отпуск «с целью художественных работ с натуры». Именно в 1904 году он создал портрет друга. Широко написанное, мощное, со световыми контрастами, по-репински цветовонасыщенное полотно стало одним из шедевров НГХМ.

Тамара Петровна знала ему цену. Н.К. Евлампиев преподавал в ГХУ перспективу. Он много расска-

зывал о художниках, в том числе и о Н.И. Фешине, уехавшем в Америку. В те времена на эмиграции стояло самое страшное идеологическое клеймо в искусстве. Рерих, Сомов, Ларионов, Гончарова и много других находились в зоне умалчивания. О Фешине, одном из самых популярных художников в Америке, мало кто знал. Чем и воспользовалась и.о. директора. В 1970 году портрет побывал на многих выставках (Казань, Москва, Нью-Мехико, Вашингтон).

Несмотря на все тяжести военных лет, музей жил активной жизнью. Читались лекции, устраивались выставки, такие как «Ленинград в дни блокады» ленинградских художников, в 1943 году в залах музея прошла выставка художников Поволжья, организованная Всекохудожником, в которой приняли участие 8 городов. Регулярно ГОСХ устраивал свои отчетные выставки. На IX в 1944 году Т.П. Гусева представила «Портрет матери» и «Натюрморт», на X в 1945 году — «Вечерний этюд», «Серый день», «Концерт в госпитале». Последнюю картину Т.П. Гусева как профессиональный художник писала по договору с ГОСХом. Рисунки для композиции она создавала в госпитале, размещавшемся в университете.

В марте 1944 года из эвакуации вернулась коллекция. В качестве научного сотрудника Гусева принимала участие в воссоздании экспозиции, в реставрационных и творческих работах. По воспоминаниям Е.А. Расторгуева, «постижение техники живописи на классических примерах вдохновило ее сделать блестящую копию с картины Коровина “Ялта ночью”. Гусевой удалось получить доступ к одной из трофейных засекреченных картин — “Грезы Мариэтт (Портрет М. Гамбе)” Камиля Коро. Наряду с мастерской передачей настроения образа было схвачено чувство тончайшей колористической гармонии, столь свойственной французскому художнику». Деятельность в Горьковском художественном музее во многом определила ее дальнейшую творческую судьбу. Музей воспитал широту мировоззрения, сформировал художественный вкус, умение видеть свойства искусства в большом спектре индивидуальностей.

Ее собирательство также отмечено музейным отношением к предмету — прежде всего спасти вещь, дать ей новую жизнь, будь то картина, старинная скатерть, народная утварь. Задолго до ажиотажа видела в городецких и северных прялках умную красоту народного искусства. Камни, ракушки, фарфор, дагестанская медь стали героями ее картин и работ для спектаклей.

Н.И. Фешин.
Портрет художника Н.К. Евлампиева.
Нижегородский государственный художественный музей

Однажды весной 1945 года Т.П. Гусева сидела у раскрытого окна в кабинете хранителя на первом этаже. Вдруг на подоконник сел крупный мужчина и заговорил с ней. Она знала его — Ф.С. Богородского, как и все люди искусства Горького и Москвы. Потом он непринужденно перепрыгнул в помещение. Разговорились, а она умела заинтересовать собеседника, показала свои картины. И случилось чудо — художник пригласил ее на учебу во ВГИК на художественный факультет. В Москву! Была одна проблема — двухлетний сын Саша. В 1943 году на короткую военную побывку приехал стрелок-радист бомбардировщика, соученик по ГХУ Алексей Варламов. Можно легко представить романтическую подоплеку скоротечной свадьбы, о которой потом оба не любили вспоминать. Мама велела дочери продолжать учебу и на долгие годы стала воспитателем Александра Варламова. Декан художественного факультета ВГИКа земляк Сергей Михайлович Каманин прислал пропуск-вызов, без которого в столицу не пускали.

Открылась новая страница жизни, иное время.

Материалы к статье

1. Каталог выставки художников-земляков (Нижний Новгород—Горький). Рукопись.
2. Письма Т.П. Гусевой автору.
3. Записи бесед автора с Т.П. Гусевой.
4. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 4850. Оп. 1. Ед. хр. 20, 37, 40.
5. Тамара Гусева. Сборник. — М., 2003.

О МУЗЕЯХ В НЕМУЗЕЙНЫХ ИЗДАНИЯХ

Современная тенденция интеграции музеев в систему образования направлена на стимулирование активности музеев в сфере образовательной деятельности, предполагает возрастание роли музеев в сфере образования за счет использования уникальной предметной среды музейных экспозиций.

Пример организации и проведения музеем и дошкольным образовательным учреждением совместной деятельности предлагается в статье Т.В. Щукиной «Как организовать первые шаги ребенка в мир культуры. Из опыта работы Коми-Пермяцкого краеведческого музея» (Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. № 9. С. 24–30).

Музею как образовательному ресурсу общества посвящена и статья О.В. Галажинской «Опыт работы Центра музейной педагогики» (Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. № 10. С. 5–15). Такой центр создан в Томском областном художественном музее, он является структурным подразделением музея. Его задача – создать целостную многоуровневую систему музейного образования.

В этом русле и опубликованная в журнале «Наука и жизнь» (2014. № 2. С. 2–11) беседа с директором лондонского «Музея науки» Яном Блетчфордом. Одна из проблем – что и как измеряется при оценке качества работы музеев. Его мнение: «В общем и целом две вещи: во-первых, насколько люди чувствуют себя желанными и уважаемыми гостями, а во-вторых, и это особенно актуально для школьных групп, – много ли нового они узнали и запомнили». Он полагает, что «научные музеи подобны самой науке: они подвергают свою работу постоянной проверке, пытаются понять, действительно ли это работа».

При акцентировании внимания на работе в помощь школьному образованию не упускается ли задача воздействия музеев на аудиторию, состоящую из взрослых людей, технически грамотных и ведущих активный образ жизни. Одна из новых форм работы музея с этой категорией посетителей – квест. Об опыте организации его в городе Екатеринбурге рассказывают В.А. Лепаловская и Е.В. Сосновская в статье «Как подготовить и провести музейный квест» (Справочник руководителя учреждения культуры. 2014. № 1. С. 25). Сотрудники Уральского государственного военно-исторического музея разработали программу, которая была бы интересна молодым людям в возрасте 18–30 лет.

Заметен интерес к проблеме отражения советского прошлого в музейной деятельности.

В статье Д. Камышева «Зато мы делаем ракеты» (Новое время. 2013. № 36–37. С. 18–21) говорится о презентации национального проекта «Музей СССР» в Ульяновске. Какой образ Советского Союза собираются создать на родине В.И. Ленина и насколько он соответствует историческим реалиям, выясняет автор в своей статье.

Аналогичной проблеме посвящается статья Р.Н. Абрамова «Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия?» (Человек. 2013. № 5. С. 99–111). Автор понимает под этим стремление собрать, категоризовать, сохранить и продемонстрировать материальные и культурные артефакты советской эпохи. Анализирует движение «народной» музеефикации и называет его примеры.

Представляет интерес опубликованная в журнале «Русская история» (2013. № 3. С. 63–67) беседа с В.А. Цветновым, директором Департамента государственного контроля и надзора в сфере культурного наследия Министерства культуры РФ. Один из заданных ему вопросов касается сотрудничества с Русской православной церковью в восстановлении и сохранении памятников культурного наследия. В ответе он сообщил, что в ходе празднования 650-летия Спасо-Андроникова монастыря Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал придерживаться исторической точности в деле сохранения памятников и пообещал, что лично будет следить за этим. После этого сотрудничество активизировалось.

Акция «Ночь музеев» стала в последние годы значимым событием в культурной жизни страны. В статье Л.Я. Петруниной «Два лица одного музея. “Ночь музеев” в Третьяковской галерее» (Социс. 2014. № 1. С. 60–66) приводится анализ данных анкетного опроса публики Государственной Третьяковской галереи во время проведения акции.

В статье В.В. Астафьева и Л.А. Сыченковой «Судьба музеологии и культурологии в России: опыт историографического осмысления»

Продолжение на с. 260

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Гордость Нижегородской земли

•

Эрик Густав Эрстрём. Для меня и моих друзей: продолжение следует

•

Первая мировая война и Нижегородская губерния (1914–1918)

•

Раздел ведет Л.И. Шиян

ГОРДОСТЬ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

1977 г. — «Памятники истории и культуры города Горького» (сост. проф. С.А. Орлов); 1980 г. — «Памятники истории и культуры Горьковской области» (сост. проф. В.П. Фадеев); 1987 г. — 2-е издание этой книги (сост. А.В. Кессель); 2013 г. — «Нижний Новгород: историческое и культурное наследие» (сост. А.В. Кессель, Б.С. Извеков).

Л.И. Шиян

Память сердца,
Память дома,
Память пройденной судьбы...

Ю. Адрианов

Людмила Ивановна Шиян — ведущий библиограф отдела краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед».

Все перечисленные выше издания созданы при непосредственном живейшем участии Альбертины Васильевны Кессель — бывшего инспектора Горьковского городского управления культуры, ведавшего охраной памятников, а далее и всегда страстного патриота Нижнего Новгорода, неутомимого борца за сохранение историко-культурного наследия города, знающего, эрудированного краеведа-исследователя. Эти пафосные слова никому, кто живет интересами краеведения, не покажутся слишком выспренними. Потому что об Альбертине Васильевне, ее делах, ее жизни можно говорить лишь в превосходной степени.

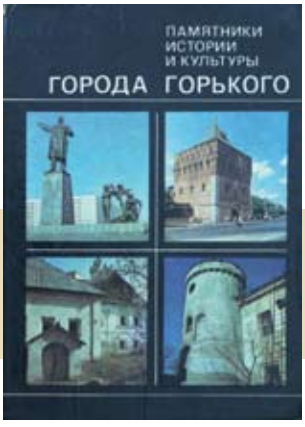
Так долго ожидаемая, созданная ею с помощью Б.С. Извекова книга «Нижний Новгород: историческое и культурное наследие», в сущности, должна как бы носить подзаголовок «Памятники истории и культуры». Это превосходное справочное издание о недвижимых памятниках нашего города, составляющих наибольшую ценность, которые должны охраняться государством. Они являются отражением историко-культурного своеобразия Нижнего Новгорода.

В предисловии от редакции говорится о том, что издание задумывалось как книга о людях, которые жили и трудились в нашем городе. Разве этот замысел не осуществился в этом научно-популярном справочнике, так я его определила, разве описанные мемориальные знаки не есть память о выдающихся нижегородцах, достойно и планомерно работавших в разных сферах деятельности, определивших духовную жизнь города, своеобразие его лица? Это самый полный на сегодняшний день свод недвижимых объектов культурного наследия на территории Нижнего Новгорода. Сведения о них даются в трех разделах: культовая и гражданская архитектура, монументальное искусство, мемориальные доски.

В первом разделе выделен, разумеется, Кремль, наша жемчужина. И отрадно отметить, что описание его принадлежит выдающемуся архитектору С.Л. Агафонову, чья творческая жизнь была связана с Кремлем.

Нижегородские храмы составляют большую часть нашего культурного наследия, являясь непосредственными свидетелями истории, не только церковной, но и гражданской. Дается достаточно подробное описание воскрешенных церквей, драматические истории их создания и дальнейших судеб.

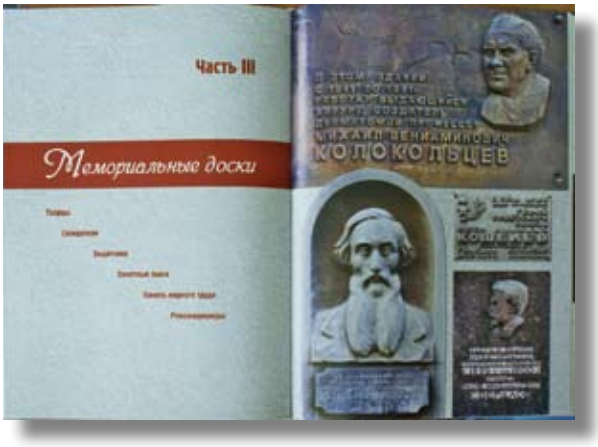
Среди домов-памятников есть и типичные образцы архитектуры своего времени, и памятники истории, связанные с наиболее значимыми событиями



в многовековой жизни города, а также с выдающимися нижегородцами, проявившими себя в разных сферах общественной и культурной жизни города. Известность многих из них выходит далеко за рамки Нижегородского края. Надо отметить как положительное достаточно обстоятельные справки о памятниках этого раздела. Описание их складывается как из мемориальной характеристики, так и характеристики его внешнего облика, сохранности мемориального подлинника, для чего были использованы и архитектурные исследования, и соответствующие архивные документы.

В разделе монументальных памятников обращают на себя внимание «памятники сами по себе», установленные на пьедесталы и подиумы технические памятники: автомобиль ГАЗ-67, рубка подводной лодки «С-13», бронепоезд «Козьма Минин», судно на подводных крыльях «Метеор» и другие свидетельства инженерной мысли, а некоторые из них — героического прошлого.

Завершает книгу самый большой раздел — мемориальные доски. Город перестает быть безликим, когда на зданиях висят выразительные мемориальные знаки, напоминающие о том, что когда-то здесь жили, работали, ходили по улицам удивительные люди, щедро наделенные талантами, оставившие нам свои книги, картины, изобретения, своих учеников и последователей. Составители справочника предпочли разделить их на группы по характеру деятельности тех, кому посвящены мемориальные доски. Деление, конечно, условное. Этот раздел сопровождается алфавитным указателем всех приведенных досок. Это, разумеется, помогает найти необходимые сведения.



Разворот книги «Нижний Новгород: историческое и культурное наследие»

Я бы только хотела сказать, что этой большой и очень нужной книге необходим общий персональный указатель. Это касается всех разделов справочного издания, потому что в описаниях памятников приводятся имена архитекторов, создателей, строителей, с одной стороны, и с другой, имена тех, кто своим присутствием этот памятник сделал историческим. Хочу обратить также внимание на недостаточную полноту списка литературы. Нельзя было не указать «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Горьковская область» (М., 1988) и «Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области по состоянию на 01.01.2001 г.: каталог» (Нижний Новгород, 2001).

Я уверена, что эта книга должна и будет переиздаваться, поскольку тираж не удовлетворит всех жаждущих познавать свой город, участвовать в изучении и сохранении историко-культурного наследия Нижнего Новгорода.

ЭРИК ГУСТАВ ЭРСТРЁМ. ДЛЯ МЕНЯ И МОИХ ДРУЗЕЙ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецов

В начале 2013 года Нижегородский государственный университет издал книгу, посвященную нижегородскому аспекту 1812 года. Она явилась результатом воплощения совместного проекта петербургских, новгородских, нижегородских историков и архивистов. Сплотил их в творческую группу замысел издания первого русского перевода дневника российского подданного студента Московского университета, финляндца по рождению, шведа по языку и культуре Эрика Густава Эрстрёма. Дневник интересен тем, что в нем отразились реалии грозного и славного для России 1812 года. Значительную часть времени Э.Г. Эрстрём провел в Нижнем Новгороде, куда был эвакуирован вместе с Московским университетом. Поэтому источниковая ценность его путевых записей и нижегородских страниц дневника очень и очень велика. Эрстрём взыскующе вглядывался в Нижний Новгород, его окрестности. При общении с нижегородцами вел себя так, как сейчас ведут себя антропологи и этнографы.

Геннадий Михайлович Коваленко – к.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Андрей Александрович Кузнецов – д.и.н., проректор по учебной и воспитательной работе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

При подготовке к изданию и комментировании дневника Эрстрёма был решен целый комплекс исторических и источниковедческих проблем. Вот некоторые их них. Вообще дневник Эрстрёма позволяет визуализировать Нижний Новгород 1812–1813 годов. Такой возможности не предоставляют другие источники. Дневник является первым свидетельством широкого хождения в Нижнем Новгороде стихов эвакуированного сюда В.Л. Пушкина «Примите нас под свой покров...». Были актуализированы выкладки нижегородского краеведа И.А. Кирьянова о дороге Москва – Нижний Новгород до середины 1850-х годов, которая после Владимира пролегала по берегу Клязьмы до ее устья. В негласном споре Н.И. Храмцовского и А.С. Гациского о нижегородском театре установили правоту второго. Выяснилось, что финляндский швед, только-только освоив русский язык, разбирал почерк писца XVIII века, чтобы прочитать список «Нижегородского летописца». Этот памятник вобрал в себя многие сведения о нижегородской истории. Уже после сдачи книги в печать был установлен список «Нижегородского летописца», который читался Эрстрёмом. Эти обстоятельства позволили подтвердить предположение о том, что «Нижегородский летописец», размноженный в списках, служил до П.И. Мельникова (А. Печерского) единственным источником сведений для нижегородцев об истории их города[1].

Авторы сопроводительных статей и комментариев к тексту Эрстрёма указали на ряд источниковедческих и исторических проблем, которые порождает его публикация. Эти проблемы требуют своего решения. Свершившаяся публикация стимулировала этот процесс. Кроме того, появилась возможность уточнения и корректировки ряда положений и... постановки новых проблем. Продолжению исследования текста Эрстрёма и посвящена данная статья.

Эрик Густав Эрстрём, рассказывая о нижегородском ополчении 1812 года, прилагает к повествованию марш этого формирования. Комментируя этот текст, авторы этих строк отметили, что «текст гимна нижегородских ополченцев, приведенный в переложении Эрстрёма, бесценен, поскольку в распоряжении историков нет его русского оригинала»[2]. Через двести лет иностранный студент Московского университета донес живые голоса нижегородцев, текст, связанный с их военными и парадными буднями. Между тем новгородский коллега профессор В.А. Кошелев, занимаясь поисками марша Новгородского ополчения 1812 года, обнаружил опубликованный в 1814 году текст «Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества. Июля 15 дня 1812 года».

Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества. Июля 15 дня 1812 года

Стремися, грозно ополченье,
Под сенью отческих знамен
Туда, где лесть, коварство, мщенье
Готовят россам вечный плен!

Хор:

Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз? —
Не всяк ли тот из нас Пожарской,
Кто духом, сердцем, чувством росс?

Наш царь — наследник Ярослава;
А мы — потомки тех славян,
Пред коими летала слава
И гром бросала в вражий стан!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Пойдем! — душами съединимся,
России храбрые сыны!
Усердьем, верой ополчимся
К защите отческой страны!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Дружину нового Мамая
С лица земли родной сотрем
И, местью праведной пылая,
Иль лавр в бою — иль смерть найдем!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь всё Отчизне посвятится!
Здесь Минина священный прах!

Хор:

Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз? —
Не всяк ли тот из нас Пожарской,
Кто духом, сердцем, чувством росс?

Впервые был напечатан в журнале «Вестник Европы» (1812. Ч. LXV. № 17. С. 15—16). Подпись «К.-в». Воспроизведено по тексту книги: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 2. С. 35—36.

Публикация В.А. Кошелева

Чтобы снять недоумение по поводу разночтений в названиях этой «военной песни» и «марша нижегородских ополченцев» у Эрстрёма, сразу отметим, что их содержание близко друг к другу по смыслу. Вот как звучит русский перевод марша, приведенного Эрстрёмом по-шведски:

Спеши, грозная вооруженная рать!
Поспешай под знаменами России!
Туда, где вероломный враг
Хочет поработить родину.

Хор:

Не страшна нам угроза врага,
Когда нас призывает наш государь.
Каждый из нас —
Душой и сердцем русский

Наш правитель — преемник Ярослава,
Основатель свободы Нижнего Новгорода.
Мы — потомки славян,
Метавших молнии во вражеский стан.

Мы очистим родную землю
От варварских вражеских полчищ.
Мы жаждем справедливого отмщения,
Стяжаем славу в бою или умрем.

Хор:

Не страшна нам угроза врага,
Когда нас призывает наш государь.
Каждый из нас —
Душой и сердцем русский[3].

Итак, можно считать, что Эрстрём передал, а его переводчик через два века представил стихотворный текст неизвестного автора «К.-в». Писался он под воздействием манифеста Александра I «О сборе внутри государства земского ополчения» (от 6 июля 1812 г.). Указание в названии текста на дату 15 июля

А. Дюран. Нижний Новгород. Благовещенский монастырь

1812 года важно, поскольку в литературе со ссылкой на архивные документы указывается, что манифест был доставлен специальным курьером в Нижний Новгород 17 июля[4]. Возможно предположить, что манифест оказался в Нижнем Новгороде 15 июля, а обнародован официально был 17-го. Косвенно данное предположение подтверждается тем, что руководство Нижегородской губернии и многие нижегородские дворяне в июле 1812 года были на Макарьевской ярмарке, вице-губернатор А.С. Крюков решил там созвать предводителей дворянства и земских исправников для быстрого претворения указа в жизнь[5]. То есть манифест мог быть официально обнародован два дня спустя после прибытия в Нижний Новгород 15 июля. И некий нижегородец, ознакомившись с манифестом, сочинил стихотворение, которому, как показывает текст Эрстрёма, суждено было стать маршем ополчения, созданного по этому документу.

Незамысловатое, искреннее стихотворение создавалось по лекалу манифеста. В обоих текстах ярко выражены мотивы плена (цепей и оков в манифесте), уготовленного России (россам в манифесте) врагом посредством лести (слово встречается в обоих текстах), силы и соблазнов. Царская воля, выраженная в манифесте, позволяет не опасаться вражьих угроз. Апеллирование неизвестного стихотворца к тому, что он и его читатели — потомки славян, тоже исходит из манифеста: «Народ Русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют». «Верные сыны России», которые согласно царскому воззванию должны быть встречены неприятелем на каждом шагу, в марше встречаются почти прямой цитатой и мотивом: «Кто духом, сердцем, чувством росс?» «Воспоминания» о Смуте в манифесте: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина» — в Нижнем Новгороде были понятны и имели ответ в стихотворении. Пожарский неоднократно упоминался в припеве, а могила Минина делала Нижний «щитом Отечества в сердцах».

Сюжет с могилой Минина примечателен тем, что на рубеже XVIII—XIX веков в Нижнем Новгороде сложилось стойкое убеждение о захоронении Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе кремля. Как показало исследование, ни источников, ни оснований для такого суждения нет[6]. Однако Эрстрём оказался невосприимчив к образам Минина и Пожарского при фиксировании марша ополчения, а идеи, связанные с ними, являются ключевыми именно для Нижегородского ополчения 1812 года. Из галереи исторических персонажей в манифесте упоминаются лишь герои Смутного времени: Пожарский, Минин, Авраамий Палицын. Первые два напрямую связаны

А. Дюран. Нижний Новгород. Церковь Знамения Божией Матери и Святых Жен-Мироносиц

с Нижним Новгородом. Это обстоятельство особенно важно, поскольку в 1812 году планировалось пышное празднование 200-летия освобождения Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского, следствием чего стало утверждение династии Романовых. Поэтому имена Минина и Пожарского были на слуху и естественным образом попали в манифест. Ожидание праздника было резонансным и в Нижнем Новгороде. Все эти приготовления обусловили и первоначальный вариант создания народного ополчения в России, о котором упоминал С.Н. Глинка: центром ополчения, как и в 1611 году, виделся Нижний Новгород, туда должны были стекаться отряды из других городов и единой силой «мининскими путями» идти на Москву[7].

Эрстрём не знает этих исторических реалий: он только весной 1812 года оказался в России, чтобы начать изучать русский язык и постигать российскую культуру. За такой короткий срок стать осведомленным в русской истории было невозможно, хотя он ею интересовался. Он знал о подвиге князя Пожарского и ведомого им ополчения, но, видимо, никак не мог связать его с Нижним Новгородом; Минин вообще оказался незамеченным[8]. Этим и можно объяснить то, что, фиксируя текст марша, Эрстрём обратил внимание на его общий патриотический пафос и проигнорировал Минина и Пожарского. Зато любознательный студент из Финляндии зафиксировал другую деталь.

Строка в записях Эрстрёма: «Наш правитель — преемник Ярослава» — соответствует строчке оригинала: «Наш царь — наследник Ярослава». В комментарии к этому месту марша у Эрстрёма писалось: «Непонятно, о каком Ярославе идет речь. Основатель Нижнего Новгорода — князь Георгий (Юрий) Всеволодович — по прямой был потомком Ярослава Мудрого (1019—1024, 1036—1054). Крестильным именем Ярослава Владимировича Мудрого было имя “Георгий”. Может быть, из-за этого произошла путаница. Однако в Нижнем Новгороде не наблюдается традиции его почитания и прославления»[9]. После обнаружения оригинала марша нижегородского ополчения разъяснение данного противоречия надо искать у автора стихотворения. Тем более что царь (Александр I) объявлен наследником Ярослава.

Именно эта деталь показывает, что Эрстрём достаточно точно воспроизвел стихи, услышанные им 9 октября 1812 года в Нижнем Новгороде. Такая ситуация характеризует аккуратность наблюдателя и фиксатора чужой художественной речи Эрстрёма и тщательность художественного перевода уже его текста с сохранением высокой точности через 200 лет.

Другой сюжет, на который вывела публикация перевода дорожных записок Эрстрёма о 1812 годе, связан с ней опосредованно. Речь идет о первом издании текста Эрика Густава Эрстрёма в Швеции его праправнуком

Кристманом Эрстрёмом[10]. Уже отмечалось творческое вмешательство потомка финляндского студента в записи своего пращура при подготовке их публикации[11]. Проявилось оно и в создании иллюстративного «конвоя».

Кристман Эрстрём в 1982 году, будучи в СССР, не смог попасть в закрытый город Горький, а потому, как получалось, пытался представить визуальный ряд Нижнего Новгорода. Того Нижнего Новгорода, каким его видел его предок. Из ряда иллюстраций выделим литографии Дюрана.

Андре Дюран (1807–1867) – французский художник и путешественник, обучался живописи в Руане, выставлялся в парижских салонах. По приглашению мецената князя Анатолия Николаевича Демидова в 1839 году совершил путешествие по европейской части России и зарисовал с натуры виды Москвы, Петербурга, Великого Новгорода, Твери, Ярославля, Владимира, Нижнего Новгорода и Казани, их архитектурных памятников, а также близлежащих деревень. На основании путевых зарисовок позднее он выполнил литографии, которые вошли в изданный в Париже альбом «Живописное путешествие в Россию» (Voyage pittoresque et archeologique en Russie), который оказал влияние на формирование ее зрительного образа в Европе. Ныне с «российским» творчеством любознательного и наблюдательного француза можно ознакомиться на электронном ресурсе «Истокъ»[12].

А. Дюран. Нижний Новгород. Колокольня Успенского храма в кремле

Кристман Эрстрём свел в издании текст Эрика Густава Эрстрёма и две картины Дюрана.

Данная иллюстрация в шведском издании приложена к тексту, который переведен следующим образом: «Какой вид! Какое пространство открывается нашему взору! Здесь и там вдали синеют рощи, здесь и там возвышаются дальние колокольни церквей. Сразу за полем видно, как извиваются Ока и величественная Волга со всеми ее притоками, заводями, островами и протоками.

А здесь, сразу под нами, какая толкотня народных толп, какое оживление! Люди, желающие продать свои товары, снуют туда-сюда, все равно что бесчисленное скопище муравьев.

А Волга и Ока! На водной глади лес корабельных мачт, множество лодок, плывущих взад и вперед между кораблями и берегом.

С другой стороны звонницы видим весь город с его улицами, переулками, кладбищами, садами, зданиями и тридцатью церквами»[13].

Такой вид открылся Э.Г. Эрстрёму, поднявшемуся на звонницу собора (вероятно, это был Спасо-Преображенский собор) в Нижегородском кремле. К. Эрстрём подобрал соответствующее описанию изображение Дюрана. Казалось бы, здесь многое соответствует тексту: на переднем плане Ока, за ней – мыс, образуемый ее впадением в Волгу, и сама Волга; корабельные мачты и лодки. Однако оно сделано в другом месте Нижнего Новгорода, расположенном северо-западнее кремля на берегу Оки. На литографии изображается Благовещенский монастырь, расположенный на правом берегу Оки. От него открывается вид на Нижегородскую ярмарку 1839 года. Эрик Густав Эрстрём не мог ее обозревать, поскольку до 1817 года она располагалась ниже по Волге у стен Макарьевского монастыря.

Другая литография Дюрана, помещенная в шведском издании, снабжена надписью Кристмана Эрстрёма: «Красивая церковь Нижегородского кремля».

Между тем здесь изображена церковь Жен-Мироносиц, построенная в 1649 году. Она расположена западнее Почаинского оврага, отделяющего от нее кремль. Но ее в таком виде должен был видеть Эрик Густав Эрстрём, поскольку он жил в этой части города.

Так получилось, что Кристман Эрстрём обошел вниманием изображение храма Михаила Архангела в кремле (1630-е годы). Его не мог не видеть Эрик Густав.

Имеется еще один нижегородский вид Дюрана, связанный с Нижегородским кремлем. Это изображение

звонницы величественного кафедрального Спасо-Преображенского собора (его часть на картине слева).

Вероятно, первоначальный собор был возведен сразу после основания Нижнего Новгорода – в 1225 году. В 1350–1352 годах в Нижнем Новгороде был выстроен новый каменный храм Спаса Преображения. К 1650-м годам он обветшал. В 1652 году был сооружен очередной храм, который простоял до 1829 года, но из-за опасности разрушения его разобрали к 1829 году. К сожалению, нет данных, для того чтобы представить полноценный облик этого собора. К сожалению, потому что его и видел Эрик Густав Эрстрём. Там нижегородцы предполагали захоронение Кузьмы Минина, о котором упоминалось в марше ополчения. В 1834 году был возведен новый храм, простоявший до целенаправленного разрушения в 1929 году. Фотография Спасо-Преображенского собора постройки 1834 года помещена в книге[14]. И помещена ошибочно, поскольку Эрик Густав Эрстрём видел другое здание, а его праправнук в данном случае не избежал подобной неточности.

Вот такие новые данные по нижегородской истории XIX века были вовлечены в научный оборот публикацией русского перевода записок Эрика Густава Эрстрёма. И авторы этой статьи, причастные к той публикации, полагают, что это еще не завершение. В источниковедческом и историческом смысле текст Эрика Густава Эрстрёма еще не исчерпан. Продолжение будет...

А. Дюран. Нижний Новгород. Михайло-Архангельский собор в кремле

[1] Коваленко Г.М., Кузнецов А.А. Нижний Новгород в 1812 году глазами финляндского студента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 103–104.

[2] Коваленко Г.М., Кузнецов А.А. Комментарий 175 // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород (далее – Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы...). Нижний Новгород, 2013. С. 219.

[3] Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы... С. 133.

[4] Дроздов Ф.Б. Нижегородское ополчение в Заграничном походе 1813–1814 гг. // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы... С. 240.

[5] Там же. С. 245.

[6] Морохин А.В., Кузнецов А.А. «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения: сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. – Н. Новгород, 2011. С. 186–206; Кузнецов А.А. Погребение Кузьмы Минина: вопросы остаются // Мининские чтения: сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского подвига. – Н. Новгород, 2012. С. 174–176.

[7] Лушин А.Н. Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 годах. Урок российского патриотизма. – Н. Новгород, 2010. С. 9.

[8] См. подробнее: Коваленко Г.М., Кузнецов А.А. «Дух Пожарского воскрес в сынах России». Война 1812 г. глазами Э.Г. Эрстрёма // 1812 год в судьбах России и Европы: сборник трудов международной научной конференции. – СПб., 2012. С. 25–29.

[9] Кузнецов А.А. Комментарий 174 // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы... С. 218–219.

[10] Moskva brinner: svensk dagbok från 1812, red. av Christman Ehrström Legenda. Borås, 1984, 1985.

[11] Коваленко Г.М. Эрик Густав Эрстрём // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы... С. 17–18.

[12] http://is-tok.ru/publ/voyager_pittoresque_et_archeologique_en_russie_1839/27-1-0-356
Литографии Дюрана в данной статье воспроизводятся в соответствии с правилами этого сайта.

[13] Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы... С. 107–108.

[14] Там же. С. 109.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ (1914–1918)

И.Г. Горностаева

Общие работы

Белов С.Б. Возвращенный патриотизм: страницы истории // XII Чтения памяти профессора С.И. Архангельского. – Н. Новгород, 2001. Вып. 2. С. 21–24.

Белов С.Б. Забытая война: Первая мировая и Нижегородский регион: материалы по краеведению. – Н. Новгород: Нижегор. гуманитарный центр, 2000. – 95 с.

Белов С.Б. Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.). Взгляд из Нижнего. – Н. Новгород: [б. и.], 2008. – 180 с.

Белов С.Б. Патриотизм 1914 года (к вопросу о природе феномена русского (российского) патриотизма). Нижегородский ракурс: науч. эссе: [90-летию окончания Первой мировой войны (1918–2008) посвящ.]. – Н. Новгород: [б. и.], 2008. 107 с. – (Материалы по региональной социологии) (Цикл «Забытая война»; вып. 2).

Богородицкая Н.А., Выборнов А.Ю. Влияние Первой мировой войны на международные торговые связи Нижегородской ярмарки // Проблемы политической и социально-экономической истории России: сб. науч. работ. – Н. Новгород; Арзамас, 2004. С. 201–210.

Голнощекова Е.А. Проблема проведения мобилизации русской армии в 1914 году (по материалам ЦАНО и ГАНО, г. Арзамас) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. – Арзамас, 2005. Вып. 8. С. 115–120.

Голубин Р.В. Процесс мобилизации общественных сил Нижегородской губернии для нужд фронта в 1914 – начале 1915 г. // Вестник ННГУ. Сер.: Международные отношения. Политология. Регионоведение. Н. Новгород, 2004. Вып. 1 (2). С. 314–322.

Зотов С.А. Война и хлеб: земство в годы Первой мировой войны (на примере Арзамасского уездного земства) // Вопросы истории и права: межвуз. сб. науч. тр. – Арзамас, 2002. С. 130–143.

История города Горького: краткий очерк. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1971. – 576 с. – Из содерж.: Нижний Новгород в условиях Первой мировой войны. Победа Февральской буржуазно-демократической революции в городе. – С. 240–264.

Лушин А.Н. Из истории Нижегородского военного духовенства: «Воспламененные усердием послужить Родине» // Нижегородская старина. 2001. № 3. С. 10–11.

О подъеме патриотизма в Нижегор. губернии в годы Первой мировой войны, о службе нижегородских священников в действующей армии в годы Первой мировой войны.

Лушин А.Н. Нижегородское духовенство в войнах за Веру и Отечество XVII–XX вв. // Нижегородская старина. 2005. Вып. 10. С. 42–48.

Николаев Д.А. Нижегородское земство и проблемы использования труда военнопленных в годы Первой мировой войны // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: сб. – Н. Новгород, 2000. С. 141–143.

Николаев Д.А. Отдать все силы на служение Родине (Нижегородское земство и вопросы помощи русской армии в годы Первой мировой войны) / Дмитрий Андреевич Николаев // Вопросы истории и права: межвуз. сб. науч. тр. – Арзамас, 2002. С. 124–129.

Ирина Геннадьевна Горностаева – заведующая отделом краеведческой литературы НГОУНБ им. В.И. Ленина.

Перчиков Ю.А. Губернский земский комитет по снабжению армии в годы Первой мировой войны // Город славы и верности России: материалы историко-краевед. конф., посвящ. 775-летию Нижнего Новгорода. — Н. Новгород, 1996. С. 90—93.

Перчиков Ю.А. Нижегородский губернский земский комитет по снабжению русской армии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории России: межвуз. сб. науч. тр. — Н. Новгород, 1996. С. 153—159.

Полянская Т.Ю., Рыбьев В.Б. Подготовка инженерных кадров в Нижнем Новгороде в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. — Н. Новгород, 2011. С. 392—394.

Рабочие Центрально-промышленного района России в условиях империалистической войны и Февральской революции: межвуз. сб. / Горьков. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; [Редкол.: А.В. Седов (отв. ред.) и др.]. — Горький: Изд-во ГГУ, 1990. — 85 с.

Россия в период первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): библиогр. указ. сов. литературы, изданной в 1953—1968 гг. / Сост. Р.Е. Рутман; под ред. Ю.И. Кирьянова. — Л.: [БАН СССР], 1975. — 614 с.

Рыбьев В.Б., Полянская Т.Ю. Бывший Варшавский, ныне Нижегородский политехнический институт: докум. повествование. 1989—1934 годы. Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2007. — 257 с.

В книге приводятся сведения об эвакуации Варшавского политехнического института в 1916 году в Нижний Новгород.

Савруцкая Е.П., Тихонов В.Г. Захоронения немецких и австрийских военнопленных I и II мировых войн на территории Нижегородского края // Общее и особенное в региональной культуре Нижегородского края. — Н. Новгород, 1997. [Ч. 1]. С. 145—148.

Садретдинов Э.Ш. Беженцы в Арзамасе в годы Первой мировой войны // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: материалы науч.-практ. конф. «80 лет архивной службе в городе Арзамасе» и «Вопросы архивоведения и источниковедения»: сб. докладов. — Арзамас, 2005. С. 58—60.

Сапон В.П. «Летопись бодрого стояния на страже Родины»: Нижегородский учительский институт накануне и в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 63—65.

Сапон В.П. Меньшевики и бундовцы в Нижнем Новгороде в годы Первой мировой войны (1914—1916 гг.) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сб. материалов. — Арзамас, 2012. Вып. 9. С. 145—158.

Седов А.В. В годы Первой мировой войны // Нижегородский край: факты, события, люди. — Н. Новгород, 1997. С. 341—345.

Седов А.В. Нижегородская губерния в условиях Первой мировой войны // Седов А.В. Глядя с Откоса: рассказы о родном крае. — Н. Новгород, 2009. С. 298—301.

Слепенкова Е.А. Изменения отношения к Первой мировой войне учащихся и преподавателей Нижегородского учительского института // Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII—XX веков: сб. — Н. Новгород, 2000. С. 246—250.

Смолякова И.Н. Из истории организаций нижегородской буржуазии в годы первой мировой войны // Ученые записки Горьков. ун-та. — 1973. Вып. 156 [а]. С. 12—23.

Субботина И.А. Продовольственное снабжение армии местными органами власти Временного правительства Нижегородской губернии // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. — Арзамас, 2005. Вып. 4. С. 88—93.

Толстова Н.Н. Беженцы в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны. Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. — Н. Новгород, 1998. С. 231—235.

Тюлюкова Е.А. К вопросу о проблеме военной мобилизации русской армии в 1914 г. (по материалам ЦАНО и ГКУ ГАНО, г. Арзамас) // Карповские чтения: сб. ст. — Арзамас, 2012. Вып. 4. С. 311—316.

Тюрина А.И., Федоров В.Д., Чемоданов Л.А. История Горьковской области: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. — 191 с. — Из содерж.: Край в условиях Первой мировой войны. Победа Февральской буржуазно-демократической революции в Н. Новгороде и губернии. — С. 99—103.

Шульпин П.И. Крестьянство Центрально-промышленного района России в годы Первой мировой войны // Ученые записки Горьков. пед. ин-та иностранных языков. — 1970. Вып. 37. С. 38—73.

Шульпин П.И. Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками (1900—1917). — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968. — 227 с. — Из содерж.: Хозяйство нижегородских крестьян к началу войны 1914 года. — С. 111—121; Нижегородская деревня в годы Первой мировой войны (1914—1917). — С. 122—139.

Шустова Ю.В. Монастырская деятельность в годы Первой мировой войны (на примере Оранского Богородицкого монастыря Нижегородской епархии) // Саровский летописец: материалы VIII ист. конф., посвящ. 55-летию со дня образования г. Сарова. — Саров, 2009. С. 296—299.

Промышленность Нижегородского края в годы Первой мировой войны

Егоров Е.А. Изменения в численности и составе рабочих Нижневыксунского завода в годы Первой мировой войны // Труды Горьковского института инженеров водного транспорта. — Горький, 1972. Вып. 127, сб. 4. С. 20—28.

Ледров С.М. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии и торговля кожевенными товарами [в Первой мировой войне] // Научные труды Нижегородского филиала Института бизнеса и политики. — Н. Новгород, 2008. Вып. 1. С. 27—46.

Лиленкова А.П. Павловские кустари накануне и в годы Первой мировой войны // Рабочие Центрально-промышленного района России в условиях империалистической войны и Февральской революции. — Горький, 1990. С. 25—29.

Перчиков Ю.А. Нижегородские промышленники в 1914—1917 годах // 100 лет XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Н. Новгород, 1997. С. 32—34.

Подрепный Е.И. Сормовский завод в годы мира, войн и революций (1849—1921 гг.): учеб. пособие. — Н. Новго-

род: Изд-во ННГУ, 2010. – 60 с. – Из содерж.: В огне войн и революций [в т.ч. о Первой мировой войне]. – С. 40–61.

Полянская Т.Ю. Роль нижегородского общественного самоуправления в создании регионального военно-промышленного комплекса в 1915–1916 гг. // Российский студент – гражданин, личность, исследователь: материалы регион. студенческой науч.-практ. конф. – Н. Новгород, 2009. С. 95–96.

Рыбьев В.Б., Полянская Т.Ю. Нижегородская оборонная промышленность в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – Н. Новгород, 2011. С. 389–391.

Сидоров А. Эвакуация русской промышленности во время Первой мировой войны // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 3–25.

Упоминается об эвакуации ряда промышленных предприятий в Н. Новгород.

Щенникова Е.Н. Сельскохозяйственные рабочие Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны // Рабочие Центрально-промышленного района России в условиях империалистической войны и Февральской революции. – Горький, 1990. С. 66–75.

Нижегородский биржевой военно-промышленный комитет

Голубин Р.В. Деятельность региональных военно-промышленных комитетов России в годы Первой мировой войны // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: История, политология, международные отношения. – Н. Новгород, 2003. Вып. 1. С. 37–47.

Голубин Р.В. Новые источники по истории военно-промышленных комитетов Нижегородской губернии // Отечественная история XIX–XX веков: историография, новые источники: материалы регион. межвузов. науч.-практ. конф. – Н. Новгород, 2003. С. 217–220.

Голубин Р.В. Павловский военно-промышленный комитет (создание и структура) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. трудов: ежегодник. – Н. Новгород, 2001. С. 111–114.

Доклад технического бюро Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета о ходе и положении дела по исполнению заказов на предметы снаряжения армии. Представлен Заводскому совещанию Нижегородского района 24 ноября 1915 г. – Н. Новгород: электр. тип. «Молния», 1915. – 35 с.

Доклад технического отдела Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета о положении дела по исполнению заказов на предмет снаряжения армии. – Н. Новгород: электр. тип. «Молния», 1916. – 82 с.

Доклад технического отдела Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета о положении дела по исполнению заказов на предметы снаряжения армии. На 1-е июня 1916 г. – Н. Новгород: электр. тип. «Молния», 1916. – 59 с.

Доклад технического отдела Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета о положении дела по исполнению заказов на предметы снаряжения армии. На 1-е октября 1916 г. – Н. Новгород: электр. тип. «Молния», 1916. – 19 с.

Доклад химико-фармацевтической лаборатории Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета «К вопросу о материале для заливки шрапнелей». (Продолжение доклада, представленного Заводскому совещанию Нижегородского района 24 ноября 1915 г.). – Н. Новгород: электр. тип. «Молния», б. г. – 15 с.

Общий обзор деятельности Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета с открытия до начала октября 1916 г. и Доклад технического отдела Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета о положении дела по исполнению заказов на предметы снаряжения армии на 1 февраля 1917 г. – Н. Новгород: электр. тип. «Молния», 1917. – 14 с., 10 л. черт.

Отчет Нижегородского биржевого комитета по снабжению армии вещевым довольствием по поручению Главного интендантского управления за время с 1 февраля 1915 г. по 31 декабря 1916 г. – Н. Новгород: тип. Сироткина, 1916–1917.

Нижегородцы – участники Первой мировой войны

Гражданинов И.Р. Солдат Первой мировой: судьба Семена Вехина // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: сб. – Н. Новгород, 2000. С. 229–233.

Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам. № 1–100. – СПб.: Воен. тип. имп. Екатерины Великой, б. г. – 1600 с.

Молоков А.В. Нижегородцы – георгиевские кавалеры Первой мировой войны: Памяти героев Первой мировой войны посвящается // Нижегородская старина. 2010. Вып. 25–26. С. 69–77.

Приводится именной список и краткие сведения о нижегородцах, ставших георгиевскими кавалерами в годы Первой мировой войны.

Молоков А.В. Томящиеся в неволе: К 100-летию начала Первой мировой войны. 1 августа 2013 года впервые в России официально вспомнят российских воинов Первой мировой войны // Нижегородская старина. 2013. Вып. 35–36. С. 59–70.

Приводится мартиролог.

Никольский Б. Офицеры-нижегородцы – участники Первой мировой войны // Нижегородская старина. 2003. Вып. 6. С. 39–48; 2004. Вып. 8. С. 41–48.

Никольский Б.В. Жизнь и смерть Николая Кулибина // Нижегородская старина. 2009. Вып. 21–22. С. 84–95.

О Н.В. Кулибине, И.А. Черкасове, а также о других морских офицерах-нижегородцах, участниках Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Никольский Б.В. «Шайтан-капитан» из Нижегородской губернии: исторический очерк о боевой деятельности героя Первой мировой войны контр-адмирала князя Трубецкого Владимира Владимировича // Нижегородская старина. 2004. Вып. 9. С. 36–45.

Пирогова Е.П. Князь Александр Алексеевич Турчанинов: нижегородский представитель именитого рода // Нижегородская старина. 2011. Вып. 29–30. С. 46–61.

О нижегородских представителях рода Турчаниновых, к которому принадлежит и П.Н. Черкасов (1882–1915), капитан канонерской лодки «Сивуч», герой Первой мировой войны.

Черкасова О.И. «Варяг» Балтийского моря // Славное Рождество. – Н. Новгород, 2011. С. 105–113. – (Ученые записки Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Волго-Вятского отделения. Вып. 28).

О Петре Ниловиче Черкасове (1882–1915), герое Первой мировой войны.

Черкасова О.И. Морская династия Черкасовых // Дворянский альманах. 2010. Вып. 6. С. 133–138.

Шкуркин М.П. Балтика, год 1915... // Славянский мир. – Н. Новгород, 2012. С. 103–105. – (Ученые записки Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Волго-Вятского отделения. Вып. 27).

Шкуркин М.П. «Память – категория нравственная» // Nota Bene. 2009. № 2. С. 58–59.

О подвиге героя Первой мировой войны, капитана первого ранга П.Н. Черкасова, в честь которого была открыта мемориальная доска на здании бывшего Александровского института.

Шкуркин М.П. Петр Черкасов // С крестом и звездой. Нижегородские страницы. – Н. Новгород, 2008. С. 76–77.

Петр Николаевич Нестеров (1887–1914)

Бобров Н. Авиатор Нестеров (1887–1914). – М.: Воениздат, 1940. – 95 с. – (Библиотека красноармейца).

Бобров Н.С. Сокол: повесть о русском летчике П.Н. Нестерове; предисл. А.С. Кравченко. – М.: Детгиз, 1954. – 432 с.

Бурче Е.Ф. Петр Николаевич Нестеров. 1887–1914. – М.: Молодая гвардия, 1955. – 248 с. – (Жизнь замечательных людей).

Вейгелин К.Е. Путь летчика Нестерова. – М.–Л: Гос. изд-во оборонной промышленности, 1939. – 132 с.

Владимиров В. Жизнь, отданная авиации: к 100-летию со дня рождения П.Н. Нестерова // Авиация и космонавтика. 1987. № 2. С. 12–13.

Войнова Л. Основоположник высшего пилотажа: Нестеров Петр Николаевич // Очерки истории нижегородской науки и техники (1896–1960 гг.): сб. науч. очерков учащихся. – Н. Новгород, 2008. С. 168–171.

Галай Ю.Г. Нижегородское общество воздухоплавания // Нижегородская старина. 2005. Вып. 10. С. 32–35.

Голышев М., Трунов К. Последний подвиг Петра Нестерова // Крылья Родины. – М., 1983. С. 32–34.

Карпенко В.Ф. Петр Нестеров, 1887–1914. – Н. Новгород: БИКАР, 2007. – 47 с.

Карпенко В.Ф. Петр Нестеров, 1887–1914. – Н. Новгород: Университетская книга, 2004. – 49 с.

Лавренец В.И. Мгновения подвига // Лавренец В.И. Летчики России. – М., 1992. С. 98–108.

Лашков А.Ю.. Носовский Г.П. Воздушные тараны 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 12–14. – (Первая мировая война).

Митюрин Д. Орел с пропеллером в лапах: асы «Второй Отечественной» // Родина. 2004. № 8. С. 26–30.

В том числе о подвиге П.Н. Нестерова.

Селезнев Ф.А. Петр Нестеров: прорыв в небо // Славное прошлое Нижегородской земли: книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края. – Н. Новгород, 2013. С. 232–239.

Федоров В. Он первый. Жизненный путь капитана П.Н. Нестерова. – Горький: Горьков. изд-во, 1948. – 76 с.

Шамшурин В.А. Петр Нестеров: 1887–1914 // Нижегородский край. Именитые земляки и гости. – Н. Новгород, 2005. С. 84–85.

Оказание медицинской помощи раненым воинам. Благотворительность и попечительство в годы Первой мировой войны в Нижегородской губернии

Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. – Н. Новгород: изд. губ. земск. управы, 1914. – 13 с.

Годовой отчет Нижегородского местного отдела Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям [за 1915 г.]. – Н. Новгород: тип. газ. «Волгарь», 1916. – 7 с.

Денежный отчет Нижегородского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам и их семействам по приходу и расходу сумм, пожертвованных на нужды войны на 1 января 1916 г. – Н. Новгород: тип. Д.В. Сироткина, 1916. – 74 с.

Иоаким епископ. Архипастырский призыв монастырей Нижегородской епархии об отзывчивости и помощи на нужды войны. – Н. Новгород: тип. Нижегор. губернского правления, 1914. – 4 с.

Костерев В.Н., Долинина Н.В. Нижегородское отделение Татьянинского комитета в годы Первой мировой войны // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли: XVII Чтения памяти С.И. Архангельского. – Н. Новгород, 2011. С. 226–229.

Краткий баланс сумм по оборудованию и содержанию лазаретов за время от начала операций по 1-е января 1916 г. и Положительная записка к нему / Нижегородский комитет Всероссийского союза городов. – Н. Новгород: тип. Ф.И. Серкина, 1916. – 13 с.

Мурзинский С. Деятельность духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время 1914–1916 гг. (По мотивам очерка, написанного в 1916 году) // Нижегородская старина. 2002. № 5–6. С. 34–39.

Открытие учительского лазарета в Нижнем Новгороде. – Н. Новгород: тип. Г.И. Искольдского, 1914. – 5 с.

Отчет Нижегородского уездного комитета Всероссийского земского Союза помощи больным и раненым и семьям призванных на войну. За первый год существования. – Н. Новгород: типолит. «Нижегор. печатное дело», 1916. – Смеш. пагин.

Очерк деятельности Нижегородского отделения комитета Ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Со дня основания по 1-е января 1916 г. – Н. Новгород: тип. К.М. Филипповой, 1916. – 97 с.

Очерк о лазарете Красного Креста при Нижегородском Аракчеевском кадетском корпусе и Отчет с 8-го сентября 1914 г. по 1-е января 1916 года. – Н. Новгород: тип. И. Серкина, 1916. – 18 с.

О МУЗЕЯХ В НЕМУЗЕЙНЫХ ИЗДАНИЯХ

Продолжение. Начало на с. 246

(Обсерватория культуры. 2013. № 6. С. 4–19) сопоставляется развитие музеологии и культурологии за последние 20 лет в образовательном пространстве России, их общее и различие. Авторы, утверждая, что российские музеологи уступают культурологам по ряду позиций, предлагают направления преодоления ситуации.

В статье Е.И. Гридиной «Эффективность брендинга музея» (Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. № 3. С. 54–62) прежде всего определяется важность формирования системы опознания того или иного музея, с чем будет ассоциироваться у потребителя услуг бренд такого музея. В статье представлены способы и методы музейного брендинга, в том числе – оценки бренда музея.

В рубрике «Потенциал развития музеев» журнала «Справочник руководителя учреждения культуры» (2013. № 10. С. 49–51) опубликована статья Г.А. Зайцевой, Н.Н. Фризина, М.В. Скороходова «Маркетинг в музейном деле. Расширение спектра музейных услуг». Это информация о проекте «Расширение спектра музейного предложения. Ценовая политика музея: определение стоимости основных и дополнительных сервисов в рамках федеральной целевой программы “Культура России. 2012–2018 годы”».

Журнал «Октябрь» (2013. № 10. С. 161–169) публикует беседу с Е.А. Богатыревым, директором Музея А.С. Пушкина, членом Международного совета музеев и президиума Союза музеев России, об истории создания возглавляемого им музея, его наполнении, приобретении наиболее ценных экспонатов. Высказывает он и отношение к своему виртуальному музею на сайте. «Мы придерживаемся мнения, что виртуализация музеев – это прежде всего приманка для потенциального посетителя, хотя и просветительская приманка. Компьютерная картинка вызывает не те чувства, которые рождает энергетика предмета».

В сборнике «Нижегородские исследования по краеведению и археологии» (Н. Новгород, 2013. Вып. 13. С. 260–267) опубликована статья аспиранта ННГУ им. Н.И. Лобачевского М.Н. Тихонова «Дореволюционные музеи Нижнего Новгорода: исследования и исследователи», представляющая обзор публикаций о прошлом наших музеев, их создании и становлении до революции. Среди авторов книг и статей, посвященных музейному прошлому, прежде всего их научные сотрудники, такие как М.П. Званцев, П.П. Балакин, Н.И. Шарун, И.А. Кирьянов, Л.Н. Варэс. В последнее время историей местного музейного дела стали интересоваться ученые и профессиональные краеведы. Особенно отмечается роль профессора Ю.Г. Галая, опубликовавшего десятки разноплановых статей о нижегородских музеях и людях, оказавших влияние на их развитие.

МАСТЕРА ПРЕИСКУСНЫЕ

ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА КАТАМАШВИЛИ

В.В. Катамашвили

«ПОЧУВСТВУЙТЕ РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА!»

В моей жизни всегда есть место для творчества, и проявляться оно может по-разному.

В 1988 году я окончила с отличием факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК) Горьковского университета. Мне и моим сокурсникам повезло — основные дисциплины нам читали известные ученые, не только любившие свой предмет, но и сумевшие донести до нас, что математика — это логика, красота и... творчество.

Брошь «Русский листочек». 2009 год

Когда подросла дочь, творчество приняло вполне конкретные формы. Я водила ее по кружкам, но нашли мы себя в бисероплетении. С самого начала мне было интересно придумывать что-то свое, не повторяя готовые схемы. Возможно, именно это почувствовала известный нижегородский модельер Татьяна Иордан, когда я показала ей свои работы. Сотрудничество было интересным и плодотворным. Мои украшения из бисера — колье, пояса, жилеты, шапочки — дополняли коллекции Татьяны на двух «Золотых подиумах» (2003, 2004). Это придало уверенности в своих силах, и я стала участвовать в выставках и конкурсах — областных, региональных.

В 2008 году я представила свои работы на Международной выставке в Москве «СЭБ-2008». Работы заметили, мне предложили сотрудничество два издания: популярная в мире бисера интернет-газета «MyLovelyBeards» (США) и журнал «Модное рукоделие» (Киев).

Уже в это время я вела свой сайт, где публиковала авторские мастер-классы для начинающих осваивать бисероплетение. Эту тему я продолжила в интернет-газете, в течение двух лет каждый месяц публикуя в номере свой мастер-класс в рубрике «Шаг за шагом». Многие мастер-классы теперь «бродят» по Интернету. Приходят письма с благодарностью за мастер-класс, который помог разобраться с трудным моментом. Самым популярным из них стал «Русский листочек». Радостно своим творчеством вдохновлять других.

Мои работы и мастер-классы опубликованы в журналах «Модное рукоделие» (Киев), «Ручная работа» и «Деко» (Москва). В журнале «Рукоделие: модно и просто» вела свою «Школу бисероплетения “Мастерская Радуги”» в течение 4,5 года (более 50 мастер-классов).

Все эти годы я принимала участие в выставках и конкурсах.

На Международной выставке «Бисерфест-2009» (Москва) я представила коллекцию аксессуаров. На Международном конкурсе «Мода и цвет» (США) моя работа «Надежда. Следы на песке» стала победителем в номинации «Лучшее использование материалов» (2010), «Вера. Цветок в пустыне» — финалистом конкурса (2012). Благодаря участию в конкурсах появлялись новые коллекции.

На с. 261:
Серия «Столица народных промыслов»:
брошь «Золотая птица хохломы»;
колье «Резной ажур Варнавина». 2013 год

Серия «Комедии Шекспира»

Укрощение строптивой. 2008 год

Много шума из ничего. 2011 год

Сон в летнюю ночь. 2008 год

В некоторых своих работах я использую «буквы», сплетенные из бисера, — мой авторский дизайн известной техники «квадратный столбик». Именно они и... доля юмора помогли мне стать призером (3-е место) Международного конкурса, проведенного журналом «Perlen Poesie» (ФРГ) и фирмой «BB» в 2012 году. Тема конкурса была «Поп-арт», и буковки, похожие на пластмассовый детский алфавит, смотрелись необычно и актуально. А в композиции работы была обыграна симметричность в названиях организаторов конкурса.

Темы для творчества приходят неожиданно. Увлечение темой нижегородских народных художественных промыслов способствовало появлению коллекции «Столица народных промыслов».

Призыв «Почувствуйте радость творчества!» адресован и моим ученикам, осваивающим азы бисероплетения по мастер-классам, и зрителям на выставках, и посетителям сайта «Мастерская радуги» (авторский проект о нижегородских мастерах), потому что раскрываясь и реализуясь в творчестве, человек становится счастливее!

Виктория Катамашвили

Гарнитур «Надежда. Следы на песке».
2010 год

Серия «Буквы». Гарнитур «Perlen Poesie».
2012 год

Колье «Вера. Цветок в пустыне».
2011 год

Колье «Золотая птица хохломы». 2012 год

Серия «Столица народных промыслов»

Гайтан «Красная птица Шахуньи». 2012 год

Колье «Серебряная птица Казакова». 2012 год

Фото В.В. Катамашвили